

ТОМ 15 • НОМЕР 2 • 2022

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 15 • NUMBER 2 • 2022

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-2

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграция А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>

© Контуры глобальных трансформаций, 2022

Периодичность: 6 раз в год

Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-2

Содержание

Ресурсная база мирового развития

МАКЕЕВ Ю.А., САЛИЦКИЙ А.И., СЕМЕНОВА Н.К., ЧЖАО СИНЬ

Энергетический переход в Китае: перспективы и препятствия 9–32

РЕЗНИКОВА О.Б., СИНИЦЫН М.В., ГАХОКИДЗЕ И.З.

Долговременные сценарии развития мировой электроэнергетики:
основные тенденции и неопределенности 33–48

РОГОЖИНА Н.Г. Роль Китая и Индии в глобальных действиях

по предотвращению изменения климата 49–65

Особенности современного экономического развития

МИРКИН Я.М. Восточный путь глобальных финансов 66–92

АКОПЯН А.Г. Вопросы защиты конкуренции в банковской системе

Республики Армения 93–114

Политические процессы в меняющемся мире

БАТЮК В.И. Военно-политическая стратегия

администрации Дж. Байдена 115–132

ТРУНОВ Ф.О. К вопросу о развёртывании военного присутствия ФРГ

на Тихом океане 133–153

ВЛАСОВ Г.Д. Индийский рынок вооружений: история и перспективы 154–172

Сфера науки и высшего образования

АВАТКОВ В.А. Аналитические центры и научная политика Турции 173–190

СБИТНЕВА А.И. Через тернии к звездам: национальная

Космическая программа Турции 191–208

Панорама Африки и Ближнего Востока

ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ В.Д. Поворот на Ближний Восток:

фактор «исламского пробуждения» 209–221

БИБИКОВА О.П., ЖИЛИНА И.Ю. Разорение культурного наследия

Ирака и Сирии как средство лишения народов

национальной идентичности 222–239

ХАЙРУЛЛИН Т.Р., КОРОТАЕВ А.В. Борьба между катарско-турецким

и саудовско-эмиратским блоком за влияние в Афганистане 240–252

Азия: вызовы и перспективы

ДУДИН П.Н. Кодификация гражданского права в Китае:

контуры регионального правопорядка 253–281

ВИНОГРАДОВ И.С. Океания во внешней политике Китая 282–296

DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-2

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Turkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-2

Contents

The Resource Base of World Development

MAKEEV YU.A., SALITSKII A.I., SEMENOVA N.K., ZHAO XIN.

Energy Transformation in China: Perspectives and Obstacles 9–32

REZNIKOVA O.B., SINITSYN M.V., GAKHOKIDZE I.Z. Long-term Scenarios

of Global Power Industry Development: Main Tendencies and Uncertainties 33–48

ROGOZHINA N.G. The Role of China and India in Global Action

to Prevent Climate Change 49–65

Specifics of Modern Economic Development

MIRKIN YA.M. The Eastern Path of Global Finance 66–92

HAKOBYAN A.G. Competition Protection Issues of the Banking System

in the Republic of Armenia 93–114

Political Processes in the Changing World

BATYUK V.I. Military-political Strategy of J. Biden's Administration 115–132

TRUNOV PH.O. On Deploying German Military Presence in the Pacific 133–153

VLASOV G.D. Arms Market of India: History and Prospects 154–172

Science and Higher Education

AVATKOV V.A. Analytical Centers and Scientific Policy of Turkey 173–190

SBITNEVA A.I. Through Hardship to the Stars:

Turkey's National Space Program 191–208

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

OSTANIN-GOLOVNYA V.D. Pivot to the Middle East:

the Factor of the «Islamic Awakening» 209–221

BIBIKOVA O.P., ZHILINA I.YU. Ruining Syria and Iraq

as a Way to Undermine Identity 222–239

KHAYRULLIN T.R., KOROTAYEV A.V. The Struggle between

the Qatari-Turkish and Saudi-Emirati Bloc for the Influence in Afghanistan 240–252

Asia: Challenges and Perspectives

DUDIN P.N. Codification of Civil Law in China: Contours

of the Regional Legal Order 253–281

VINOGRADOV I.S. Oceania in the Foreign Policy of China 282–296

Александр Игоревич Салицкий: In Memoriam

Редколлегия журнала «Контурь глобальных трансформаций» с прискорбием сообщает, что 9 апреля 2022 г. на 67-м году жизни скончался постоянный автор и один из самых активных рецензентов нашего издания доктор экономических наук Александр Игоревич Салицкий.

Ушел из жизни Александр Игоревич Салицкий... Экономист-китаевед, Гражданин своей страны в непосредственном и высшем значении этого слова. Наконец, просто светлый, лучезарный человек. Для журнала это колоссальная потеря. Своими яркими, искрометными и остроумными рецензиями и предложениями-решениями Саша вдохновлял в наше непростое время уже состоявшихся мастеров научного жанра и одновременно вразумлял и наставлял на путь истинный молодых коллег, представляющих академический труд как своеобразную «кавалерийскую атаку» на чины, титулы и звания.

Я знаю Сашу очень давно – с наших первых совместных «усилий» (как говорил видный индолог Эрик Наумович Комаров) на научном поприще в Институте востоковедения АН СССР. Его неизменно добрый и слегка ироничный нрав естественно и привольно чувствовал себя в востоковедном «муравейнике», всегда пульсировав-

шем неукротимой энергией и кипучей деятельностью. Отчетливо помню, как Саша заражал меня спокойствием и оптимизмом во время острейшего конфликта с индологическим начальством, как с едва уловимой иронией посмеивался над моими футбольными пристрастиями, как хихикал и приговаривал «ну ты хватил, Геннадич!» во время наших дружеских споров о многотрудных отношениях «Слона» и «Дракона». Всё это вспоминается с ностальгической теплотой.

Саша считал себя учеником Глерия Кузьмича Широкова. На мой взгляд, он был одним из лучших учеников этого выдающегося востоковеда. Порой казалось, что Глерий Кузьмич и Саша сливались в единое личностное целое: та же спокойная, обстоятельная манера речи; те же очки, постоянно соскальзывающие с переносицы; та же доброжелательная интонация, примиряющая даже бескомпромиссного оппонента; наконец, тот же озорной, ироничный взгляд исподлобья. Глерий Кузьмич

часто говорил: «Пойди и посоветуйся с Салицким!» Ума не приложу, почему Г.К. столь упорно ставил ударение на первый слог... И сам Саша, когда пришло его время, стал педагогом, божьей милостью наделенным талантом учителя-просветителя. Видимо, поэтому его порой чуть-чуть дидактичный, назидательный тон в разговорах с коллегами не всегда воспринимался правильно, т.е. с необходимым тут чувством юмора.

Саша любил говорить: «Экономика – это наука об обществе и законах его развития, а статистика имеет вспомогательное значение. С помощью статистических рядов можно объяснить всё что угодно, только не содержание экономических процессов». Эта максима была, с одной стороны, его внутренним убеждением, а с другой – неслла в себе назидание и предупреждение молодым экономистам, жаждущим быстрого успеха. Он, легко оперировавший числами и знавший в них толк, никогда не сводил к ним суть экономических процессов, умел проникать в их глубину и понимать их истинное значение.

Одним из первых среди экономистов Саша понял бессмысленность «либеральных реформ», их тупиковый характер. Бесперспективность этих «трансформаций» Саша объяснял просто и емко: к власти пришли люди, имеющие смутные представления как о характере нашего общества (да и общества вообще – и западного, и восточного), так и о целеполагании экономических реформ. Когда я попытался объяснить провальный характер этих «преобразований» отсутствием у либеральных экономистов общей, стереоскопической концепции реформ (т.е. осмысленных действий, диктуемых ясным представлением об обществе, которое должно быть создано), Саша как-то сказал: «Да брось ты! Это закорене-

лые троечники, и такие тонкости им неведомы. Учились кое-как, больше занимались общественной работой. Выучились только руководить. Вспомни «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина. С тех пор мало что изменилось».

Саша постоянно сопрягал наш опыт реформ с китайскими преобразованиями, подчеркивал систематический и поэтапный характер общественных трансформаций в Поднебесной. А в последние 13–15 лет он пристрастился к межстрановым сопоставлениям. В поле его зрения все чаще оказывалась Индия. Сравнение двух стран-гигантов оказывалось у него в пользу «Дракона», что нередко выводило меня из равновесия, особенно потому, что Саша, как правило, оперировал конкретными цифрами, умел трезво взглянуть на Индию и Китай. Результатом наших споров и сопоставлений оказался грант Российского научного фонда, душой которого был Саша и который мы, его друзья и коллеги, должны довести до логического завершения – в том числе и в знак памяти о нашем товарище.

С Сашей всегда было хорошо и спокойно. Никогда он не нервировал своих коллег ядовитой критикой и нервными реакциями. Однако мы, его друзья, всегда помнили о Сашином остром язычке (как Григорий Григорьевич Котовский говорил о своем учителе, Игоре Михайловиче Рейснере) и постоянно были начеку.

Мы несколько раз были вместе в научных командировках за рубежом. Некоторые обстоятельства не укрылись от моего внимания. Саша мгновенно и любознательно вживался в действительность посещаемой страны (Индии, Ирана, Греции и т.д.), цепко подмечал особенности жизни и быта «обозреваемых» народов, неизменно стремился найти аналогии наблюдаемым явле-

ниям в нашей российской действительности. Разумеется, то был профессионализм в его законченной, утонченной форме. Он никогда не спешил, и эта кажущаяся медлительность была обратной стороной внимательного наблюдения за «иноземной» жизнью. Впоследствии эти «путевые заметки» органически вплетались в тексты его статей и монографий. Как и его учитель, Глеорий Кузьмич Широков, Саша избегал категоричных суждений. Даже сложнейшие китайско-индийские отношения были для него своеобразным итогом британской колониальной политики в Южной Азии, тогда как довольно тесные индийско-американские отношения он не осуждал, но считал, что «крупнейшей демократии мира» следует быть осмотрительнее и не попадать в американскую ловушку.

Саша был самоотверженным и мужественным человеком, в нем гражданское чувство ответственности естественно соединялось с профессионализмом высшей, советской пробы. Он, без преувеличения, работал до последнего дня, участвовал в наших коллек-

тивных дискуссиях, передавал свой драгоценный востоковедный опыт молодым коллегам, заряжая их своей доброжелательностью и вниманием к первым шагам научной молодежи на нелегком, особенно сейчас, академическом поприще. Иногда, оценивая крупную, масштабную личность, о несовершенстве природы человека говорят, что «и на солнце есть пятна». Таким Сашиным «пятном» мне представляется его беззаветная, порой неумная любовь к Китаю, которая казалась равнозначной нежеланию видеть противоречия и проблемы в развитии этой самобытной цивилизации. Понимаю, что высказал спорную мысль. Сознаю, что в этой глубокой приязни по-своему, по-Сашину, проявился исключительный интерес к чрезвычайно сложному, «непознаваемому» (как говорят о Китае в Индии) объекту научного исследования и практического наблюдения.

И вот нет рядом с нами этого своеобразного, яркого, ни на кого не похожего человека. Трудно смириться с уходом коллеги и друга, и память невольно возвращается к строкам Высоцкого:

«Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло – для обоих.
Все теперь – одному. Только кажется мне,
Это я не вернулся из боя».

*Доктор исторических наук
Андрей Геннадиевич Володин*

Ресурсная база мирового развития

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.01

Энергетический переход в Китае: перспективы и препятствия

Юрий Анатольевич МАКЕЕВ

кандидат экономических наук, младший научный сотрудник
Отдела экономических исследований
Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12,
Москва, Российская Федерация
E-mail: vau4er@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-7117-1825

Александр Игоревич САЛИЦКИЙ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра проблем
развития и модернизации
Институт мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 117997, ГСП-7, ул. Профсоюзная, д. 23,
Москва, Российская Федерация
E-mail: sal.55@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6134-768X

Нелли Кимовна СЕМЁНОВА

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Отдела экономических исследований
Институт востоковедения РАН, 107031, ул. Рождественка, д. 12,
Москва, Российская Федерация
E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7872-8972

Чжао Синь

кандидат экономических наук, старший преподаватель Института русского языка
Пекинский университет иностранных языков, 100089, ул. Сисаньхуань бэй, 2,
Пекин, Китай
E-mail: xinxin88@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2813-7810

ЦИТИРОВАНИЕ: Макеев Ю.А., Салицкий А.И., Семенова Н.К., Чжао Синь (2022).
Энергетический переход в Китае: перспективы и препятствия // Контуры
глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 9–32.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.01

Статья поступила в редакцию 25.11.2021.
Исправленный текст представлен 16.01.2022.

АННОТАЦИЯ. Решение глобальных проблем изменения климата требует учета интересов всего человечества в целом, при этом национальные интересы отдельных стран должны уступать место общим целям. Устойчивое развитие лежит в основе экологической стратегии Китая, которая включает вопросы климата. Это означает, что промышленное развитие остается важной частью экологической политики; кроме того, правительство реализует гигантские проекты, меняющие природу, например массовую переброску воды из южных рек в северные регионы. Помимо этого, устойчивое развитие понимается в Китае как одно из средств сокращения бедности и имеет сложное социальное содержание.

Конверсия энергетики в Китае ускорилась в течение 12–13 пятилетних планов (2011–2020). Однако уголь остается основным источником энергии для крупнейших производственных мощностей в мире, составляя более 56 процентов от общего потребления.

Основные национальные цели теперь включают «создание прекрасного Китая», и в статье рассматриваются некоторые из текущих планов по ускорению преобразования энергетики, а также краткая история энергетического сектора Китая в текущем столетии.

Важная часть исследования посвящена анализу «зеленых» финансовых услуг, которые в современном Китае развиваются все более быстрыми темпами.

Несмотря на заманчивость, планы скорейшего реформирования и структурных изменений в энергетическом секторе наталкиваются на серьезные препятствия. К ним относятся вопросы эффективности и затрат, огромный размер энергетического сектора. Другой

набор препятствий проистекает из глубоких разногласий по климату и устойчивому развитию в целом между развитыми и развивающимися странами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, энергетический баланс, энергопереход, углеродная нейтральность, система «зеленого» финансирования.

Предотвращение серьезных климатических изменений вследствие антропогенного воздействия на природу – первая долгосрочная по-настоящему глобальная (затрагивающая все без исключения страны) проблема, с которой столкнулось мировое сообщество [Climate Change, 2021]. Решение глобальных проблем, по всей видимости, требует учета интересов всего человечества в целом, при этом национальные интересы отдельных стран должны уступать место общим целям.

Для ограничения потепления к 2100 г. на 1,5 °C выше доиндустриального базового уровня миру необходимо достичь углеродной нейтральности примерно к 2050 г. с практически нулевым использованием угля, огромным сокращением использования других ископаемых видов топлива и добиться более чем 70%-го производства электроэнергии с помощью ветра и солнца [Renewables Global Status Report, 2021]. Углеродная нейтральность означает глубокие реформы в энергетическом секторе. Назрела острая необходимость в сокращении размеров тепловой энергетики. Однако в настоящее время при выборе траектории движения к углеродной нейтральности преобладают подходы, основанные на максимальном учете интересов отдельных стран мира¹. В результате нахо-

1 Yao Zhe, Wu Yunong. Carbon neutrality in China: behind the corporate hype // China Dialogue. – 2021. – April 12. – URL: <https://chinadialogue.net/en/climate/carbon-neutrality-in-china-behind-the-corporate-hype/> (дата обращения: 16.10.2021).

ждение оптимального пути к решению проблемы оказывается невозможным.

Центральное место в системе распределения ресурсов для осуществления энергоперехода и достижения углеродной нейтральности как в КНР, так и в мире в целом должно принадлежать рынку торговли правами на выбросы парниковых газов. Развитый и оптимально настроенный на достижение китайской и мировой экономической углеродной нейтральности рынок квот на выбросы парниковых газов должен подавать ценовые сигналы и тем самым направлять экономических агентов по наиболее эффективному пути к целям климатической повестки. Отсутствие глобального рынка прав на выбросы парниковых газов препятствует эффективному распределению ресурсов в рамках мировой экономики на цели устойчивого развития, включающие и сокращение антропогенного воздействия на климат. Региональные (в том числе китайский, как и европейский) рынки квот на выбросы парниковых газов в отсутствии аналогичного мирового рынка будут способствовать эффективному распределению ресурсов лишь для достижения национальных либо региональных целей устойчивого развития.

Сценарии достижения Китаем углеродной нейтральности

Общее представление о том, каким образом Китай планирует осуществить энергопереход и достичь углеродной нейтральности, дает опубликованное в октябре 2020 г. исследование «Долгосрочные стратегии и траектории низкоуглеродного развития Китая» [Comprehensive report..., 2020]. Исследование проводилось Институ-

том изменения климата и устойчивого развития Университета Цинхуа совместно с десятками научных организаций и подразделениями различных министерств и ведомств.

Для осуществления декарбонизации Институтом изменения климата и устойчивого развития Университета Цинхуа (ICCSД) предварительно разработаны четыре перспективных сценария (см. рис. 1).

Сценарий 1. Сохранение текущей политики в области низкоуглеродного развития: потребление первичной энергии стабилизируется к 2050 г. и составит около 6,2 млрд т у. т., а выбросы CO_2 достигнут примерно 9 млрд тонн.

Сценарий 2. Ужесточение политики в области низкоуглеродного развития: общее потребление первичной энергии составит около 5,6 млрд т у. т. в 2050 г., а выбросы CO_2 – около 6,2 млрд тонн;

Сценарий 3. Сценарий 2°C: сокращение выбросов в соответствии с целевыми показателями, соответствующими повышению средней глобальной температуры на 2°C к 2100 г., выбросы CO_2 на душу населения не превышают 1,5 т. Потребление первичной энергии составит около 5,2 млрд т у. т. к 2050 г., выбросы CO_2 в энергетической отрасли – около 2,9 млрд тонн с учетом промышленных выбросов, а также выбросов сельского и лесного хозяйства.

Сценарий 4. Сценарий 1,5°C: предложение Китая о достижении углеродной нейтральности к 2050 г. с целью ограничить потепление на 1,5°C к концу столетия; потребление первичной энергии составит около 5 млрд т у. т. в 2050 г., выбросы CO_2 от потребления энергии составят около 1,4 млрд тонн [Comprehensive report..., 2020]; достижение нулевых чистых выбросов CO_2 к 2050 г. и значительное сокращение эмиссии других парниковых газов.

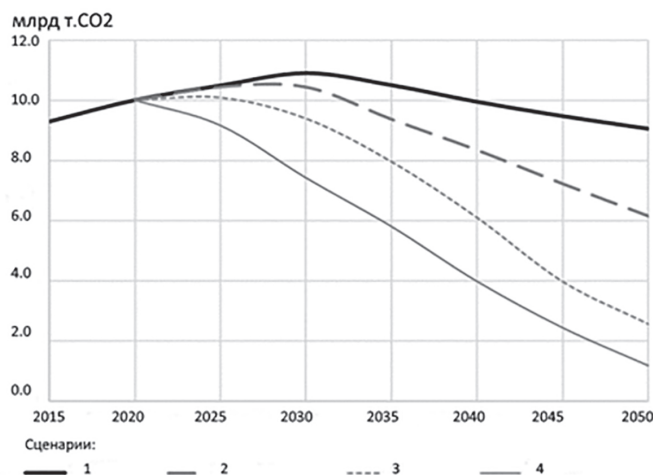

Рисунок 1. Сценарии выбросов углекислого газа в КНР до 2050 г.
Figure 1. Scenarios of carbon dioxide emissions in the PRC up to 2050

Источник: Институт изменения климата, Университет Цинхуа (КНР).

В ходе проведения исследования основной фокус был направлен на сценарий, предполагающий ужесточение текущей политики низкоуглеродного развития, и сценарий 2°C. В то же время, учитывая реалии развития китайской экономики и планы осуществления социалистической модернизации к 2035 г. (предполагающие, в частности, достижение уровня ВВП на душу населения в размере 20 тыс. долл. США), исследователи в основном придерживались сценария, совмещающего сценарий 1 и сценарий 2. В период до 2035 г. фокус исследования был смещен на сценариях 2 и 3. После предполагаемого достижения основных целей социалистической модернизации к 2035 г. наиболее вероятной траекторией движения Китая к углеродной нейтральности станет подход, предполагающий рост глобальной температуры на 2°C к концу столетия. В то же время, учитывая смещение мирового консенсуса к необходимости ограниче-

ния роста глобальной температуры на 1,5°C, значительное внимание в исследовании было уделено сценарию достижения углеродной нейтральности Китая к 2050 г.

Любой из сценариев предполагает достижение пика выброса парниковых газов к 2030 г., при этом объемы первичного потребления энергии стабилизируются в период 2030–2035 гг. Электрификация технологических процессов будет способствовать снижению потребления углеводородного сырья и увеличению доли ВИЭ в энергобалансе. В результате при стабилизации совокупного объема энергопотребления выработка электроэнергии увеличится в 1,75 раза по сравнению с 2019 г., достигнув 13,13 трлн кВт·ч (сценарий 2), совокупная установленная мощность электростанций в то же время возрастет в 2,83 раза – до 5 686 гВт. Прогнозируемый опережающий рост установленной мощности электростанций по сравнению с выработкой электроэнергии

Таблица 1. Прогнозные показатели электроэнергетической отрасли КНР в соответствии с различными сценариями в 2050 г.

Table 1. Forecast of the electricity industry of the PRC in accordance with various scenarios in 2050

	Сценарий сохранения текущей политики	Сценарий ужесточения текущей политики	Сценарий 2°C	Сценарий 1,5°C
Установленная мощность электростанций, млн кВт	3 619	4 289	5 686	6 284
в т.ч. Угольная генерация	773	583	123	32
Угольная генерация с улавливанием и захоронением CO ₂	0	0	68	149
Газовая генерация	200	200	200	200
Ядерная энергетика	280	327	327	327
Гидроэнергетика	410	412	414	416
Энергия ветра	1 063	1 387	2 312	2 740
Производство фотоэлектрической энергии	893	1 380	2 205	2 367
Прочее	0	2	38	53
Выработка электроэнергии, трлн кВт·ч	11,38	11,91	13,13	14,27
в т.ч. Угольная генерация	3,64	2,62	0,45	0,11
Угольная генерация с улавливанием и захоронением CO ₂	0	0	0,4	0,79
Газовая генерация	0,34	0,37	0,39	0,38
Ядерная энергетика	1,97	2,38	2,35	2,34
Гидроэнергетика	1,44	1,48	1,47	1,48
Энергия ветра	2,51	3,06	4,87	5,75
Производство фотоэлектрической энергии	1,48	1,98	2,96	3,11
Прочее	0	0,01	0,23	0,32

Источник: Институт изменения климата, Университет Цинхуа (КНР). – URL: <http://iccsd.tsinghua.edu.cn/reasearch/reasearch.html> (дата обращения: 16.01.2022).

объясняется сравнительно невысоким коэффициентом использования установленной мощности солнечных и ветряных электростанций (см. табл. 1).

При реализации любого из сценариев установленная мощность гидро-, ветро- и солнечной энергетики вырастет на 400 гВт к 2030 г., увеличившись до 4 931 гВт к 2050 г. (сценарий 2°C). При этом крупнейшими поставщиками электроэнергии станут станции, использующие энергию ветра: на их долю придется 37,1% всего прогнозируемого объема выработки электричества. Сценарий 2°C потребует увеличения доли установленной мощности электростанций, работающих без использования ископаемых видов топлива, до 93,1% в 2050 г. В то же время в совокупной выработке электроэнергетики доля электростанций, использующих углеводородное сырье, составит всего 9,4%. При этом тепловые электростанции будут использовать технологию захвата и последующего захоронения CO₂. Одновременно будет развиваться технология улавливания и хранения CO₂ с помощью карбоновых ферм, лесохозяйственной деятельности и управления земельными ресурсами. В результате мощности Китая по нейтрализации углеродных выбросов с помощью различных технологий карбонового фермерства достигнут 700 млн тонн CO₂ в год к 2050 г.

Структура топливно-энергетического баланса Китая в результате энергоперехода кардинально изменится при относительно небольшом увеличении совокупного энергопотребления. Сценарий 2°C основывается на увеличении совокупного первичного потребления энергии на 5,3% по сравнению с 2020 г. – до 5,2 млрд тонн условного топлива в 2050 г. При этом доля неископаемых видов топлива в топливно-энергетическом балансе составит 73,3%, угля – 9,0%, нефти – 7,7%, газа –

10%. В структуре конечного потребления энергии доля электричества благодаря электрификации (замене прямого потребления ископаемого топлива на электричество), составлявшая 21,3% в 2015 г., возрастет до 30% в 2030 г. и до 70% в 2050 г. Электрификация в промышленности, как ожидается, достигнет 58,2% (сценарий 2°C) к 2050 г.

В соответствии с приведенными в исследовании прогнозами энергопереход при любых сценариях вызовет снижение себестоимости электроэнергии к 2050 г. Однако в начальный период энергоперехода в соответствии со сценариями 1,5°C и 2°C себестоимость электроэнергии достигнет пика в 2033 и 2028 гг., увеличившись в 1,41 и 1,4 раза соответственно по сравнению с 2018 г. После достижения пиковых значений, как ожидается, начнется плавное снижение себестоимости электроэнергии до уровней ниже, существовавших до начала энергоперехода. Совокупные затраты на энергию в 2050 г. при различных сценариях составят от 10,7 до 13,5 трлн юаней по сравнению с 9,1 трлн юаней в 2020 г. Однако с учетом прогнозируемого многократного роста экономики Китая к 2050 г. соотношение затрат на энергию к показателю ВВП значительно снизится.

Реализация сценария 2°C обеспечит снижение чистого выброса парниковых газов Китаем до 3,94 млрд тонн эквивалента CO₂ (в 3,35 раза по сравнению с 2020 г.). При этом снижение выбросов в энергетической отрасли составит 3,44 раза – до 2,92 млрд тонн CO₂. Чистое поглощение (карбоновое фермерство и использование биотоплива с последующим улавливанием и захоронением углекислого газа), а также улавливание и захоронение CO₂ на электростанциях достигнет к 2050 г. 1,21 млрд тонн. Реализация сценария 1,5°C предполагает снижение чистой

эмиссии парниковых газов в 9,93 раза – до уровня 1,33 млрд тонн эквивалента CO_2 в 2050 г.

Среди негативных последствий энергоперехода следует отметить приводимую в исследовании оценку снижения прогнозируемых темпов роста ВВП. По сравнению со сценарием продолжения текущей политики в области низкоуглеродного развития сценарий 2°C приведет к уменьшению ВВП на 1,4% к 2050 г., сценарий $1,5^\circ\text{C}$ – на 4%. Следует также упомянуть прогнозируемое досрочное списание активов в угольной энергетике. В соответствии со сценарием $1,5^\circ\text{C}$ обесценение стоимости активов в угольной энергетике начнется с 2030 г., достигнет пика на уровне около 100 млрд юаней к концу 2030-х годов и продолжится до середины 2040-х годов.

Другие команды специалистов также предвидели углеродно-нейтральное будущее для Китая. В сценарии, разработанном специалистом по моделированию энергетики Цзян Кэчжуном из Института энергетических исследований Государственного комитета по развитию и реформе (NDRC) в Пекине, пик выбросов будет достигнут уже в 2022 г. – примерно на уровне 10 Гт CO_2 – с последующим резким падением до нуля к 2050 г.

Для этого производство электроэнергии удвоится – до 14 800 ТВт·ч к 2050 г. Эта мощность будет производиться в основном за счет ядерной энергии (28%), за которой последуют энергия ветра (21%), солнечная энергия (17%), гидроэнергетика (14%) и биомасса (8%). Уголь и газ составят 12% производства электроэнергии [Mallapaty, 2021].

Это означает, что ядерная мощность Китая (в настоящее время 49 ГВт) должна быть увеличена в 5 раз, до 554 ГВт к 2050 г., за счет быстрого строительства новых АЭС.

В целом очевидно, что эти исследования носят предварительный характер, и в реальности движение Китая к углеродной нейтральности будет значительно отличаться от прогнозных сценариев. Неопределенность будущих технологических решений и внедрения инноваций в энергетической отрасли не позволяет точно прогнозировать траекторию движения отдельных стран и мира в целом к углеродной нейтральности. Тем не менее подобные исследования позволяют сделать выводы о реалистичности энергоперехода и обозначают контуры будущей китайской и мировой экономики.

Энергетическая отрасль КНР в начале перехода

Несмотря на быстрое развитие ВИЭ-генерации, энергетика КНР по-прежнему базируется на углеводородном сырье, при этом основная доля в топливно-энергетическом балансе страны принадлежит углю (имеющему наибольший углеродный след из всех ископаемых видов топлива). Поэтому для понимания сложности осуществления энергоперехода Китаем необходимо проанализировать состояние энергетической отрасли накануне ожидаемого перехода страны к низкоуглеродному развитию.

Китай является крупнейшим в мире производителем, потребителем и импортером энергии, что оказывает важное влияние на геополитическое и экономическое развитие мира, международный доступ к энергетическому рынку и изменение климата.

Энергетика является важной основой национального экономического и социального развития КНР. Начиная с периода реформ и открытости (с 1978 г.) для удовлетворения потребностей быстрого экономического и

социального развития начала формироваться относительно комплексная энергетическая система, становление которой сделало КНР крупнейшим в мире производителем и потребителем энергии, а также страной с самым быстрым повышением эффективности использования энергии.

В настоящее время в КНР сформирована система производства энергии, основанная на угле, нефти, газе, электроэнергии, ядерной энергии и возобновляемых источниках энергии (см. табл. 2).

В белой книге «Энергетическое развитие Китая в новую эпоху», опубликованной в конце 2020 г., говорится, что общее производство первичной энергии в Китае в 2019 г. достигло 3,97 млрд т у. т. и подтвердило лидерство в производстве энергии. Данные Национального бюро статистики показывают, что в 2018 г. общее производство энергии в Китае достигло 3,77 млрд т у. т., что в 160 раз больше,

чем в 1949 г., среднегодовой рост составил 7,6%; потребление энергии достигло 4,64 млрд т у. т., увеличение – в 85 раз по сравнению с 1953 г., среднегодовые темпы роста – 7,1%². Масштабы разработки и использования возобновляемых источников энергии быстро расширяются, и совокупная установленная мощность гидроэнергетики, ветроэнергетики и фотоэлектрической энергетики занимает первое место в мире.

Согласно данным Национального энергетического управления, в 2020 г. совокупные мощности по производству энергии в Китае достигли 4,1 млрд т у. т., 195 млн тонн сырой нефти, 192 5 млрд куб. м природного газа, а общая установленная мощность производства электроэнергии – 2,2 млрд киловатт. Общая длина нефте- и газопроводов достигла 175 тыс. километров [Лю Яньян, 2021]. Все административные районы на уровне округов подключены к крупным электросетям.

Таблица 2. Сводные данные основных показателей энергетики КНР, 1949–2019 гг.
Table 2. Summary data of the main indicators of the energy sector of the PRC, 1949–2019

	1949	1978	2019
Структура экономики, %:			
первичная сфера	68	27,9	7,1
вторичная сфера	13	47,9	39
третичная сфера	19	24,2	53,9
Извлекаемые запасы:			
уголь, 100 млн т	3	87	2 704
нефть, 100 млн т	0,3	10	36
природный газ, трлн м ³	0,01	0,23	8,4
Производство:			
уголь, млн т	32,4	618	3 940
нефть, млн т	0,12	104,1	191
природный газ, 100 млн м ³	0,1	137,3	1 761,7

² Чжан Цзяньминь. 70 славных лет: Энергетика стала важным двигателем экономического роста = 张建民. 辉煌70年：能源成为经济增长重要引擎 // Xinhua. – 2019. – 29 сентября. – URL: http://www.xinhuanet.com/energy/2019-09/26/c_1125041696.htm (дата обращения: 18.10.2021) (на китайском языке).

	1949	1978	2019
электроэнергия, ТВт·ч	43,1	2 565,5	75 034,3
сталь, млн т	0,16	31,8	996,3
цемент, млн т	0,66	65,2	2 350
Импорт /экспорт:			
уголь, млн т	0,04/1,96	2,44/3,12	299,7/6,03
сырая нефть, млн т	0,14/-	0,37/13,31	505,72/0,88
природный газ, 100 млн м ³	-/-	-/-	1 323/34,8
Потребление первичной энергии, млн т у. т.	26	571,4	4 860
Структура потребления, %:			
уголь	96,3	70,7	57,7
нефть	3,7	22,7	19,6
природный газ	-	3,2	8,3
атомная энергетика, ветроэнергетика гидроэнергетика	-	3,4	14,4
Энергопотребление на душу населения, кг у. т.	48	594	3 471
Потребление электроэнергии на душу населения, кВт·ч	8	218	5 157
Потребление бытового эл-ва на душу населения, кВт·ч	<1	14	732
Расход угля на выработку тепловой энергии, гут/ кВт·ч	1 000	434	289
Выбросы диоксида серы (SO ₂), млн т	0,1	1,1	14,41
Выбросы углекислого газа (CO ₂), млн т	70	1 400	8 890
Загрязнение атмосферного воздуха (PM2,5), мкг/м ³	-	-	36

Источник: Национальное бюро статистики КНР. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202001/t20200117_1723395.html (дата обращения: 16.01.2022).

Структурная перестройка и модернизация в КНР способствовали трансформации энергопотребления. При общей тенденции снижения доли угля доля нефти в энергобалансе увеличилась в 5,3 раза: с 3,7% в 1949 г. до 19,10% в 2019 г. Природный газ (8,3% в 2019 г.), а также атомная энергетика, гидроэнергетика и энергия ветра (14,4% в 2019 г.), не представленные в показателях 1949 г., существенно диверсифицировали современный энергобаланс КНР [Лю Яньян, 2021].

Структура производства и потребления энергии в КНР продолжает оптимизироваться (см. табл. 3). В настоящее время доля угля в общем энергопотреблении страны в целом демонстрирует тенденцию к снижению. Данные показывают, что в 2019 г. потребление угля в Китае на 10,8 процентных пункта

меньше, чем в 2012 г.; потребление природного газа, гидроэнергии, атомной энергии, энергии ветра и другой чистой энергии составило 23,4% от общего потребления энергии, что на 8,9 процентных пункта больше, чем в 2012 г. Развитие зеленой энергетики сыграло важную роль в снижении интенсивности выбросов углерода: в 2019 г. этот показатель снизился на 48,1% по сравнению с 2005 г. [Лю Яньян, 2021].

Впечатляют выдающиеся результаты программы энергосбережения в Китае. Исходя из цен 2018 г., потребление энергии на 10 тыс. юаней ВВП снизилось с 910 кг у. т. в 1953 г. до 520 кг у. т. в 2018 г. (на 43%). С 1995 по 2015 г. на энергосбережение Китая приходилось 52% общемирового объема, а с 2016 по 2019 г. он сэкономил 652 млн тонн энергии, что превысило увеличение потребления

Таблица 3. Структура производства и потребления энергии в КНР, 1978–2019 гг.
Table 3. The structure of energy production and consumption in the PRC 1978–2019

	1978	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2019
Производство первичной энергии, млрд т у. т.	0,63	0,64	0,86	1,04	1,29	1,39	2,29	3,12	3,62	3,97
Доля в производстве первичной энергии, %:										
уголь	70,3	69,4	72,8	74,2	75,3	72,9	77,4	76,2	72,2	68,6
нефть	23,7	23,8	20,9	19,0	16,6	16,8	11,3	9,3	8,5	6,9
природный газ	2,9	3,0	2,0	2,0	1,9	2,6	2,9	4,1	4,8	5,7
электричество и др.	3,1	3,8	4,3	4,8	6,2	7,7	8,4	10,4	14,5	18,8
Потребление первичной энергии, млрд т у. т.	0,57	0,60	0,77	0,99	1,31	1,47	2,61	3,60	4,34	4,87
Доля в потреблении первичной энергии, %:										
уголь	70,7	72,2	75,8	76,2	74,6	68,5	72,4	69,2	63,8	57,7
нефть	22,7	20,7	17,1	16,6	17,5	22,0	17,8	17,4	18,4	18,9
природный газ	3,2	3,1	2,2	2,1	1,8	2,2	2,4	4,0	5,8	8,1
электричество и др.	3,4	4,0	4,9	5,1	6,1	7,3	7,4	9,4	12,0	15,5

Источник: Национальное бюро статистики КНР. – URL: http://www.stats.gov.cn/ztcj/ztfx/ggkf40n/201809/t20180911_1622051.html (дата обращения: 16.01.2022).

первичной энергии на 502 млн тонн [Развитие энергетики..., 2019].

Китай – одна из немногих стран в мире, чьим основным источником энергии является уголь. В первые дни создания Нового Китая на долю угля приходилось около 97,3% общего энергопотребления страны (см. табл. 2), в 2019 г. – 57,7% (Соединенные Штаты – 12,0%, Европейский союз – 13,2%, среднемировое значение – 27,0%). При этом потребление угля все еще чрезвычайно велико. Согласно официальной статистике, оно достигло объема 3,94 млрд тонн в 2019 г., что составляет 53,8% мирового потребления. Имеются данные, что фактическое потребление в этот период составило 4,34 млрд тонн, включая 100 млн тонн продаж малых шахт, не попадающих в статистику, и 300 млн тонн незаконного производства и продаж, не подлежащих учету [Ван Цинъи, 2020].

В 1949 г. добыча угля составляла 32,4 млн тонн, а в 2019 г. она превысила 3,9 млрд тонн, увеличившись более чем в 120 раз (см. табл. 4).

КНР является одной из стран с наибольшей зависимостью от угля в плане экономического и социального развития. В 2018 г. потребление угля на единицу ВВП в 3,2 раза превысило среднемировой показатель. Соотношение, впрочем, снизится, если считать ВВП по паритету покупательной способности.

При том, что на Китай приходится почти половина мировой добычи угля и он является крупнейшим импортером угля (300 млн тонн в 2019 г.), страна сталкивается с серьезным вызовом ограниченности ресурсов. 90% запасов угля в Китае сосредоточено в районах с неустойчивой экологической обстановкой, плохими условиями добычи и высокими производственными затратами. В 2018 г. средняя глубина разработки шахты достигла 510 м при максимальной глубине 1 450 м.

Угольная энергетика является основным источником загрязнения окружающей среды: на ее долю приходится 70% выбросов углекислого газа. В 2015 г. доля сжигания угля в выбро-

Таблица 4. Основные показатели угольной промышленности КНР, 1949–2019 гг.
Table 4. Main indicators of the coal industry of the PRC, 1949–2019

	1949	1978	2019
Извлекаемые запасы угля, млрд т	3	87	270,4
Добыча сырого угля, млрд т	0,032	0,618	3,940
Добыча угля в КНР, место в мире	9	3	1
Средняя мощность угольной шахты, млрд т	0,03	5,8	54,4
Коэффициент использования, %	0,003	16,7	73,2
Количество угольных шахт, тыс.	20	80	5,4
Импорт/экспорт необработанного угля, млн т	0,04/1,96	2,44/3,12	299,70/6,03
Потребление угля, млн т на производство электроэнергии	34 9	56,6 11,3	3 939 1 881
Доля КНР в мировом потреблении угля, %	6,5	16,8	53,8
Доля угля в потреблении первичной энергии, %	96,3	70,7	57,7
Численность занятых в угольной промышленности, тыс. чел.	700	4 400	3 500
Эффективность добычи необработанного угля, т/чел./год	ручной труд	140	1 210
Число погибших в результате несчастных случаев, чел.	731	6 001	316
Коэффициент смертности от несчастных случаев, чел./млн т	22,541	9,713	0,082
Потребление угля для выработки электроэнергии, г/кВт·ч	1 000	434	239
Выбросы CO ₂ при сжигании угля, млн т	87	1 445	7 496
Бытовое потребление угля, млн т	>10	101	295

Источник: Национальное бюро статистики КНР. – URL: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 16.01.2022); Китайская ассоциация угольной промышленности. – URL: <http://www.coalchina.org.cn/index.php?m=content&c=index&a=lists&catid=12> (дата обращения: 16.01.2022); Министерство природных ресурсов КНР. – URL: <http://www.gov.cn/xinwen/index.htm> (дата обращения: 16.01.2022); Китайская ассоциация предприятий электроэнергетики. – URL: <https://www.cec.org.cn/menu/index.html?173> (дата обращения: 16.01.2022) (данные округлены).

сах PM_{2,5} и SO₂ в стране достигла 62 и 80% соответственно.

В этой связи перед страной стоит серьезная задача сокращения выбросов углерода.

Президент Си Цзиньпин использовал свои последние два обращения к Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, чтобы сделать два важных обещания. В сентябре 2020 г. он объявил, что к 2060 г. Китай станет углеродно-нейтральным;

а в сентябре 2021 г. заявил, что Китай прекратит финансирование угольной энергетики за рубежом [Geal, 2021].

Декарбонизация сталкивается с многочисленными препятствиями и является чрезвычайно сложным процессом. Причина в том, что уголь – самый дешевый и легкодоступный источник энергии в КНР и является основной отраслью промышленности во многих округах, где на отрасль приходится более чем 60% налоговых поступлений. В связи с этим

местные органы власти не способствуют сокращению потребления угля. Система в подавляющем большинстве поддерживает угольную генерацию, отчасти и потому, что она не страдает от изменчивости ветровой и солнечной энергии. Неопределенность с доступом на рынок уже замедлила инвестиции в возобновляемые источники энергии. Учитывая силу таких интересов, необходимые реформы потребуют значительной политической воли [Normile, 2020].

Стоимость сокращения добычи угля очень высока: уменьшение добычи на 100 млн тонн влечет за собой увольнение 250 тыс. рабочих и субсидии в размере 20 млрд юаней.

В энергетическом секторе, крупнейшем потребителе угля, стоимость электроэнергии из угля в 2019 г. составляла всего 0,25–0,30 юаня/кВт·ч, а выработка электроэнергии на природном газе была в 2–3 раза дороже.

В 2019 г. с точки зрения теплотворной способности рыночная цена угля для производства электроэнергии составляла 14% от розничной цены бензина и 42% – природного газа.

Рыночная реформа угольной промышленности Китая серьезно отстает из-за чрезмерного административного

вмешательства, противоречивости интересов правительства, местных властей и предприятий, низкой эффективности и коррупции.

При оценке ископаемых энергетических ресурсов КНР (см. табл. 5) очевидно, что уровень добычи нефти и газа не соответствуют растущим потребностям экономики страны. К тому же распределение ресурсов крайне неравномерно, условия добычи плохие, а ее себестоимость высока. Две трети угольных запасов сосредоточены на севере и северо-западе Китая, 60% извлекаемых запасов нефти сосредоточены на северо-западе и северо-востоке страны, 65% извлекаемых запасов природного газа сосредоточены на северо-западе и юго-западе Китая, а 80% экономически освоенных гидроэнергетических ресурсов сосредоточены на юго-западе и в центральном Китае. Обратная схема спроса и предложения энергии сформировала большое количество схем транспортировки угля с севера на юг, транспортировки газа и электроэнергии с запада на восток, которые оказывают большое влияние на строительство транспортной инфраструктуры, энергетические рынки и региональное экономическое развитие.

Таблица 5. Ресурсы и запасы ископаемого топлива в Китае, 2020 г.
Table 5. Resources and reserves of fossil fuels in China, 2020

	Геологические ресурсы	Доказанные запасы	Технически извлекаемые запасы
Уголь, млрд т	3 879,6	1 770	270,4
Нефть, млрд т	125,7	30,1	3,6
Нефтеносные пески, млрд т	6,0	2,3	-
Сланцевая нефть, млрд т	-	243,2	12
Природный газ, трлн м ³	90,00	16,84	8,40
Метан угольных пластов, млрд м ³	30 000	605,9*	313,5*
Сланцевый газ, трлн м ³	122	-	22*

* – данные на начало 2019 г.

Источник: Министерство природных ресурсов КНР. – URL: <http://www.gov.cn/xinwen/index.htm> (дата обращения: 16.01.2022).

Нефтяные месторождения Китая невелики и разбросаны по территории, с плохими условиями добычи и высокими производственными затратами. Среднесуточная добыча одной скважины на нефтяных месторождениях Китая составляет всего 2 т (на Ближнем Востоке она достигает 685 т). 80% новых запасов составляют низкопроницаемые и сверхнизкопроницаемые трудноизвлекаемые коллекторы. Поэтому стоимость добычи нефти очень высока, в среднем 550 долл. за баррель в 2018 г. На начало 2020 г. извлекаемые запасы нефти в Китае составляли 3,6 млрд тонн (см. табл. 5). В 2018 г. стоимость добычи на внутреннем рынке составляла 50 долл. за баррель, что в 10 раз выше, чем на Ближнем Востоке. В 2019 г. зависимость Китая от импорта сырой нефти составляла 72,5%.

В 2020 г. добыча сырой нефти в Китае достигла 195 млн тонн, увеличившись на 1,6% по сравнению с 2019 г. Но в то же время импорт сырой нефти также достиг нового максимума – 542 млн тонн (+7,3% к 2019 г.)³.

Большинство месторождений природного газа в Китае являются малыми и средними, со сложными геологическими структурами, высокой сложностью добычи и высокой стоимостью. В 2016 г. рыночная цена природного газа в трубопроводах Китая была в 3,5 раза выше, чем в США. На начало 2020 г. извлекаемые запасы природного газа в Китае составляли 8,4 трлн м³ (см. табл. 5).

Доказанные запасы метана угольных пластов в КНР на начало 2020 г. составили 605,9 млрд м³, извлекаемые запасы – 313,5 млрд м³, на начало 2019 г. объем добычи составил 19,9 млрд м³ [Метан..., 2018].

Китай обладает крупнейшими извлекаемыми ресурсами сланцевого газа в мире, достигающими 22 трлн м³. Но месторождения сланцевого газа в Китае имеют большую глубину залегания (до 4 000 м) со сложным геологическим строением. Новые технологии, разработанные в КНР в последнее время, позволили снизить стоимость добычи сланцевого газа. Объем производства в 2019 г. составил 15 млрд м³.

Динамика развития электроэнергетики в Китае после 1978 г. обеспечила надежную энергетическую гарантию быстрого развития экономики страны. Потребление электроэнергии с 1949 г. выросло более чем в 2 000 раз, потребление электричества на душу населения – в 645 раз, установленная электрическая мощность увеличилась более чем в 1 000 раз, длина линий электропередач увеличена более чем в 300 раз, а уровни напряжения – в 5 раз (см. табл. 6).

По состоянию на конец 2020 г. установленная мощность производства электроэнергии по стране составила 2 200,58 млн кВт, что на 9,5% больше, чем на конец предыдущего года. Установленная мощность в тепловой энергетике составляет 1 245,7 млн кВт (+4,7% к 2019 г.), установленная мощность гидроэнергетики – 370,16 млн кВт (+3,4% к 2019 г.), ядерной энергетики – 49,89 млн кВт (+2,4% к 2019 г.), энергии ветра – 281,53 млн кВт (+34,6% к 2019 г.), установленная мощность солнечной энергетики составила 253,43 млн кВт, увеличившись на 24,1% к 2019 г. [Статистическое коммунике..., 2021].

По данным Национального управления энергетики Китая, по состоянию на апрель число действующих ядерных энергоблоков на материковой части Ки-

3 Где Китай будет добывать больше всего нефти в 2020 году? Последний выпуск топ-10 провинций и городов с добычей нефти = 2020年中国哪里产石油最多?石油产量10强省市最新出炉 // Petroleum Link. – 2021. – March 3. – URL: <https://www.jiemian.com/article/5766769.html> (дата обращения: 10.10.2021).

Таблица 6. Основные показатели электроэнергетики КНР, 1949–2019 гг.
Table 6. Main indicators of the power industry of the PRC, 1949–2019

	1949	1978	2019
Установленная мощность выработки электроэнергии, млн кВт;	1,85	57,12	2 010,66
в т.ч.: Гидроэнергетика	0,16	17,28	356,40
Тепловая мощность	1,68	39,84	1 190,55
Ядерная энергетика	-	-	48,70
Энергия ветра	-	-	210,05
Производство фотоэлектрической энергии	-	-	204,68
Выработка электроэнергии/млрд кВт·ч;	4,31	256,55	7 503,4
в т.ч.: Гидроэнергетика	0,70	44,6	1 300,4
Тепловая мощность	3,61	211,95	5 220,2
Ядерная энергетика	-	-	348,4
Энергия ветра	-	-	405,7
Производство фотоэлектрической энергии	-	-	223,8
Производство электроэнергии в КНР, место в мире	25	7	1
Потребление электроэнергии, млрд кВт·ч	3,46	249,8	7 225,5
Потребление электроэнергии на душу населения, кВт·ч	8	218	5 157
Потребление бытового электричества на душу населения, кВт·ч	<1	6	734
Доля населения, не имеющего электричества, %	90	47	0
Длина линий электропередачи, тыс. км	2,5	236,5	754,8
Самый высокий уровень напряжения электросети, кВт	220	500	1 100
Потребление угля для выработки электроэнергии, г у. э./кВт·ч	1 000	471	289

Источник: Национальное бюро статистики КНР – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202001/t20200117_1723395.html (дата обращения: 16.01.2022); Китайская федерация предприятий электроэнергетики. – URL: <https://www.cec.org.cn/> (дата обращения: 16.01.2022).

тая достигло 49 (третье место в мире). В Китае также имеется 19 атомных энергоблоков, утвержденных для строительства или находящихся в стадии строительства. Несмотря на то, что на долю ядерной энергии приходится всего 2% установленной мощности Китая, в 2020 г. АЭС вырабатывали около 5% электроэнергии в Китае, что свидетельствует об их сравнительном преимуществе перед ветровой и солнечной энергией.

Развитие возобновляемых источников энергии [Salitskii, Chesnokova, Shakhmatov, 2014] демонстрируют крупномасштабные преобразования в энергетической сфере КНР (см. табл. 7).

На конец 2020 г. общая установленная мощность Китая по производству электроэнергии из возобновляемых источников достигла 930 млн кВт, что составляет 42,4% от общей установленной мощности; в 2020 г. производство электроэнергии из возобновляемых источников энергии достигло 2,2 трлн кВт·ч, что составляет 29,5% потребления электроэнергии в целом⁴. В рейтинге по установленной мощности возобновляемых источников энергии, масштабам развития и использования возобновляемых источников энергии Китай занимает первое место в мире.

4 Юй Сяо. В 2020 году мощность производства возобновляемой энергии в Китае достигнет 2,2 трлн кВт·ч = 于晓. 2020 年中国可再生能源发电量达到2.2万亿千瓦时 // China News Network. – 2021. – 3 марта. – URL: <https://www.chinanews.com/cj/2021/03-30/9443384.shtml> (дата обращения: 19.10.2021).

Таблица 7. Развитие и использование возобновляемых источников энергии в Китае 2000–2019 гг.

Table 7. Development and use of renewable energy sources in China, 2000–2019

	2000	2005	2010	2015	2019
Гидроэнергетика (мощность), гВт (количество электроэнергии), ТВт·ч млн т у. т.	79,4 243,1 88,2	117,4 387,0 136,2	213,4 722,2 225,3	332,1 1 112,4 335,6	356,4 1304,4 377,0
в т.ч.: малая гидроэнергетика, ГВт ТВт·ч млн т у. т.	24,8 80,0 20,0	38,5 120,9 41,5	59,0 202,3 63,1	75,0 240,0 71,5	81,4 253,3 73,2
Солнечная энергия, млн т у. т.	3,1	9,6	22,6	64,6	121,4
Производство фотоэлектрической энергии, млн кВт млрд кВт·ч млн т у. т.	0,018 0,019 0,01	0,070 0,074 0,03	1,220 1,29 0,40	43,180 3,92 11,64	204,300 22,43 64,8
Солнечные водонагреватели, млн м ² млн т у. т.	26 3,1	80 9,6	185 22,2	442 53,0	472,4 56,6
Выработка энергии ветра, ГВт ТВт·ч млн т у. т.	0,34 0,5 0,2	1,22 2,0 0,7	44,78 72,2 22,5	145,4 251,2 74,9	210,1 357,7 103,4
Биогаз, млрд м ³ млн т у. т.	2,3 1,6	8,6 6,1	14,5 10,4	16,8 12,0	19,8 14,1
Производство энергии из биомассы и отходов, ГВт ТВт·ч млн т у. т. т. э.	0,8 3,5 1,3	2,0 8,7 3,0	6,7 29,0 9,0	16,0 68,9 20,4	23,7 111,1 32,1
Использование геотермальной энергии, млн т у. т.	0,7	1,2	6,7	24,1	63,8
Итого, млн т у. т.	86,3	197,8	284,3	491,1	711,8

Источники: Национальное бюро статистики КНР – URL: <http://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 16.01.2022); Ежегодник статистики энергетики Китая за 2019 г. – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm> (дата обращения: 16.01.2022); Национальное управление энергетики КНР – URL: <http://www.nea.gov.cn/> (дата обращения: 16.01.2022); Министерство водных ресурсов КНР – URL: <http://www.mwr.gov.cn/xw/> (дата обращения: 16.01.2022); Министерство сельского хозяйства КНР – URL: <http://www.moa.gov.cn/gk/> (дата обращения: 16.01.2022); Министерство природных ресурсов КНР – URL: <http://www.gov.cn/fuwu/bm/zrzyb/index.htm> (дата обращения: 16.01.2022); Китайская ассоциация ветроэнергетики. – URL: http://www.cwea.org.cn/news_lastest.html (дата обращения: 16.01.2022); Национальный центр геотермальной энергии. – URL: <http://kns8.zh.east-view.com/kcms/detail/knetsearch.aspx?sfid=in&key=国家地热能开发利用研究及应用技术推广中心&code=0756065> (дата обращения: 16.01.2022).

Формирование рынка торговли квотами и выбросы парниковых газов в Китае

Эффективное функционирование системы зеленого финансирования невозможно без отлаженной работы рынка квот на выбросы углекислого газа. Ценовые сигналы, исходящие от рын-

ка квот на выбросы углекислого газа, стимулируют экономических агентов к внедрению и развитию технологических инноваций. Рыночные сигналы также заставляют покидать рынок предприятия, использующих связанные с повышенными выбросами CO₂ технологии и не способные адаптироваться к новым равновесным рыночным уровням. Таким образом, распре-

деление ресурсов для поступательного движения экономики к достижению углеродной нейтральности, ведомое ежегодно административно понижаемыми доступными квотами и рыночными механизмами, происходит оптимальным образом.

Принятый в 2011 г. Госсоветом КНР «Рабочий план по контролю за выбросами парниковых газов в период действия 12-го пятилетнего плана» дал старт началу эксперимента по торговле углеродными квотами на региональном уровне. В 2013–2016 гг. были запущены 8 пилотных проектов по торговле углеродными квотами: в Гуандуне, Хэбэе, Фуцзяни, Пекине, Тяньзине, Чунцине, Шанхае и Шэньчжэне. Условия функционирования региональных рынков квот на выбросы парниковых газов были во многом схожи. При этом имелись и значительные отличия, например в отраслевом охвате, принципах распределения квот, порядке использования высвобожденных квот, механизмах предотвращения чрезмерных ценовых колебаний. Основываясь на полученном в ходе функционирования пилотных региональных проектов по торговле эмиссионными квотами опыте, Китай приступил к формированию национального рынка квот на выбросы парниковых газов. В декабре 2017 г. Государственный комитет по развитию и реформам КНР опубликовал «План по формированию национального рынка торговли квотами на выбросы углекислого газа (в электроэнергетической отрасли)». После длительного подготовительного периода 16 июля 2021 г. в КНР был запущен общенациональный рынок квот на выбросы углекислого газа. Участниками рынка стали 2 225 ключевых предприятий – эмитентов парниковых газов из электроэнергетической отрасли (угольные и газовые электростанции), среднегодовой выброс каждого из которых эквивалентен или пре-

вышает 26 тыс. тонн CO_2 . Совокупный объем охваченных национальной системой торговли углеродными квотами выбросов достиг 4 млрд тонн CO_2 в год (около 40% выбросов парниковых газов Китая). Таким образом, по объему охваченных торговлей выбросов (около 12% от совокупной эмиссии парниковых газов в мире) китайская национальная система перераспределения углеводородных квот стала крупнейшей в мире.

Несмотря на большой опыт, полученный в ходе работы пилотных проектов по торговле углеродными квотами, и длительный подготовительный период, Китай не спешит с созданием полноценного национального рынка эмиссионных квот. В первой фазе схемы по торговле правами на выбросы парниковых газов распределение квот происходило на безвозмездной основе. В дальнейшем, как ожидается, часть квот будет распределяться с использованием аукционной схемы. Базой для распределения квот послужило отнесение электростанций к той или иной категории по интенсивности выбросов. Угольные электростанции были разбиты по трем категориям: для традиционных мощностью свыше 300 мВт расчетная величина выбросов была определена на уровне 0,877 тонны CO_2 на мВт/ч; для традиционных мощностью менее 300 мВт – 0,979 тонны CO_2 на мВт/ч; для нетрадиционных угольных станций (использующих в качестве топлива смесь, включающую угольные отходы и биотопливо) – 1,146 тонны CO_2 на мВт/ч. Для всех газовых электростанций расчетная величина выбросов была установлена на уровне 0,392 тонны CO_2 на мВт/час. В дальнейшем при определении окончательной квоты использовались поправочные коэффициенты, учитывающие уровень загрузки станций, наличие или отсутствие теплофикационных функций, способ охлаждения станций.

Пока общенациональная система торговли квотами на выбросы парниковых газов находится на начальном этапе развития и, скорее, выполняет обучающую роль для участников рынка.

Первые два месяца торгов в национальной торговой системе выбросами парниковых газов характеризовались невысокими объемами торгов и постепенным снижением котировок. По сравнению с первым днем торгов 16 июля 2021 г. стоимость квоты к закрытию торгов 17 сентября снизилась на 16,2% – до 43,43 юаней за тонну (6,72 долл. за тонну). Таким образом, в отмеченный период происходило постепенное сближение котировок в национальной системе торгов с котировками на региональных рынках по торговле углеродными квотами. Объем торгов за неделю с 13 по 17 сентября составил всего 32 тыс. тонн (в первую полную неделю торгов с 19 по 23 июля объем был эквивалентен 729 тыс. тонн CO₂). Следует отметить, что объемы торгов на региональных рынках пока многократно превышают объемы перераспределения квот на общенациональном уровне⁵. В европейской торговой системе стоимость разрешений на выбросы парниковых газов составила в то же время около 61 долл.

Итоги первых месяцев торгов свидетельствуют о невысоком спросе на дополнительные углеродные квоты со стороны китайских предприятий электроэнергетической отрасли. Мягкий характер санкций для электростанций, превысивших установленную квоту, не способствует росту спроса на перераспределение углеродных квот. В соответствии с установленными китайскими регуляторами правилами уголь-

ная станция, превысившая имеющуюся квоту, должна купить на рынке лишь 20% от объема превышения. Требование к покупке дополнительных объемов разрешений на выбросы для превысивших квоты газовых станций при этом не установлено. По всей видимости, пока национальная система торговли углеродными квотами находится в стадии настройки и уже в скором времени можно ожидать некоторого ужесточения экономического наказания для агентов, превысивших квоты. В результате объемы рыночного перераспределения квот начнут увеличиваться.

По мере развития рынка торговли на выбросы парниковых газов следует ожидать ужесточения «наказания» за превышения установленных квот и введения обязанности компенсации покупками 100% от объема превышения для всех электростанций. Как ожидается, в будущем квоты на выбросы парниковых газов охватят еще 7 отраслей: нефтехимическую, химическую, авиационную, целлюлозно-бумажную, производство строительных материалов, черную и цветную металлургии. Неизбежным также представляется в отдаленной перспективе установление ежегодного совокупного предельного объема выбросов парниковых газов, доступного для участников национальной системы торговли выбросами. При этом, как и в европейской системе торговли правами на выбросы парниковых газов, совокупный объем доступных квот ежегодно будет сокращаться. Постепенно платное предоставление квот на основе аукционной схемы должно охватить значительную часть совокупного объема доступных квот. С нача-

5 China emissions price up 10pc in first week of trading // Argus Media group. – 2021. – July 23. – URL: <https://www.argusmedia.com/en/news/2237140-china-emissions-price-up-10pc-in-first-week-of-trading> (дата обращения: 10.10.2021).

лом третьей фазы развития европейского рынка торговли квотами на выбросы парниковых газов около 57% объема совокупной квоты распределяется через аукционы. Общий объем поступлений от продажи прав на выбросы в период с 2013 г. по июнь 2020 г. превысил 57 млрд евро (при этом только за первое полугодие 2020 г. поступления составили 7,9 млрд евро)⁶. В Китае, так же как и в Европейском союзе, большая часть поступлений от аукционной продажи квот может быть направлена на проекты, связанные с климатической повесткой. Ужесточение требований к участникам торговли квотами на выбросы парниковых газов вместе с введением аукционной схемы распределения квот неизбежно приведет к значительному росту котировок прав на эмиссию CO₂ на китайском рынке. Возрастающая стоимость выбросов парниковых газов наряду с административными регулятивными мерами будет стимулировать китайскую экономику к достижению поставленных целей обеспечения углеродной нейтральности экономики к 2060 г.

Возможный сценарий оптимизации траектории движения Китая к углеродной нейтральности (с учетом глобального характера проблемы изменения климата)

В настоящее время, скорее всего, существует «окно возможностей», позволяющих Китаю (как, впрочем, и другим странам) выбрать траекторию развития, обеспечивающую близкое к максимальному теоретически возможному темпу снижения выбросов парни-

ковых газов. Для этого издержки, связанные с ускоренной декарбонизацией и замедлением темпов экономического роста в среднесрочной перспективе, должны быть компенсированы выгодами, которые мир может получить в долгосрочной перспективе.

В случае с предотвращением глобального потепления оптимальным решением, видимо, является распределение остаточного углеродного бюджета между странами мира. Уточнение объема остаточного углеродного бюджета – сама по себе достаточно сложная задача, требующая согласования не только экспертов в различных областях науки, но и последующего выбора и утверждения выбранного значения показателя. Утверждение объема остаточного углеродного бюджета и последующее распределение квот на максимально возможный объем выбросов отдельными странами должно быть максимально транспарентным и справедливым.

При распределении лимитов на выбросы между странами могут рассматриваться следующие факторы: текущий уровень выбросов, уровень социально-экономического развития, численность населения, природно-климатические условия. Страны, исчерпавшие установленный лимит на эмиссию парниковых газов, по всей видимости, должны будут в дальнейшем докупать права на выбросы на мировом рынке. Объем превышения установленного для страны лимита (до полной его компенсации за счет покупок на рынке) может считаться государственным долгом. При этом размер госдолга может измеряться как углеродными единицами, так и в денежной форме. В то же вре-

⁶ Auctioning revenues and their use // European Commission. Climate Action. – n/y. – URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/ets/auctioning_en (дата обращения: 10.10.2021).

мя страны, относительно быстро осуществляющие энергетический переход, смогут сформировать резерв в виде доступных для продажи на мировом рынке квот на эмиссию парниковых газов. Региональные (национальные) рынки квот на выбросы парниковых газов могут быть интегрированы в мировой рынок или продолжают функционировать изолированно, в зависимости от намерений национальных регуляторов.

Безвозмездное закрепление определенной части глобального остаточного углеродного бюджета за беднейшими странами Азии и Африки (возможно, на уровне 10% от совокупного бюджета дополнительно к предназначавшимся этим странам квотам) позволило бы создать условия для финансирования устойчивого развития наименее развитых государств. Впрочем, возможна и более сложная схема финансирования низкоуглеродного развития беднейших стран, предполагающая безвозмездную передачу части остаточного углеродного бюджета Китаю и Индии с целью ускоренного замещения в этих странах имеющего наибольший углеродный след угольного топлива на газовое. Китай и Индия могли бы использовать полученные дополнительные углеродные квоты (предназначавшиеся ранее беднейшим странам Азии и Африки) для оплаты доли в капитале прошедших капитализацию природной ренты газовых компаний (например из Туркменистана, Катара и других ближневосточных государств). Тем самым Китай и Индия (наиболее зависящие от угля крупнейшие по населению страны) смогли бы обеспечить себя наименее климатически вредным ископаемым видом топлива на переходный период по сравнительно низкой стоимости. В дальнейшем Китай и Индия должны были бы оказать помощь беднейшим странам Азии и Африки и тем самым сформировать условия для

устойчивого развития наименее отстающих государств. Осуществление сценария с капитализацией природной ренты и наделением долями в капитале газовых компаний Китая и Индии вряд ли осуществимо без контроля и гарантий со стороны реформированных органов глобального управления.

Создание мирового рынка углеродных квот должно позволить перераспределять квоты на выбросы CO_2 и других парниковых газов между региональными рынками на рыночных принципах, а также сформировать глобальную цену на выбросы парниковых газов. Ускоренное создание мирового рынка квот на выбросы парниковых газов отвечает интересам большинства государств, так как за счет преимуществ мировой торговли позволяет минимизировать издержки решения стоящей перед государствами задачи энергетической трансформации. Полное и эффективное раскрытие потенциала каждой страны в деле уменьшения антропогенного воздействия на климат возможно лишь при наличии рыночных стимулов.

По всей видимости, без проведения реформы глобальной системы управления обеспечить прозрачность и справедливость, а значит, и признаваемость процесса распределения долей глобального остаточного углеродного бюджета между странами, не удастся. Наиболее очевидный сценарий реформы глобальной системы управления предполагает принятие решений, затрагивающих интересы всех стран мира большинством голосов с полным учетом голосов всех жителей планеты, т.е. при принятии решений глобальной повестки число участвующих в голосовании от каждой страны должно быть пропорционально доли численности населения данного государства к общей численности населения планеты.

Необходимость выбора оптимальной траектории движения мира к углеродной нейтральности представляется достаточным и подходящим основанием для активизации усилий по реформированию глобальной системы управления. Создание эффективной системы глобального управления позволит снизить противоречия между крупнейшими государствами, затруднит осуществление политики сдерживания отдельных стран (в том числе России и Китая), снизит остроту или полностью погасит многие региональные конфликты, позволит приступить к более активному решению других глобальных проблем человечества. Таким образом, трансформация системы глобального управления таит в себе потенциал, способный компенсировать издержки ускоренной декарбонизации для большинства стран, в том числе для России и Китая.

Анализ политики КНР в области низкоуглеродного развития позволяет сделать вывод о том, что страна придерживается взвешенного подхода при выборе траектории движения к углеродной нейтральности. При этом вес фактора необходимости сохранения относительно высоких темпов экономического роста и, соответственно, быстрого повышения благосостояния китайских граждан имеет достаточно высокую составляющую. Теоретически Китай мог бы значительно увеличить вес фактора необходимости скорейшего сокращения максимально возможного объема выбросов парниковых газов при выборе приоритетов развития. Однако в этом случае стране пришлось бы заплатить высокую цену: замедлить темпы экономического роста, провести ускоренное списание акти-

вов в угольной энергетике, а также снизить темпы роста благосостояния граждан. Перед похожей дилеммой стоят многие страны мира – ускоренное снижение выбросов парниковых газов негативно скажется на благосостоянии граждан практически любого государства. В случае с Китаем высокая доля угля в энергобалансе выступает в качестве дополнительного фактора, ограничивающего возможности страны в проведении ускоренной декарбонизации. Широкая международная кооперация могла бы снизить совокупные глобальные издержки достижения углеродной нейтральности, облегчив задачу осуществления энергоперехода отдельных стран мира, в том числе Китая. Впрочем, Китай способен решить свои экологические проблемы и с преимущественной опорой на собственные силы в исторически обозримый период, однако издержки достижения углеродной нейтральности в этом случае, по всей видимости, окажутся заметно выше.

Список литературы

Climate Change 2021. The Physical Science Basis // Working Group I Contribution to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change, 2021. – URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/downloads/report/IPCC_AR6_WGI_SPM_final.pdf (дата обращения: 13.10.2021).

Comprehensive report on China's Long-Term Low-Carbon Development Strategies and Pathways / Jiankun He [et al.] // Chinese Journal of Population, Resources and Environment. – 2020. – Vol. 18, N 4. – P. 263–295. – DOI: 10.1016/j.cjpre.2021.04.004.

Geal S. China Climate Policy and COP 26 // Lowy Institute. – October 25, 2021. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/china-climate-pol->

itics-and-cop26 (дата обращения: 14.10.2021).

Mallapaty S. How China could be carbon neutral by mid-century // *Nature*. – October 10, 2021. – URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02927-9> (дата обращения: 15.10.2021).

Normile D. Can China the World Biggest Coal Consumer Become Carbon Neutral by 2060? // *Science*. – September 29, 2020. – URL: <https://www.science.org/content/article/can-china-worlds-biggest-coal-consumer-become-carbon-neutral-2060> (дата обращения: 16.10.2021).

Renewables Global Status Report // REN21. – 2021. – URL: <https://www.ren21.net/gsr-2021/> (дата обращения: 18.10.2021).

Salitskii A.I., Chesnokova S.V., Shakhmatov A.V. New Energy Engineering in the Industrial Transformation of Modern China // *Herald of Russian Academy of Sciences*. – 2014. – Vol. 84, N 2. – P. 146–201. – DOI: 10.1134/S1019331614020105.

Ван Цинъи. Энергетические данные 2020 года = 王庆一. 2020能源数据 // Пекин : Центр развития зеленых инноваций = 北京: 绿色创新发展中心, 2020. – 155 p. – Кит. яз. – URL: <https://www.efchina.org/Attachments/Report/report-lceg-20210430-3/2020能源数据.pdf> (дата обращения: 11.10.2021.).

Лю Яньян. На пути к чистоте и низким выбросам углерода. Краткое изложение достижений Китая в области

энергетического развития = 刘羊肠. 迈向清洁低碳——我国能源发展成就综述 // Госсовет КНР = 中華人民共和國國務院. – 2021. – June 10. – Кит. яз. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-06/10/content_5616827.htm (дата обращения: 12.10.2021).

Метан угольных пластов: от «смертоносного газа» до «нарастающей мощности» = 煤层气: 从“夺命瓦斯”到“澎湃动力” // Национальная энергетическая администрация = 国家能源局. – 2018. – August 9. – Кит. яз. – URL: http://www.nea.gov.cn/2018-08/09/c_137378354.htm (дата обращения: 13.10.2021).

Развитие энергетики привело к огромным изменениям в истории, энергосбережению и сокращению потребления энергии = 能源发展实现历史巨变 节能降耗 // Национальное бюро статистики КНР = 国家统计局. – 2019. – July 18. – Кит. яз. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201907/t20190718_1677011.html (дата обращения: 15.10.2021).

Статистическое коммюнике Китайской Народной Республики о национальном экономическом и социальном развитии в 2020 году = 中华人民共和国 2020年国民经济和社会发展统计公报 // Национальное бюро статистики КНР = 国家统计局. – 2021. – February 28. – Кит. яз. – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (дата обращения: 18.10.2021).

The Resource Base of World Development

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.01

Energy Transformation in China: Perspectives and Obstacles

Yuri A. MAKEEV

Ph.D. (Economic Science), Junior Research Fellow, Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies RAS, st. Rozhdestvenka, 12, 107031, Moscow, Russian Federation
E-mail: vau4er@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-7117-1825

Alexander I. SALITSKII

Doctor of Economics, Chief Researcher of the Center for Development and Modernization Problems, Primakov Institute of World Economy and International Relations
GSP-7, st. Profsoyuznaya, 23, 117997, Moscow, Russian Federation
E-mail: sal.55@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6134-768X

Nelly K. SEMENOVA

Ph.D. (Political Science), Senior Research Associate, Department of Economic Research, Institute of Oriental Studies RAS, st. Rozhdestvenka, 12, 107031, Moscow, Russian Federation
E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7872-8972

Zhao Xin

Ph.D (Economic Science), Senior Lecturer, Institute of Russian Language in Beijing University of Foreign Languages, Xisanhuan bei, 2, 100089
E-mail: zh_xin88@63com
ORCID: 0000-0003-2813-7810

CITATION: Makeev Yu.A., Salitskii A.I., Semenova N.K., Zhao Xin (2022). Energy Transformation in China: Perspectives and Obstacles. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 9–32 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.01

Received: 25.11.2021.

Revised: 06.01.2022.

ABSTRACT: Sustainable development is the core of China's ecological strategy which includes climate problems as its part. It means that industrial development remains

an important component of ecological policy, besides, the government undertakes gigantic projects which change the nature, for example a massive transfer of water from the

southern rivers to the northern regions. Also, sustainable development is understood in China as one of the means to reduce poverty and has a complex social content.

Energy transformation in China has accelerated during the 12th-13th five year plans (2011-2020), however coal remains the main source of energy for the world largest manufacturing power taking more than 56 percent of total consumption.

Major national goals include now “creating of beautiful China” and some current plans to accelerate energy transformation are viewed in the article as well as a short history of the power sector of China’s economy in this century.

Important part of the study is devoted to the analysis of “green” financial services, which are developing in modern China with growing speed.

Despite tempting, the plans for speedy reforms and structural changes in energy sector run across major obstacles. They include efficiency and cost problems, the giant scope of the energy sector. Another set of obstacles comes from deep divide on climate problems and sustainable development in general between the developed and developing countries.

KEYWORDS: China, energy balance, energy transition, carbon neutrality, green finance system.

References

- Climate Change 2021. *The Physical Science Basis* (2021). Working Group I Contribution to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Available at: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/downloads/report/IPCC_AR6_WGI_SPM_final.pdf (accessed 13.10.2021).
- Comprehensive report on China's Long-Term Low-Carbon Development Strategies and Pathways (2021). *Chinese Journal of Population, Resources and Environment*, December, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 263–295. DOI: 10.1016/j.cjpre.2021.04.004.
- Geal S. (2021). *China Climate Policy and COP 26*. Lowy Institute, October 25. Available at: <https://www.loyyinstitute.org/publications/china-climate-politics-and-cop26> (accessed 14.10.2021).
- Liu Yangyang (2021). *Towards Cleanliness and Low Carbon Emissions – A Summary of China's Energy Development Achievements* = 刘羊阳. 迈向清洁低碳——我国能源发展成就综述. State Council of the People's Republic of China = 中華人民共和國國務院. June 10. (in Chinese). Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2021-06/10/content_5616827.htm (accessed 12.10.2021).
- Mallapaty S. (2021). How China could be carbon neutral by mid-century. *Nature*, October 10. Available at: <https://www.nature.com/articles/d41586-020-02927-9> (accessed 15.10.2021).
- Metan... (2018). *Coal bed methane: from "deadly gas" to "growing capacity"* = 煤层气：从“夺命瓦斯”到“澎湃动力”. National Energy Administration = 国家能源局, August 9. (in Chinese). Available at: http://www.nea.gov.cn/2018-08/09/c_137378354.htm (accessed 13.10.2021).
- Normile D. (2020). Can China the World Biggest Coal Consumer Become Carbon Neutral by 2060? *Science*, September 29. Available at: <https://www.science.org/content/article/can-china-worlds-bigger-coal-consumer-become-carbon-neutral-2060> (accessed 16.10.2021).
- Razvitie energetiki... (2019). *Energy development has achieved huge changes in history, energy saving and consumption reduction* = 能源发展实现历史巨变 节能降耗. National Bureau of Statistics of the People's Republic of China = 国家统计局, July 18. (in Chinese). Available at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201907/>

t20190718_1677011.html (accessed 15.10.2021).

Renewables Global Status Report (2021). REN21. Available at: <https://www.ren21.net/gsr-2021/> (accessed 18.10.2021).

Salitskii A.I., Chesnokova S.V, Shakhmatov A.V. (2014). New Energy Engineering in the Industrial Transformation of Modern China. *Herald of Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 84, no. 2, pp. 146–201. DOI: 10.1134/S1019331614020105.

Statisticheskoe kommyunike... (2021). Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National

Economic and Social Development = 中华人民共和国2020年国民经济和社会发展统计公报 // National Bureau of Statistics = 国家统计局, February 28. (in Chinese). Available at: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202102/t20210227_1814154.html (accessed 18.10.2021).

Wang Qingyi (2020). *Energy Data 2020* = 王庆一. 2020能源数据. Beijing: Green Innovation Development Center = 北京: 绿色创新发展中心, 155 p. (in Chinese). Available at: <https://www.ef-china.org/Attachments/Report/report-l-ceg-20210430-3/2020能源数据.pdf> (accessed 11.10.2021.).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.02

Долговременные сценарии развития мировой электроэнергетики: основные тенденции и неопределенности

Оксана Бениаминовна РЕЗНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра энергетических исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: rezxana@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9742-5026

Михаил Владимирович СИНИЦЫН

научный сотрудник Центра энергетических исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: sinitsyn@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-5630-0799

Ирине Зурабовна ГАХОКИДЗЕ

младший научный сотрудник Центра энергетических исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: irinagakh@imemo.ru

ORCID: 0000-0001-5901-5993

ЦИТИРОВАНИЕ: Резникова О.Б., Синицын М.В., Гахокидзе И.З. (2022).

Долговременные сценарии развития мировой электроэнергетики: основные тенденции и неопределенности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 33–48.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.02

Статья поступила в редакцию 15.11.2021.

Исправленный текст представлен 01.02.2022.

АННОТАЦИЯ. Анализ сценариев развития мировой электроэнергетики в долгосрочной перспективе в общем контексте глобального экономического развития позволил ав-

торам заключить, что перспективная динамика развития электроэнергетики в главных центрах мирового производства и потребления определяется сложным комплексом разнород-

ных факторов, из которых решающее значение имеют: во-первых, наделенность первичными энергоресурсами; во-вторых, уровень и тип экономического развития; в-третьих, возможности государства мобилизовать финансовые и инвестиционные ресурсы для развития новых возобновляемых источников энергии; в-четвертых, стратегии национального экономического и энергетического развития. В зависимости от этих факторов в обозримой перспективе страны останутся на очень разных стадиях энергетического перехода. Универсальной модели энергетического перехода не существует.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энергетический переход, электроэнергетика, развитые страны, развивающиеся страны, США, Евросоюз, Китай, Индия, НВИЭ, цена энергетического перехода, декарбонизация, налог на эмиссию углерода.

Важнейшим долгосрочным трендом современного мирового развития является энергетический переход – снижение критической зависимости энергетики от ископаемых топлив и ее диверсификация за счет опережающего развития новых возобновляемых источников энергии [Smil, 2017; Smil, 2016; Smil, 2005]. В центре энергетического перехода находится электроэнергетика. При этом крупнейшие экономики мира находятся на разных стадиях трансформации электроэнергетики и выбирают отраслевые приоритеты перестройки этого сектора в зависимости от своих экономических возможностей и интересов. В силу этих и сопутствующих факторов скорость энергетического перехода и формирующаяся структура электроэнергетики будут сильно различаться в разрезе стран и регионов.

Мир: динамика и структура генерации электроэнергии в 1971–2020 гг.

За последние 50 лет мировая генерация электроэнергии увеличилась в 5 раз (см. табл. 1). Экзогенный шок глобальной коронавирусной инфекции затормозил неуклонный рост потребления электроэнергии, но только временно. Динамика производства электроэнергии в разрезе групп стран разного уровня и типа развития была неравномерной. Если опираться на исторические тенденции, развитые страны прошли или близки к тому, чтобы пройти пик спроса на электроэнергию. В 2011 г. на страны ОЭСР впервые пришлось менее половины мировой генерации, и этот показатель продолжает снижаться в среднем на 1 процентный пункт в год. В 2018 г. страны-экспортеры промышленных изделий по объему генерации обогнали страны ОЭСР. Тенденция опережающего роста производства электроэнергии (и спроса на нее) в быстро растущих развивающихся странах органично вписывается в корпус теоретических представлений о закономерностях современного экономического роста.

В экономической литературе давно выделено несколько основных каналов, по которым потребление энергии, в том числе электроэнергии, связано с динамикой экономического роста. В рамках неоклассического подхода Д. Джоргенсон, опираясь на эконометрический анализ расширенной производственной функции, показал, что совокупная производительность тесно связана с электрификацией производства и особенно расширением использования энергии в целом [Jorgenson, 1984]. Экономисты, работающие в русле структуралистской традиции, показали, что потребление

Таблица 1. Динамика генерации электроэнергии в 1990–2020 гг. в разрезе групп стран, ТВт·ч***Table 1.** Electricity generation in 1990–2020 by country groups, TWh

	1990	2000	2010	2015	2018	2019	2020**
Страны ОЭСР	7,7	9,8	10,9	10,5	10,8	10,7	10,3
США	3,2	4,0	4,2	4,1	4,1	4,4	4,2
ЕС-27 + Великобритания	2,6	3,0	3,3	3,2	3,2	3,2	3,1
Япония	0,9	1,1	1,2	1,1	1,0	1,0	1,0
ЭПИ***	1,5	3,1	7,1	9,4	10,8	11,2	11,4
Китай	0,6	1,4	4,2	5,8	7,1	7,5	7,8
Индия	0,3	0,6	1,0	1,4	1,4	1,6	1,6
Прочие страны	2,7	2,6	3,5	4,0	4,2	4,2	4,2

* – показатели за 2019–2020 гг. не строго сопоставимы с предыдущими;

** – оценки;

*** – здесь и далее в группу стран-экспортеров промышленных изделий включены Бангладеш, Китай, Гонконг, Индия, Южная Корея, Малайзия, Мексика, Марокко, Пакистан, Филиппины, Сингапур, Тайвань, Таиланд, Турция, Вьетнам.

Источники: [IEA World Energy Balances, 2019; OECD Electricity generation, 2021; Global Electricity Review Dataset, n/y] и расчеты авторов.

энергии прямо и положительно влияет на производительность живого труда [Taylor, 2008; von Arnim, Rada, 2011]. Н. Розенберг [Rosenberg, 1998], суммируя выводы большого числа экономистов, сделал вывод о неразрывной связи индустриализации в развитых странах, в первую очередь развития обрабатывающей промышленности, с потреблением электроэнергии. При этом согласно одному из законов Н. Калдора, чем выше темпы роста обрабатывающей промышленности, тем выше темпы роста ВВП [Kaldor, 1967].

Динамичный рост спроса на электроэнергию сопровождался интенсивной перестройкой ее генерации в разрезе первичных энергоисточников. Хотя и сейчас почти две трети выработки электроэнергии приходится на ископаемые виды топлива, их совокупная доля в генерации снизилась с 74% в 1971 г. до 61% в 2020 г. (см. табл. 2). При этом нефть и нефтепродукты все меньше используются для производства электроэнергии. Вклад природного газа в мировую электрогенерацию достиг 23%, а доля угля медлен-

но снижается и в предковидный год составила 37%. Исторический пик вклада атомной электроэнергетики был зарегистрирован в 1996 г., с середины прошедшего десятилетия ее доля в глобальной генерации стабилизировалась на уровне 10%. Вклад гидроэнергетики в мировую электрогенерацию с 1990 г. стабилизировался в коридоре 16–18%. Самым динамичным сектором в мировой электроэнергетике являются новые возобновляемые источники энергии (НВИЭ), доля которых в совокупной генерации начала быстро возрастать на рубеже тысячелетий и в настоящее время достигла 12%.

Анализ структуры электрогенерации в разрезе первичных энергоисточников показывает, что ведущие экономические центры современного мира находятся на различных стадиях перехода к зеленой энергетике. В США, богато наделенных практически всеми первичными источниками энергии, главными тенденциями перестройки генерации в последние два десятилетия стали возрастание доли природного газа на фоне ускоряющейся деуглизации, а также медлен-

Таблица 2. Мир: структура генерации электроэнергии по видам энергоресурсов в 1971–2020 гг., %*

Table 2. World: energy mix in electricity generation in 1971–2020, %

	1971	1980	1990	2000	2010	2018	2019	2020
Уголь	40	38	37	39	40	38	37	34
Нефть	21	20	11	8	5	3	3	4
Природный газ	13	12	15	18	22	23	23	23
Атомная энергия	2	9	17	17	13	10	10	10
Гидроэнергия	23	21	18	17	16	16	16	17
НВИЭ	1	1	2	2	4	10	11	12
Электрогенерация, млрд МВт·ч	5,3	8,3	11,8	15,4	21,5	26,6	27,0	26,8

* – показатели за 2019–2020 гг. не строго сопоставимы с предыдущими.

Источники: [IEA World Energy Balances, 2019; Global Electricity Review Dataset, n/y], а также IEA Global electricity generation mix, 2010–2020. – IEA, 2021. – URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/global-electricity-generation-mix-2010-2020> (дата обращения: 01.02.2022) и расчеты авторов.

ное возрастание вклада НВИЭ, главным образом ветровой и солнечной энергии (см. рис. 1). В странах Евросоюза и Великобритании – мировых лидерах перехода к зеленой энергетике – главной тенденцией стало увеличение вклада НВИЭ, на долю которых в 2020 г. пришлось 27% всей произведенной электроэнергии. Усиление позиций НВИЭ наблюдается на фоне ускорившейся деуглизации электроэнергетики и снижения вклада атомной энергетики.

Крупнейшие развивающиеся страны – экспортеры промышленных изделий находятся в иной энергетической эпохе. Китай только приступил к деуглизации электроэнергетики, а в Индии вклад угля в общую генерацию пока даже не демонстрирует устойчивой тенденции к снижению (см. рис. 2).

Долговременные сценарные прогнозы динамики электроэнергетики: скрытые неопределенности

Долгосрочные сценарии электрогенерации ведущих энергетических агентств и крупнейших мировых энергетических компаний отличаются высокой неопределенностью. В одиннадцати авторитетных сценарных прогнозах мировой спрос на электроэнергию в 2030 г. оценивается в пределах 29–37 ТВт·ч, причем, если исключить самый консервативный прогноз *ExxonMobil* (2019), то ожидаемый разброс спроса сужается до 34–37 ТВт·ч (см. табл. 3). Однако уже для 2040 г. этот разброс расширится до 35–58 ТВт·ч.

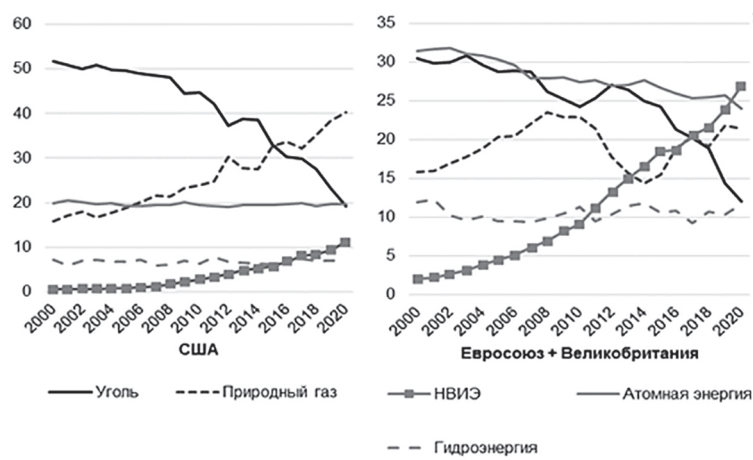

Рисунок 1. США, Евросоюз и Великобритания: структура электрогенерации в разрезе первичных источников энергии, %

Figure 1. US, EU and United Kingdom: structure of electricity generation by primary energy sources, %

Источник: [IEA World Energy Balances, 2019; IEA World Energy Outlook, 2021], а также EIA Monthly Energy Review U.S. – U.S. Energy Information Administration, 2021. – URL: <https://www.eia.gov/totalenergy/data/monthly> (дата обращения: 01.02.2022) и расчеты авторов.

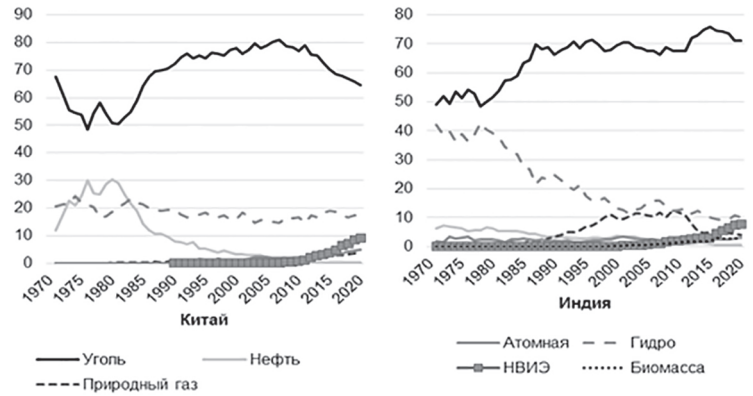

Рисунок 2. Индия и Китай: структура электрогенерации в разрезе первичных источников энергии, %

Figure 1. India and China: structure of electricity generation by primary energy sources, %

Источники: [IEA World Energy Balances, 2019; IEA World Energy Outlook, 2021] и расчеты авторов.

Таблица 3. Мир: сценарные прогнозы генерации электроэнергии, ТВт·ч
Table 3. World: electricity generation forecasts, TWh

Сценарии	2020, факт	Прогноз	
		2030	2040
IEA Sustainable Development Scenario (2021)	27	34	58
IEA Stated Policies Scenario (2021)	27	34	47
ExxonMobil (2019)	27	29	35
BP Business-as-usual scenario (2020)	27	34	42
BP Rapid scenario (2020)	27	35	44
BP Net Zero scenario (2020)	27	36	48
IIASA Current Policies (2021)	27	36	42
IIASA Below 2°C(2021)	27	35	45
IIASA Net Zero 2050 (2021)	27	34	49
Total Momentum (2021)	27	35	47
Total Rupture (2021)	27	37	54

Источники: [IEA World Energy Outlook, 2021; Total Energy Outlook, 2021], а также BP Energy Outlook. – BP, 2020. – URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-energy-outlook-2020.html> (дата обращения: 01.02.2022); NGFS Scenario Explorer: REMIND-MAGPIE 2.1–4.2 IntegratedPhysicalDamages (95th). – IIASA, 2021. – URL: <https://data.ene.iiasa.ac.at/ngfs/#/workspaces> (дата обращения: 01.02.2022); ExxonMobil Outlook for Energy: A perspective to 2040. – ExxonMobil, 2019. – URL: <https://corporate.exxonmobil.com/Energy-and-innovation/outlook-for-energy/Outlook-for-Energy-A-perspective-to-2040> (дата обращения: 01.02.2022).

Не вдаваясь в детальный анализ различий в методологии, отметим несколько принципиальных моментов. Во-первых, во всех прогнозах, за исключением сценариев Международного института прикладного системного анализа (IIASA), обратные взаимосвязи между энергопотреблением и экономикой не рассматриваются.

Во-вторых, практически все сценарии исходят из существенного ускорения спроса на электроэнергию в текущем

десятилетии в развитых странах по сравнению с 2011–2020 гг. Международное энергетическое агентство (МЭА) ожидает в 2021–2030 гг. очень значительного ускорения роста спроса на электроэнергию в странах Евросоюза (12% мировой электрогенерации в 2020 г.) после десятилетия стагнации этого спроса в 2011–2020 гг. (см. табл. 4). Заметно, особенно в сценариях «Обещанные политики» и «Устойчивое развитие», что должен возрасти спрос на электроэнергию и в США.

Таблица 4. Среднегодовые темпы роста генерации электроэнергии, %
Table 4. Electricity generation average annual growth rates, %

	Факт		Сценарий		
			Текущие политики	Обещанные политики	Устойчивое развитие
	2001–2010	2011–2020	2021–2030	2021–2030	2021–2030
Мир	3,4	2,3*	2,3	2,5	2,5
США	0,5	0,5*	0,6	1,4	1,4
ЕС-27	1,2	0,0*	1,3	2,2	2,2
Китай	11,6	6,4	2,8	2,7	2,8
Индия	5,2	4,8	4,7	4,7	4,9

* – для элиминирования негативного экзогенного шока коронавирусной инфекции расчеты выполнены за 2011–2019 гг.

Источники: [IEA World Energy Balances, 2019; IEA World Energy Outlook, 2021; Global Electricity Review Dataset, n/y] и расчеты авторов.

И в случае США, и особенно Евросоюза существенное ускорение роста спроса на электроэнергию ожидается на фоне вялого трендового экономического роста. Ожидаемое ускорение роста спроса на электроэнергию является статистическим отражением ускоренного перехода на прямое потребление электроэнергии, вырабатываемых «чистыми», «зелеными» первичными энергоисточниками. Однако вопросы долгосрочной устойчивости, ограничений и рисков новой экономической модели, в которую имплицитно заложена иная, чем прежде, форма взаимозависимости между экономикой и энергетикой, в предлагаемых сценариях практически не рассматриваются, а потому остаются открытыми.

**Прогнозы структуры
электрогенерации в разрезе
первичных энергоисточников**

Сценарные прогнозы структуры генерации электрогенерации в разрезе первичных источников энергии еще бо-

лее неопределенны. Анализ самых авторитетных прогнозов позволяет констатировать, что в настоящее время ни государственные регуляторы, ни международные энергетические агентства, ни крупнейшие энергетические компании не обладают целостным и непротиворечивым видением будущей динамики и структуры мировой электроэнергетики даже на горизонте 10 лет.

Особенно заметно неопределенность проявляется при оценках ожидаемого вклада в совокупную генерацию НВИЭ, угля и природного газа (см. табл. 5). Даже в базовых сценариях расхождения в оценках доли НВИЭ в 2030 г. достигают 21 п.п. для Индии, 20 п.п. – для США, 14 п.п. – для Евросоюза и Китая. Расхождения в оценках на 2040 г., особенно для США и Индии, становятся еще значительнее. Кардинальные расхождения по доле НВИЭ предопределяют высокую степень вариативности оценок по вкладам в совокупную генерацию угля и природного газа.

Таблица 5. Базовые сценарные прогнозы диапазонов долей НВИЭ, угля и природного газа в совокупной электрогенерации, %

Table 5. Base scenario forecasts of the ranges of new renewables, coal and natural gas in total electricity generation, %

	2020, факт	2025	2030	2040
НВИЭ				
Китай	9	12–22	13–27	16–34
США	11	15–22	11–31	15–48
Евросоюз	27	29–39	37–51	47–68
Индия	8	15–31	24–45	16–54
Уголь				
Китай	65	50–58	42–52	36–52
США	20	15–25	11–20	6–19
Евросоюз	12	8–13	4–10	1–5
Индия	71	48–64	35–55	31–62
Природный газ				
Китай	4	5–8	5–11	6–12
США	40	36–44	35–45	34–45
Евросоюз	21	19–21	17–20	14–16
Индия	4	4–6	3–6	1–9

Источники: IAEA World Energy Outlook, 2021; Total Energy Outlook, 2021; IEEJ Outlook 2020, 2019], а также BP Energy Outlook. – BP, 2020. – URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-energy-outlook-2020.html> (дата обращения: 01.02.2022); NGFS Scenario Explorer; REMIND-MAGPIE 2.1-4.2 IntegratedPhysicalDamages (95th). – IIASA, 2021. – URL: <https://data.ene.iiasa.ac.at/ngfs/#/workspaces> (дата обращения: 01.02.2022) и расчеты авторов.

Мы считаем, что повысить определенность в оценке перспектив развития мировой электроэнергетики до 2030 г. можно за счет: во-первых, более полного учета при анализе интересов и возможностей стран – крупнейших потребителей и производителей электроэнергии; во-вторых, реалистичной оценки цены перехода к зеленой энергетике; в-третьих, оценки эффектов от введения глобальной платы за выбросы парниковых газов. Все эти факторы в конечном счете упираются в экологию.

Наделенность первичными энергоресурсами и императивы экономического роста

Среди крупнейших мировых экономик только США обладают богатыми запасами углеводородов (угля, нефти и природного газа), достаточными для удовлетворения потребностей национальной экономики в энергии на протяжении многих десятков лет. Страны Евросоюза и Великобритания, Индия и Китай находятся в критической зависимости от импорта нефти и природного газа, причем эта зависимость быстро усиливается.

Наличие огромных запасов газа и тенденции перестройки отраслевой структуры электрогенерации за последние два десятилетия (см. рис. 1 выше) позволяют уверенно утверждать, что США продолжают массово использовать природный газ в качестве топлива для производства электроэнергии. С учетом более рыночного в сравнении с Евросоюзом подхода США к продвижению ветровой и солнечной энергетиче-

ки доля газа в генерации электроэнергии, скорее всего, даже немного возрастет. В американской электроэнергетике ожидается острая конкуренция между газом и НВИЭ за ту нишу в генерации, которая высвобождается из-за прогрессирующей деуглизации последней.

Иная ситуация сложилась в электроэнергетике Евросоюза и Великобритании. Быстрое снижение собственной добычи природного газа и неоднократно подтвержденный политический выбор в пользу форсированного развития солнечной и ветровой энергетике ведут к быстрому повышению доли НВИЭ в совокупной электрогенерации. В рамках политико-экономической матрицы импортируемый природный газ не может полноценно участвовать в конкуренции за ниши в генерации, высвобождающиеся в результате последовательной деуглизации и денуклеаризации электроэнергетики. Другое дело, что вклад НВИЭ в совокупную генерацию электроэнергии в странах Евросоюза и Великобритании уже достиг 27%. Дальнейшее повышение этой доли должно быть подкреплено надежной генерацией, которую в условиях деуглизации и денуклеаризации может обеспечить только природный газ.

При этом значительное число стран – членов ЕС, во-первых, сопротивляются попыткам навязать им ускоренную деуглизацию; во-вторых, планируют реализовать стратегию декарбонизации через развитие не НВИЭ, а расширение атомной энергетики [Жуков, Копытин, Попадько, 2022]. В самом конце 2021 г. Еврокомиссия рекомендовала на определенных условиях включить газовую и атомную генерацию в зеленую таксономию¹. Эти рекомен-

1 UPDATE 3-EU drafts plan to label gas and nuclear investments as green // Reuters. – 2022. – January 1. – URL: <https://www.reuters.com/article/eu-regulations-finance-idAFL1N2TH051> (дата обращения: 01.02.2022).

дации встретили сопротивление ряда ведущих членов ЕС и влиятельного «зеленого лобби». Предсказать результаты политической борьбы за продвижение той или иной отрасли электроэнергетики крайне трудно, но при любом развитии событий природный газ как минимум до 2030 г. сохранит свои относительные позиции в структуре электрогенерации.

Находящиеся на высоком уровне социально-экономического развития и располагающие избыточными генерирующими мощностями США и европейские страны могут позволить себе эксперименты с развитием электроэнергетики. Наиболее динамично развивающиеся страны находятся в принципиально другой ситуации. Национальные экономические стратегии развивающихся стран – экспортеров промышленных изделий исходят из абсолютного приоритета поддержания высоких темпов экономического роста и удовлетворения быстро растущего спроса на электроэнергию со стороны промышленности и населения.

Перспективная динамика и перестройка отраслевой структуры мировой электроэнергетики решающим образом зависят от развития ситуации в Китае и Индии, на которые приходится соответственно 29 и 6% мировой электрогенерации. Общим для двух этих очень разных гигантов современного мира является не только предельно прагматичный подход к энергетическому сектору, но и критическая и продолжающаяся усиливаться зависимость

от импорта нефти и природного газа. При этом обе страны достаточно богато наделены запасами угля, хотя и не самого высокого качества. К тому же Китай обладает одними из самых передовых в мире технологий сжигания угля и улавливания вредных выбросов его сжигания в атмосферу [Синицын, 2021]. Госсовет Китая обнародовал стратегию развития энергетики до 2030 г. в конце октября 2021 г. Правительство КНР считает, что к 2020 г. страна перевыполнила взятые на себя обязательства по снижению выбросов углерода в расчете на единицу ВВП². Китай начнет снижать потребление угля и вывод из эксплуатации угольной генерации, но только после 2030 г.³ Продолжит опираться на сравнительно дешевую угольную генерацию и Индия, тем более что использование собственного угля не создает дополнительный нагрузки на торговый и платежный баланс страны.

Устойчивость платежного баланса для поддержания макроэкономической стабильности и глобальной конкурентоспособности является абсолютным императивом для всех стран – экспортеров промышленных изделий. Как в свое время индустриализация в Великобритании и Западной Европе опиралась на уголь, так и в группе развивающихся стран – экспортеров промышленных изделий индустриализация и урбанизация в значительной мере будут поддержаны сравнительно более дешевой угольной генерацией на собственном сырье [Азиатские энергетические сценарии 2030, 2012].

2 China's policies and actions in response to climate change = 中国应对气候变化的政策与行动 // XINHUA. – 2021. – October 27. – URL: http://www.news.cn/politics/2021-10/27/c_1128001009.htm (дата обращения: 01.02.2022).

3 Action Plan for Carbon Dioxide Peaking Before 2030 // XinhuaNet. – 2021. – October 27. – URL: http://www.news.cn/english/2021-10/27/c_1310270985.htm (дата обращения: 01.02.2022); Working Guidance For Carbon Dioxide Peaking And Carbon Neutrality In Full And Faithful Implementation Of The New Development Philosophy // XinhuaNet, The Communist Party of China Central Committee and the State Council. – 2021. – October 24. – URL: http://www.news.cn/english/2021-10/24/c_1310265726.htm (дата обращения: 01.02.2022).

Экономическая цена энергетического перехода

Значительное влияние на темпы и направление отраслевой перестройки электроэнергетики окажут финансово-экономические ограничения. Вопросы цены энергетического перехода начали предметно обсуждаться в мировой научной литературе только в самое последнее время.

Оценки Института мировых ресурсов (*World Resources Institute*) показывают, что для достижения к 2050 г. нулевых глобальных выбросов ежегодные мировые расходы на энергетический переход должны достигнуть к 2030 г. 5 трлн долл. в год и оставаться на этом уровне вплоть до 2050 г. В 2020 г. такие расходы составляли только 640 млрд долл. Из 5 трлн ежегодных вложений 1,25 трлн долл. должны обеспечить государства (в 2020 г. – 300 млрд) и 3,75 трлн долл. – частные инвесторы (340 млрд) [State of Climate Action 2021..., 2021]. По оценкам *Climate Policy Initiative*, энергетический переход обойдется миру в 5,1–11,3 трлн долл. ежегодно, из которых в перестройку электроэнергетики необходимо направлять от 1,5 до 6,6 трлн долл. [Global Landscape of Climate Finance, 2021].

Нижняя граница этих новейших оценок цены перехода в электроэнергетике примерно соответствует модельным расчетам сценария *IIASA Net Zero 2050* и прогнозу *IRENA* [World Energy Transitions Outlook..., 2021], верхняя – в разы превосходит прежние оценки.

Но даже эти новые оценки, судя по всему, существенно занижают объем ресурсов, необходимых для обеспечения зеленого перехода. По расчетам *Boston Consulting Group*, только Германии для реализации климатических целей до 2030 г. необходимо найти дополнительные средства в объеме около 1 трлн долл. [Climate Paths 2.0..., 2021], то есть примерно 100 млрд долл. в год.

Значительная часть этих гипотетических расходов должна быть произведена развивающимися странами. Африканские страны оценили свои потребности в 1,3 трлн долл. в год начиная с 2025 г.⁴ Индия объявила о готовности достичь климатической нейтральности к 2070 г. при условии получения внешней помощи в объеме 1 трлн долл. до 2030 г.⁵ Очевидно, что у развивающихся стран, исключая Китай, нет возможностей мобилизовать столь масштабные ресурсы.

Не состоятельны и расчеты на получение необходимых ресурсов от развитых стран. Еще в 2009 г. развитые страны дали обещание ежегодно направлять на цели климатического развития в развивающихся странах 100 млрд долл. [Copenhagen Accord, 2009], которое не было выполнено. По расчетам ОЭСР, в среднем за 2013–2019 гг. на эти цели, включая займы и инвестиции частного сектора, направлялось всего 67 млрд долл. [Climate Finance..., 2021]. *Oxfam*, анализируя ту же статистику, показала, что в 2017–2018 гг. только пятая часть климатической помощи развивающимся странам была представлена в форме грантов, остальные

4 Africa Wants \$1.3 Trillion Annual Climate Finance as Rich Nations Miss Target // Bloomberg. – 2021. – November 4. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-04/africa-wants-climate-finance-boost-as-rich-nations-miss-target> (дата обращения: 01.02.2022).

5 India Wants \$1 Trillion Before It Raises Targets to Cut Emissions // Bloomberg. – 2021. – November 10. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-10/india-holds-back-on-climate-pledge-until-rich-nations-pay-1-trillion> (дата обращения: 01.02.2022).

ресурсы поступили в виде займов и в других непреференциальных формах [Carty, Kowalzig, Zagema, 2020].

Очевидно, что развитым странам непросто аккумулировать ресурсы для финансирования собственного энергетического перехода. Достаточные ресурсы для стимулирования такого перехода в развивающихся странах в мировой экономической системе в настоящее время отсутствуют.

Налог на выбросы парниковых газов – негативный шок для экономического роста

В научной литературе и мировом политическом дискурсе широко обсуждается вопрос о введении глобального обязательного налога на выбросы парниковых газов. Введение налога могло бы подтолкнуть энергетический переход и одновременно стать источником ресурсов для его финансирования. При этом очевидно, что углеродный налог, как и другие механизмы платы за эмиссию парниковых га-

зов, получит массовое распространение и даст ожидаемый положительный эффект только в том случае, если он не окажет сильного негативного воздействия на экономический рост.

Модельные расчеты показывают, что для достижения целей в декарбонизации в соответствии с требованиями устойчивого развития к 2030 г. не менее 51% глобальных эмиссий парниковых газов должны облагаться налогом на уровне не менее 135 долл. за тонну CO_2 -эквивалента. Между тем в 2021 г. налогом в 135 долл. за тонну выбросов облагались только 0,08% мировых эмиссий парниковых газов [State of Climate Action 2021..., 2021].

Сценарное моделирование повышения налога на эмиссию углерода к 2030 г. только до 100 долл. за тонну с целью выполнения целей Парижского соглашения по климату, как это рекомендует Комиссия высокого уровня по ценам на углерод [Report of the High-Level Commission on Carbon Prices, 2017], показывает, что самый сильный негативный шок испытает Китай, который потеряет более 7% роста ВВП (см. рис. 3).

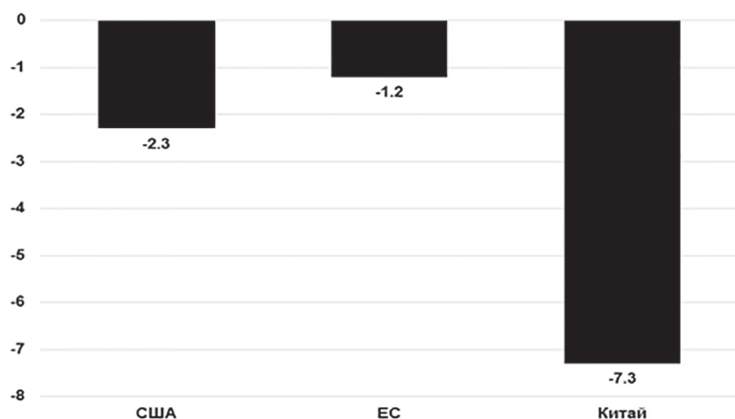

Рисунок 3. Глубина снижения ВВП к 2030 г. относительно базового сценария в случае введения налога на выбросы углерода в 100 долл. за тонну, процентные пункты

Figure 3. Depth of GDP decline by 2030 relative to the business-as-usual scenario if carbon tax of 100 dollars per ton of CO_2 is introduced

Источник: [Amiot, Bovino, 2021].

Учитывая негативное влияние на экономический рост, введение налога на выбросы парниковых газов по ставке, достаточной для стимулирования энергетического перехода, остается пока невыполнимой задачей.

Проведенный анализ экономических факторов, обуславливающих трансформацию сектора электроэнергетики, позволяет уверенно прогнозировать, что в перспективе до 2030 г. развитие этого сектора будет определяться уровнем развития, наделенностью первичными энергоресурсами и национальными стратегиями экономического развития. Ведущие мировые экономики останутся на очень разных стадиях перехода к зеленой энергетике. В развитых странах газовая генерация может даже усилить свои позиции. Динамичные развивающиеся страны сделают выбор в пользу сравнительно более дешевых видов генерации и постараются избежать негативного для экономического роста шока из-за введения налога на выбросы углерода. Высоковероятные технологические прорывы, особенно в создании конкурентоспособных промышленных систем хранения электроэнергии [Масленников, 2022] и введение значительным числом стран налога на эмиссии парниковых газов, тем более на уровне, который позволил бы достичь целей Парижского соглашения по климату, могут привести к существенной трансформации энергетических рынков и оказать решающее влияние на структуру электрогенерации в разрезе первичных энергоисточников. Вероятность таких изменений в период после 2030 г. постоянно возрастает.

Список литературы

Азиатские энергетические сценарии 2030 / ред. С.В. Жуков. – Москва : Магистр, 2012. – 336 с.

Жуков С.В., Копытин И.А., Попадько А.М. Пределы интеграции НВИЭ в электроэнергетике стран Евросоюза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 203–223. – DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-10.

Масленников А.О. Аккумуляторные системы хранения энергии как *game changer* в перестройке мировой электроэнергетики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 102–127. – DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-5.

Синицын М.В. Конец эпохи энергетического угля // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 11. – С. 40–48. – DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-40-48.

Amiot M., Bovino B.A. Economic Research: Green Spending Or Carbon Taxes (Or Both): How To Reach Climate Targets, And Grow Too, By 2030? // SPglobal, 2021. – URL: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/211104-economic-research-green-spending-or-carbon-taxes-or-both-how-to-reach-climate-targets-and-grow-too-by-2-12175385> (дата обращения: 01.02.2022).

Carty T., Kowalzig J., Zagema B. Climate Finance Shadow Report 2020. – Oxford : Oxfam International, 2020. – 31 p. – DOI: 10.21201/2020.6621.

Climate Finance Provided and Mobilised by Developed Countries: Aggregate Trends Updated with 2019 Data. – Paris : OECD Publishing, 2021. – 21 p. – DOI: 10.1787/03590fb7-en.

Climate Paths 2.0. A Program for Climate and Germany's Future Development // Boston Consulting Group, 2021. – URL: <https://www.bcg.com/de-at/climate-paths> (дата обращения: 01.02.2022).

Copenhagen Accord // UNFCCC. December 18, 2009. – URL: <https://unfccc.int/resource/docs/2009/cop15/eng/107.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

Global Electricity Review Dataset // EMBER, n/y. – URL: <https://ember-climate.org/data/global-electricity> (дата обращения: 01.02.2022).

Global Landscape of Climate Finance // Climate Policy Initiative. December 14, 2021. – URL: <https://www.climatepolicyinitiative.org/publication/global-landscape-of-climate-finance-2021> (дата обращения: 01.02.2022).

IEA World Energy Balances // International Energy Agency. September 12, 2019. – 793 p. – DOI: 10.1787/3a876031-en. – URL: https://www.oecd-ilibrary.org/energy/world-energy-balances_25186442 (дата обращения: 01.02.2022).

IEA World Energy Outlook // International Energy Agency, 2021. – URL: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2021/overview> (дата обращения: 01.02.2022).

IEEJ Outlook 2020 // The Institute of Energy Economics, Japan, October 15, 2019. – URL: <https://eneken.iej.or.jp/en/press/press191011.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

Jorgenson D.W. The Role of Energy in Productivity Growth // The Energy Journal, International Association for Energy Economics. – 1984. – Vol. 74, N 2, – P. 26–30. – URL: <https://ideas.repec.org/a/aen/journal/1984v05-03-a02.html> (дата обращения: 01.02.2022).

Kaldor N. Strategic factors in economic development. – Ithaca : New York State School of Industrial and Labor Relations, Cornell University, 1967. – 83 p. – DOI: 10.2307/2520980.

OECD Electricity generation // OECD Data, 2021. – URL: <https://data.oecd.org/energy/electricity-generation.htm> (дата обращения: 01.02.2022).

Report of the High-Level Commission on Carbon Prices // Carbon Pricing Leadership Coalition. May, 2017. – URL: <https://www.carbonpricingleadership.org/report-of-the-high-level-commission-on-carbon-prices>

(дата обращения: 01.02.2022).

Rosenberg N. The Role of Electricity in Industrial Development // The Energy Journal, International Association for Energy Economics. – 1998. – Vol. 19, № 2. – P. 7–24. – URL: <https://ideas.repec.org/a/aen/journal/1998v19-02-a02.html> (дата обращения: 01.02.2022).

Smil V. Energy and Civilization: A History. – Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 2017. – 562 p.

Smil V. Energy at the Crossroads: Global Perspectives and Uncertainties. – Cambridge (Mass.) ; London : The MIT Press, 2005. – 444 p.

Smil V. Energy Transitions: Global and National Perspectives (Second expanded and updated edition). – S. l. : Praeger, 2016. – 297 p.

State of Climate Action 2021: Systems Transformations Required to Limit Global Warming to 1.5°C / Boehm S. [et al.]. – 2021. – Washington, DC : World Resources Institute. – 240 p. – DOI: 10.46830/wri.rpt.21.00048.

Taylor L. Energy Productivity, Labor Productivity, and Global Warming // Twenty-first Century Macroeconomics: Responding to the Climate Challenge. – 2008. – January.

Total Energy Outlook // TotalEnergies, 2021. – URL: https://totalenergies.com/system/files/documents/2021-09/2021_TotalEnergies_Energy_Outlook.pdf (дата обращения: 01.02.2022).

Von Arnim R., Rada C. Labour Productivity and Energy Use in a Three-Sector Model: An Application to Egypt // Working Paper Series, Department of Economics, University of Utah. – 2011. – Vol. 42, № 6. – P. 1323–1348. – DOI: 10.1111/j.1467-7660.2011.01741.x

World Energy Transitions Outlook: 1.5°C Pathway // IRENA, June, 2021. – URL: <https://www.irena.org/publications/2021/Jun/World-Energy-Transitions-Outlook> (дата обращения: 01.02.2022).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.02

Long-term Scenarios of Global Power Industry Development: Main Tendencies and Uncertainties

Oksana B. REZNIKOVA

PhD in History, Senior Research Fellow, Center for Energy Research Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation
E-mail: rezxana@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9742-5026

Mikhail V. SINITSYN

Research Fellow, Center for Energy Research Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation
E-mail: sinitsyn@imemo.ru
ORCID: 0000-0001-5630-0799

Irine Z. GAKHOKIDZE

Junior Research Fellow, Center for Energy Research Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation
E-mail: irinagakh@imemo.ru
ORCID: 0000-0001-5901-5993

CITATION: Reznikova O.B., Sinitsyn M.V., Gakhokidze I.Z. (2022). Long-term Scenarios of Global Power Industry Development: Main Tendencies and Uncertainties. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 33-48 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.02

Received: 15.11.2021.

Revised: 01.02.2022.

ABSTRACT. Scenario analysis of world electricity in the long-term perspective within the general context of global economic growth allowed the authors to conclude that perspective dynamics of electricity in the world leading production and consumption centers will be decisively in-

fluenced by complex and heterogeneous factors, including: first, primary energy resources endowment; second, level and type of economic development; third, countries capacities to mobilize financial and investment resources necessary for promotion of new renewable energy sources; fourth, na-

tional economic and energy strategies. Depending on these factors countries will remain at very different stages of energy transition at the foreseeable future. There is no a universal model of energy transition.

KEYWORDS: *energy transition, electricity, developed countries, developing countries, the USA, the European Union, China, India, renewables, cost of energy transition, decarbonization, carbon emission tax.*

References

Amiot M., Bovino B.A. (2021). *Economic Research: Green Spending Or Carbon Taxes (Or Both): How To Reach Climate Targets, And Grow Too, By 2030?* SPglobal. Available at: <https://www.spglobal.com/ratings/en/research/articles/211104-economic-research-green-spending-or-carbon-taxes-or-both-how-to-reach-climate-targets-and-grow-too-by-2-12175385> (accessed 01.02.2022).

Asian Energy Scenarios 2030 (2012). Zhukov S. (ed.). Moscow: Magistr, 336 p. (in Russian).

Carty T., Kowalzig J., Zagma B. (2020). *Climate Finance Shadow Report 2020*. Oxford: Oxfam International, 31 p. DOI: 10.21201/2020.6621.

Climate Finance Provided and Mobilised by Developed Countries: Aggregate Trends Updated with 2019 Data (2021). Paris: OECD Publishing, 21 p. DOI: 10.1787/03590fb7-en

Climate Paths 2.0. A Program for Climate and Germany's Future Development (2021). Boston Consulting Group. Available at: <https://www.bcg.com/de-at/climate-paths> (accessed 01.02.2022).

Copenhagen Accord (2009). UNFCCC, December 18. Available at: <https://unfccc.int/resource/docs/2009/cop15/eng/l07.pdf> (accessed 01.02.2022).

Global Electricity Review Dataset (n/y). EMBER. Available at: <https://ember-climate.org/data/global-electricity> (accessed 01.02.2022).

Global Landscape of Climate Finance (2021). Climate Policy Initiative, December 14. Available at: <https://www.climatepolicyinitiative.org/publication/global-landscape-of-climate-finance-2021> (accessed 01.02.2022).

IEA World Energy Balances (2019). International Energy Agency, September 12, 793 p. DOI: 10.1787/3a876031-en. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/energy/world-energy-balances_25186442 (accessed 01.02.2022).

IEA World Energy Outlook (2021). International Energy Agency. Available at: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2021/overview> (accessed 01.02.2022).

IEEJ Outlook 2020 (2019). The Institute of Energy Economics, Japan, October 15. Available at: <https://enen.iej.or.jp/en/press/press191011.pdf> (accessed 01.02.2022).

Jorgenson D.W. (1984). The Role of Energy in Productivity Growth. *The Energy Journal*, International Association for Energy Economics, vol. 74, no. 2, pp. 26–30. Available at: <https://ideas.repec.org/a/aen/journal/1984v05-03-a02.html> (accessed 01.02.2022).

Kaldor N. (1967). *Strategic factors in economic development*. Ithaca: New York State School of Industrial and Labor Relations, Cornell University, 83 p. DOI: 10.2307/2520980

Maslennikov A. (2022). Battery energy storage systems as a game changer in the restructuring of the global electric power industry. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 1, pp. 102–127. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-5.

OECD Electricity generation (2021). OECD Data. Available at: <https://data.oecd.org>

oecd.org/energy/electricity-generation.htm (accessed 01.02.2022).

Report of the High-Level Commission on Carbon Prices (2017). Carbon Pricing Leadership Coalition, May. Available at: <https://www.carbonpricingleadership.org/report-of-the-highlevel-commission-on-carbon-prices> (accessed 01.02.2022).

Rosenberg N. (1998). The Role of Electricity in Industrial Development. *The Energy Journal*, International Association for Energy Economics, vol. 19, no. 2, pp. 7–24. Available at: <https://ideas.repec.org/a/aen/journal/1998v19-02-a02.html> (accessed 01.02.2022).

Sinit'syn M. (2021). End of Energy Coal Era. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 65, no. 11, pp. 40–48 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-40-48.

Smil V. (2005). *Energy at the Crossroads: Global Perspectives and Uncertainties*. The MIT Press, 444 pp.

Smil V. (2016). *Energy Transitions: Global and National Perspectives (Second expanded and updated edition)*. Praeger, 297 pp.

Smil V. (2017). *Energy and Civilization: A History*. The MIT Press, 562 pp.

State of Climate Action 2021: Systems Transformations Required to Limit Global Warming to 1.5°C (2021). Washington,

DC: World Resources Institute, 240 pp. DOI: 10.46830/wri.rpt.21.00048.

Taylor L. (2008). *Energy Productivity, Labor Productivity, and Global Warming*. Twenty-first Century Macroeconomics: Responding to the Climate Challenge, January.

Total Energy Outlook (2021). TotalEnergies. Available at: https://totalenergies.com/system/files/documents/2021-09/2021_TotalEnergies_Energy_Outlook.pdf (accessed 01.02.2022).

Von Arnim R., Rada C. (2021). *Labour Productivity and Energy Use in a Three-Sector Model: An Application to Egypt*. Working Paper Series, Department of Economics, University of Utah, 2011, vol. 42, no. 6, pp. 1323–1348. DOI: 10.1111/j.1467-7660.2011.01741.x.

World Energy Transitions Outlook... (2021). *World Energy Transitions Outlook: 1.5°C Pathway*. IRENA, June. Available at: <https://www.irena.org/publications/2021/Jun/World-Energy-Transitions-Outlook> (accessed 01.02.2022).

Zhukov S., Kopytin I., Popad'ko A. (2022). Limits of integration of renewable energy sources in the electric power industry of the EU countries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 1, pp. 203–223 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-10.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.03

Роль Китая и Индии в глобальных действиях по предотвращению изменения климата

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: ngrogozhina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9924-2493

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожина Н.Г. (2022). Роль Китая и Индии в глобальных действиях по предотвращению изменения климата // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 49–65.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.03

Статья поступила в редакцию 07.12.2021.
Исправленный текст представлен 20.01.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется климатическая политика Китая и Индии как главных эмиттеров парниковых газов. Ставится вопрос о соответствии предпринимаемых ими действий по сокращению выбросов CO₂ их вкладу в глобальное потепление. В своей климатической политике они прошли длинный путь от отрицания самого факта принятия на себя обязательств до признания своей ответственности в глобальной борьбе с изменением климата, что отражает динамику их экономического развития и появление новых трендов в процессе глобализации. Выделяются факторы, влияющие на изменение их под-

хода к данной проблеме, решение которой предполагает переход к зеленому развитию, осуществляемому преимущественно в рамках энергетического транзита. В этом плане у Индии более слабые стартовые позиции, чем у Китая, и меньшая политико-идеологическая мотивация, что обуславливает некоторые различия в их климатической политике. Оцениваются ее промежуточные результаты, которые позволяют сделать вывод о том, что в своих действиях по сокращению выбросов CO₂ Китай и Индия руководствуются преимущественно экономическими интересами. Это объясняет двойственность их климатической дипломатии. Осу-

осуществляя меры по сокращению выбросов парниковых газов, они прежде всего рассчитывают на их экономическую отдачу. И, наоборот, избегают тех действий, которые могли бы нанести ущерб экономике. Добившись определенного прогресса в снижении углеродной и энергетической интенсивности, они тем не менее не смогли остановить рост объема выбросов парниковых газов, который продолжится даже в среднесрочной перспективе.

Однако, учитывая сохраняющийся высокий спрос на энергию и имеющуюся на сегодня базу экологически чистых технологий, Китай и Индия не готовы идти на ускорение зеленой революции. В то же время, как считает автор, было бы неоправданным ожидать от них более агрессивных действий по сокращению выбросов парниковых газов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Китай, Индия, климатическая политика, выбросы парниковых газов, энергетический переход, зеленая революция, низкоуглеродное развитие.*

Борьба с изменением климата сегодня входит в число приоритетных глобальных проблем, стоящих перед человечеством, представляя угрозу его существованию. Уже сегодня последствия потепления климата наносят существенный ущерб экономике, дестабилизируют социальную систему, вызывают голод, становятся причиной гибели сотен тысяч человек, приводят к политическим конфликтам и обостряют межгосударственные противоречия. Возможность предотвращения изменения климата зависит от усилий всех стран мира, хотя их роль в этом процессе неоднозначна. И если еще в конце XX – начале XXI вв. проблема на международном уровне трактовалась в контексте исторической ответствен-

ности преимущественно развитых стран, то сегодня становится все более очевидным, что без активных действий со стороны развивающихся стран задача по предотвращению климатических изменений решена не будет. В настоящее время более двух третей глобальных выбросов CO₂ приходится на развивающиеся рынки и развивающиеся страны, в то время как выбросы в развитых странах находятся в стадии структурного спада.

В число мировых эмиттеров парниковых газов входят Китай и Индия, занимающие первое и третье место в рейтинге стран по объему выбросов CO₂, рост которых объясняется реализацией ресурсно-энергетической модели развития, большой численностью населения и высокой долей бедных в его составе, доминированием угля в структуре энергопотребления. Наличие этих факторов определяет двойственность проводимой ими климатической дипломатии. С одной стороны, они признают свою ответственность и предпринимают меры по сокращению выбросов парниковых газов на национальном уровне, с другой – не готовы жертвовать своими экономическими интересами ради обеспечения глобальной экологической безопасности, осуществляя лишь те действия, которые обладают высокой экономической отдачей.

Китай: путь к низкоуглеродному развитию

Роль Китая в борьбе с изменением климата определяется объемом производимых им выбросов двуокиси углерода, по показателю которого он занимал в 2020 г. первое место в мире – 31% от мирового уровня, в то время как на

США (второе место) приходилось 14%¹. В период с 2009 по 2019 г. Китай выбросил в атмосферу в 2 раза больше CO₂, чем США [Erickson, Collins, 2021], что повышает степень его ответственности перед человечеством. В своей климатической дипломатии Китай прошел путь от отрицания самого факта необходимости принятия на себя обязательств по сокращению выбросов CO₂ до признания необходимости участия в глобальных действиях по борьбе с изменением климата.

С одной стороны, участие в глобальном проекте по сокращению выбросов парниковых газов отвечает интересам экологической безопасности Китая. И доказательством тому служит подписание Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1992 г.). Другое дело – брать на себя обязательства на международном уровне по сокращению выбросов парниковых газов с сопутствующим негативным эффектом для экономического развития страны и удовлетворения ее потребностей в энергоносителях, на чем настаивали США в ходе обсуждения Киотского протокола на конференции участников Рамочной конвенции ООН об изменении климата в 1997 г. Для обоснования своей позиции Китай сослался на цифры, свидетельствующие о его существенном отставании от развитых стран по показателю потребления энергии и выбросам углекислого газа в расчете на душу населения (1/8 от уровня США).

В 1997 г. Китаю, как и другим развивающимся странам, удалось избежать взятия на себя обязательств по сокращению выбросов парниковых газов, что, однако, не помешало ему присоединиться в 2002 г. к Киотскому протоколу, участие в котором обеспечивало доступ к современным технологиям, инвестициям, информации и зарубежному опыту в рамках Механизма чистого развития, сформированного по итогам переговорного процесса с развитыми странами². Однако КНР категорически выступала против того, чтобы связать свои действия на национальном уровне с принятием обязательств на глобальном уровне, поскольку поддержание ее экономического развития требовало увеличения потребления энергии. И тем не менее, ратифицировав Киотский протокол, Китай создал для себя прочный плацдарм для участия в международных переговорах по его дальнейшей реализации, которые в 2015 г. привели к заключению Парижского соглашения.

Присоединение Китая к нему было продиктовано несколькими соображениями. Во-первых, геополитическими устремлениями – улучшить свой имидж и укрепить свое влияние в мире. Во-вторых, интересами обеспечения национальной безопасности. Угрозу им представляет обострение экологической ситуации (загрязнение воздуха приводит к преждевременной смерти 1,1 млн человек и обходится потерей 38 млрд долл. ежегодно)³ и связанный

1 Kimberley N. COP26: even with Xi's absence, China's climate actions speak louder than words // South China Morning Post. – 2021. – November 9. – URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3155291/cop26-even-xis-absence-chinas-climate-actions-speak-louder-words> (дата обращения: 02.12.2021).

2 Из окончательного текста Протокола было изъято даже положение о добровольных обязательствах развивающихся стран. Наоборот, чтобы стимулировать их участие в решении глобальных проблем и способствовать экологически ориентированному развитию, был создан механизм передачи технологий и фонд поддержки их экологических инициатив.

3 Kao E. Air pollution is killing 1 million people and costing Chinese economy 267 billion yuan a year, research from CUHK shows // The South China Morning Post. – 2008. – October 2. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2166542/air-pollution-killing-1-million-people-and-costing-chinese> (дата обращения: 02.12.2021).

с ним рост протестного движения, способного перерасти в демократическое. В-третьих, осознанием социально-экономических последствий изменения климата, которые проявляются уже сегодня в интенсивности стихийных бедствий, повышении температуры воздуха, поднятии уровня моря⁴.

Однако основную причину действий Китая следует искать в экономике – в стремлении ускорить ее модернизацию в рамках перехода к низкоуглеродному (зеленому) развитию, что повысит привлекательность страны для инвестиций, размер которых в текущем десятилетии составит порядка 15,6–20,3 трлн долл.⁵

Планы Китая по борьбе с изменением климата

Обязательства Китая по борьбе с изменением климата в рамках Парижского соглашения сводятся к следующему: (1) сократить выбросы двуокиси углерода на единицу ВВП на 60–65% по сравнению с 2005 г.; (2) приостановить их рост к 2030 г. или ранее; (3) увеличить долю возобновляемых источников энергии в структуре энергопотребления до 20%; (4) увеличить площадь лесов на 40 млн га по сравнению с 2005 г.

Насколько экономически просчитаны эти обязательства, учитывая перспективный рост спроса на энергию (возрастет с 4,86 млрд тонн до 5,6 млрд тонн угольного эквивалента с 2019 по

2035 г.) [Развитие энергетики КНР..., 2021] и преобладание угля в структуре энергопотребления – 65%? Оценивая итоги предпринятых действий Китая по декарбонизации экономики, можно отметить ряд позитивных моментов: использование энергии на единицу ВВП сократилось на 18% в 2016–2020 гг.;⁶ потребление угля к 2020 г. снизилось на 9,4% по сравнению с 2013–2016 гг., что привело к сокращению его доли в структуре энергопотребления с 64% в 2015 г. до 56,8% к 2020 г.⁷, страна лидирует в мире по производству солнечной и ветровой энергии (в 2019 г. было введено 65 ГВт мощностей, что превысило суммарный объем мощностей США, Евросоюза, Канады, Индии, Японии, Южной Кореи и Бразилии) [Schmidt, Lin, 2019].

Одним из наиболее перспективных направлений развития зеленой экономики и средством обеспечения выполнения климатических обязательств становится развитие сектора возобновляемой энергии. Китай является мировым лидером в сфере зеленой энергетики и в производстве соответствующего оборудования – ветряных турбин и солнечных панелей с долей на мировом рынке 45 и 72% соответственно. Китайский сектор возобновляемой энергии имеет наивысшие показатели роста в мире. В период с 2014 по 2020 г. в стране было введено 235 ГВт солнечной энергии и 205 ГВт – ветровой, что в 2 раза превысило показатели роста

4 Примерно 43 млн человек проживают на территории, которая может уйти под воду к концу столетия в случае потепления климата на 2°C.

5 Murphy D. Why China won't give up on its carbon goals, despite the difficulties // The South China Morning Post. – 2021. – October 29. – URL: <https://www.scmp.com/print/comment/opinion/article/3153791/why-china-wont-give-its-carbon-goals-despite-difficulties> (дата обращения: 02.12.2021).

6 This Is How Top Polluter China Plans to Be Greener by 2025 // Bloomberg. – 2021. – March 5. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-03-05/this-is-how-top-polluter-china-plans-to-be-greener-by-2025> (дата обращения: 02.12.2021).

7 Pearl H. China's carbon neutral goal: can it really kick its coal addiction to achieve its 2060 target? // China Macro Economy. – 2021. – April 21. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3130313/can-china-really-kick-its-coal-addiction-achieve-carbon> (дата обращения: 02.12.2021).

мощностей угольных электростанций [Erickson, Collins, 2021].

Хотя доля атомной энергетики остается незначительной в структуре энергопотребления (2,2%)⁸, тем не менее начиная с 2015 г. страна активно наращивает мощности атомных электростанций. Доля атомной энергии в структуре энергопотребления должна возрасти до 10% к 2035 г.

Эти цифры подтверждают стремление Китая провести масштабную реформу энергетического сектора, добиваясь одновременно решения трех задач: сокращения экологических затрат, связанных в первую очередь с загрязнением атмосферы; обеспечения энергетической безопасности; ускорения научно-технологического прогресса. Китай активно развивает зеленые технологии, считая, что именно они в будущем станут основой экономического прогресса. В течение последних 10 лет Китай по объему инвестирования в развитие сектора возобновляемых источников энергии обогнал другие страны.

Китай также занимает лидирующие позиции в мире в производстве электромобилей, выделив на эти цели с 2009 по 2017 г. субсидий в размере более 35 млрд долл. [Malcomson, 2020]. В 2019 г. в стране было продано 1,37 млн электромобилей – больше, чем в других странах мира. Однако большая часть электричества для этих машин была произведена за счет углеродного топлива [Maizland, 2021].

Дальнейшее решение задачи по созданию зеленой индустрии получила в 14-м плане социально-экономического развития (2021–2025 гг.), где были поставлены следующие цели: снизить потребление энергии в расчете на единицу ВВП на 13,5% и выбросы двуокиси углерода на 18% в период с 2020 по 2025 г.⁹; повысить долю возобновляемых источников энергии в структуре энергопотребления до 20% к 2030 г.; нарастить мощности по производству атомной энергии с 50 до 70 ГВт¹⁰, увеличить запасы древесины на 6 млрд куб. м к 2030 г. по сравнению с 2005 г. В дополнение к этим задачам Китаем была поставлена цель достичь пика выбросов CO₂ до 2030 г. и углеродной нейтральности¹¹ к 2060 г., что было заявлено Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином на Генеральной Ассамблее ООН в 2020 г. в преддверии 26-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP26). Достижение этой цели потребует инвестиций в размере 13 трлн долл. в течение 30 лет [Gang, 2021].

Противоречивость климатической политики

Но не только финансовые затраты затрудняют реализацию намерений Китая по декарбонизации экономики в рамках преимущественного осуществления энергетического перехода. 14-м планом социально-экономического развития не предусмотрено огра-

8 Vazquez K.C. As China moves towards net zero emissions, is the world ready for the economic impact? // The South China Morning Post. – 2021. – July 19. – URL: <https://www.scmp.com/print/comment/opinion/article/3141396/china-moves-towards-net-zero-emissions-world-ready-economic-impact> (дата обращения: 02.12.2021).

9 Pearl H. China's carbon neutral goal: can it really kick its coal addiction to achieve its 2060 target? // China Macro Economy. – 2021. – April 21. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3130313/can-china-really-kick-its-coal-addiction-achieve-carbon> (дата обращения: 02.12.2021).

10 This Is How Top Polluter China Plans to Be Greener by 2025 // Bloomberg. – 2021. – March 5. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-03-05/this-is-how-top-polluter-china-plans-to-be-greener-by-2025> (дата обращения: 02.12.2021).

11 Углеродная нейтральность достигается, когда выбросы CO₂, произведенные компанией, страной или континентом, компенсируются объемом поглощения CO₂ из атмосферы этой компанией/страной/континентом в течение этого же периода.

нение выбросов CO₂ и по-прежнему устанавливаются целевые показатели энергоемкости и выбросов углерода на единицу ВВП. Поэтому можно предположить, что на фоне продолжения экономического роста до 2025 г. объем выбросов углерода будет увеличиваться.

Несмотря на предпринимаемые меры в области борьбы с изменением климата, производство двуокиси углерода нарастает, что в первую очередь связано с сохраняющейся зависимостью экономики от углеродного топлива, главным образом угля, спрос на который возрастает не только со стороны энергетического сектора (примерно 65% производства энергии обеспечивается за счет сжигания угля; для сравнения: этот показатель в США составляет 24%, в Европе – 18%) [Erickson, Collins, 2021], но и промышленности, прежде всего сталелитейной и цементной¹².

Как заявил Си Цзиньпин, Китай намерен «жестко ограничивать рост» потребления угля в течение 2021–2025 гг., но приступит к постепенному отказу от него лишь в 2026–2030 гг.¹³ В эксплуатации находятся 1,058 угольных электростанций – половина мировых мощностей¹⁴. Хотя еще в 2016 г. правительство запретило строительство новых угольных электростанций, однако с истечением срока действия этого указа в 2018 г. работы вновь возобновились. И в 2020 г. было введено в действие в 3 раза больше мощностей угольных

электростанций, чем суммарно во всем остальном мире [Maizland, 2021].

Сократить вредное воздействие сжигания углеродного топлива на климат предполагается за счет закрытия старых объектов, находящихся в эксплуатации 20 и более лет, и ввода в действие высокотехнологичных угольных электростанций, что способствует снижению углеродной интенсивности. Китай имеет одни из самых эффективных угольных электростанций в мире в плане контроля над выбросами сернистого ангидрида и взвеси. Однако они производят всего лишь на 10% меньше выбросов двуокиси углерода в сравнении с традиционными¹⁵. Согласно докладу *Global Energy Monitor-CREA*, если центральное правительство будет и впредь поддерживать тренд на строительство новых угольных электростанций, то в результате отвлечет важные ресурсы из сферы зеленой энергетики, что затруднит проведение энергетического перехода, а в худшем случае – решение задачи по достижению углеродной нейтральности¹⁶. К 2040 г. доля угля при производстве электроэнергии составит, по имеющимся прогнозам, 41,2%¹⁷.

В целях снижения вредного воздействия использования углеродного топлива при производстве электроэнергии и на промышленных предприятиях правительство ужесточает меры экологического контроля, устанавливает стандарты энергоэффективности и

12 На сталелитейное производство приходится 30% используемого в стране угля.

13 Lelyveld M. China Calls for More Coal Despite Carbon Curbs // Radio Free Asia. – 2021. – June 5. – URL: https://www.rfa.org/english/commentaries/energy_watch/china-coal-06042021103808-1.html (дата обращения: 02.12.2021).

14 Report: China emissions exceed all developed nations combined // BBC. – 2021. – May 7. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-57018837.amp> (дата обращения: 02.12.2021).

15 Myllyvirta L. How much do ultra-supercritical coal plants really reduce air pollution? // Energy Post. – 2017. – June 28. – URL: <https://energypost.eu/how-much-do-ultra-supercritical-coal-plants-really-reduce-air-pollution/> (дата обращения: 02.12.2021).

16 China's Net Zero promise looks elusive as banks keep throwing cash at coal mines and power plants // Net Zero Watch. – 2021. – April 4. – URL: <https://www.netzerowatch.com/chinas-net-zero-promise-looks-elusive-as-banks-keep-throwing-cash-at-coal-mines-and-power-plants/> (дата обращения: 02.12.2021).

17 Lelyveld M. China's New Coal Plants Raise Climate Threat // Eurasia Review. – 2019. – December 10. – URL: <https://www.eurasiareview.com/10122019-chinas-new-coal-plants-raise-climate-threat-analysis/> (дата обращения: 02.12.2021).

допустимого уровня загрязнения атмосферы. С 2016 г. в стране действует система экологической экспертизы угольных электростанций, а в 2021 г. была запущена биржа торговли квотами на выбросы углекислого газа¹⁸.

В оценке вклада Китая в борьбу с изменением климата эксперты сходятся во мнении, что Китай не торопится с принятием радикальных мер по сокращению выбросов CO₂, предпочитая в основном ограничиваться мерами по постепенному осуществлению энергетического перехода в рамках уже наметившегося тренда. Однако ускорение энергетического транзита, более активное развитие солнечной и ветровой энергии, согласно выводам экспертов *UC Berkeley and Tsinghua University*, способствовало бы увеличению объема ВВП на 7,5%, повышению показателя занятости населения на 5,9%, развитие инноваций¹⁹. По их мнению, Китай должен полностью отказаться от использования угля к 2050 г., чтобы достичь цели углеродной нейтральности к 2060 г.²⁰

Климатическая политика Китая как главного эмиттера парниковых газов вызывает озабоченность у мирового

сообщества, поскольку заявленные повышенные обязательства в преддверии *COP26* не соответствуют достижению цели, поставленной Парижским соглашением, по ограничению повышения температуры воздуха на 1,5–2 °C по сравнению с доиндустриальным уровнем. Эксперты считают, что Китай способен действовать более решительно, например добиться пика выбросов и увеличить долю возобновляемых источников энергии до 25% к 2025 г.²¹

По оценкам независимой научной организации *Climate Action Tracker*, меры, намеченные Китаем в рамках его новых климатических обязательств, укладываются в траекторию повышения температуры воздуха на планете на 2,4°C²². Эксперты оценивают поставленные Китаем новые цели как «крайне неудовлетворительные» и мало отличающиеся от текущих обязательств²³. По мнению Чжан Шувей, главного экономиста консалтингового центра *Draworld Environment Research Center* в Пекине, «международная общественность ожидала от Китая скачка в проведении климатической политики, однако в действительности он лишь ползет»²⁴. Тем более что этому не благо-

18 В первый список предприятий, охваченных китайским рынком торговли квотами на выбросы углекислого газа, который можно назвать крупнейшим в мире по масштабу охватываемых им выбросов парникового газа, произведенных в результате сжигания углеродного топлива, входят свыше 2 тыс. предприятий сферы выработки электроэнергии, прежде всего угольные и газовые электростанции. В будущем планируется дополнить этот список сталейными, нефтехимическими, химическими, металлургическими, авиационными, целлюлозно-бумажными и строительными предприятиями. Средства от продажи квот на загрязнение пойдут на финансирование проектов по декарбонизации экономики.

19 Jiang L., Gang H. China can benefit from a more ambitious 2030 solar and wind target // *China Dialogue*. – 2021. – February 2. – URL: <https://chinadialogue.net/en/energy/china-can-benefit-from-a-more-ambitious-2030-solar-and-wind-target> (дата обращения: 02.12.2021).

20 Lelyveld M. China Plans New Coal Mines Despite Curbs // *Eurasia Review*. – 2019. – August 27. – URL: <https://www.eurasiareview.com/27082019-china-plans-new-coal-mines-despite-curbs-analysis> (дата обращения: 02.12.2021).

21 Pike L. China aims to be carbon neutral by 2060. Its new 5-year plan won't cut it // *Vox*. – 2021. – March 5. – URL: <https://www.vox.com/22313871/china-energy-climate-change-five-year-plan-wind-solar-coal-oil-gas> (дата обращения: 02.12.2021).

22 What is Cop 26 and why does it matter? The complete guide // *The Guardian*. – 2021. – October 11. – URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/oct/11/what-is-cop26-and-why-does-it-matter-the-complete-guide> (дата обращения: 02.12.2021).

23 CAT Climate Target Update Tracker. China // *Climate Action Tracker*. – 2020. – URL: <https://climateactiontracker.org/climate-target-update-tracker/china/> (дата обращения: 02.12.2021).

24 Pike L. China aims to be carbon neutral by 2060. Its new 5-year plan won't cut it // *Vox*. – 2021. – March 5. – URL: <https://www.vox.com/22313871/china-energy-climate-change-five-year-plan-wind-solar-coal-oil-gas> (дата обращения: 02.12.2021).

приятствует и сложившаяся экономическая ситуация в связи с пандемией COVID-19, восстановление которой пошло по пути энергозатратной модели развития.

В осуществлении своей климатической политики Китай стремится найти хрупкий баланс между своими экономическими интересами и потребностями обеспечения глобальной экологической безопасности, отдавая тем не менее предпочтение первым. Именно поэтому предпринимаемые им меры борьбы с потеплением климата, связанные главным образом с энергетическим переходом, который рассчитан не на одно десятилетие, даже в среднесрочной перспективе не приведут к сокращению объема выбросов углекислого газа в абсолютном выражении. Наоборот, происходит их рост, который в течение последних 5 лет составил 1,7% ежегодно²⁵. Если США за период с 2005 г. по сегодняшний день сократили углеродные выбросы на 11%, то в Китае они выросли на 43%²⁶.

Учитывая сохраняющийся высокий спрос на энергию и имеющуюся на сегодня базу экологически чистых технологий, Китай не готов идти на ускорение зеленого развития. При этом нельзя не отметить, что Китай стремится «сохранить лицо» и поддержать свой имидж ключевого игрока в сфере борьбы с изменением климата. Незадолго до COP26 Китай объявил о прекращении финансирования угольных проектов за рубежом в рамках мегапроекта «Один пояс, один путь»²⁷, а на самой конференции присоединился к соглашению о прекращении вырубki леса, догово-

рился с США о сотрудничестве в борьбе с изменениями климата, в частности, выразил готовность сократить выбросы метана и использование угля в период с 2026 по 2030 г. В октябре 2021 г. Китай обнарудовал план своих действий по достижению пика выброса CO₂ до 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г.

Ускоренное строительство новых угольных электростанций в 2020–2021 гг. и отсутствие четкого плана действий по декарбонизации экономики вызывают у многих зарубежных экспертов сомнения в вероятности достижения Китаем взятых климатических обязательств. С одной стороны, критика в адрес Китая вполне обоснована, учитывая его вклад в глобальное потепление и его ответственность перед человечеством; с другой стороны, надо оценивать осуществляемую Китаем климатическую политику с точки зрения имеющихся технологических возможностей и потребностей экономики, которые определяют предпринимаемые им меры по сокращению выбросов CO₂. Прагматизм и реалистичность – два основных фактора, лежащих в основе его климатических действий.

Приоритеты климатической политики Индии

Индия, занимающая третье место в списке ведущих эмиттеров парниковых газов (6,8% от мирового уровня), уже на протяжении 30 лет про-

²⁵ Ibid.

²⁶ Coca N. More Democracy, Not Authoritarianism, Is Key to Progress on Climate Change // The World Politics Review. – 2021. – November 4. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/30093/more-democracy-not-authoritarianism-is-key-to-mitigating-climate-change> (дата обращения: 02.12.2021).

²⁷ С 2017 по 2019 г. Китай вкладывал ежегодно в эти проекты 6–8 млрд долл.

водит последовательную климатическую дипломатию на глобальном уровне, руководствуясь принципом «общей, но дифференцированной ответственности стран мира за глобальное потепление». Последнее проявлялось в отказе от принятия на себя каких-либо обязательств по сокращению выбросов парниковых газов – это считалось исключительно ответственностью развитых стран несмотря на то, что объем выбросов парниковых газов в период с 1990 по 2016 г. вырос на 150%. При этом аргументом для Индии служит тот факт, что по показателю выбросов на душу населения она занимала в 2016 г. 140-е место в мире (США – 14-е, Китай – 48-е)²⁸, что коррелируется с уровнем ее экономического и социального развития. Средний показатель энергопотребления на душу населения в Индии составлял в 2011 г. 0,6 т нефтяного эквивалента в сравнении с мировым – 1,88²⁹. Несмотря на то, что Индия активно экономически развивается, 30% населения относятся к категории бедных слоев населения, 304 млн чел. не имеют доступа к электричеству, 92 млн – к чистой питьевой воде [Ebinger, 2016].

Подобная оборонительная позиция Индии имела четкое экономическое обоснование. На энергетический сектор страны приходится 86% всех производимых в стране выбросов парниковых газов [Chaturvedi, 2021], снижение ко-

торых обязывало бы Индию сократить свое энергопотребление, объем которого удвоился за последние два десятилетия, отражая динамику экономического и демографического развития страны. И по прогнозам Международного энергетического агентства, Индия будет иметь самый высокий показатель его прироста в мире к 2040 г.³⁰, что неизбежно приведет к росту объема выбросов парниковых газов – на 24–25% к 2030 г. по сравнению с 2019 г. из-за сохранения угля в качестве главного источника энергопотребления (65%)³¹.

В то же время Индия крайне уязвима к потеплению климата, которое негативно сказывается на росте экономики, снижении производства сельскохозяйственной продукции, приводит к обострению водной проблемы, потере биоразнообразия, увеличению числа бедных слоев населения и экологических беженцев, конфликтам с соседними странами региона. Уже сегодня страна сталкивается с негативными последствиями изменения климата, которые проявляются в росте числа стихийных бедствий [Building Back Greener..., 2021]. Индия входит в пятерку стран с наивысшим показателем смертности населения из-за потепления климата, адаптация к которому обойдется в 360 млрд долл. в год к 2030 г.³²

Оценка социально-экономических и экологических потерь изменения климата мотивирует рост заинтересован-

28 Slater J. Can India chart a low-carbon future? The world might depend on it // The Washington Post. – 2020. – June 12. – URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-solutions/2020/06/12/india-emissions-climate/> (дата обращения: 02.12.2021).

29 India's Intended Nationally Determined Contribution: Working Towards Climate Justice // Government of India Ministry of Environment, Forest and Climate Change. – 2018. – URL: <https://moef.gov.in/wp-content/uploads/2018/04/revised-PPT-Press-Conference-INDC-v5.pdf> (дата обращения: 02.12.2021).

30 Gabbatiss J. IEA: India is on 'cusp of a solar-powered revolution' // Carbon Brief. – 2021. – February 9. – URL: <https://www.carbonbrief.org/iea-india-is-on-cusp-of-a-solar-powered-revolution> (дата обращения: 02.12.2021).

31 India. Country summary // Climate Action Tracker. – 2019. – URL: <https://climateactiontracker.org/countries/india/2019-12-02/> (дата обращения: 02.12.2021).

32 Pulakatt H. Adaptations by India towards climate change likely to cost as much as \$360 billion a year by 2030 // The Economic Times. – 2015. – December 2. – URL: <https://economictimes.indiatimes.com/adaptations-by-india-towards-climate-change-likely-to-cost-as-much-as-360-billion-a-year-by-2030/articleshow/49990031.cms?from=mdr> (дата обращения: 02.12.2021).

ности Индии в осуществлении мер по сокращению выбросов парниковых газов, что имеет важное значение в плане обеспечения энергетической безопасности страны. Она крайне заинтересована в повышении эффективности использования энергетических ресурсов в условиях стремительного роста спроса на них при ограниченных внутренних резервах и возрастающей зависимости от импорта. На позицию руководства Индии влияет и давление со стороны общественности, озабоченной резким ухудшением состояния атмосферы в городах из-за сжигания ископаемого топлива. Руководствуется Индия и своими геополитическими интересами: она преследует цель стать мировой экономической и политической державой в XXI в., что накладывает на нее повышенные обязательства в решении глобальных проблем, в том числе связанных с изменением климата.

Климатические обязательства Индии

Все эти факторы повлияли на признание Индией своей роли в глобальных действиях по борьбе с изменением климата. Она принимает на себя добровольные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов (предполагаемый определяемый на национальном уровне вклад), ратифицировав Парижское соглашение, которое предоставило ей реальные возможности для вовлечения в глобальный тренд по созданию зеленой экономики без ущерба для своей энергетической и экономической безопасности.

Индия по-прежнему придерживается принципа исторической ответственности развитых стран за измене-

ние климата, что обеспечивает ей определенную свободу действий в выборе инструментов выполнения взятых обязательств. Принятые в соответствии с Парижским соглашением обязательства – это некий компромисс между своей социальной ответственностью перед миром в целом и национальными экономическими интересами.

Индия планирует снизить углеродную интенсивность в расчете на единицу ВВП на 33–35% к 2030 г. от уровня 2005 г. за счет повышения эффективности использования энергетических ресурсов и увеличения доли возобновляемых источников энергии в структуре электропотребления до 40%. При этом инструментом достижения этой цели является передача технологий и финансовое содействие со стороны развитых стран. Планируется также увеличить площадь лесных насаждений, способных поглотить до 3 млрд тонн CO₂-эквивалента³³.

Ставя перед собой эти задачи, Индия исходит не столько из принципа экологической, сколько экономической целесообразности, видя преимущества в развитии зеленой экономики главным образом за счет энергетического перехода, снижении доли угля в структуре энергопотребления и развития сектора возобновляемой энергии, что позволит укрепить свои позиции на этом перспективном мировом рынке и повысить свою конкурентоспособность.

Индия в 2020 г. подтвердила свое намерение ввести в эксплуатацию 175 ГВт возобновляемой энергии к 2022 г. и 450 ГВт – к 2030 г.³⁴ Индия уже входит в число передовых стран в этой сфе-

33 Raymond E., Vickery Jr. Why India Is Key to a Climate Change Agreement in Paris // The Diplomat. – 2015. – November 22. – URL: <http://thediplomat.com/2015/11/why-india-is-key-to-a-climate-change-agreement-in-paris/> (дата обращения: 02.12.2021).

34 Miglani S. India baulks at carbon neutral target as pressure grows // Reuters. – 2021. – March 30. – URL: <https://www.reuters.com/business/environment/exclusive-india-baulks-carbon-neutral-target-pressure-grows-2021-03-30/> (дата обращения: 02.12.2021).

ре, являясь четвертым по величине в мире производителем ветровой энергии и пятым – солнечной с большим потенциалом роста. В планах Индии увеличить ее производство в 18 раз к 2040 г.³⁵ Бывший премьер-министр страны М. Сингх на открытии климатического саммита в Париже в 2014 г. выдвинул инициативу создания Международного солнечного альянса, что позволит привлечь инвестиции и обеспечить выход Индии на мировые рынки.

По оценкам экспертов, Индия сможет выполнить свои обязательства по Парижскому соглашению по увеличению доли возобновляемых источников энергии раньше намеченного срока примерно на десятилетие, чему способствует рост инвестиций в эту сферу, превысивших вложения в генерацию энергии из ископаемого топлива³⁶. Однако для выполнения взятых обязательств по производству 450 ГВт возобновляемой энергии к 2030 г. потребуются инвестиции в размере 700 млрд долл.³⁷, что намного осложняет достижение намеченной амбициозной задачи, зависящей от международной финансовой помощи и налаживания партнерских отношений с частным сектором. Роль же государства состоит в создании благоприятного экономического климата посредством использования инструментов регулирования, налоговых льгот и оказании поддержки бизнесу в сфере исследований и разработок.

В планах Индии увеличить долю электромобилей на рынке продаж до

30% к 2030 г. путем предоставления субсидий и налоговых льгот. Железные дороги объявили о переходе к нулевым выбросам к 2030 г. Задачи по электрификации и экономии энергии ставятся и перед сельским хозяйством, в котором занято более половины населения страны. Для коммерческих строительных установлены стандарты по энергосбережению.

Апробируются и новые рыночные механизмы по снижению выбросов парниковых газов, в частности, вводится углеродный налог на производство угля, который используется на развитие сектора возобновляемой энергии. 37 крупных компаний, занятых в промышленном производстве, готовы взять на себя обязательства по введению внутренней цены на углерод³⁸. В планах также запуск пилотного проекта по формированию углеродного рынка для мелких и средних предприятий.

Для выполнения своих добровольных обязательств по Парижскому соглашению Индии потребуется не менее 2,5 трлн долл. (в ценах 2014–2015 гг.) [Purkayastha, 2021]. На данный момент действия Индии по борьбе с изменением климата в основном финансируются из внутренних источников: зеленые облигации, налог на выбросы углерода, зеленые банки и т.д.

Выступая на климатическом саммите в 2019 г. (COP25), премьер-министр страны Н. Модии озвучил следующие цифры, подтверждающие достигнутые Индией успехи в выполнении взятых

35 Gabbatiss J. IEA: India is on 'cusp of a solar-powered revolution // Carbon Brief. – 2021. – February 9. – URL: <https://www.carbonbrief.org/iea-india-is-on-cusp-of-a-solar-powered-revolution> (дата обращения: 02.12.2021).

36 Raymond E. Vickery Jr. Why India Is Key to a Climate Change Agreement in Paris // The Diplomat. – 2015. – November 22. – URL: <http://thediplomat.com/2015/11/why-india-is-key-to-a-climate-change-agreement-in-paris/> (дата обращения: 02.12.2021).

37 Jaiswal A. Climate Action: All Eyes on India // NRDC. – 2020. – December 12. – URL: <https://www.nrdc.org/experts/anjali-jaiswal/climate-action-all-eyes-india> (дата обращения: 02.12.2021).

38 Raymond E., Vickery Jr. Why India Is Key to a Climate Change Agreement in Paris // The Diplomat. – 2015. – November 22. – URL: <http://thediplomat.com/2015/11/why-india-is-key-to-a-climate-change-agreement-in-paris/> (дата обращения: 02.12.2021).

обязательств: интенсивность выбросов (за исключением сельского хозяйства) уже снизилась на 21% от уровня 2005 г., а к 2030 г. этот показатель составит 37–39%; производство солнечной энергии возрастет с 2,63 ГВт в 2014 г. до 36 ГВт к 2020 г. Индия обладает пятыми по величине мощностями по производству возобновляемой энергии в мире. Ее доля в структуре энергопотребления должна возрасти до 60–65% к 2030 г.

Международная общественность также высоко оценивает успехи Индии, которая, как считают эксперты ЮНЕП, имеет все шансы перевыполнить свои обязательства на 15%³⁹. А по мнению *Climate Action Tracker*, Индия имеет наилучший рейтинг среди крупных экономик по показателю выполнения своих обязательств.

Климатическая позиция Индии на современном этапе

В то же время Индия не торопилась с принятием на себя повышенных обязательств по сокращению выбросов CO₂, несмотря на давление международного сообщества, концентрируя свои усилия на осуществлении мер по электрификации страны, в том числе на развитии электросетей с использованием солнечной энергии, и на производстве электромобилей.

Однако, давая позитивную оценку успехам Индии в выполнении поставленных задач, эксперты видят проблему в сохраняющейся зависимости Индии от использования угля. Положение Парижского соглашения о достижении предела допустимого повышения температуры воздуха на 2–1,5 °C озна-

чает, что Индия должна постепенно отказаться от использования угля при производстве энергии к 2040 г. Однако, согласно установкам Национального электроэнергетического плана 2018 г., предусматривается увеличение мощностей угольных тепловых электростанций на 300 ГВт в течение последующих пяти лет. В Плана 2021 г. также ставится эта задача, выполнение которой оговаривается ужесточением технологических стандартов для снижения уровня загрязнения, производимых угольными электростанциями. В то же время правительство не торопится с реализацией этого постановления. Ситуация усугубляется тем, что, согласно оценкам экспертов делийского Центра науки и окружающей среды, 70% действующих угольных электростанций технологически не готовы исполнить эти требования⁴⁰.

Это плановое увеличение мощностей угольных электростанций идет вразрез с установками Парижского соглашения, в соответствии с которым Индия должна постепенно выводить из эксплуатации угольные электростанции к 2040 г. и существенно сократить долю угля в структуре энергопотребления к 2030 г.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Индии отсутствует программа зеленого восстановления в постковидный период, хотя в обществе ведутся дискуссии по поводу необходимости использования стимулирующего пакета для развития возобновляемых источников энергии и электромобилей и ужесточения стандартов качества воздуха. Не менее дис-

39 Roy A. With COP 25, Year 2019 Ended In Climate Of Inaction: Will India Save Future Of Paris Agreement? // Eurasia Review. – 2019. – December 30. – URL: <https://www.eurasiareview.com/30122019-with-cop-25-year-2019-ended-in-climate-of-inaction-will-india-save-future-of-paris-agreement> (дата обращения: 02.12.2021).

40 Pyper J. How Long Will Coal Remain King in India? // Greentech Media. – 2021. – January 20. – URL: <https://www.greentechmedia.com/articles/read/coal-king-india> (дата обращения: 02.12.2021).

куссионным оказался вопрос о целесообразности принятия Индией обязательств по углеродной нейтральности. Даже в кругах, близких к руководству страны, не сложилось однозначного мнения. Таким образом, перед Н. Модии, от которого мировое сообщество ожидало более решительных действий в борьбе с изменением климата, стояла сложная задача поиска путей обеспечения баланса между национальными экономическими интересами Индии и ее геополитическими претензиями. Индия оказалась под сильным моральным прессингом со стороны развитых стран. Британский политик Алок Шарма, председатель COP26, при встрече с Н. Модии призвал руководство страны взять повышенные климатические обязательства, поскольку это побудит другие страны последовать примеру Индии⁴¹.

Сделанное Н. Модии на климатическом саммите COP26 заявление о том, что Индия поставила цель достичь углеродной нейтральности к 2070 г., стало приятной неожиданностью для мирового сообщества. Индия растянула сроки решения этой задачи (США, Великобритания и Европейский союз планируют достичь углеродной нейтральности к 2050 г., Китай – к 2060 г.) из-за соображений своей энергетической безопасности, что дает ей больше времени для осуществления зеленого перехода. Премьер-министр также объявил о том, что углеродная интенсивность национальной экономики сократится к 2040 г. на 45% вместо предыдущего обязательства – 35%. Однако более амбиционным выглядит его обещание увеличить долю возобновляемых источников энергии в структуре энергопотребления с 40 до 50%

к 2030 г., что предполагает привлечение большего объема иностранного финансирования в создание новой энергетической инфраструктуры. Этому должно способствовать сотрудничество Индии с Великобританией (о чем на COP26 достигнута договоренность) по улучшению соединений между мировыми электросетями, чтобы ускорить переход к использованию зеленой энергии. Индия является ключевым элементом в инициативе «Зеленые сети – одно солнце, один мир, одна сеть», которая является важной частью более широкого плана по ускорению внедрения доступных зеленых технологий. В то же время дуализм позиции Индии по климату отразился в тексте принятого на саммите пакта. Она настояла на том, чтобы в него были внесены коррективы: в финальном тексте «постепенное прекращение» (*phase-out*) использования угля, увеличивающего чистые выбросы парниковых газов в атмосферу, было заменено на «постепенное сокращение» (*phase-down*). Таким образом, Индия сохраняла за собой право плавного мягкого перехода от использования угля к чистой энергии без угрозы для своих социально-экономических интересов. Н. Модии ничего не сказал о том, когда выбросы парниковых газов достигнут пика и когда начнут сокращаться.

Однако сам факт участия Н. Модии в саммите COP26, не говоря уже о заявленных новых климатических обязательствах, свидетельствуют о намерении Индии занять лидирующие позиции в глобальной борьбе с изменением климата. Ожидания более активных действий от Индии по снижению выбросов парниковых газов вряд ли оправданы. Предпринимаемые в этой

41 Ibid.

связи меры ограничены наличием соответствующей технологической и финансовой базы, создание которой во многом зависит от внешнего содействия. По оценкам индийского Совета по энергии, окружающей среде и водным ресурсам, перед Индией стоит более сложная задача в достижении углеродной нейтральности в сравнении с другими крупными экономиками. Ей необходимо одновременно ответить на климатический вызов и решить задачу по повышению благосостояния населения⁴².

С момента подписания Китаем и Индией Рамочной конвенции ООН об изменении климата в 1992 г. их климатическая дипломатия претерпела существенные изменения, отражая динамику их экономического развития и появление новых трендов в процессе глобализации. Взяв на себя добровольные обязательства по сокращению выбросов CO₂ в соответствии с Парижским соглашением 2015 г., они признали свою ответственность перед мировым сообществом и включились в глобальную борьбу по предотвращению изменения климата. Но вопрос в том, насколько их роль в этом процессе соответствует их вкладу в глобальное потепление как главных эмиттеров парниковых газов. Наверное, было бы неоправданным ожидать от них более агрессивных действий по их сокращению, учитывая наличие экономических и демографических проблем, осложняющих процесс их перехода к низкоуглеродному развитию. В этом плане

у Индии более слабые стартовые позиции, чем у Китая, и меньшая политико-идеологическая мотивация, что обуславливает некоторые различия в их климатической политике. Объединяет их, однако, то, что, осуществляя климатическую политику, они руководствуются не столько экологическими, сколько экономическими соображениями и проводят преимущественно те меры по сокращению выбросов парниковых газов, которые рассчитаны прежде всего на их экономическую отдачу. И, наоборот, избегают тех действий, которые могли бы нанести ущерб экономике. В этом причина того, что ни Китай, ни Индия не присоединились к обещанию, данному 100 странами на COP26, сократить выбросы метана, использование угля и прекратить строительство угольных электростанций.

В осуществлении своей климатической политики Китай и Индия стремятся найти хрупкий баланс между своими экономическими интересами и потребностями обеспечения глобальной экологической безопасности, отдавая тем не менее предпочтение первым. Добившись определенного прогресса в снижении углеродной и энергетической интенсивности, они тем не менее не смогли остановить рост объема выбросов парниковых газов, который продолжится даже в среднесрочной перспективе. Предпринимаемые ими меры борьбы с потеплением климата связаны главным образом с энергетическим переходом, который рассчитан не на одно десятилетие. Однако, учитывая сохраняющийся высокий спрос на энергию и имеющуюся на сегодня базу экологически чистых технологий, Китай и Индия не готовы идти на ускоре-

42 Singh K.R., Chakraborty D. Phasing Out Coal-Fired Power Plant Holds Key To India's Net-Zero Goal // NDTV. – 2021. – March 24. – URL: <https://www.ndtv.com/india-news/phasing-out-coal-fired-power-plant-holds-key-to-indias-net-zero-goal-2397773> (дата обращения: 02.12.2021).

ние зеленой революции. И тем не менее, несмотря на то, что они остаются главными эмиттерами парниковых газов, не стоит недооценивать их позитивный вклад в глобальную борьбу по предотвращению изменения климата, который подтверждает осознание ими своей ответственности перед мировым сообществом.

Список литературы

Развитие энергетики КНР в период 14-ой пятилетки / Кашин В.Б. [и др.] // ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. Аналитическая записка К7/06/2021. – 2021. – URL: https://cceis.hse.ru/data/2021/07/08/1433658257/Китайская_энергетика_14_пятилетка.pdf (дата обращения: 02.12.2021).

Building Back Greener: India Inc. Demonstrates Climate Resilience. CDP India Annual Report 2020. – S. l. : Carbon Disclosure Project, 2021. – URL: <http://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/file/CDP%20India%20Report%202020.pdf> (дата обращения: 02.12.2021).

Chaturvedi V. Peaking and Net-Zero for India's Energy Sector CO₂ Emissions. S. l. : Council on Energy, Environment and Water, 2021. – URL: <https://www.ceew.in/Publications/How-Can-India-Attain-Net-Zero-Emissions> (дата обращения: 02.12.2021).

Ebinger C.K. India's Energy and Climate Policy. Can India Meet the Challenge of Industrialization and Climate Change? – Washington, D.C. : Brookings Institution, 2016. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/india_energy_climate_policy_ebinger.pdf (дата обращения: 02.12.2021).

Erickson A.S., Collins G. Competition With China Can Save the Planet. Pressure, Not Partnership, Will Spur Progress on Climate Change // Foreign Affairs. – 2021. – May/June. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-04-13/competition-china-can-save-planet> (дата обращения: 02.12.2021).

Gang C. China's quest for global climate leadership // East Asia Forum. – 2021. – June 24. – URL: <https://www.easiaforum.org/2021/06/24/chinas-quest-for-global-climate-leadership> (дата обращения: 02.12.2021).

Maizland L. China's Fight Against Climate Change and Environmental Degradation. // Council for Foreign Relations. – 2021. – May 19. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/china-climate-change-policies-environmental-degradation> (дата обращения: 02.12.2021).

Malcomson S. How China Became the World's Leader in Green Energy // The Foreign Affairs. – 2020. – February 28. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-02-28/how-china-became-worlds-leader-green-energy> (дата обращения: 02.12.2021).

Purkayastha D. India's green growth imperative // The Strategist. – 2021. – September 27. – URL: <https://www.aspistrategist.org.au/indias-green-growth-imperative/> (дата обращения: 02.12.2021).

Schmidt J., Lin A. China to Strengthen Climate Target Next Year: Could Be Huge // Natural Resources Defense Council. – 2019. – August 9. – URL: <https://www.nrdc.org/experts/jake-schmidt/china-plan-strengthen-climate-target-next-year> (дата обращения: 02.12.2021).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.03

The Role of China and India in Global Action to Prevent Climate Change

Natalia G. ROGOZHINA

Dr. in Politics. Chief Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

CITATION: Rogozhina N.G. (2022). The Role of China and India in Global Action to Prevent Climate Change. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 49-65 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.03

Received: 07.12.2021.

Revised: 20.01.2022.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ABSTRACT. *The article examines the climate policy of China and India as the main emitters of greenhouse gases. The question is whether their actions to reduce CO₂ emissions are consistent with their contribution to the global warming. In their climate policy, they have come a long way from denying the very fact of taking on commitments to reduce greenhouse gas emissions to recognizing their responsibility in the global fight against climate change, which reflects the dynamics of their economic development and the emergence of new trends in the process of globalization. The author defines the factors that influence the change in their approach to this problem, the solution of which involves the transition to green development, carried out mainly within the framework of energy transit.*

In this regard, India has weaker starting positions than China and less political and ideological motivation, which causes some differences in their climate policy. Its intermediate results are evaluated, which allows us to conclude that in their actions to reduce greenhouse gas emissions they are guided mainly by their economic interests, and it determines the duality of their climate diplomacy. When implementing measures to reduce greenhouse gas emissions, they primarily count on their economic return. And, conversely, they avoid those actions that could harm the economy. Having made some progress in reducing their carbon and energy intensity, they have nevertheless been unable to halt the growth in greenhouse gas emissions, which will continue even in the medium term. However, given the

continuing high demand for energy and the current clean technology base, China and India are not prepared to accelerate the green revolution. At the same time, according to the author, it would be unjustified to expect from them more aggressive actions to reduce greenhouse gas emissions.

KEYWORDS: China, India, climate policy, greenhouse gas emissions, energy transition, green revolution, low-carbon development.

References

- Building Back Greener: India Inc. Demonstrates Climate Resilience* (2021). CDP India Annual Report 2020, available at https://6fefcbb86e61af1b2fc4c70d8ead6ced550b4d987d7c03fcdd1d.ssl.cf3.rackcdn.com/cms/reports/documents/000/005/595/original/CDP_India_Report_2020.pdf?1615972085, accessed 02.12.2021.
- Chaturvedi V. (2021). *Peaking and Net-Zero for India's Energy Sector CO2 Emissions*. Council on Energy, Environment and Water, available at: <https://Www.Ceew.In/Publications/How-Can-India-Attain-Net-Zero-Emissions>, accessed 02.12.2021.
- Ebinger C. (2016). India's Energy and Climate Policy. Can India Meet the Challenge of Industrialization and Climate Change? *Brookings Institution. Policy Brief*, 16-01, available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/india_energy_climate_policy_ebinger.pdf, accessed 02.12.2021.
- Erickson A.S., Collins G. (2021). Competition With China Can Save the Planet. Pressure, Not Partnership, Will Spur Progress on Climate Change. *Foreign Affairs*, May/June, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/unit-ed-states/2021-04-13/competition-china-can-save-planet>, accessed 02.12.2021.
- Gang C. (2021). China's quest for global climate leadership. *East Asia Forum*, 24 June, Available at <https://www.eastasiaforum.org/2021/06/24/chinas-quest-for-global-climate-leadership>, accessed 02.12.2021.
- Kashin V.B., Pyatachkova A.S., Smirnova V.A., Potashev N.A. (2021). Development of the PRC's energy sector during the 14th five-year plan. *HSE Policy Brief*, K7/06/2021 (in Russia).
- Maizland L. (2021). China's Fight Against Climate Change and Environmental Degradation. *Council for Foreign Relations*, May 19, available at: <https://www.cfr.org/background/china-climate-change-policies-environmental-degradation>, accessed 02.12.2021.
- Malcomson S. (2020). How China Became the World's Leader in Green Energy. *The Foreign Affairs*, February 28, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-02-28/how-china-became-worlds-leader-green-energy>, accessed 02.12.2021.
- Purkayastha D. (2021). India's green growth imperative. *The Strategist*, September 27, available at: https://www.aspistrategist.org.au/indias-green-growth-imperative/?utm_medium=email&utm_campaign=Weekly%20The%20Strategist&utm_content=Weekly%20The%20Strategist+CID_08aa5f32e0c29c586d5b76dc9fd4330e&utm_source=CampaignMonitor&utm_term=Indias%20green%20growth%20imperative, accessed 02.12.2021.
- Schmidt J., Lin A. (2019). China to Strengthen Climate Target Next Year: Could Be Huge. *Natural Resources Defense Council*, August 9, available at: <https://www.nrdc.org/experts/jake-schmidt/china-plan-strengthen-climate-target-next-year>, accessed 02.12.2021.

Особенности современного экономического развития

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.04

Восточный путь глобальных финансов

Яков Моисеевич МИРКИН

доктор экономических наук, заведующий отделом
международных рынков капитала
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: yakov.mirkin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2507-9811

ЦИТИРОВАНИЕ: Миркин Я.М. (2022). Восточный путь глобальных финансов
// Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.
Т. 15. № 2. С. 66–92.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.04

Статья поступила в редакцию 10.12.2021.
Исправленный текст представлен 06.01.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется конкуренция между «англосаксонским», «континентальным» и «восточным» ядрами глобальных финансов, демонстрируется усиление восточного вектора в финансовом развитии мира. С этой целью делается сравнительный анализ динамики финансовых секторов десятков стран мира в 2001–2020 годах. В частности, показывается «восточное смещение» в глобальной денежной массе, монетизации, в интернационализации национальных валют, в международных расчетах, на рынках акций, в трансграничных инвестициях. Раскрыты различия в уровне «смещения на Восток» для различных сегментов глобальных финансов. В различных измерениях показано, насколько сохранилась доминирующая роль англосаксонской модели в глобальных финансах и в какой степени происходит вытеснение «континентальной модели» азиатской моделью. Дан ответ на вопрос, формирует-

ся ли постсоветское ядро в глобальных финансах (с центром в России). Дается представление о политике «финансового форсажа» центральных банков в азиатских и других экономиках, позволяющей обеспечить опережающее финансовое развитие при поддержке относительно финансовой стабильности и умеренной инфляции. На примере Китая демонстрируется, как при такой политике деятельность Центрального банка связывается со стимулированием быстрого и устойчивого экономического роста (через прямое и косвенное управление денежными агрегатами, кредитом, процентом, валютным курсом, во взаимосвязи с другими видами макроэкономической политики). Сделаны рекомендации для России (ее Центрального банка и финансового сектора) с целью усиления ее позиций в финансовой иерархии стран и способности конкурировать с другими экономиками в глобальных финансах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *азиатские экономики, глобальные финансы, иерархия, поворот на Восток, финансовая политика, финансовое развитие, Центральный банк, экономическое чудо.*

Существует ли конкуренция стран в глобальных финансах? Не соперничество финансовых институтов, не спор между национальными валютами, не «кто кого» международных центров, в которых сосредотачиваются деньги и рынки капиталов, а именно конкуренция стран? Ответ: да, конечно. Страны и их группы стремятся вверх (а кто-то идет вниз) в иерархии глобальных финансов, стремясь получить все преимущества, которые дает выпуск резервных валют, более глубокое, чем в других странах, финансовое развитие (*financial development*) и, как следствие, доминирование на международных рынках капиталов и в инвестиционных возможностях своих экономик.

Эта политика крупнейших стран мира хорошо видна по финансовым трендам, и если, с позиции России, да и любой другой страны из первой десятки-двадцатки, не пытаться конкурировать именно в глобальных финансах, если видеть в этой сфере преимущественно раздутые пузыри, искусственные движения капитала, казино и спекулятивную игру (распространенные воззрения), то это может означать огромные убытки, торможение развития и, в конце концов, проигрыши в любых партиях, которые ведут между собой страны в глобальной политике.

Кто выигрывает и кто проигрывает в этой конкуренции в последние 20–25 лет? Внимательный анализ должен показать, что в глобальных финансах происходит постепенный, длительный «поворот на Восток», в сторону азиатских экономик, похожий на тот, что многие годы идет в реальной эконо-

мике. В этом смысле финансы в своих главных трендах должны быть сращены с теми же трендами, которые прослеживаются в нефинансовых составляющих национальных хозяйств.

Финансовый поворот на Восток, если он существует, еще ждет своих исследований. Основной объем научных публикаций, рассматривающих восточный вектор в глобальной экономике, вопросы финансов обычно затрагивает в самом общем смысле [Global Strategic Trends, 2018; Cox, 2012; World in 2050, 2017; Global Trends to 2030, 2019].

Расширенное исследование сдвига «финансовой силы» на Восток осуществлено в статье на основе сравнительного анализа переменных на длинных рядах (2001–2020) по группе ключевых стран мира, объединенных в четыре «ядра» глобальных финансов – «англосаксонское», «континентальное», «азиатское» (в узком и широком смыслах), «постсоветское» (латиноамериканское не рассматривалось).

«Восточные» изменения в финансовой иерархии мира

Основа основ глобальных финансов – деньги. Насыщенность деньгами, монетизация (денежная масса / ВВП) – важнейший (хотя, конечно, один из многих) параметр финансового развития национального хозяйства, того, насколько глубоко в нем укоренились финансовые институты, инструменты, рынки. Страны формируют иерархии по величине денежной массы и насыщенности деньгами (и уровню финансового развития в целом) так же, как по ожидаемой продолжительности жизни, уровню человеческого развития, размерам ВВП, добыче сырья и другим переменным «макро» (см. табл. 1).

В 2001 г. существовала жесткая иерархия глобальных финансов. **На первом месте** – страны англосаксонской модели (экономика, финансовый сектор). На них приходились (без учета Канады) 37,5% мирового ВВП (в том числе США – 31,4%), и 31,5% денежной массы мира в долларовом измерении (в том числе США – 25,1%) (см. табл. 1, 3).

На вторых-третьих местах – страны континентальной модели и группа азиатских экономик (по сути, три этноса: японцы, китайцы, корейцы) с долями в мировом ВВП 7,76 и 6,52%, а в денежной массе мира – 4,94 и 11,07%, соответственно. Уже 20 лет назад (да и задолго до этого) обращала на себя внимание сверхвысокая монетизация в азиатских странах. Англосаксонская, континентальная и азиатская модели в реальном и финансовом секторах существенно различаются (анализ см. [Миркин, 2002, с. 196–225]).

За 20 лет (2001–2020 гг.) позиции существенно изменились, континентальная модель (в частности, еврозона) – окончательно стала № 3 с точки зрения доли в мировой экономике и

степени концентрации в ней денежных ресурсов мира. «Восточное ядро» глобальных финансов в узком смысле (см. табл. 1) стало более крупным, «выпуклым», заняло позицию № 2, развивалось опережающими темпами в сравнении с группой стран англосаксонской модели и тем более континентальной.

Доля стран англосаксонской модели в мировом ВВП в 2020 г. – 29,8%, в денежной массе мира – 24,9%, стран «восточного ядра» в узком смысле – 26,3 и 42,4%, «континентальной модели» – 18,8 и 15,8% соответственно (см. табл. 1). Этот поворот на Восток должен постепенно проявляться и в отдельных сегментах глобальных финансов (анализ см. ниже).

Если брать страны «восточного ядра» глобальных финансов в широком смысле (плюс Индию и ряд крупных стран Юго-Восточной и Южной Азии), то в целом этот тренд подтверждается. Их доля в мировом ВВП увеличилась с 2001 по 2020 гг. с 22,4% до почти одной трети, доля в денежной массе мира – с 38,8 до 46,2% (почти половина, с потенциалом дальнейшего быстрого увеличения)!

Таблица 1. Финансовая иерархия мира, 2001–2020

Table 1. Financial Hierarchy of the World, 2001–2020

Юрисдикция	ВВП в текущих ценах, трлн долл. США		Монетизация (широкие деньги / ВВП, %)		Денежная масса в долларовом измерении (широкие деньги), трлн долл. США	
	2001	2020	2001	2020	2001	2020
Мир (без еврозоны)	27,14	71,62	95,9	145,1	26,03	103,92
Еврозона	6,58	12,92	63,6	121,0	4,18	15,63
Мир (включая еврозону), в том числе:	33,72	84,54	89,6	141,4	30,21	119,55
«Англосаксонское ядро» глобальных финансов						
США	10,58	20,93	71,6	111,3	7,58	23,3
Великобритания	1,64	2,71	99,1	163,2	1,63	4,42
Австралия	0,38	1,36	70,4	137,1	0,27	1,86
Новая Зеландия	0,05	0,21	80,1	112,5	0,04	0,24

Юрисдикция	ВВП в текущих ценах, трлн долл. США		Монетизация (широкие деньги / ВВП, %)		Денежная масса в долларовом измерении (широкие деньги), трлн долл. США	
	2001	2020	2001	2020	2001	2020
Итого (англосаксонское ядро)	12,65	25,21	75,3	118,3	9,52	29,82
Доля в мире, %	37,5	29,8	х	х	31,5	24,9
«Континентальное ядро» глобальных финансов (Европа)						
Еврозона	6,58	12,92	63,6	121,0	4,18	15,63
Швейцария	0,29	0,75	113,6	200 (оценка)	0,33	1,5
Швеция	0,24	0,5	44,5	89,3	0,11	0,45
Норвегия	0,17	0,36	53,9	77,3	0,09	0,28
Дания	0,17	0,35	48,7	67,8	0,08	0,24
Польша	0,19	0,59	44,3	78,7	0,09	0,46
Чехия	0,07	0,24	62,3	93,0	0,04	0,22
Венгрия	0,05	0,16	45,2	70,3	0,02	0,11
Итого («континентальное ядро»)	7,76	15,87	63,7	119,2	4,94	18,89
Доля в мире, %	23,0	18,8	х	х	16,4	15,8
«Восточное ядро» глобальных финансов						
Китай	1,33	14,72	141,1	211,4	1,88	31,12
Гонконг	0,17	0,35	224,4	452,6	0,38	1,58
Макао	0,01	0,02	166,1	356,16	0,02	0,07
Сингапур	0,09	0,34	112,5	152,6	0,1	0,52
Япония	4,37	5,15	190,9	285,5	8,34	14,70
Южная Корея	0,55	1,63	63,4	166,3	0,35	2,71
Итого («восточное ядро» в узком смысле)	6,52	22,21	169,8	228,3	11,07	50,7
Доля в мире, %	19,3	26,3	х	х	36,6	42,4
Индия	0,49	2,71	57,7	88,9	0,29	2,41
Малайзия	0,1	0,34	138,5	137,8	0,14	0,47
Индонезия	0,18	1,06	50,9	44,7	0,09	0,47
Вьетнам	0,04	0,34	52,1	164,9	0,02	0,56
Пакистан	0,08	0,26	34,8	62,1	0,03	0,16
Бангладеш	0,06	0,33	40,3	66,7	0,02	0,22
Филиппины	0,08	0,38	56,6	76,6	0,05	0,29
Итого («восточное ядро» в широком смысле)	7,55	27,63	179,5	194,5	11,71	55,28
Доля в мире, %	22,4	32,7	х	х	38,8	46,2

Источник: рассчитано по: World Bank Open Data // World Bank. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 07.11.2021); World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (accessed 24.10.2021); European Central Bank Statistical Data Warehouse, M2 and components // ECB. – 2021. – URL: <http://www.sdw.ecb.europa.eu> (дата обращения: 24.10.2021); GDP and main components // Eurostat. – 2021. – <http://www.eurostat.ec.europa.eu> (дата обращения: 24.10.2021).

*Без крупных стран, надлежащие данные о монетизации которых отсутствуют в международной финансовой статистике: Канады, Тайваня, Аргентины, Саудовской Аравии, Ирана. Денежная масса в долл. США рассчитана на основе данных о ВВП в текущих ценах, в долл. США, и данных о монетизации по странам, группам стран и миру в целом (широкие деньги / ВВП, Всемирный банк), монетизация еврозоны рассчитана по данным ЕЦБ о денежной массе M2 (в расчеты Всемирного банка не входит).

Фактор валютных курсов. Все показатели выше приведены «в текущих ценах», приведенных к доллару США. Понятно, что на их сравнительную динамику неизбежно влияет изменение валютных курсов доллара США к евро, юаню и т.п. Усиление национальных валют к доллару США неизбежно улучшает позиции стран при сопоставлении

ВВП в долларовом измерении и денежной массы, приведенной к долларам. В этой связи важно отметить, что указанные выше тренды «сдвига на Восток» подтверждаются и показателями, максимально очищенными от влияния валютных курсов, демонстрирующими «догоняющее развитие» стран «восточного ядра» (см. табл. 2).

Таблица 2. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности на душу населения, международных долл.

Table 2. GDP per capita at purchasing power parity per capita, international dollars

Юрисдикция	2001		2020	
	Долл. / чел.	% от показателя США	Долл. / чел.	% от показателя США
США	37 101	100	63 358	100
Китай	3 174	8,6	17 104	27,0
Гонконг	28 737	77,5	59 656	94,2
Макао	36 017	97,1	54 943	86,7
Сингапур	43 112	116,2	98 512	155,5
Южная Корея	17 860	48,1	44 750	70,6

Источник: рассчитано по: World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (дата обращения: 02.01.2022).

Во всех случаях, кроме Макао, произошло крупнейшее сокращение разрыва в ВВП по ППС на душу населения (Китай, Гонконг, Южная Корея) в сравнении с США. В случае с Сингапуром увеличился разрыв в части этой переменной между этим государством (оно опережает) и США (см. табл. 2).

Формируется ли на Востоке «постсоветское ядро» глобальных финансов?

Речь идет об условном Востоке, в том смысле, в каком во второй половине XX в. противопоставлялись Запад и Восток (развитые рыночные экономики – «восточный» социалистический лагерь); взяты только постсоветские государства, без стран Балтии

(большинство иных + страны Балтии – в составе ЕС, частично – еврозоны).

Ответ на поставленный вопрос – пока «нет» (см. табл. 3). Некоторое сгущение денег, финансовых активов и рынков есть, прежде всего в России, а яркого формирования еще одного ядра глобальных финансов – нет. Начиная с 1990-х годов доля постсоветских экономик в мировом ВВП кратно превышала их долю в глобальных финансах (пример – в денежной массе мира).

Доля всего «клуба» постсоветских государств в мировом ВВП – 2,5% в 2001 г. и 2,3% в 2020 г., при том что доля в денежной массе мира – 0,6 и 1% соответственно. Россия, крупнейшая из постсоветских экономик, формировала в 2001 г. 1% мирового ВВП, в 2020 г. – 1,7%, при том что доля в денежной массе мира была 0,3 и 0,9% со-

Таблица 3. Россия и постсоветские государства в иерархии глобальных финансов, 2001–2020

Table 3. Russia and Post-Soviet States in the Hierarchy of Global Finance, 2001–2020

Страна	ВВП, млрд. долл. США		Широкие деньги / ВВП, %		Денежная масса в долларовом измерении (широкие деньги), млрд долл. США	
	2001	2020	2001	2020	2001	2020
Россия	328	1474	23,91	70,38	78	1037
Доля в мире, %	1,0	1,7	х	х	0,3	0,9
Армения	10	12,3	13,45	54,37	1,3	6,7
Азербайджан	66	42,6	12,93	40,29	8,5	17,2
Грузия	15	15,7	11,23	61,49	1,7	9,7
Белоруссия	62	60	14,92	34,56	9,3	20,7
Казахстан	193	165	17,12	35,53	33	58,6
Молдова	8,4	11,5	25,14	52,16	2,1	6,0
Украина	163	152	22,43	44,11	36,6	67,0
Киргизия	6,2	7,5	11,15	47,67	0,7	3,6
Таджикистан	6,5	8,0	7,87	31,04	0,5	2,5
10 названных постсоветских стран	858,1	1 948,6	20,0	63,1	171,7	1 229
Доля в мире, %	2,5	2,3	х	х	0,6	1,0

Источники: рассчитано по: World Bank Open Data // World Bank. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 07.11.2021); World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEQ/weo-database/2021/April> (дата обращения: 24.10.2021); European Central Bank Statistical Data Warehouse, M2 and components // ECB. – 2021. – URL: <http://www.sdw.ecb.europa.eu> (дата обращения: 24.10.2021); GDP and main components // Eurostat. – 2021. – URL: <http://www.eurostat.ec.europa.eu> (дата обращения: 24.10.2021). Доля в мире рассчитана с использованием соответствующих показателей табл. 1.

ответственно (см. табл. 3). Она была еще меньше в 2019 г. В 2020 г. произошел резкий рост денежной массы / монетизации в России (поддержка Центральным банком экономики во время пандемии).

Почему не формируется «ядро» в этой части глобальных финансов? Причина в том, что 25–30 лет в России осуществляется «холодная» денежная политика с тем, чтобы сбить инфляцию. В результате возник «денежный холодильник», размеры финансового сектора не адекватны величине и потребностям реальной экономики [детально – Миркин, 2021].

Восточный акцент в финансовой иерархии стран мира

В 1960 г. по миру в целом уровень монетизации («широкие деньги / глобальный ВВП») составлял 50,2%, в 1980 г. – 64%, в 2001 г. – 95,9%, в 2020 г. – 145,1%¹. Причина такой динамики (опережающий рост денежной массы в сравнении с ВВП) – в многолетнем тренде финансового развития (*financial development*). Этот тренд прослеживается в течение двух-трех столетий (хотя отсчет можно вести от тюльпаномании 1630-х годов), глубоко исследован и объяснен. Он

1 World Bank Open Data // World Bank. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 14.11.2021).

выражается в устойчивом росте насыщенности реальной экономики деньгами, финансовыми институтами, инструментами, рынками. Подавляющее большинство стран следуют этому тренду.

Но внутри глобального тренда финансового развития – тот же «поворот на Восток», не только на уровне крупных групп стран, «моделей рыночной

экономики» (см. табл. 1), но и на уровне ключевых стран (см. табл. 4). За 20 лет (2001–2020) доля США в мировом ВВП упала с 31,4 до 24,8%, в денежной массе мира – с 25,1 до 19,5%. Тот же тренд для стран еврозоны: в части ВВП – с 19,5 до 15,3%, в части денежной массы мира – с 13,8 до 13,1%. Те же тренды присущи Великобритании (см. табл. 4).

Таблица 4. Движение ключевых стран в финансовой иерархии мира, 2001–2020
Table 4. Movement of key countries in the financial hierarchy of the world, 2001–2020

Страна	Рост ВВП, 2001–2020, %	Доля в ВВП мира, %		Рост денежной массы в долларовом измерении, 2001–2020, %,	Доля в денежной массе мира (широкие деньги), %	
		2001	2020		2001	2020
Страны «англосаксонского» и «континентального» ядер глобальных финансов						
Мир	+151	100	100	+296	100	100
в т.ч.: США	+98	31,4	24,8	+207	25,1	19,5
Еврозона	+97	19,5	15,3	+274	13,8	13,1
Великобритания	+65	4,9	3,2	+171	5,4	3,7
Всего	x	55,8	43,3	x	44,3	36,3
Страны «азиатского ядра» глобальных финансов						
Япония	+18	13,0	6,1	+76	27,6	12,3
Китай	+1 007	3,9	17,4	+1 555	6,2	26,0
Южная Корея	+196	1,6	1,9	+674	1,2	2,3
Индия	+453	1,5	3,2	+731	1,0	2,0
Всего	x	20	28,6	x	36,0	42,6
Итого по всей выборке ключевых стран						
Доля выборки стран по показателям по миру в целом	x	75,8	71,9	x	80,3	78,9

Источник: рассчитано по табл. 1. Позиции стран находятся под влиянием курса доллара к другим валютам. В 2001 г. доллар был сильнее, чем в 2020 г. Если бы не эти изменения, позиции США могли быть лучше, чем они есть.

Но даже внутри «азиатского ядра финансов» – резкий поворот: замещение очень крупной, но стагнационной экономики Японии, когда-то финансовой державы мира № 2 (по объему денежных ресурсов), экономической и финансовой машиной Китая, которая во многом и «тянет» за собой всех остальных. За 20 лет доля Японии в мировом ВВП сократилась с 13%

в 2001 г. до 6,1% в 2020 г., при том что доля Китая выросла за это время с 3,9 до 17,4%. Соответственно, доля Японии в денежной массе мирам сжалась с 27,6 до 12,3%, доля Китая резко поднялась с 6,2 до 26% (см. табл. 4). Южная Корея и Индия так же демонстрируют свою «игру на опережение».

Такова картина экономического и финансового мира, если пытаться

ся видеть ее в разрезе ядер – крупнейших стран мира и их объединений: *замедленная*, на сверхвысоких уровнях насыщенности деньгами Япония, *средние по скорости* англосаксонская и континентальная модели (США, Великобритания, еврозона), *взрывная, сверхскоростная машина* (Китай, страны китайского этноса, Южная Корея и Индия и другие азиатские страны «экономического чуда»), *стагнационная, волатильная, малая в сравнении с потенциалом* Россия, с финансовым сектором – «денежным холодильником», не адекватным размерам ее реальной экономики.

Это реальность, которую хотелось бы изменить в пользу России. Но об этом – отдельный разговор [Миркин, 2019].

Восточный вектор в банковском кредите

Современные деньги – кредитные. Эмиссия денег является «кредитной эмиссией», осуществляется в ходе кредитования расширенного воспроизводства. Опережающий рост денежной массы, монетизации одновременно означает рост объемов кредита, насыщенности кредитами экономики. Это две стороны одной и той же реальности. Рост кредита как зеркальное отражение увеличения денежной эмиссии. Соответственно, «восточный вектор» в динамике денежной массы будет неизбежно означать и поворот на Восток в кредитах. Этот процесс хорошо виден в динамике банковских кредитов в 2001–2020 гг. (см. табл. 5).

Таблица 5. Динамика насыщенности банковскими кредитами, 2001–2020
Table 5. Dynamics of saturation with bank loans, 2001–2020

Юрисдикция	Внутренний кредит частному сектору, предоставленный банками / ВВП, %	
	2001	2020
Мир	71,9	99,0
в т.ч. еврозона	88,2	93,2
«Англосаксонское ядро» глобальных финансов		
США	50,2	54,6
Великобритания	119,8	142,9
Австралия	88,5	142,3
Новая Зеландия	106,7	145,5
«Континентальное ядро» глобальных финансов (Европа)		
Швейцария	136,4	168,5
Швеция	89,6	140,2
Норвегия	89,5	140,3
Дания	138,7	163,3
Польша	23,6	50,0
Чехия	35,5	53,2
Венгрия	32,6	38,0
«Восточное ядро» глобальных финансов в узком смысле		
Китай	109,9	182,4
Гонконг	149,0	258,4
Макао	63,4	266,6
Сингапур	115,0	132,7
Япония	105,7	117,9
Южная Корея	103,2	164,8

Юрисдикция	Внутренний кредит частному сектору, предоставленный банками / ВВП, %	
	2001	2020
«Восточное ядро» в широком смысле («в узком смысле» + страны, приведенные ниже)		
Индия	28,6	54,8
Малайзия	127,2	134,0
Индонезия	18,2	33,2
Вьетнам	39,3	147,7
Пакистан	19,8	17,1
Бангладеш	23,9	45,2
Филиппины	36,3	52,1
Для справки: Россия	16,8	60,0

Источник: рассчитано по: World Bank Open Data // World Bank. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 05.01.2022).

«Восточное ядро» резко опережало в росте кредитов и насыщенности ими экономик мир в целом, США и еврозону, а также абсолютное большинство развитых стран в Европе, не входящих в еврозону. Это опережение – за счет Китая, его специальных административных районов, Южной Кореи и Вьетнама. В частности, насыщенность банковскими кредитами частному сектору выросла в 2001–2020 гг. у Китая на 72,5 п.п., у Гонконга – на 109,4 п.п., у Макао – на 203,2 п.п., у Кореи – на 61,6 п.п., у Вьетнама – на 108,4 п.п. Ни одна развитая страна мира не формировала такие темпы роста кредитов, вырастающие из сверхбыстрого роста монетизации (см. табл. 1).

Восточные валюты – «путь» в резервные?

Создание крупнейшего ядра в глобальных финансах, измеряемого размерами денежной массы и монетизации экономики, не обязательно означает, что точно такие же «ядра» будут возникать в отдельных сегментах глобальных финансов – в обращении данной валюты за пределами страны – эмитента на тех или иных финансовых рынках. Денежная масса может просто «не выпус-

каться» из страны, если в ней существует не полностью рыночная, частично административная экономика, как в Китае. И наоборот, если внешние инвесторы могут допускаться во внутренний финансовый сектор с массой ограничений.

Кроме того, валюта, не являющаяся полностью рыночной в том, как формируется ее курс, не может распространяться в международном обороте с такой же скоростью, с какой увеличивается быстрорастущая экономика, как это происходит в Китае. Никто никогда, ни один инвестор не будет всерьез и на долгие времена оперировать с валютой, курс которой складывается под сильным административным давлением и, соответственно, является непредсказуемым, не застрахованным от внеэкономических движений, вызванных человеческими ошибками или тем, что осторожно называют национальным эгоизмом.

Анализ длинных трендов в глобальных финансах подтверждает эти предположения. В частности, хотя доля доллара США как резервной валюты снизилась с 71,5% распределенных валютных резервов в конце 2001 г. до 59,2% в июле 2021 г., эта валюта сохранила свою главенствующую роль (см. табл. 6). Роль евро и фунта стерлингов

несколько увеличилась. В любом случае доллар США и евро занимали примерно 80% распределенных валютных

резервов, валюты англосаксонской и континентальной модели – около 90% их величины.

Таблица 6. Изменения в мировой иерархии национальных валют (роль в международных резервах)

Table 6. Changes in the global hierarchy of national currencies (role in international reserves)

Валюта	Доля в распределенных валютных резервах, %	
	2001	2021, июль
«Англосаксонское ядро» глобальных финансов		
Доллар США	71,5	59,2
Фунт стерлингов	2,7	4,8
Австралийский доллар	н/д	1,8
Канадский доллар	н/д	2,2
Доля	74,2	68,0
«Континентальное ядро» глобальных финансов (Европа)		
Евро	19,2	20,5
Швейцарский франк	0,2	0,2
Шведская крона	н/д	н/д
Норвежская крона	н/д	н/д
Датская крона	н/д	н/д
Польский злотый	н/д	н/д
Доля	19,4	20,7
«Англосаксонское» + «континентальное» ядра глобальных финансов		
Доля	93,6	88,7
«Азиатское ядро» глобальных финансов		
Японская иена	5,0	5,8
Юань	≈ 0	2,6
Гонконгский доллар	н/д	н/д
Сингапурский доллар	н/д	н/д
Малайзийский ринггит	н/д	н/д
Южнокорейская вона	н/д	н/д
Индийская рупия	н/д	н/д
Доля	5,0	8,4
Прочие		
Российский рубль	н/д	н/д
Прочие валюты	1,4	2,9
Всего	100	100

Источник: рассчитано по: IMF IFS, Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves (COFER) // International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=41175> (дата обращения: 21.11.2021).

Возник ли «поворот на Восток» с тех пор, как юань был признан МВФ валютой, «достойной» для того, чтобы быть включенной в международные резервы (2016 г.)? Пока этот поворот, как и следовало ожидать, крайне невелик, только намечился: доля юаня в распределенных валютных резервах состави-

ла 2,6% в июле 2021 г. (при некотором увеличении доли иены с 5% в 2001 г. до 5,8% в июле 2021 г.) (см. табл. 6).

Тем не менее новое «восточное» явление в глобальных финансах состоялось: юань появился в валютных резервах, доля «восточных» валют в распределенных резервах увеличилась

с 5% в 2001 г. до 8,4% в июле 2021 г. (а с учетом «прочих валют», статистика по которым не раскрывается, – до 10%). Таким образом, *до одной десятой мировых валютных резервов формируется восточными валютами – вместо одной двадцатой в 2001 г. Может быть, не «поворот на Восток», но наметившееся изменение тренда.*

Статистика по рублю МВФ не раскрывается. Его участие в валютных резервах мира (постсоветское пространство) минимально (если вообще существует сегодня). В Белорус-

сии рубль выведен из состава валютных резервов в 2016 г. О рубле как о резервной валюте пока можно только мечтать.

Формируется ли «восточное ядро» в международных расчетах?

Меняется ли на долгосрочных горизонтах валютная структура международных расчетов, появляется ли в ней значимое «восточное ядро», учиты-

Таблица 7. Изменения в мировой иерархии национальных валют (роль в глобальных расчетах через СВИФТ)

Table 7. Changes in the global hierarchy of national currencies (role in global settlements via SWIFT)

Валюта	Январь 2012		Январь 2017		Октябрь 2021	
	Рэнкинг	Доля в расчетах, %	Рэнкинг	Доля в расчетах, %	Рэнкинг	Доля в расчетах, %
«Англосаксонское ядро» глобальных финансов						
Доллар США	2	29,73	1	40,72	1	39,16
Фунт стерлингов	3	9,0	3	7,49	3	6,41
Австралийский доллар	5	2,08	8	1,50	7	1,42
Канадский доллар	6	1,81	5	1,87	6	1,66
Доля	-	42,62	-	51,58	-	48,65
«Континентальное ядро» глобальных финансов (Европа)						
Евро	1	44,04	2	32,87	2	38,07
Швейцарский франк	7	1,36	7	1,53	13	0,66
Шведская крона	8	1,05	10	1,01	11	0,73
Норвежская крона	11	0,93	13	0,67	12	0,67
Датская крона	13	0,54	15	0,46	15	0,37
Польский злотый	-	-	14	0,50	14	0,60
Доля	-	47,92	-	37,04	-	41,1
«Англосаксонское» + «континентальное» ядра глобальных финансов						
Доля	-	90,54	-	88,62	-	89,75
«Азиатское ядро» глобальных финансов						
Японская иена	4	2,48	4	3,06	4	2,90
Юань	20	0,25	6	1,68	5	1,85
Гонконгский доллар	10	0,95	9	1,15	8	1,0
Сингапурский доллар	9	1,03	12	0,89	9	0,97
Малайзийский ринггит	-	-	16	0,4	16	0,34
Южнокорейская вона	-	-	-	-	-	-
Индийская рупия	-	-	-	-	-	-
Доля	-	4,71	-	7,18	-	7,06
Прочие						
Российский рубль	14	0,52	20	0,28	20	0,20

Источник: рассчитано на основе стоимостных объемов сообщений о платежах, направленных через SWIFT. SWIFT RMB Tracker 2016–2021 // SWIFT. – 2021. – URL: <https://www.swift.com/ru/node/9501> (дата обращения: 21.11.2021).

* Только валюты, входящие в первую «двадцатку».

вая активную политику Китая с начала 2010-х годов по внедрению юаня в глобальные платежи? Ответ на этот вопрос можно найти в таблице 7.

Как и в начале 2010-х годов, валюты «англосаксонского» и «континентального» ядер глобальных финансов составляют примерно 90% стоимостных объемов расчетов через СВИФТ. Совокупная доля доллара США и евро в этих объемах составила в январе 2012 г. 73,77%, в октябре 2021 г. – 77,23% (см. табл. 7). Эти валюты по-прежнему стоят на первом и втором местах в расчетах. Несколько снижается доля в расчетах других «западных» валют (фунт стерлингов, австралийский и канадский доллары, швейцарский франк, скандинавские валюты).

Вместе с тем формирование «восточного ядра» идет очень осторожно, замедленно (см. табл. 7). На половину процентного пункта усилила свои позиции японская иена. Доля юаня в расчетах через СВИФТ поднялась с 0,25% их стоимостного объема в январе 2012 г. до 1,85% в октябре 2021 г. *В целом можно сделать вывод, что сейчас «восточные валюты» отвечают за 7–9% расчетов через СВИФТ (для сравнения: в начале 2012 г. – 4,5–5%). Скорость изменений примерно такая же, как скорость реструктуризации валютного состава международных резервов (см. выше).*

Доля рубля сократилась с 0,52% стоимостных объемов расчетов через СВИФТ в январе 2012 г. до 0,20%

в октябре 2021 г. «Восточный поворот» в рублевом измерении пока даже не намечается.

Восточный вектор на валютных рынках мира

Еще один способ измерить, как формируется «восточное ядро», – анализ структуры финансовых рынков, в частности глобального валютного рынка (его основные объемы в мире являются внебиржевыми) (см. табл. 8). Хорошо заметно, что почти за 20 лет произошли лишь «косметические» изменения в структуре рынка. 75–80% его объема по-прежнему приходится на валюты «англосаксонского» и «континентального» ядер глобальных финансов, примерно 45% – на доллар США, 15–20% – на евро.

За японской иеной – 8–12% объемов рынка. Юань пока занимает не выше 2% валютного рынка, вместе с гонконгским долларом – до 4% рынка. Вместе с тем это реальное достижение: в 2001 г. торговля юанем рассматривалась международной статистикой как имеющая нулевые объемы. В целом восточные валюты формируют до 13–15% глобального валютного рынка, со слабым обозначением тренда к росту их доли в его объемах (см. табл. 8).

Доля рубля – не выше 0,5% мировых объемов внебиржевой торговли валютами, что пока не дает возможности указывать какое-либо формирование «ядра».

Таблица 8. Изменения в мировой иерархии национальных валют (роль на глобальном внебиржевом валютном рынке)

Table 8. Changes in the global hierarchy of national currencies (role in the global over-the-counter foreign exchange market)

Валюта	Доля в оборотах на глобальном внебиржевом валютном рынке, %	
	2001	2019
«Англосаксонское ядро» глобальных финансов		
Доллар США	90	88
Фунт стерлингов	13	13
Австралийский доллар	4	7
Канадский доллар	4	5
Доля	111	113
«Континентальное ядро» глобальных финансов (Европа)		
Евро	38	32
Швейцарский франк	6	5
Шведская крона	2	2
Норвежская крона	1	2
Датская крона	1	1
Польский злотый	0	1
Доля	48	43
«Англосаксонское» + «континентальное» ядра глобальных финансов		
Доля	159	156
«Азиатское ядро» глобальных финансов		
Японская иена	24	17
Юань	0	4
Гонконгский доллар	2	4
Сингапурский доллар	1	2
Малайзийский ринггит	0	0
Южнокорейская вона	1	2
Индийская рупия	0	2
Доля	27	31
Прочие		
Российский рубль	0	1

Источник: посчитано по: BIS Forex Statistics. Turnover of OTC foreign exchange instruments, by currency // Bank for International Settlements. – 2021. – URL: <https://stats.bis.org/statx/srs/table/d11.3?f=pdf> (дата обращения: 21.11.2021). Сумма процентов больше 100, т.к. сделки с валютой учитываются дважды – как на стороне продаж, так и на стороне покупок. В этой связи доля валюты на рынке является половиной значения, приведенного в табл. 8.

* Только валюты, входящие в первую «двадцатку».

«Поход на Восток» мировых рынков акций

Насыщенность рынков акциями (капитализация/ВВП), долгами (рыночная стоимость долговой массы / ВВП) и другими финансовыми инструментами, стоимостные объемы рынков в абсолютном измерении, величина финансовых институтов по объему активов функционально зависят от размеров денежной

массы и монетизации экономики (денежная масса / ВВП). Грубо говоря, каков размер и качество «денежного материала», таковы и внутренние финансовые рынки.

В этой связи можно ожидать, что «финансовый форсаж», устроенный в азиатских экономиках, прежде всего в Китае, в части быстрого роста денежной массы (см. табл. 1, 4) будет неизбежно функционально отражен на их внутренних финансовых рынках, и вес

этих рынков в глобальных финансах ощутимо возрастет. Этот процесс можно увидеть на примере рынков акций,

в частности их капитализации (рыночная стоимость компаний, прошедших листинг) (см. табл. 9).

Таблица 9. Финансовая иерархия мира – капитализация рынков акций, 2003–2018
Table 9. Financial Hierarchy of the world – capitalization of stock markets, 2003–2018

Юрисдикция	ВВП в текущих ценах, трлн долл. США		Капитализация внутренних компаний, прошедших листинг / ВВП, (%)		Капитализация внутренних компаний, прошедших листинг, трлн долл. США	
	2003	2018	2003	2018	2003	2018
Мир	39,16	85,88	84,74	91,74	33,18	78,79
«Англосаксонское» ядро глобальных финансов						
США	11,46	20,53	132,15	147,66	15,14	30,31
Великобритания	2,05	2,86	118,28	117,00 (оценка)	2,42	3,35
Канада	0,9	1,72	101,64	112,55	0,91	1,94
Австралия	0,54	1,42	125,52	88,13	0,68	1,25
Новая Зеландия	0,08	0,21	37,45	40,59	0,03	0,09
Итого («англосаксонское ядро»)	15,03	26,74	127,61	138,14	19,18	36,94
Доля в мире, %	38,4	31,1	х	х	57,8	46,9
«Континентальное» ядро глобальных финансов (Европа)						
Еврозона	8,84	13,71	54,75	54,56	4,84	7,48
Швейцария	0,36	0,74	200,27	195,93	0,72	1,45
Швеция			Юрисдикция не включена в расчеты			
Норвегия	0,23	0,44	41,91	61,19	0,1	0,27
Дания			Юрисдикция не включена в расчеты			
Польша	0,22	0,59	17,0	27,32	0,04	0,16
Чехия	0,1	0,25	15,49	10,42 (2019)	0,02	0,03
Венгрия	0,09	0,16	19,53	18,04	0,02	0,03
Итого («континентальное ядро»)	9,84	15,89	58,33	59,28	5,74	9,42
Доля в мире, %	25,1	18,5	х	х	17,3	12,0
«Восточное ядро» глобальных финансов						
Китай	1,66	13,84	30,9	45,52	0,51	6,3
Гонконг	0,16	0,36	442,79	1055,93	0,71	3,8
Макао			Юрисдикция не включена в расчеты			
Сингапур	0,1	0,38	152,08	182,79	0,15	0,69
Япония	4,52	5,04	65,34	105,16	2,95	5,3
Южная Корея	0,7	1,73	46,88	81,96	0,33	1,42
Итого («восточное ядро» в узком смысле)	7,14	21,35	65,1	82,0	4,65	17,51
Доля в мире, %	18,2	24,9	х	х	14,0	22,2
Индия	0,62	2,7	50,85	84,5	0,32	2,28
Малайзия	0,12	0,36	145,93	110,96	0,18	0,4
Индонезия	0,26	1,04	23,28	46,7	0,06	0,49
Вьетнам	0,05	0,3	12,47 (2008)	54,1	0,01	0,16

Юрисдикция	ВВП в текущих ценах, трлн долл. США		Капитализация внутренних компаний, прошедших листинг / ВВП, (%)		Капитализация внутренних компаний, прошедших листинг, трлн долл. США	
	2003	2018	2003	2018	2003	2018
Пакистан	Юрисдикция не включена в расчеты					
Бангладеш	0,06	0,27	27,21 (2002)	28,24	0,02	0,08
Филиппины	0,09	0,35	26,63	74,43	0,02	0,26
Итого («восточное ядро» в широком смысле)	8,34	26,37	63,07	80,32	5,26	21,18
Доля в мире, %	21,3	30,7	х	х	15,9	26,9
Справочно: Россия	0,46	1,65	н/д	34,76	н/д	0,57

Источник: рассчитано по: World Bank Open Data // World Bank. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/CM.MKT.LCAPGD.ZS> (дата обращения: 22.11.2021); World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October> (дата обращения: 22.11.2021).

*Статистика капитализации по Китаю начинается с 2003 г., капитализация по еврозоне раскрыта только до 2018 г. (World Bank Open Data (2021)). Соответственно, выбраны крайние даты – 2003 и 2018 гг. Данные по Швеции заканчиваются 2003 г., по Дании – 2004 г., по Пакистану – 2011 г., по Макао данных нет, соответственно, эти страны не включены в расчеты. Дополнительно (в сравнении с табл. 1) включена Канада.

Практически во всех странах произошел рост насыщенности экономики ценными бумагами: с гораздо более высокой скоростью в странах «восточного ядра» глобальных финансов, с заметной скоростью – в странах англосаксонской модели, с крайне замедленными темпами – в континентальной (что полностью отвечает природе этих моделей). В результате доля стран «восточного ядра» в узком смысле в мировой капитализации компаний выросла с 14% в 2003 г. до 22,2% в 2018 г., стран «восточного ядра» в широком смысле – с 15,9 до 26,9% соответственно (см. табл. 9).

Вместе с тем по-прежнему главными, ведущими в глобальных финансах (в части рынков акций и капитализации на них компаний) оставались страны «англосаксонского ядра», хотя их доля снизилась с 57,8% в 2003 г. до 46,9% в 2018 г. В еще большей степени сократилась доля стран «континентального ядра» глобальных финансов – с 17,3% мировой капитализации компаний в 2003 г. до 12% в 2018 г. Это объектив-

ный процесс, в природе континентальной модели – низкий уровень развития рынков акций при очень высокой роли долгов (депозиты, кредиты, облигации) и банков (рынки ценных бумаг подавлены).

Соответственно, изменялась роль крупнейших стран и их объединений. Доля США (крупнейшее ядро глобальных финансов) в мировой капитализации компаний упала с 45,6% в 2003 г. до 38,5% в 2018 г., доля Великобритании (еще одного сгущения ликвидности на рынках акций) – с 7,3 до 4,3%, еврозоны (старейшие рынки акций Германии, Франции, Нидерландов + Испания, Италия и т.п.) – с 14,6 до 9,5%. Экономическая стагнация крайне сдерживала развитие рынка акций Японии, его доля в мировой капитализации сократилась в этот период с 8,9 до 6,7% (см. табл. 9).

Зато совокупная доля Китая и Гонконга (его административного района) резко выросла с 3,7% в 2003 г. до 12,8% в 2018 г. (см. табл. 9).

Это один из главных знаков «поворота на Восток» глобальных финансов.

Смещение на Восток международных инвестиций

Проще всего увидеть этот тренд по динамике международных инвестици-

онных позиций (активы) отдельных стран и их объединений (см. табл. 10).

Таблица 10. Финансовая иерархия мира – международная инвестиционная позиция, 2005–2020

Table 10. Financial Hierarchy of the World – International Investment Position, 2005–2020

Юрисдикция	Международная инвестиционная позиция – активы			
	2005		2020	
	трлн долл. США	%	трлн долл. США	%
Всего по выборке стран	52,13	100	141,44	100
«Англосаксонское ядро» глобальных финансов				
США	13,36	25,63	32,26	22,81
Великобритания	10,31	19,78	16,65	11,77
Канада	1,41	2,7	5,14	3,63
Австралия	0,59	1,13	2,36	1,67
Новая Зеландия	0,08	0,15	0,23	0,16
Итого («англосаксонское ядро»)	25,75	49,4	56,64	40,05
«Континентальное» ядро глобальных финансов (Европа)				
Еврозона	13,05	25,03	37,25	26,34
Швейцария	2,13	4,09	6,04	4,27
Швеция	0,79	1,52	1,93	1,36
Норвегия	0,58	1,11	2,13	1,51
Дания	0,5	0,96	1,52	1,07
Польша	0,1	0,19	0,34	0,24
Чехия	0,08	0,15	0,35	0,25
Венгрия	0,06	0,12	0,57	0,4
Итого («континентальное ядро»)	17,29	33,17	50,13	35,44
«Восточное ядро» глобальных финансов				
Китай	1,23	2,36	8,7	6,15
Гонконг	1,56	2,99	6,29	4,45
Макао				
Сингапур	1,22	2,34	4,63	3,27
Япония	4,29	8,23	11,06	7,82
Южная Корея	0,37	0,71	1,96	1,39
Итого («восточное ядро» в узком смысле)	8,67	16,63	32,64	23,08
Индия	0,18	0,34	0,85	0,6
Малайзия	0,12	0,23	0,47	0,33
Индонезия	0,06	0,12	0,4	0,28
Вьетнам				
Пакистан	0,02	0,04	0,03	0,02
Бангладеш	0,0	0,0	0,05	0,03
Филиппины	0,04	0,07	0,23	0,17
Итого («восточное ядро» в широком смысле)	9,09	17,43	34,67	24,51
Справочно: Россия	0,52	х	1,57	х

Источник: рассчитано по: Balance of Payments and International Investment Position // IMF. – 2021. – URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=62805744> (дата обращения: 23.11.2021).

* По Макао и Вьетнаму данных нет; соответственно, эти юрисдикции не включены в расчеты.

Доля стран «англосаксонского ядра» в глобальной международной инвестиционной позиции (активы, по выборке ключевых стран) резко снизилась с 49,4% в 2005 г. до 40,1% в 2020 г., в том числе США – с 25,6 до 22,8%, Великобритании – с 19,8 до 11,8%. В то же время несколько повысилась роль стран «континентального ядра» (им больше свойственны прямые, нежели портфельные инвестиции). Их доля в глобальной международной позиции выросла с 33,2% в 2005 г. до 35,4% в 2020 г., в том числе еврозоны – с 25 до 26,3% (см. табл. 10).

Резко выросла доля стран «восточного ядра» в узком смысле – с 16,6% в 2005 г. до 23,1% (при снижении роли Японии). Основные драйверы – Китай и его административный район Гонконг. Их совокупная доля в глобальной международной инвестиционной позиции (активы) поднялась с 5,3% в 2005 г. до 10,6% в 2020 г. (см. табл. 10) – всё та же тенденция, что и в абсолютном большинстве других сегментов глобальных финансов.

Китай против США: финансовая конкуренция

Нетрудно заметить, что основными конкурентами в «повороте на Восток» глобальных финансов в первые десятилетия XXI в. являются США, как и раньше остающиеся центром глобальных финансов, и Китай (вместе с Гонконгом и отчасти Сингапуром, в котором большинство населения – китайцы). Включение в статистику Тайваня (в этой юрисдикции очень высок уровень монетизации), если бы произошло, возможно, еще больше усилило бы впечатление о «китаизации» глобальных финансов. Еврозона, Великобритания, Япония остаются крупнейшими игроками, но со сжимающейся долей участия, пусть даже превосходящей пока Китай.

Вместе с тем эти процессы находятся на начальной стадии и, возможно, в будущем приостановятся, как это произошло с финансовой машиной Японии. Пока же анализ свидетельствует о следующем (см. табл. 11).

Таблица 11. Конкуренция США и Китая в финансовой иерархии стран мира
Table 11. Competition between the USA and China in the financial hierarchy of the countries of the world

Показатель	США		Китай	
Доля в ВВП мира, % (см. табл. 4)	2001	2020	2001	2020
	31,4	24,8	3,9	17,4
Доля в денежной массе мира в долларовом измерении (широкие деньги), % (см. табл. 4)	2001	2020	2001	2020
	25,1	19,5	6,2	26,0
Доля национальной валюты в распределенных валютных резервах мира, % (см. табл. 6)	2001	2021, июль	2001	2021, июль
	71,5	59,2	≈ 0	2,6
Доля в глобальных расчетах через СВИФТ, % (см. табл. 7)	2012, январь	2021, октябрь	2012, январь	2021, октябрь
	29,7	39,16*	0,25	1,85
Доля национальной валюты в оборотах на глобальном внебиржевом валютном рынке, % (см. табл. 8)	2001	2019	2001	2019
	90	88	0	4
Доля в мировой капитализации внутренних компаний, прошедших листинг, % (см. табл. 9)	2003	2018	2003	2018
	45,6	38,5	1,5	8,0
Доля в международной инвестиционной позиции – активы (выборка по ключевым странам), % (см. табл. 10)	2005	2020	2005	2020
	25,6	22,8	2,4	6,2

*В конкуренции с евро (его доля упала).

При сокращении доли США от 2–4 до 8–14 п.п. в различных сегментах глобальных финансов Китай увеличил свою долю в денежной массе мира (в долларовом измерении) на 20 п.п., занял нишу в 6–8% на финансовых рынках (без учета Гонконга). Глубина проникновения юаня в валютные резервы и в международные расчеты – 2–3% (без учета гонконгского доллара) (см. табл. 11). С учетом Гонконга эти доли повышаются в 1,5–2 раза (см. табл. 1, 3–4, 6–10).

Конечно же, такие «эпохальные» изменения не могут быть случайными, не отражают просто колебания курсов валют и динамики финансовых рынков. Это наметившийся тренд, действительно, где сильно, где слабо обозначившийся «поворот на Восток». И такой поворот может быть достигнут только в результате целенаправленной финансовой политики, ставящей своей целью взобраться как можно выше не только «по лестнице» среди крупнейших реальных экономик мира, но и в финансовой иерархии стран, со всеми преимуществами, которые дает пребывание на верхних ступеньках такой иерархии (геополитика, масштабные прибыли для государства, в том числе сеньораж, финансовое доминирование и проникновение в экономику/собственность

других стран, высокая степень финансовой свободы в денежной эмиссии, в государственных долгах, в привлечении чужих инвестиций и т.п.).

«Финансовый форсаж» как политика. «Азиатская модель» финансового сектора

Финансовое «преследование» Китаем США происходит в течение четырех десятилетий (см. табл. 4, 11). Поражает, насколько последовательно наращивался финансовый потенциал Китая. Быстрорастущая денежная масса даже в полуправительственной экономике, с огосударственным финансовым сектором не могла не «просачиваться» на глобальные финансовые рынки. У Китая крупнейшие в мире валютные резервы, кратно превосходящие ближайших «соперников». Международная инвестиционная позиция Китая (активы) выросла примерно в 7 раз в 2005–2020 гг. (см. табл. 10). Юань и китайские платежные системы активно продвигаются за рубежом. С другой стороны, на 2001–2020 гг. пришлось почти двукратное в нижней точке ослабление доллара США. Вряд ли это может быть обычным рыночным колебанием.

Таблица 12. Сопоставление изменений ВВП, денежной массы и монетизации (Китай против США)

Table 12. Comparison of changes in GDP, money supply and monetization (China vs. USA)

Показатель	1980	1990	2001	2010	2020
ВВП Китая / ВВП США, %	10,6	6,7	12,6	40,2	70,3
Денежная масса Китая / Денежная масса США, %	5,5	7,3	24,8	83,2	133,6
Монетизация (широкие деньги / ВВП, %)					
США	69,5	71,2	71,6	85,2	111,3
Китай	36,4	77,8	141,1	176,1	211,4

Источник: рассчитано по следующим показателям: денежная масса (широкие деньги), млрд долл. США; ВВП в текущих ценах, млрд долл. США. World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (дата обращения: 24.10.2021); World Bank Open Data // World Bank. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 24.10.2021).

Что такое Китай в 1980 г.? ВВП страны – 10,6% от ВВП США, денежная масса – всего лишь 5,5% от денежной массы США, население – более чем в 4 раза больше числа живущих в США. Через 30 лет «весовые соотношения» претерпели глубокие изменения. В 2020 г. ВВП Китая составил чуть более 70% ВВП США, денежная масса – выше 130% аналога в США, соотношение населения – примерно то же. В 1980 г. монетизация экономики США была примерно в 2 раза выше уровня Китая. В 2020 г. – полный переворот позиций. Монетизация Китая – больше 211% ВВП, в 1,9 раза выше, чем в США (см. табл. 12).

Денежная масса в Китае росла со сверхбыстрой скоростью при умеренной инфляции. Начиная с 1997 г. больше двух десятилетий ежегодные изменения розничных цен колебались, большей частью от –1% (дефляция) до +2%, с учетом разовых скачков (2007, 2010, 2011) в границах от 4,1 до 6,5%. Ссудный процент достиг максимальных значений в 1995 г. (12,06%), поднявшись с 5% в 1980 г., затем год за годом снижался до 4% (2015–2020). С 1998 г. ссудный процент не был больше 7% (за исключением 2007 г.). С середины 1990-х годов для юаня характерен довольно узкий валютный коридор (для развивающейся экономики). Он колебался в пределах 6–8,3 юаня за доллар США, с 2008 г. – 6–7 юаней за доллар США². Таким образом, большой «денежный взрыв» в Китае, сверхбыстрый рост его монетизации сверх порога

в 200% ВВП, формирование денежной массы в долларовом измерении, которая на одну треть превосходит объем широких денег в США – весь этот денежный феномен сложился без ярких всплесков в ссудном проценте, валютном курсе, инфляции.

Но феномен ли это только Китая? Может быть, стоит говорить об **азиатской модели финансового сектора**, особенностями которой является более глубокое насыщение внутренней экономики деньгами, долгами и другими финансовыми инструментами при подавленных эксцессах в инфляции, валютном курсе и проценте? И все это – отражение **политики «финансового форсажа»**, к которой прибегали азиатские экономики в попытках догнать развитые страны Запада в технологиях, уровне зрелости, качестве жизни? И, как результат, мы видим «поворот на Восток», пусть временами только намекающийся, в глобальных финансах?

Ответ на эти вопросы утвердительный. Анализ политики «финансового форсажа» и сотен ее инструментов детально рассмотрен в исследовании финансового механизма стимулирования сверхбыстрого роста в группе азиатских экономик [Финансовые стратегии модернизации..., 2014]. Ее результаты – экономики с повышенным «монетарным давлением», отличные от англосаксонской или континентальной моделей, даже после более чем десятилетия «денежных смягчений» в ЕС и США (см. табл. 13).

2 Рассчитано по: Inflation, end of period consumer prices, percent change – World Economic Outlook Database // IMF. – 2021. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April> (дата обращения: 24.10.2021); Lending Interest Rate - World Bank Open Data // World Bank. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 24.10.2021); Exchange Rates - International Financial Statistics // IMF. – 2021. – URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=61545850> (дата обращения: 29.11.2021).

Таблица 13. Монетизация экономики (широкие деньги / ВВП), %, 2020
Table 13. Monetization of the economy (broad money / GDP), %, 2020

Экономики (страны)	Значение
Япония	285,5
Китай	211,4
Гонконг	452,6
Макао	356,2
Сингапур	152,6
Южная Корея	166,3
Малайзия	137,8
Вьетнам	164,9
Таиланд	123,3 (2019)
Справочно: Тайвань	253,5

Источник: табл. 1. Таиланд – рассчитано по: World Bank Open Data // World Bank. – 2021. – URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения 07.11.2021); Тайвань – рассчитано по: Monetary Aggregates // Central Bank of the Republic of China (Taiwan). – 2021. – URL: https://www.cbc.gov.tw/public/data/EBOOKXLS/019_EF17_A4L.pdf (дата обращения: 29.11.2021); Principal Figures // Statistical Bureau, Republic of China. – 2021. – URL: <https://eng.stat.gov.tw/ct.asp?xitem=37408&CtNode=5347&mp=5> (дата обращения: 29.11.2021).

Ее инструменты – в рамках операционного, полуправительственного вмешательства государства в формирование денежной массы, кредита, процента, валютного курса, прямое и отчасти косвенное управление ими с тем, чтобы максимально стимулировать экономический рост, обеспечивать выгодные позиции страны на международных рынках как экспортера (в том числе экспортера капитала при внешнеэкономической экспансии), создавать финансовую стабильность в нестабильной, быстрорастущей экономической машине. По мере перехода экономики ко все большей зрелости «отпускать» финансовый сектор в более свободное рыночное плавание, использовать всё более косвенные, рыночные инструменты финансового воздействия на макроэкономику. Механизм того, как это происходит, исследован многократно, яркий пример – Китай [Грибова, 2019; Kaiji Chen, Tao Zha, 2018; Kui Wai Li, 1997; Maswana, 2011; Pan, Zhang, Wu, 2020; Petry, 2020].

По мере того, как экономика страны становится всё более зрелой, темпы финансового развития неизбежно ослабевают, страна переходит в нормализованный режим финансового разви-

тия. Тем не менее память о финансовом форсаже, его отпечатки остаются в экономике надолго, вызывая вместе с традиционными ценностями и особенностями коллективного поведения населения формирование азиатской модели финансового сектора, прочно встроеной в местные экономические реалии.

Особо следует отметить, что политика «экономического чуда», ускоренного экономического роста гораздо шире финансового форсажа, совершенно неправильно сводить сверхбыстрый рост только к фактору финансовизации экономики. Такая политика – результат системного лечения экономики, включающего все экономические и административные инструменты, которые на деле, а не на словах (максимум максимума стимулов) должны быть подчинены повышению качества жизни, росту, модернизации. В их числе – налоги / налоговое бремя, бюджет, процент, валютный режим / курс, режим счета капитала, таможенная политика, цены и инвестиции (в той части, в которой зависят от государства и регулируются им), режим иностранных инвестиций, региональная политика, госрегулирование / административное бремя, управление раз-

витием («офис развития», промышленная политика, макропрограммирование и т.п.). Финансовые и административные механизмы стимулирования сверхбыстрого роста на примере ключевых азиатских и европейских экономик детально рассмотрены в ряде публикаций [Финансовые стратегии модернизации..., 2014; Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста..., 2018].

«Финансовый форсаж» и инфляция

Должен ли финансовый форсаж, ускоренный рост монетизации/финансиализации неизбежно привести к взрыву инфляции? Ответ – нет. Умеренная инфляция подогревает быстрорастущие экономики, и, поскольку они носят полуадминистративный, полурыночный характер, в них сохраняются все возможности прямо влиять на цены, процент, валютный курс, движение капиталов, не допуская взрывных скачков цен и часто искусственно поддерживая финансовую стабильность, при том что ускоренный рост «съедает волатильность». Частично финансиализация происходит путем точечных, денежных/кредитных инъекций в приоритетные отрасли. Кроме того, во время «экономического чуда» рынок сверхбыстро заполняется товарами и услугами, противостоящими денежной массе,

начинается взрывное развитие мелко-го и среднего бизнеса, среда становится всё более рыночной, конкурентной, что неизбежно должно оказывать понижающее давление на инфляцию. И если даже «финансовый форсаж» начинался при высоком уровне инфляции, то по мере его разворачивания (вкупне с другими стимулами «чуда») и перехода экономики и ее финансового сектора ко всё большей зрелости, по мере их нормализации уровень инфляции постепенно снижается. Короче говоря, инфляция может носить управляемый характер, оставаясь на приемлемых уровнях и в понижающем тренде.

Факты, подтверждающие эти тезисы и относящиеся к 1950-м – началу 2000-х годов, даны в предшествующих публикациях [Финансовые стратегии модернизации..., 2014; Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста..., 2018]. Факты 2001–2020 гг. приведены в таблице 14. В основе анализа – Китай, наиболее яркий случай финансиализации.

Хорошо видно, что, несмотря на огромную денежную экспансию, уровень инфляции в Китае (розничные цены) выше, чем умеренный для развивающейся экономики: три года дефляции, семь лет – рост цен от 1 до 2%, пять лет – от 2 до 3%, один год – от 3 до 4%, три года – 4,1–4,6%, единожды «выброс цен» в «перегретом» во всем мире 2007 г. – 6,5% (см. табл. 14).

Таблица 14. Изменения розничных цен в Китае на конец года, %

Table 14. Changes in retail prices in China at the end of the year, %

2001	2002	2003	2004	2005
-0,3	-0,4	3,2	2,4	1,6
2006	2007	2008	2009	2010
2,8	6,5	1,2	1,9	4,6
2011	2012	2013	2014	2015
4,1	2,5	2,5	1,5	1,6
2016	2017	2018	2019	2020
2,1	1,8	1,9	4,5	-0,34

Источник: World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WE0/weo-database/2021/October> (дата обращения: 06.01.2022).

«Финансовый форсаж» и долги

Как показано выше, быстрый рост монетизации/финансиализации одновременно означает агрессивное накопление долгов в экономике «чуда» (что известно в литературе под именем «экономики, движимой долгами» – *debt-driven economy*). Долгие годы финансовый мир живет в ожидании долгового кризиса в Китае в корпоративном секторе, вызванного перенакоплением долгов и рисков в них (см., например, табл. 5).

Такие ожидания были бы совершенно справедливы, если бы речь шла о рыночной экономике. Но в экономике, где государство осуществляет контроль за ключевыми банками, кредит носит полуадминистративный характер, проблемные долги могут накапливаться очень долгое время, будучи реструктурированными государством или «заливаемыми сверху» денежной эмиссией. В конечном счете сверхбыстрый рост может «съесть» проблемные долги. То, что было системно значимым в 2005 г., таковым уже может не являться в году 2021-м. Сверхкрупные риски 2005 г. могут являться относительно малой величиной через 15–20 лет. Выход из «экономики, движимой долгами», даже в том случае, когда проблемные долги имеют системное значение, может быть мягким, не выливаясь в острый долговой кризис.

Практика «финансового форсажа»

Как политика «финансового форсажа» формулируется на высоком уровне, в рамках «дальних целей»? В каче-

стве примера возьмем Китай. Среди целей центрального банка есть «стимулирование экономического роста», пусть и связанное с обеспечением стабильности валюты³ [Allen, Gu, Qian, 2018]. Вот что пишется в отчетах центрального банка (Народный банк Китая (далее PBC)):

- «ежегодный рост денежной массы (широкие деньги) контролировался на уровне 17%, сверх ежегодных темпов экономического роста в 10%... Рост индикатора «денежная масса M2» / ВВП стабилизировался на уровне 1,6 процентных пункта в год» [Annual Report 2007, 2007, р. 24];

- поддерживать баланс между устойчивым и относительно стабильным экономическим ростом, коррекцией структуры экономики и управлением инфляционными ожиданиями, поддерживать рост денег и кредита на соответствующих уровнях, удерживать разумный рост денег и кредита, установить в качестве предварительного ориентира, что денежная масса (широкие деньги) вырастет на 16%, следовать программе *Going Global* (интернационализация юаня) [Annual Report 2010, 2010, р. 27, 34];

- «было усилено руководство кредитной политикой, чтобы побудить финансовые институты направлять больше ресурсов в ключевые области и слабые места экономического и социального развития», «Народный банк Китая обеспечит достижение соответствующего роста денежных и кредитных агрегатов так же, как и агрегатов финансирования через все системы», «будут продолжены усилия по совершенствованию системы финансовых рынков для того, чтобы поддержать роль финансовых рынков в сохране-

3 Law of the People's Republic of China on The People's Bank of China (unofficial translation) // Народный банк Китая – 2021. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/english/130733/2941519/2015082610501049304.pdf> (дата обращения: 09.12.2021).

нии стабильного экономического роста» [Annual Report 2015, 2015, р. 3, 31];

- «рост М2 и всего объема финансирования в обществе происходил в соответствии с ростом номинального ВВП и поддерживал стабильный экономический рост», РБС «будет обеспечивать рост денежного предложения, кредита и совокупного финансирования реальной экономике, чтобы «идти в ногу» с экономическим ростом», «трансграничное использование юаня... находится на подъеме... внося свой вклад в рост реальной экономики» [Annual Report 2019, 2019, р. 4, 32, 58].

Какой урок из всего этого для России? Он прост. Макроэкономическая инженерия способна в переходной экономике создать крупную «финансовую машину», работающую по специфическим правилам полуадминистративной, полурыночной реальности, которые имеют существенные отличия от развитых рыночных экономик, и настроить ее таким образом, чтобы обеспечить опережающее финансовое развитие/финансиализацию страны в сравнении с динамикой реальной экономики, стимулируя таким образом сверхбыстрый экономический рост при удержании сравнительной финансовой стабильности и постепенном переходе ко всё большей финансовой открытости и всё большему использованию традиционных рыночных инструментов, шаг за шагом замещающих инструменты директивного воздействия на деньги, кредит, процент, валютный курс и т.п. (см. также [Аганбегян, 2015]).

Это доказано опытом азиатских быстрорастущих азиатских экономик и практикой послевоенных экономик Европы, совершивших собственное чудо роста и модернизации (при переходе от военных мобилизационных режимов к открытым рыночным). Этот опыт – повторяем; вопрос лишь в «тех-

нике» и адаптации к местным, национальным условиям.

Список литературы

Аганбегян А. Размышления о финансовом форсаже // Деньги и кредит. – 2015. – № 8. – С. 5–10.

Грибова Н. Финансовая составляющая экономической модернизации Китая // Проблемы национальной стратегии. – 2019. – Т. 57, № 6. – С. 194–216. – URL: <https://riss.ru/documents/841/d83e5e31797342b2be17c53f9b25eecf.pdf> (дата обращения: 08.12.2021).

Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика / Под ред. Я.М. Миркина. – Москва : Магистр, 2018. – 480 с.

Миркин Я. Глобальные финансы: будущее, вызовы роста / при участии Т.В. Жуковой, А.В. Комовой, М.М. Кудиновой. – ИМЭМО РАН. Москва : Лингва-Ф, 2019. – 192 с.

Миркин Я. Рынок ценных бумаг России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. – Москва : Альпина Паблишер, 2002. – 622 с.

Миркин Я. Финансовый сектор России: 30 лет высокой волатильности внутри глобальных финансов // Контуры глобальных трансформаций. – 2021. – Т. 14, № 5. – С. 122–145. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-6.

Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика / Под ред. Я.М. Миркина. – Москва : Магистр, 2014. – 496 с.

Allen F., Gu X., Qian J. The People's Bank of China: From 1948 to 2016 / Ed. by R. Edvinsson, T. Jacobson, D. Waldenström // Sveriges Riksbank and the History of Central Banking, Studies in Macroeconomic History. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – P. 418–453. – DOI: 10.1017/9781108140430.013.

Annual Report 2007 // The People's Bank of China, 2007. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688259/3689032/3709448/3709481/3709712/index.html> (дата обращения: 22.11.2021).

Annual Report 2010 // The People's Bank of China, 2010. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688259/3689032/3709448/3709472/index.html> (дата обращения: 22.11.2021).

Annual Report 2015 // The People's Bank of China, 2015. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688259/3689032/3709448/3709457/index.html> (дата обращения: 22.11.2021).

Annual Report 2019 // The People's Bank of China, 2019. – URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688259/3689032/3709448/3984236/4188833/index.html> (дата обращения: 22.11.2021).

Cox M. Power Shifts, Economic Change and the Decline of the West? // *International Relations*. – 2012. – Vol. 26, N 4. – P. 369–388. – URL: https://www.researchgate.net/publication/258142723_Power_Shifts_Economic_Change_and_the_Decline_of_the_West. – DOI: 10.1177/0047117812461336.

Global Strategic Trends. The Future Starts Today. 6th Edition // UK: Ministry of Defence, 2018. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/771309/Global_Strategic_Trends_-_The_Future_Starts_Today.pdf (дата обращения: 06.01.2022).

Global Trends to 2030 – Challenges and Choices for Europe // European Strategy and Policy Analysis System, 2019. – URL: <https://www.iss.europa.eu/content/global-trends-2030-%E2%80%93-challenges-and-choices-europe> (дата обращения: 06.01.2022).

and-choices-europe (дата обращения: 06.01.2022).

Kaiji Chen, Tao Zha. Macroeconomic Effects of China's Financial Policies // NBER Working Paper, 2018. – N 25222. – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25222/w25222.pdf (дата обращения: 22.11.2021).

Kui Wai Li. Money and Monetization in China's Economic Reform // *Applied Economics*. – 1997. – Vol. 27, N 9. – P. 1139–1146. – DOI: 10.1080/00036849700000004.

Maswana J.-C. China's Financial Development and Economic Growth: Exploring the Contradictions // *Journal of Chinese Economics and Finance*. – 2011. – N 3. – P. 15–27. – URL: https://www.researchgate.net/publication/241530937_China%27s_Financial_Development_and_Economic_Growth_Exploring_the_Contradictions (дата обращения: 30.11.2021).

Pan F., Zhang F., Wu F. State-led Financialization in China: The Case of the Government-guided Investment Fund // *The China Quarterly*. – August, 2020. – Vol. 247. – P. 1–24. – DOI: 10.1017/S0305741020000880.

Petry J. Financialization with Chinese Characteristics? Exchanges, Control and Capital Markets in Authoritarian Capitalism // *Economy and Society*. – 2020. – Vol. 49, N 2. – P. 213–238. – DOI: 10.1080/03085147.2020.1718913.

World in 2050. The Long View. How Will the Global Economic Order Change by 2050? // PWC, February, 2017. – URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf> (дата обращения: 06.01.2022).

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.04

The Eastern Path of Global Finance

Yakov M. MIRKIN

DSc in Economics, Professor, Head of International Capital Markets
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23,
Moscow, Russian Federation
E-mail: yakov.mirkin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2507-9811

CITATION: Mirkin Ya.M. (2022). The Eastern Path of Global Finance. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no 2, pp. 66–92 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.04

Received: 10.12.2021.

Revised: 06.01.2022.

ABSTRACT. *The article analyzes the competition between the “Anglo-Saxon”, “continental” and “eastern” concentration of power in global finance, demonstrates the strengthening of the eastern vector in the financial development of the world. For this purpose, a comparative analysis of the financial sectors dynamics of dozen countries in the world in 2001-2020 is made. In particular, it shows the “east bias” in the global money supply, monetization, in the internationalization of national currencies, in international settlements, in the stock markets, in cross-border investments. The differences in the level of “bias to the East” for different segments of global finance are revealed. In various dimensions, it is shown to what extent the dominant role of the Anglo-Saxon model in global finance has been preserved and to what extent the “continental model” is being replaced by the Asian one. An answer is given to the question of whether a post-Soviet “core” is being formed in global finance (centered in Russia). The article*

gives an idea of “financial afterburner” policy of central banks in Asian and other economies, which allows to ensure outstripping financial development while maintaining relatively financial stability and moderate inflation. Using the case of China, it is shown how, with such a policy, the activities of the central bank are associated with the stimulation of rapid and sustainable economic growth (through direct and indirect management of monetary aggregates, credit, interest, and the exchange rate, in conjunction with other types of macroeconomic policies). The author gives recommendations for Russia (its central bank and financial sector) in order to strengthen its position in the financial hierarchy of countries and the ability to compete with other economies in global finance.

KEYWORDS: *Asian economies, global finance, hierarchy, the “east bias”, financial policy, financial development, central bank, economic miracle.*

References

- Aganbegyan A. (2015). Reflections on “Financial Afterburner”. *Finance and Credit*, no. 8, pp. 5–10 (in Russian).
- Allen F., Gu X., Qian J. (2018). The People’s Bank of China: From 1948 to 2016. In: Edvinsson R., Jacobson T., Walldenström D. (eds.). *Sveriges Riksbank and the History of Central Banking, Studies in Macroeconomic History*, Cambridge: Cambridge University Press, 2018, pp. 418–453. DOI: 10.1017/9781108140430.013.
- Annual Report 2007* (2007). The People’s Bank of China. Available at: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688259/3689032/3709448/3709481/3709712/index.html>, accessed 22.11.2021.
- Annual Report 2010* (2010). The People’s Bank of China. Available at: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688259/3689032/3709448/3709472/index.html>, accessed 22.11.2021.
- Annual Report 2015* (2015). The People’s Bank of China. Available at: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688259/3689032/3709448/3709457/index.html>, accessed 22.11.2021.
- Annual Report 2019* (2019). The People’s Bank of China. Available at: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688259/3689032/3709448/3984236/4188833/index.html>, accessed 22.11.2021.
- Cox M. (2012). Power Shifts, Economic Change and the Decline of the West? *International Relations*, vol. 26, no. 4, pp. 369–388. DOI: 10.1177/0047117812461336.
- Finansovye strategii modernizatsii... (2014). *Financial Strategies to Modernize Economy: World Practice* / Mirkin Ya.M. (ed.). Moscow: Magistr, 2014, 496 p. (in Russian).
- Global Strategic Trends. The Future Starts Today. 6th Edition* (2018). UK: Ministry of Defence. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/771309/Global_Strategic_Trends_-_The_Future_Starts_Today.pdf, accessed 06.01.2022.
- Global Trends to 2030 – Challenges and Choices for Europe* (2019). European Strategy and Policy Analysis System. Available at: <https://www.iss.europa.eu/content/global-trends-2030-%E2%80%93-challenges-and-choices-europe>, accessed 06.01.2022.
- Gribova N. (2019). Financial Component of China’s Economic Modernization. *National Strategy Issues*, vol. 57, no. 6, pp. 194–216. (in Russian). Available at: <https://riss.ru/documents/841/d83e5e31797342b2be17c53f9b25eecf.pdf>, accessed 08.12.2021.
- Kaiji Chen, Tao Zha. (2018). Macroeconomic Effects of China’s Financial Policies. *NBER Working Paper*, no. 25222. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25222/w25222.pdf, accessed 22.11.2021.
- Kui Wai Li. (1997). Money and Monetization in China’s Economic Reform. *Applied Economics*, vol. 27, no. 9, pp. 1139–1146. DOI: 10.1080/00036849700000004.
- Maswana J.-C. (2011). China’s Financial Development and Economic Growth: Exploring the Contradictions. *Journal of Chinese Economics and Finance*, no. 3, pp. 15–27. Available at: https://www.researchgate.net/publication/241530937_China%27s_Financial_Development_and_Economic_Growth_Exploring_the_Contradictions, accessed 30.11.2021.
- Mekhanizmy stimulirovaniya sverkhbystrogo rosta... (2018). *Mechanisms for Stimulating Ultra-Fast Growth: World Practice* / Mirkin Ya.M. (ed.). Moscow: Magistr, 2018. 480 pp. (in Russian).
- Mirkin Ya.M. (2002). *Russian Securities Market: Influence of Fundamental Factors, Outlook, and Development Policy*. Moscow: Al’pina Publisher, 622 pp. (in Russian).
- Mirkin Ya.M. (2019). *Global Finance: Future, Challenges of Growth* / T.V. Zhukovoi, A.V. Komovoi,

M.M. Kudinovi. IMEMO RAN. Moscow: Lingva-F, 192 pp. (in Russian).

Mirkin Ya.M. (2021). Financial Sector of Russia: 30 Years of High Volatility Inside Global Finance. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 122–145 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-6.

Pan F., Zhang F., Wu F. (2020). State-led Financialization in China: The Case of the Government-guided Investment Fund. *The China Quarterly*, August, vol. 247, pp. 1–24. DOI: 10.1017/S0305741020000880.

Petry J. (2020). Financialization with Chinese Characteristics? Exchanges, Control and Capital Markets in Authoritarian Capitalism. *Economy and Society*, vol. 49, no. 2, pp. 213–238. DOI: 10.1080/03085147.2020.1718913.

World in 2050. The Long View. How Will the Global Economic Order Change by 2050? (2017). PWC, February, 2017. Available at: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-world-in-2050-summary-report-feb-2017.pdf>, accessed 06.01.2022.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.05

Вопросы защиты конкуренции в банковской системе Республики Армения

Ахавни Григорьевна АКОПЯН

кандидат экономических наук, доцент кафедры макроэкономики

Армянский государственный экономический университет

0025, ул. Налбандян, 128, Ереван, Республика Армения

E-mail: aghavnih@gmail.com, aghavni.hakobyan@asue.am

ORCID: 0000-0002-3713-7276

ЦИТИРОВАНИЕ: Акопян А.Г. (2022). Вопросы защиты конкуренции в банковской системе Республики Армения // Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 93–114.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.05

Статья поступила в редакцию 29.11.2021.

Исправленный текст представлен 16.01.2022.

АННОТАЦИЯ. Проблемы защиты экономической конкуренции в банковской системе, повышения эффективности конкурентного регулирования с учетом современных реалий цифровизации и широкого применения передовых финансовых технологий приобретают всё большую значимость и актуальность. Эффективная государственная политика в сфере защиты экономической конкуренции является залогом эффективной защиты интересов потребителей банковских услуг. Для формирования добросовестной конкурентной среды в банковской системе Республики Армения необходимо повысить роль конкурентного ведомства, создать правовые и институциональные предпосылки его эффективного взаимодействия с Центральным банком страны. Недооценка роли конкурентного ведомства Республики Армения на протяжении двух десятилетий привела к низким показателям выявления антиконкурентных соглашений и согласованных действий,

к злоупотреблениям доминирующим положением, к ограниченному адвокатированию конкуренции. Конкурентное регулирование в сфере банковских услуг Республики Армения имеет приоритетное значение с учетом влияния банковской системы на формирование благоприятного делового климата и на развитие национальной экономики. Угроза картелизации банковской системы, риски проведения согласованной политики коммерческими банками, заключения антиконкурентных соглашений обуславливают необходимость разработки эффективных мер и инструментария выявления антиконкурентной практики коммерческих банков. Отнюдь не умаляя роль Центрального банка в обеспечении финансовой стабильности, регламентировании деятельности коммерческих банков, необходимо признать необходимость повышения роли конкурентного ведомства, поскольку лишь эффективное взаимодействие двух государственных структур может обеспечить формирование

добросовестной конкурентной среды и эффективный мониторинг деятельности коммерческих банков в контексте конкурентного регулирования. На основании анализа показателей рыночной концентрации банковской системы Республики Армения представлены выводы об уровне развития конкуренции, а также предложения по повышению эффективности конкурентного регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *банковские услуги, рыночная концентрация, картелизация, защита экономической конкуренции, антиконкурентные соглашения, финансовые технологии, конкурентное ведомство.*

Введение в проблему

Начало формированию конкурентного законодательства и конкурентной политики Республики Армения было положено в 2000 г. принятием Закона от 6 ноября «О защите экономической конкуренции». На протяжении двадцати лет закон претерпел немало изменений, а в 2021 г. с целью повышения эффективности конкурентной политики был принят новый Закон Республики Армения «О защите экономической конкуренции». К источникам права Республики Армения в сфере экономической конкуренции относятся международные договоры, регулирующие вопросы конкуренции, Конституция Республики Армения, Гражданский кодекс Республики Армения, подзаконные акты и регламенты Государственной комиссии по защите конкуренции Республики Армения (далее Комиссия). Несмотря на то, что в правовом и институциональном плане созданы необходимые предпосылки конкурентного регулирования, анализ деятельности конкурентного ведомства и клю-

чевых показателей эффективности его деятельности свидетельствуют о наличии проблем, тормозящих проведение эффективного конкурентного регулирования. Недооценка значимости конкурентной политики в развитии делового климата, в привлечении иностранного капитала, в пресечении взаимосвязи политических и бизнес-элит привели к неблагоприятной конкурентной среде, характеризующейся высокой концентрированностью товарных рынков, наличием барьеров входа на рынок, низкими показателями выявления антиконкурентных соглашений и согласованных действий, злоупотреблением монопольным или доминирующим положением хозяйствующих субъектов на товарных рынках. Низкая эффективность превентивных мер конкурентной политики, защита интересов различных олигархических структур привели к дистрофии национальной экономики, оказавшейся в кризисном состоянии как из-за пандемии коронавируса, так и из-за 44-дневной войны 2020 г. Тяжелое социально-экономическое положение, спад в разных секторах экономики свидетельствуют о необходимости оценки эффективности государственного инструментария и трансформации государства из роли «ночного сторожа» в активного актора национальной экономики. Либеральная модель рыночной экономики Республики Армения продемонстрировала свою несостоятельность эффективного противодействия различного рода шокам, что является следствием имитационных реформ в разных сферах общественной жизни, в том числе в регламентировании конкурентно-правовых отношений.

Примечательно, что большая часть исследований конкурентной политики в Республике Армения посвящена анализу товарных рынков, между тем как конкурентному регулирова-

нию банковской деятельности, защите конкуренции на рынке банковских услуг посвящены работы ограниченного числа исследователей. Различным аспектам конкурентного регулирования посвящены работы А. Маркосяна, М. Микаеляна и Э. Матевосян, которые на основе анализа конкурентной среды товарных рынков Армении оценивают деятельность Комиссии за последние годы как неэффективную, предлагая соответствующие законодательные изменения, которые будут способствовать повышению степени эффективности регулирующего государственного органа [Маркосян, Микаелян, Матевосян, 2018, с. 25]. Среди приоритетных направлений исследований в сфере конкурентной политики Армении можно выделить работы, посвященные злоупотреблению доминирующего положения хозяйствующих субъектов на товарных рынках, что обусловлено высокой концентрацией товарных рынков и наличием доминирующих или монопольных компаний в различных секторах экономики. Согласно исследованиям Б. Авакяна, рынки продовольственных товаров Армении, имеющих наибольшую долю в структуре потребления населения, монополизированы, что предполагает необходимость усиления и задействования рычагов государственного регулирования. Б. Авакян обосновывает необходимость совершенствования антимонопольной политики и расширения рамок государственного содействия [Авакян, 2016, с. 8]. В свою очередь, А. Шабоян, А. Манасерян в качестве важнейшего фактора, препятствующего развитию розничной торговли, рассматривают насыщение рынка и низкую рентабельность как доминирующих коммерческих сетей, так и малого и среднего бизнеса [Шабоян, Манасерян, 2018, с. 56].

Среди исследований, посвященных проблемам конкурентной политики в банковской системе, можно особо выделить работы А. Мкртчян, Э. Сандояна, Г. Нерсисяна, Г. Мурадяна. В частности, А. Мкртчян, изучив структуру банковской системы Республики Армения и используя подход Панзара-Росса, пришла к выводу, что сокращение числа банков и одновременный рост концентрации сопровождались снижением интенсивности конкуренции, что подтверждает гипотезу о рыночной власти [Мкртчян, 2005, с. 67]. Профессор Э. Сандоян, предлагая режим регулирования, основанный на принципах «Базель-2», справедливо подчеркивает стимулирующую роль конкуренции, которая может стать более существенным двигателем, чем регулирование, так как обслуживание крупного бизнеса возможно при наличии соответствующей капитализации, требуемый уровень которой по мере развития экономики будет возрастать, что в свою очередь постепенно становится перманентным стимулятором укрупнения капитала для конкурирующих между собой банков. По мнению автора, естественная конкуренция в рамках жесткого регулирования может привести к укрупнению некоторых банков и усилению их рыночных позиций с одновременным сохранением на рынке большого количества сравнительно небольших, мобильных банков, не сумевших в силу различных причин нарастить капитал [Сандоян, 2007, с. 35]. Г. Мурадян, изучив степень концентрации банковской системы Армении применением индекса Линда, пришел к выводу, что в результате слияния нескольких банков в 2016 г. уровень концентрации повысился, войдя в зону умеренной монополизации [Мурадян, 2020, с. 35]. Г. Нерсисян, на основе анализа рыночной концентрации банковской системы, справедливо приходит к выводу,

что банковские активы и прибыль распределены среди банков непропорционально, в результате чего крупные банки обеспечивают более высокую прибыль, что может свидетельствовать как о наличии положительного эффекта масштаба, так и об обеспечении большей прибыли посредством антиконкурентной практики [Нерсисян, 2015, с. 16].

Примечательно, что вышеуказанные авторы, рассматривая проблематику рыночной концентрации банковской системы Республики Армения, в основном акцентируют внимание на методах оценки рыночной концентрации, между тем «дуализм» ролей регулятора банковской системы – Центрального банка и проводника конкурентной политики, Комиссии, – особо не исследуется. Между тем, по нашему мнению, одним из ключевых аспектов при анализе рыночной концентрации в сфере банковских услуг являются вопросы формирования благоприятной конкурентной среды, осуществления эффективной конкурентной политики, направленной против картелизации коммерческих банков и заключения ими антиконкурентных соглашений. Оценка рыночной концентрации в банковской системе безусловно важна, но важна именно в плане оценки того, как высокая концентрация способствует различным проявлениям антиконкурентной практики и нарушению прав потребителей банковских услуг.

Конкурентное регулирование: конкурентное ведомство VS Центральный банк

В отличие от товарных рынков, конкурентная среда которых подвергается определенному анализу, рынок банковских услуг выпадает из поля зре-

ния Комиссии, что частично обусловлено законодательными положениями и ее функциями, представленными в Законе «О защите экономической конкуренции». Согласно 4-му пункту статьи 1 Закона «О защите экономической конкуренции», Комиссия осуществляет предусмотренные законом функции в отношении регулируемых или контролируемых Центральным банком лиц на основе сотрудничества с ним. Сотрудничество между Центральным банком и Комиссией основывается на следующих принципах:

1. Комиссия информирует Центральный банк о проблемах относительно экономической конкуренции в сферах, касающихся регулируемых или контролируемых Центральным банком лиц.

2. Центральный банк до принятия подзаконных нормативно-правовых актов о злоупотреблениях доминирующим положением, антиконкурентных соглашениях, концентрациях представляет их в Комиссию для получения мнения.

3. Комиссия воздерживается от какого-либо вмешательства в связи с поднятым вопросом относительно экономической конкуренции, если Центральный банк обоснованно информирует ее, что этот вопрос, исходя из целей установленного законом регулирования, отводится Центральному банку, и он осуществляет установленные законом функции. В этом случае окончательное решение принимает Центральный банк – с учетом позиции Комиссии, принимая во внимание все поднятые Комиссией вопросы, и указывает в своей окончательной позиции или решении обоснования их принятия или непринятия.

Согласно статье 5 Закона «О Центральном банке Республики Армения», Центральный банк обеспечивает свободную и справедливую экономиче-

скую конкуренцию в финансовой системе, принимает подзаконные нормативно-правовые акты и типологии злоупотребления доминирующим положением, предотвращает антиконкурентные соглашения и концентрации¹.

Анализ правовых актов показывает, что ключевая роль в регламентировании конкурентно-правовых отношений отведена именно Центральному банку. По нашему мнению, представленная модель разграничения юрисдикций и полномочий Комиссии и Центрального банка не способствует выявлению нарушений конкурентного законодательства, поскольку Центральный банк не является специализированной структурой в вопросах конкурентной политики, не обладает соответствующим инструментарием выявления антиконкурентных соглашений, различных проявлений недобросовестной конкуренции и нарушений конкурентного законодательства. Реализация конкурентной политики не является приоритетной деятельностью Центрального банка, и в этом плане эффективное сотрудничество и взаимодействие макроprudенциального регулирования с конкурентным регулированием становится более чем актуально.

На протяжении двадцати лет был зарегистрирован единственный случай, когда Комиссия совместно с Центральным банком рассмотрела дело о согласованных действиях между коммерческими банками относительно ограничения конкуренции на рынке страховых услуг. 28 марта 2008 г. председатель Центрального банка РА обратился с письмом к Комиссии, в котором было представлено, что клиентам предлагается воспользоваться услугами кон-

кретной организации, а это ограничивает свободу выбора клиента, что может привести к возможному нарушению банками статьи 5 Закона РА «О защите экономической конкуренции». После анализа данного вопроса Комиссия выявила ограничение конкуренции на рынке страхования в части создания препятствий доступу на рынок страхования имущества, что свидетельствует о заключении банками антиконкурентного соглашения. Девяти коммерческим банкам было выдвинуто предупреждение с целью исправить существующее положение и в дальнейшем исключить установление антиконкурентных соглашений.

В Республике Армения с 2009 г. начала функционировать структура, призванная разрешать споры между физическими лицами и финансовыми институтами. Офис примирителя финансовой системы в 2010 г. получил 419 претензий против коммерческих банков со стороны физических лиц, между тем в 2016 г. их число возросло до 1 418, а уже в 2020 г. увеличилось до 4 914, что составило 38,34% от общего числа претензий ко всем финансовым организациям. 63,92% принятых на рассмотрение претензий были связаны с кредитными сделками, 34,76% – с вкладами, 1,21% – с платежно-расчетными операциями [Отчет офиса финансового примирителя..., 2021]. Рассмотренные жалобы в основном касались расчетов процентов, штрафов, классификации кредитов, обслуживания вкладов, кредитов и т.д. Динамика представленных данных свидетельствует о том, что защита прав потребителей банковских услуг в Республике Армения действи-

1 Закон Республики Армения «О Центральном банке Республики Армения» // Центральный банк Республики Армения. – 2018. – URL: https://www.cba.am/RU/lalaws/Закон_o_ЦБ_PA.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

тельно является актуальной проблемой, что предполагает необходимость активизации деятельности Комиссии и расширения юрисдикции данной государственной структуры, которая на данный момент никак не задействована в конкурентном регулировании банковской деятельности.

Актуальность совершенствования инструментария защиты экономической конкуренции банковской системы Республики Армения обусловлена также резким увеличением применения цифровых технологий коммерческими банками, необходимостью адаптации конкурентного законодательства к вызовам цифровой экономики, ее соответствия современным тенденциям развития *Fintech*. Конкурентные ведомства во всем мире тщательно следят за результатами внедрения цифровых технологий в финансовую сферу и за тем, какие новые проблемы возникают в связи с развитием цифровой экономики. *Fintech* ставит перед регуляторами задачи, которые требуют нестандартных решений, для их выработки в различных странах создаются «регулятивные песочницы», позволяющие апробировать, а затем и закрепить применение новых финансовых технологий в нормативной базе банковского надзора и регулирования [Развитие конкуренции на финансовом рынке..., 2018, с. 58]. Распространение цифровых финансовых продуктов и услуг, дистанционных форматов обслуживания, развитие платформенных решений, появление маркетплейсов и экосистем снимают географические и временные ограничения для поставщиков и потребителей. Через онлайн-каналы расширяется набор доступных и удобных для потребителей финансовых продуктов и сервисов, а финансовые организации, в свою очередь, получают возможность выхода на еще более широкий круг клиентов. Очевидно, что инновации в тех-

нологической сфере значительно влияют на конъюнктуру конкурентной среды в финансовом секторе, что предполагает формирование конкурентными ведомствами совместно с центральными банками соответствующего инструментария, нацеленного на выявление потенциальных конкурентных рисков и проявлений недобросовестной практики со стороны участников финансового рынка.

Об активном вовлечении конкурентных ведомств в регламентирование финансовых отношений свидетельствует опыт разных стран. Наиболее развитые системы и механизмы конкурентного регулирования банковской системы разработаны в США и странах Европейского союза. Совершенствование инструментария конкурентного регулирования, взаимодействие конкурентных ведомств и центральных банков, применение современных методов и инструментов выявления противоправных действий обеспечивают в странах ЕС предпосылки формирования эффективных мер защиты интересов потребителей банковских услуг и улучшения конкурентной среды. Так, конкурентное ведомство Венгрии ведет активный мониторинг рынков платежей и страхования в дополнение к процедурам по правоприменению конкурентного законодательства [Балаж, 2020, с. 30]. Банковский сектор стал одним из главных приоритетов конкурентного ведомства Испании, надзор над которым осуществляется с одной стороны (с точки зрения адвокатиrowания), путем анализа новых моделей финансового сектора (*Fintech*) для выявления потенциальных конкурентных рисков, а с другой (с точки зрения правоприменения) – посредством контроля за слияниями и процедур антимонопольного разбирательства [Андухар, Гонсалес, Лонес, 2020, с. 31]. Антимонопольное ведомство Португалии оштра-

фовало в 2019 г. 14 банков на общую сумму 225 млн евро за проведение в период с 2002 по 2013 г. практики согласования действий через обмен конфиденциальными данными. За представленный период коммерческие банки предоставляли друг другу существенную и необщедоступную информацию о своих коммерческих предложениях с указанием, например, спредов, которые будут применяться ими в ближайшем будущем в отношении ипотечных кредитов или объема кредитов, выданных в предыдущем месяце, т.е. информацией, которая в противном случае не была бы доступна для их конкурентов [Законодательство о конкуренции в финансовом секторе..., 2020, с. 34].

В странах ЕАЭС наиболее эффективное взаимодействие в правовом и институциональном плане налажено в Российской Федерации, где Федеральная антимонопольная служба (ФАС) и Центральный банк совместно осуществляют защиту банковской конкуренции, совершенствуя инструментарий конкурентного регулирования и выявления антиконкурентной практики коммерческих банков с учетом рисков, связанных с широким внедрением финансовых технологий в банковской деятельности. ФАС РФ ежегодно публикует доклад по результатам мониторинга российских рынков, в ежегодных докладах о состоянии конкуренции анализируется конкурентная среда на региональных и федеральных рынках, тенденции и динамика развития финансового рынка, индексы рыночной концентрации, перечень мер, необходимых для улучшения конкурентной среды и снижения рыночной концентрации, повышения уровня удовлетворенности потребителей. Совместно проведенное исследование позволило ФАС подготовить и согласовать

с Банком России план мероприятий («дорожную карту») «Развитие конкуренции на рынке финансовых услуг», который послужит важной вехой, поскольку она является первым документом, содержащим комплекс согласованных с Банком России мероприятий по развитию конкуренции на рынке финансовых услуг [Развитие конкуренции на финансовом рынке..., 2018, с. 60]. В Республике Беларусь конкурентную политику осуществляет Министерство антимонопольного регулирования и торговли. В 2018 г. между данным ведомством и Национальным банком было заключено Соглашение об информационном взаимодействии, цель которого – обеспечить согласованность мер ценовой и денежно-кредитной политики, направленных на закрепление низкого уровня инфляции в стране. В Республике Казахстан проведение конкурентной политики возложено на Агентство по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан. В Кыргызской Республике конкурентную политику осуществляет Государственное агентство антимонопольного регулирования при Министерстве экономики и финансов. В целом в странах ЕАЭС довольно сложно оценить эффективность конкурентного регулирования банковской деятельности с учетом частых изменений регулирующих конкурентных органов, их функций, полномочий, подотчетности и подведомственности. Кроме того, основная деятельность конкурентных органов в странах ЕАЭС сводится в основном к защите конкуренции на товарных рынках, между тем конкурентное регулирование финансового рынка и коммерческих банков не является приоритетной задачей, что влияет на уровень рыночной концентрации банковской системы и приоритеты конкурентной политики данных стран.

Оценка рыночной концентрации в банковской системе

Банковская система Республики Армения играет ключевую роль в поддержании стабильного роста экономики, что делает необходимым постоянный мониторинг и анализ состояния кон-

курентной среды в данном сегменте. Банковская система Армении – крупнейший участник финансового рынка, на который приходится 83,5% активов всей финансовой системы. В таблице 1 представлены данные о количестве банков, их филиалов и представительствах, активах, обязательствах и капитале с 2009 по 2020 г.

Таблица 1. Количество банков, их филиалов, активов, обязательств и капитала коммерческих банков Республики Армения в 2009–2020 гг.

Table 1. The number of commercial banks, their branches, assets, liabilities and capital in the Republic of Armenia in 2009–2020

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Банки	22	21	21	21	22	22	22	19	19	17	17	17
Филиалы банков	391	408	442	477	485	509	522	523	523	537	551	559
Активы банков, млрд драмов	1,560	2,067	2,066	2,471	2,944	3,411	3,457	3,995	4,364	4,986	5,828	6,692
Обязательства банков, млрд драмов	1,242	1,711	1,711	2,077	2,488	2,942	2,943	3,341	3,678	4,238	5,004	5,813
Капитал, млрд драмов	319	356	356	394	456	469	514	654	686	749	824	878

Источник: Субъекты финансового сектора и основные показатели их деятельности // Евразийская экономическая комиссия. – 2021. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/time_series/Pages/fin_organizations.aspx (дата обращения 28.12.2021).

С 2009 по 2020 г. количество коммерческих банков сократилось на пять, однако филиальная сеть значительно увеличилась, в частности с 391 в 2009 г. до 559 в 2020 г. За указанный период активы коммерческих банков увеличились в 4,3 раза, обязательства – в 4,7 раза, а капитал – в 2,8 раза.

Несмотря на то, что банковская система Республики Армения по активам и обязательствам значительно уступает банковским системам Беларуси, Казахстана и России, за указанный период банковская система именно этой страны зарегистрировала столь значительный

рост активов и обязательств: по сравнению с 2016 г. в 2020-м активы армянских банков увеличились на 4,5 млрд долл. США, а обязательства – на 4,2 млрд долл.

По данным Центрального банка Республики Армения, индекс концентрации Херфиндаля-Хиршмана в банковской системе по активам по состоянию на 31 декабря 2019 г. составил 0,089, по совокупным обязательствам – 0,095, по совокупному капиталу – 0,068. Как свидетельствуют данные таблицы 3, данный индекс на протяжении долгих лет не претерпел существенных изменений.

Таблица 2. Количество банков, их активов и обязательств в странах ЕАЭС в 2016–2020 гг.**Table 2.** The number of commercial banks, their assets and liabilities in EEU in 2016–2020

	2016	2017	2018	2019	2020
Армения					
Количество банков	19	19	17	17	17
Активы (млрд долл. США)	8,3	9,0	10,3	12,2	12,8
Обязательства (млрд долл. США)	6,9	7,6	8,8	10,4	11,1
Белоруссия					
Количество банков	24	24	24	24	24
Активы (млрд долл. США)	32,1	32,8	33,0	36,2	33,7
Обязательства (млрд долл. США)	27,8	28,1	28,2	30,8	28,9
Казахстан					
Количество банков	33	32	28	27	26
Активы (млрд долл. США)	76,7	72,9	66,4	70,3	74,1
Обязательства (млрд долл. США)	68,2	63,8	58,4	60,8	64,7
Киргизия					
Количество банков	25	25	25	24	23
Активы (млрд долл. США)	2,6	2,9	3,2	3,6	3,5
Обязательства (млрд долл. США)	2,2	2,4	2,7	3,0	2,9
Россия					
Количество банков	623	561	484	442	406
Активы (млрд долл. США)	1 325,0	1 479,0	1 354,3	1 560,1	1 405,6
Обязательства (млрд долл. США)	1 165,2	1 315,9	1 206,5	1 278,6	1 261,0

Источник: [Финансовые организации в Евразийском экономическом союзе..., 2021].**Таблица 3.** Индекс концентрации Херфиндаля-Хиршмана банковской системы Республики Армения в 2005–2016 гг.**Table 3.** Herfindahl-Hirschman Index of the banking system of the Republic of Armenia in 2005–2016

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Общие активы	0,08	0,08	0,08	0,07	0,07	0,07	0,08	0,08	0,07	0,07	0,08	0,09
Общие обязательства	0,09	0,09	0,08	0,08	0,07	0,08	0,08	0,07	0,07	0,08	0,08	0,1
Общий капитал	0,06	0,07	0,07	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06	0,06

Источник: Отчет о финансовой стабильности // Центральный банк Республики Армения. – 2021. – URL: <https://www.cba.am/ru/sitepages/finstabilityreports.aspx> (дата обращения 28.12.2021).

Для оценки уровня концентрации в банковской системе представим капитал, активы и обязательства ком-

мерческих банков Республики Армения по состоянию на 31 декабря 2020 г. (см. табл. 4).

Таблица 4. Основные показатели коммерческих банков Республики Армения в 2020 г., арм. драмов

Table 4. Main indicators of commercial banks in the Republic of Armenia in 2020, Armenian drams

	Банк	Капитал	Активы	Обязательства
1	Америабанк	109 705 602	1 090 762 723	981 057 121
2	Ардшинбанк	86 889 816	917 050 276	830 160 460
3	Акба Банк	70 509 103	495 631 691	425 122 588
4	Армсвисбанк	62 932 285	386 139 335	323 207 050
5	Инекобанк	57 785 779	387 825 662	330 039 883
6	Армбизнесбанк	55 291 764	898 914 949	843 623 185
7	Банк ВТБ (Армения)	49 633 000	333 754 414	284 121 414
8	Конверсбанк	48 316 047	332 436 914	284 120 867
9	Айди Банк	44 269 211	176 930 519	132 661 308
10	Эйч-Эс-Би-Си Банк Армения	43 767 697	238 949 623	195 181 926
11	Арцахбанк	43 556 929	190 622 273	147 065 344
12	Армэкономбанк	41 595 619	320 789 927	279 194 308
13	Меллат-Банк	40 644 370	77 641 843	36 997 473
14	Араратбанк	38 226 564	248 881 437	210 654 873
15	Эвокабанк	33 848 402	201 420 317	167 571 915
16	Юнибанк	33 899 082	238 172 052	204 272 970
17	Библос Банк Армения	29 516 207	103 115 844	73 599 637
	Итого	890 387 477	6 639 039 799	5 748 652 322

Источник: Отчеты коммерческих банков Республики Армения за 2020 г.

На основании представленных данных были рассчитаны показатели рыночной концентрации CR-3, CR-4 и CR-5, де-

монстрирующие совокупную долю трех, четырех и пяти лидирующих банков по соответствующим показателям.

Таблица 5. Коэффициенты рыночной концентрации банковской системы Республики Армения в 2020 г., %

Table 5. Concentration rates of the banking system of the Republic of Armenia in 2020, %

Показатель	Активы	Капитал	Обязательства
CR-3	43,8	29,9	46,2
CR-4	51,2	36,5	53,6
CR-5	57,1	43	59,3

Источник: расчеты автора на основе отчетов коммерческих банков Республики Армения за 2020 г.

Из представленных данных видно, что и индекс Херфиндаля-Хиршмана, и показатели рыночной концентрации CR-3, CR-4 и CR-5 свидетельствуют о низкой концентрированности банковской системы. По сравнению

с показателями за 2011–2018 гг. был зарегистрирован определенный прирост показателя CR-4. В частности, в 2020 г. по сравнению с 2011 г. CR-4 по активам увеличился с 37 до 51,2%, CR-4 по обязательствам – с 38 до 53,6%.

Таблица 6. Рыночные доли четырех крупнейших коммерческих банков Республики Армения в 2011–2018 гг.

Table 6. Market share of four largest commercial banks of the Republic of Armenia in 2011–2018

	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Активы	37	38	39	43	43	47	48	49
Обязательства	38	38	40	44	45	50	52	52
Капитал	38	39	38	39	39	34	34	36
Кредитные вложения	41	47	41	44	45	51	53	51
Срочные вклады и вклады до востребования физических и юридических лиц	43	42	40	40	40	44	51	50

Источник: Банковская система Республики Армения: развитие и тенденции по состоянию на 31 декабря 2018 г. Союз банков Армении // https://uba.am/upload/Armenian_Banking_System_English_2018.pdf (дата обращения 28.12.2021).

С 2011 по 2018 г. доля четырех крупнейших банков увеличилась по активам на 12%, по обязательствам – на 14%, по кредитным вложениям – на 10% и по вкладам – на 7%. Банковская система Республики Армения по сравнению с другими государствами – членами Евразийского экономического союза характеризуется низкой рыночной концентрацией. В частности,

банковскую систему Республики Беларусь можно отнести к высококонцентрированной с индексом Херфиндаля-Хиршмана 0,20, банковские системы Российской Федерации и Республики Казахстан – к рынкам с умеренной концентрацией с индексом Херфиндаля-Хиршмана соответственно 0,15 и 0,14. По состоянию на 1 января 2020 г. в каждой из трех указанных стран около

трети активов всей банковской системы аккумулировал один крупнейший банк, а доля пяти крупнейших банков колебалась от 63 до 73%². Показатели рыночной концентрации банковского сектора Российской Федерации за 2020 г. также свидетельствуют о росте как индекса Херфиндаля-Хиршмана по активам, так и показателей CR-2, CR-5, CR-10, CR-20. Так, на 1 января 2021 г. индекс Херфиндаля-Хиршмана по активам составил 0,1423, тогда как на 1 января 2020 г. и 1 января 2019 г. индекс составил 0,1344 и 0,1278 соответственно; совокупная доля пяти крупнейших российских банков по активам на 1 января 2021 г. составила 64%, в то время как 1 января 2020 г. данный показатель был равен 62% [Банковская система России 2021..., 2021, с. 60]. По состоянию на 1 января 2021 г. на пять крупнейших банков Республики Беларусь приходилось 73,5% активов и 69,4% капитала банковского сектора (на 1 января 2020 г. – 73,4% и 70,6% соответственно). Значение индекса Херфиндаля-Хиршмана, рассчитанного по активам, в банковской системе Республики Беларусь увеличилось с 0,200 до 0,219, индекс Херфиндаля-Хиршмана по капиталу вырос с 0,185 до 0,190 [Финансовая стабильность..., 2021, с. 113]. За последние годы наблюдается рост рыночной концентрации в банковской системе Республики Казахстан. Так, по состоянию на 1 января 2021 г. совокупная доля активов пяти крупнейших банков в стране составила 67,7%, в то

время как на 1 января 2020 г. данный показатель составил 66,4%, на 1 января 2019 г. – 65%, а на 1 января 2018 г. – 59,5%³. Примечательно, что доля крупнейшего банка Республики Казахстан в общем объеме активов по итогам 2020 г. составила 33,8%, между тем на 1 января 2018 г. данный показатель составлял всего 20,2%. В Кыргызской Республике на банковский сектор приходится 77% всего финансового сектора, в 2020 г. на долю пяти крупнейших банков страны пришлось 70,7% активов, в 2019 г. – 71,6%, что свидетельствует о высокой рыночной концентрации в банковской системе⁴.

Что касается рыночной концентрации банковских систем стран ЕС, то, согласно данным Европейского центрального банка, в 2016–2020 гг. наивысшие показатели индекса Херфиндаля-Хиршмана по активам в банковской системе были зарегистрированы в Эстонии (0,2406 в 2016 г. и 0,2578 в 2020 г.), Греции (0,2332 в 2016 г. и 0,2320 в 2020 г.), Нидерландах (0,2097 в 2016 г. и 0,2001 в 2020 г.), Финляндии (0,2300 в 2016 г. и 0,2250 в 2020 г.) и Литве (0,1938 в 2016 г. и 0,2408 в 2020 г.)⁵. В 2019 г. в 27 странах ЕС (за исключением Великобритании) усредненный показатель индекса Херфиндаля-Хиршмана по активам банков составил 0,12. В указанных странах были зарегистрированы также максимальные показатели пяти лидирующих банков по активам. В частности, в Эстонии данный показатель с 88% в 2016 г. увеличился до 93,7% в 2020 г.,

2 Особенности национального банкинга: банковский рынок России, Казахстана и Беларуси // АО «Эксперт РА». – 2020. – URL: https://www.raexpert.ru/researches/banks/banking_market_2020 (дата обращения: 29.12.2021).

3 Пятёрка казахстанских банков-лидеров по активам изменится в сентябре // Курсив. – 2021. – 23 августа. – URL: <https://kz.kursiv.media/2021-08-23/pyaterka-kazakhstanskikh-bankov-liderov-po-aktivam-izmenitsya-v-sentyabre/> (дата обращения: 03.01.2022).

4 Financial Sector Indicators for Kyrgyz Republic // OCHA. – 2021. – URL: <https://data.humdata.org/dataset/world-bank-financial-sector-indicators-for-kyrgyz-republic/resource/5551c6e9-8023-4502-b1f6-98e6306bda0b> (дата обращения: 03.01.2022).

5 EU structural financial indicators // European Central Bank. – 2021. – URL: <https://sdw.ecb.europa.eu/servlet/details?node=1000002869> (дата обращения: 30.12.2021).

в Греции с 97,3% в 2016 г. сократился до 97,0% в 2020 г., в Литве с 87,1% в 2016 г. увеличился до 91,8% в 2020 г. Между тем наименьшие показатели индекса Херфиндаля-Хиршмана по активам банков были зарегистрированы в Германии (0,0277 в 2016 г. и 0,0325 в 2020 г.), Австрии (0,0358 в 2016 г. и 0,407 в 2020 г.), Италии (0,0452 в 2016 г. и 0,0688 в 2020 г.). О низкой концентрации банковских систем указанных стран свидетельствует также показатель пяти лидирующих банков по активам, который по данным 2019 и 2020 гг. соответственно составил 31,2 и 34,0% в Германии, 36 и 38,5% – в Австрии, 47,9 и 49,3% – в Италии.

Для оценки уровня концентрации важное значение имеет определение товарных границ рассматриваемого сегмента, поскольку если неправильно его идентифицировать, то можно получить искаженную картину, не отражающую реальную рыночную долю и потенциал участников финансового рынка влияния на конкурентную среду. Помимо этого, важны также и другие параметры, которые не всегда возможно оценить количественно. Показатели рыночной концентрации отражают структуру рынка, но полноценно не отражают уровень развития конкуренции, то есть показатели рыночной концентрации сами по себе не дают представления о том, насколько сильна конкурен-

ция в данном сегменте. Кроме того, сосредоточение внимания только на доминировании на рынке некоторых из крупнейших банков и игнорирование конкурентной динамики остальных банков может привести к неправильному выводу об уровне конкуренции. В отличие от Центрального банка Республики Армения, рассчитывающего лишь индекс Херфиндаля-Хиршмана банковской системы, Банк России осуществляет также количественную и качественную оценку уровня конкуренции, диверсифицируя основные продуктовые сегменты финансового рынка: «Платежи и переводы», «Кредитование», «Привлечение средств», «Инвестиционные услуги» и «Страхование» [Подходы Банка России..., 2019].

Актуальность конкурентного регулирования банковских услуг Республики Армения обусловлена также высокими рисками картелизации банков, что может выражаться в разных формах, в том числе в искусственном занижении процентных ставок по привлеченным средствам, по завышению ставок кредитования, по росту тарифов и комиссий, в навязывании дополнительных услуг клиентам и т.д. С целью оценки рыночной конкуренции на рынке банковского кредитования Республики Армения ниже приведены показатели рыночной концентрации CR-3, CR-4 и CR-5 по кредитным вложениям.

Таблица 7. Кредитные вложения коммерческих банков и их доля в суммарных кредитных вложениях в Республике Армения в 2018–2020 гг.

Table 7. Credit investments of commercial banks and their share in total credit investments in the Republic of Armenia in 2018–2020

		Кредитные вложения на 31.12.2018, арм. драмов	Доля в суммар. кредит. влож., %	Кредитные вложения на 31.12.2019, арм. драмов	Доля в суммар. кредит. влож., %	Кредитные вложения на 31.12.2020, арм. драмов	Доля в суммар. кредит. влож., %
1	Америабанк	545 828 429	16,82	579 573 654	15,48	702 537 391	16,08
2	Ардшинбанк	457 875 781	14,11	485 985 940	12,98	680 816 846	15,58

		Кредитные вложения на 31.12.2018, арм. драмов	Доля в суммар. кредит. влож., %	Кредитные вложения на 31.12.2019, арм. драмов	Доля в суммар. кредит. влож., %	Кредитные вложения на 31.12.2020, арм. драмов	Доля в суммар. кредит. влож., %
3	Армбизнесбанк	416 055 525	12,82	550 486 409	14,70	620 628 478	14,20
4	Акба Банк	231 878 809	7,14	307 557 615	8,22	347 663 043	7,96
5	Конверсбанк	202 579 303	6,24	237 539 217	6,35	240 758 986	5,51
6	Банк ВТБ (Армения)	213 663 848	6,58	214 462 964	5,73	232 845 125	5,33
7	Инекобанк	212 327 918	6,54	245 185 541	6,55	231 184 744	5,29
8	Армэкономбанк	147 001 908	4,53	198 419 062	5,30	218 678 120	5,00
9	Юнибанк	175 913 724	5,42	173 007 158	4,62	177 896 145	4,07
10	Араратбанк	126 527 490	3,90	139 773 570	3,73	165 585 182	3,79
11	Эйч-Эс-Би-Си Банк Армения	128 113 947	3,95	136 542 097	3,65	159 242 584	3,64
12	Эвокабанк	82 213 926	2,53	105 477 989	2,82	137 118 749	3,14
13	Армсвисбанк	78 373 398	2,41	99 947 691	2,67	131 449 556	3,01
14	Арцахбанк	86 336 591	2,66	109 067 643	2,91	127 304 698	2,91
15	Айди Банк	82 485 931	2,54	90 672 326	2,42	118 423 552	2,71
16	Библос Банк Армения	48 250 218	1,49	52 506 380	1,40	55 449 331	1,27
17	Меллат-Банк	9 945 764	0,31	17 491 753	0,47	22 718 555	0,52
	Итого	3 245 372 510	100	3 743 697 009	100	4 370 301 085	100

Источник: Отчеты коммерческих банков Республики Армения за 2018–2020 гг.

Таблица 8. Коэффициенты рыночной концентрации банковской системы по кредитным вложениям в Республике Армения в 2018–2020 гг., %

Table 8. Market concentration rates of the banking system for credit investments in the Republic of Armenia in 2018–2020, %

	2018	2019	2020
CR-3	43,75	43,16	45,86
CR-4	50,89	51,38	53,82
CR-5	57,13	57,73	59,33

Источник: Отчеты коммерческих банков Республики Армения за 2018–2020 гг.

Совокупная доля трех крупнейших банков по кредитным вложениям на 31 декабря 2020 г. составила 45,86% совокупного банковского кредитования. Данный показатель с 2018 г. увеличился на 2,11%, а совокупная доля пяти банков за тот же период составила 59,33%, т.е. получается, что, не-

смотря на то что по своей структуре банковская система характеризуется как рынок несовершенной конкуренции, на остальные банки приходится всего 40,67%. Причем доля лидирующего банка в несколько раз превышает совокупную рыночную долю 14 банков.

Таблица 9. Средневзвешенные процентные ставки по кредитам, выданным физическим лицам, в иностранной валюте (% годовых) по краткосрочным кредитам в государствах – членах ЕАЭС

Table 9. Weighted average interest rates on loans to individuals in foreign currency (percent per annum) on short-term loans in Eurasian Economic Union member-states

	2016	2017	2018	2019	2020
Армения	14,5	12,9	10,7	10,9	9,5
Белоруссия	-	-	-	-	-
Казахстан	10,9	9,7	11,4	13,2	15,2
Киргизия*	13,4	9,8	5,8	7,0	4,5
Россия	11,1	9,3	9,4	7,4	5,8

* По потребительским кредитам.

Источник: [Евразийский экономический союз..., 2021].

Сравнительный анализ средневзвешенных процентных ставок банков по кредитам физических и юридических лиц стран Евразийского экономического союза показывает, что соответствующие показатели Республики Армения значительно превышают аналогичные показатели остальных стран ЕАЭС, что отрицательно влияет как на покупательную способность физических лиц и их благосостояние, так и на деловую активность в стране. Данные вышеприведенной таблицы свидетельствуют, что в 2020 г. (по сравнению с 2010 г.) средневзвешенные процентные ставки по краткосрочным кредитам юридических лиц в Республике Армения сократились

с 12,1 до 7,5%. Однако, несмотря на значительное сокращение, данный показатель продолжает превышать аналогичный показатель остальных государств – членов ЕАЭС. Что касается средневзвешенных процентных ставок по долгосрочным кредитам для юридических лиц, то опять показатель Республики Армения превышает аналогичный показатель как Беларуси, так и Казахстана и России. Между тем высокие процентные ставки по кредитам ограничивают возможности привлечения дополнительных ссудных средств в реальный сектор экономики. Следует учитывать, что конкуренция в банковской системе не только позитивно влияет на эффек-

Таблица 10. Средневзвешенные процентные ставки по кредитам, выданным юридическим лицам, в иностранной валюте (% годовых) в государствах-членах ЕАЭС

Table 10. Weighted average interest rates on loans to legal entities in foreign currency (percentage per annum) in Eurasian Economic Union member-states

	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия
по краткосрочным кредитам					
2010	12,1	9,7	10,7	19,8	7,2
2011	10,6	9,1	9,4	24,8	5,2
2012	10,1	8,9	7,8	22,2	5,3
2013	9,9	8,3	7,1	20,3	4,0
2014	9,6	9	7,2	13,1	3,8
2015	9,6	9,6	7	12,9	6,6
2016	8,4	8,7	7,5	12,6	5,8
2017	7,4	6,2	5,7	10,7	4,6
2018	7,7	4,7	5,4	9,4	5,0
2019	7,8	4,5	4,9	8,1	4,6
2020	7,5	5,0	3,9	6,9	3,5
по долгосрочным кредитам (на срок выше 1 года)					
2010	12,8	9,5	12,0	10,7	8,6
2011	11,4	8,5	8,3	9,4	7,3
2012	11,3	9,5	9,7	7,8	7,9
2013	11,1	8,8	10	7,1	6,7
2014	10,7	8,9	9	7,2	6,6
2015	10,5	9,9	8,6	7	8,2
2016	9,7	9,0	8,1	12,3	6,7
2017	9,1	7,3	7,2	10,5	5,8
2018	8,5	5,8	5,5	9,8	5,6
2019	8,1	5,2	5,3	9,9	5,2
2020	8,0	5,5	5,8	9,2	4,7

тивность функционирования коммерческих банков, на стабильность финансовой системы и эффективность денежно-кредитной политики, но влияет также на перспективы развития реального сектора экономики и возможности обеспечения высокого темпа экономического роста. Анализ рыночной концентрации в банковской системе важен именно с точки зрения ее влияния на политику ценообразования коммерческих банков. Несмотря на то, что индек-

сы рыночной концентрации банковской системы Республики Армения ниже аналогичных показателей партнеров по ЕАЭС, кредиты, выдаваемые физическим и юридическим лицам коммерческими банками Армении, обходятся дороже, а потребителей банковских услуг прежде всего интересует доступность кредитных ресурсов, что обуславливает конкурентоспособность их продуктов и услуг как на локальном, так и на международном рынке.

Заключение

В современных условиях наряду с ценовой конкуренцией коммерческие банки Республики Армения используют неценовые факторы конкуренции, что обуславливает необходимость совершенствования государственного инструментария выявления разных проявлений недобросовестной конкуренции. Вероятность противоправной деятельности коммерческих банков связана с угрозами и высокими рисками картелизации рынка банковских услуг Республики Армения, что может проявляться в занижении процентных ставок по вкладам, завышении кредитных ставок, навязывании дополнительных услуг клиентам, умалчивании существенных для клиентов условий, изменении в одностороннем порядке процентов по остаткам счетов, предоставлении неполной или недостоверной информации о действующих тарифах и условиях обслуживания и т.д. Отнюдь не умаляя роль Центрального банка Республики Армения в обеспечении финансовой стабильности, отметим необходимость переоценки роли конкурентного регулирования в банковской системе. Низкие показатели рыночной концентрации не исключают возможность антиконкурентных соглашений и согласованных действий, выявление которых возможно лишь при эффективном взаимодействии Комиссии и Центрального банка Республики Армения. Для более достоверной оценки рыночной концентрации банковской системы Республики Армения необходимы мониторинг и анализ концентрации по различным направлениям банковской деятельности с диверсифицированным подходом к разным банковским операциям. Эффективная защита экономической конкуренции в банковской си-

стеме Республики Армения важна не только в плане обеспечения добросовестной конкурентной среды для финансовых институтов, но и для доступности банковских услуг и защиты прав потребителей, обеспечения конфиденциальности и безопасности их данных. Согласованные действия коммерческих банков, обмен конфиденциальной информацией, координация стратегии разных банков могут серьезно подорвать усилия государства в обеспечении добросовестной конкурентной среды в банковской системе. В этом плане необходимость усовершенствования инструментария конкурентного регулирования, обусловленная широким применением и внедрением *Fintech* в банковской системе Республики Армения, предполагает разработку эффективных мер выявления антиконкурентной практики с учетом современных реалий цифровизации банковской системы.

Список литературы

Авакян Б.А. Проблемы структурных преобразований и конкурентоспособности экономики Республики Армения // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 1 (43). – С. 6–8. – DOI: 10.18454/IRJ.2016.43.122.

Андухар И., Гонсалес П., Лопес Х. Конкуренция в банковском секторе в Испании // Конкурентная политика Восточной Европе и Центральной Азии: Внимание банковскому и страховому секторам. – 2020. – № 14. – С. 31–33.

Балаж Б. Защита конкуренции и ее адвокати́рование в банковском и страховом секторах // Конкурентная политика Восточной Европе и Центральной Азии: Внимание банковскому и страховому секторам. – 2020. – № 14. – С. 30.

Банковская система России 2021: качество активов, бизнес-модели и регулирование (XXII Всероссийская банковская конференция). – Москва : Ассоциация банков России, 2021. – 86 с.

Евразийский экономический союз в цифрах (краткий статистический сборник). – Москва : Евразийская экономическая комиссия, 2021. – 188 с.

Законодательство о конкуренции в финансовом секторе: последние действия Португальского конкурентного ведомства // Конкурентная политика Восточной Европе и Центральной Азии: Внимание банковскому и страховому секторам. – 2020. – № 14. – С. 29–31.

Подходы Банка России к развитию конкуренции на финансовом рынке: Доклад для общественных консультаций. – Москва: Банк России, 2019. – 127 с.

Развитие конкуренции на финансовом рынке: Россия и международная практика. – Москва : Ассоциация банков России, 2018. – 80 с.

Сандоян Э.М. Проблемы модернизации системы банковского регулирования в Армении. – Ереван : Издательство РАУ, 2007. – 137 с.

Финансовые организации в Евразийском экономическом союзе 2020 (Статистический сборник). – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2021. – 30 с.

Финансовая стабильность в Республике Беларусь 2020. – Минск : Национальный банк Республики Беларусь, 2021. – 125 с.

Armenian Banking System: Developments and Trends as of December 31, 2018 // Union of Banks of Armenia. March 2019. – URL: https://uba.am/upload/Armenian_Banking_System_English_2018.pdf (дата обращения: 28.12.2021).

Mkrtchyan A. The Evolution of Competition in Banking in a Transition Economy: An Application of the Panzar-Rose

Model to Armenia // The European Journal of Comparative Economics. – 2005. – Vol. 2, N 1. – P. 67–82.

Маркосян А., Микаелян М., Матевосян Э. Некоторые приоритеты в сфере защиты экономической конкуренции в Армении. Մարկուայան Ա., Միքայելյան Մ., Մաթևոսյան Է. Հայաստանում տնտեսական մրցակցության պաշտպանության մի քանի առաջնահերթություն // Вестник АГЭУ. – 2018. – № 2. – С. 17–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-prioritety-v-sfere-zaschity-ekonomicheskoy-konkurentsii-v-armenii> (дата обращения: 14.01.2022). – Армян. яз.

Мурадян Г. Оценка концентрации и конкуренции в банковской системе Армении с помощью индекса Линды. Մուրադյան Հ. ՀՀ բանկային համակարգում կենտրոնացվածության և մրցակցության գնահատումը Լինդայի համաթվի միջոցով // Вестник АГЭУ. – 2020. – № 2. – С. 24–36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kontsentratsii-i-konkurentsii-v-bankovskoy-siste-me-armenii-s-pomoschyu-indekse-lindy> (дата обращения: 15.01.2022). – Армян. яз.

Нерсисян Г.А. Проблемы управления экономической конкуренции в банковской системе РА (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук). Ներսիսյան Գ. Տնտեսական մրցակցության կարգավորման հիմնախնդիրները ՀՀ բանկային համակարգում (տեսություն և մեթոդաբանություն). – Ереван, 2015. – URL: http://etd.nla.am/4544/1/015-Ներսիսյան_Գևորգ.pdf (дата обращения: 15.01.2022). – Армян. яз.

Отчет офиса финансового примирителя Республики Армения за 2020 год. Ֆինանսական համակարգի հաշտարարի գրասենյակի տարեկան հաշվետվություն 2020 // Примиритель-

тель финансовой системы, 2021. – URL: https://www.fsm.am/media/3029/fsm-report-main_arm_23092021.pdf (дата обращения: 28.12.2021). – Армян. яз.

Шабоян А., Манасерян А. Вопросы конкуренции в розничной торговле и пути их решения в РА. Շաբոյան Ա., Մանասերյան Ա. Մանրածախ

առևտրի ոլորտում մրցակցության խնդիրները և դրանց լուծման ուղիները ՀՀ-ում // Вестник АГЭУ. – 2018. – № 3. – С. 47–56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-konkurentsii-v-rozничnoy-torgovle-i-puti-ih-resheniya-v-ra> (дата обращения 14.01.2022). – Армян. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.05

Competition Protection Issues of the Banking System in the Republic of Armenia

Aghavni G. HAKOBYAN

PhD in Economics

Associate Professor at the Chair of Macroeconomics

Armenian State University of Economics

128 Nalbandyan str., 0025, Yerevan, Republic of Armenia

E-mail: aghavnih@gmail.com, aghavni.hakobyan@asue.am

ORCID: 0000-0002-3713-7276

Received: 29.11.2021.

Revised: 16.01.2022.

CITATION: Hakobyan A.G. (2022). Competition Protection Issues of the Banking System in the Republic of Armenia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 93–114 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.05

ABSTRACT. *The problems of protecting economic competition in the banking system, increasing the efficiency of competition regulation, taking into account the modern realities of digitalization and the widespread use of advanced financial technologies are gaining increasing importance and relevance. An effective state policy in the field of protecting economic competition is the key to effective protection of the interests of banking services consumers. The formation of a fair competitive environment in the banking system of the Republic of Armenia needs increasing the role of the competition authority, to create legal and institutional prerequisites for its effective interaction with the Central Bank of the country. The underestimation of the role of the competition authority of the Republic of Armenia for two decades has led to low rates of detection of anti-competitive agreements and concerted actions, abuse of dominant position, and limited advocacy of competition. Competitive regulation in the sphere of banking services in*

the Republic of Armenia is of priority importance, taking into account the influence of the banking system on the formation of a favorable business climate and on the development of the national economy. The threat of cartelization of the banking system, the risks of pursuing a coordinated policy by commercial banks, and the conclusion of anti-competitive agreements necessitate the development of effective measures and tools for identifying anti-competitive practices of commercial banks. Far from diminishing the role of the Central Bank in ensuring financial stability, regulating the activities of commercial banks, it is obvious that the role of the competition authority must be increased, since only effective interaction between the two state structures can ensure the formation of a fair competitive environment and effective monitoring of the activities of commercial banks in the context of competition regulation. Based on the analysis of indicators of market concentration of the banking system of the Republic of Armenia, conclu-

sions on the level of development of competition are presented, as well as proposals for improving the efficiency of competition regulation.

KEYWORDS: banking services, market concentration, cartelization, protection of economic competition, anticompetitive agreements, financial technologies, competition authority

References

- Andújar I., González P., López J. (2020). Competition in the Banking Sector in Spain. *Competition Policy in Eastern Europe and Central Asia. Focus on Banking and Insurance Sectors*, no. 14, pp. 31–34 (in Russian).
- Armenian Banking System... (2019). *Armenian Banking System: Developments and Trends as of December 31, 2018*. Union of Banks of Armenia, March. Available at: https://uba.am/upload/Armenian_Banking_System_English_2018.pdf, accessed 28.12.2021.
- Avagyan B. (2016). Problems of Structural Transformation and Economic Competitiveness of the Republic of Armenia. *International Research Journal*, no. 1 (43), pp. 6–8 (in Russian). DOI: 10.18454/IRJ.2016.43.122.
- Balász B. (2020). Competition enforcement and advocacy in the banking and insurance Sectors. *Competition Policy in Eastern Europe and Central Asia. Focus on Banking and Insurance Sectors*, no. 14, p. 30 (in Russian).
- Bankovskaya sistema Rossii 2021... (2021). *Russian banking system 2021: asset quality, business models and regulation (XXII All-Russian Banking Conference)*. Moscow: Association of Banks of Russia, 86 pp. (in Russian).
- Evraziiskii ekonomicheskii soyuz... (2021). *Eurasian Economic Union: Brief Statistics Yearbook*. Moscow: Eurasian Economic Commission, 188 pp. (in Russian).
- Finansovye organizatsii v Evraziiskom ekonomicheskom soyuze... (2021). *Financial Institutions in Eurasian Economic Union 2020: Statistical Digest*. Moscow: Eurasian Economic Commission, 30 pp. (in Russian).
- Finansovaya stabil'nost'... (2021). *Financial Stability in the Republic of Belarus*. Minsk: National Bank of the Republic of Belarus, 125 pp. (in Russian).
- Markosyan A., Mikayelyan M., Matevosyan E. (2018). Some Priorities in the Sphere Protecting Economic Competition in Armenia. *Messenger of ASUE*, no. 2, pp. 17–29 (in Armenian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-prioritety-v-sfere-zaschity-ekonomicheskoy-konkurentsii-v-armenii>, accessed 14.01.2022.
- Mkrtchyan A. (2005). The Evolution of Competition in Banking in a Transition Economy: An Application of the Panzar-Rose Model to Armenia. *European Journal of Comparative Economics*, vol. 2, no. 1, pp. 67–82.
- Muradyan H. (2020). Evaluation of Concentration and Competition in the Banking System of Armenia Using the Linda Index. *Messenger of ASUE*, no. 2, pp. 24–36 (in Armenian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kontsentratsii-i-konkurentsii-v-bankovskoy-sisteme-armenii-s-pomoschyu-indeksa-lindy>, accessed 15.01.2022.
- Nersisyan G. (2015). *Issues of the Economic Competition Management in the Banking System of Armenia (Abstract of the Dissertation for the PhD in Economics)* (in Armenian). Available at: http://etd.nla.am/4544/1/015-Ներսիսյան_Գևորգ.pdf, accessed 15.01.2022.
- Otchet ofisa finansovogo primirite-lya... (2021). *Report of the Office of the Financial System Mediator of the Republic of*

Armenia for 2020 (in Armenian). Available at: https://www.fsm.am/media/3029/fsm-report-main_arm_23092021.pdf, accessed 02.01.2022.

Podkhody Banka Rossii... (2019). *Report for Public Consultations: Approaches of the Bank of Russia to the Development of Competition in the Financial Market* (2019). Moscow: CBR, 127 pp. (in Russian).

Razvitie konkurentsii na finansovom rynke... (2018). *Development of Competition in the Financial Market: Russia and International Practice. Analytical materials*. Moscow: Association of Banks of Russia, 80 pp. (in Russian).

Sandoyan E. (2007). *The Problems of Modernization of the System of the Bank-*

ing Regulation in Armenia. Yerevan: RAU Publishing House, 137 pp. (in Russian).

Shaboyan A., Manaseryan A. (2018). Issues of Competition in Retail Trade and Ways of Their Solution in the RA. *Messenger of ASUE*, no. 3, pp. 47–56 (in Armenian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-konkurentsii-v-rozничnoy-torgovle-i-puti-ih-resheniya-v-ra>, accessed 14.01.2022.

Zakonodatel'stvo o konkurentsii v finansovom sektore... (2020). *Competition Law in the Financial Sector. Recent activity of the Portuguese Competition Authority. Competition Policy in Eastern Europe and Central Asia. Focus on Banking and Insurance Sectors*, no. 14, pp. 29–31 (in Russian).

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.06

Военно-политическая стратегия администрации Дж. Байдена

Владимир Игоревич БАТЮК

доктор исторических наук, профессор факультета мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 119017, Малая Ордынка ул., д. 17, Москва, Российская Федерация;

главный научный сотрудник

Институт США и Канады РАН, 121069, Хлебный пер., д. 2/3, Москва, Российская Федерация

E-mail: ctas@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-1838-8616

ЦИТИРОВАНИЕ: Батюк В.И. (2022). Военно-политическая стратегия администрации Дж. Байдена // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 115–132.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.06

Статья поступила в редакцию 26.09.2021.

Исправленный текст представлен 24.11.2021.

АННОТАЦИЯ. В настоящее время военно-политическая стратегия администрации Дж. Байдена находится в процессе формирования. Американским правящим кругам приходится учитывать неблагоприятные для США перемены в военно-политической обстановке в мире. Американская политика «смены режимов» потерпела полный крах в Афганистане; Соединенные Штаты сталкиваются с укреплением военно-технического потенциала России и КНР. В этих условиях официальный Вашингтон делает ставку на укрепление отношений с партнерами и союзниками и пытается отказаться от некоторых своих международных обязательств (как, например, это произошло в Афганистане). При выработке своей ядерной и космической стратегии, а также военной страте-

гии в различных регионах мира американское военно-политическое руководство вынуждено исходить из того, что Вашингтон в ряде областей утратил некогда неоспоримое военное превосходство. Фактический отказ президента Байдена от политики продвижения демократии в мире ставит под вопрос претензии Вашингтона на лидерство в сообществе демократических государств. При этом приоритеты американских правящих кругов явно смещаются в направлении Индо-Тихоокеанского региона – в то время как Ближний и Средний Восток теряет свой былой приоритет в их глазах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военная стратегия, стратегический баланс, союзники, главный противник, идеология внешней политики.

В «Словаре военных и связанных с ними терминов» Министерства обороны США дается следующее определение понятия «стратегия»: «Разумная идея или набор идей для синхронного и комплексного использования инструментов национальной власти для достижения национальных и/или многонациональных целей» [DOD Military and Associated Terms, 2020, p. 204].

Американская военная стратегия всегда была лишь одним из инструментов (пусть и очень важным) более широкой стратегии национальной безопасности США. По мнению крупнейшего российского американиста Г.А. Трофименко, стратегия национальной безопасности является высшей по отношению к военной, последняя подчинена целям и задачам, которые ставит первая [Трофименко, 1984, с. 282]. Как отмечает в этой связи российский исследователь В.Н. Коньшев, для американских правящих кругов «военная стратегия – это часть стратегии национальной безопасности, которая ориентирована на отражение и нейтрализацию военного спектра угроз/вызовов» [Коньшев, 2009, с. 8].

Именно в стратегии национальной безопасности, которую принимает Совет национальной безопасности США под председательством президента, формулируются те цели Соединенных Штатов на международной арене, которые должны быть достигнуты с помощью имеющихся у американского государства политических, экономических, психологических и военных средств.

Иными словами, военная стратегия призвана обеспечить достижение тех целей, которые поставлены в стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов, военными средствами. Какие же задачи ставит перед собой на международной арене нынешняя американская администрация? И какую роль она отводит американским вооруженным силам в решении этих задач?

О стратегии национальной безопасности администрации Дж. Байдена

Поскольку 46-й президент США пришел к власти в январе 2021 г., у его команды пока что не было времени для разработки как стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов, так и американской военной стратегии. Правда, в начале марта 2021 г. был опубликован документ под названием «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности» (*Interim National Security Strategic Guidance*), в котором были изложены взгляды администрации Байдена на ключевые проблемы американской внешней и военной политики. Уже через полтора месяца после вступления в должность Дж. Байдена новая администрация посчитала необходимым недвусмысленно заявить, что главным противником Соединенных Штатов на международной арене является Китайская Народная Республика. О Китае в документе говорится, что это – единственный соперник, способный «объединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь, чтобы бросить устойчивый вызов стабильной и открытой международной системе» [Interim National Security Strategic Guidance, 2021, p. 8].

Что касается Российской Федерации, то, как указывается во «Временном стратегическом руководстве», «Россия по-прежнему полна решимости усилить свое глобальное влияние и играть разрушительную роль на мировой арене. И Пекин, и Москва вложили значительные средства в усилия, направленные на то, чтобы проверить сильные стороны США и помешать нам защищать наши интересы и союзников по всему миру» [Interim National Security Strategic Guidance, 2021, p. 8].

Каким же образом Вашингтон собирается противостоять этому китайско-российскому тандему? В вышеупомянутом документе указывается, что «наши демократические союзы позволяют нам выступать единым фронтом, вырабатывать единое видение и объединять наши силы для продвижения высоких стандартов, установления эффективных международных правил и привлечения к ответственности таких стран, как Китай. Вот почему мы сохраним свою верность Организации Североатлантического договора, будем инвестировать и модернизировать НАТО и наши альянсы с Австралией, Японией и Республикой Корея, которые, наряду с другими нашими глобальными альянсами и партнерствами, являются величайшим стратегическим активом Америки» [Interim National Security Strategic Guidance, 2021, p. 10].

В полном соответствии с вышеупомянутым директивным документом, сразу после утверждения в своих должностях государственный секретарь США Э. Блинкен и министр обороны США Л. Остин совершили свой первый зарубежный визит в страны – союзницы Соединенных Штатов на Тихом океане – Японию и Южную Корею (16–18 марта 2021 г.). Цель данного визита состояла в том, чтобы укрепить американо-японский и американо-южнокорейский альянсы, направленные против Китая. А затем министр обороны совершил визит в Индию – в страну, которую в американских кругах рассматривают как важную составную часть антикитайского «санитарного кордона» в Индо-Тихоокеанском регионе.

При этом соперничество с Китаем не означает отсутствие диалога и взаимодействия с последним. Как подчеркивается во «Временном стратегическом руководстве», «мы также при-

знаем, что стратегическая конкуренция не препятствует и не должна препятствовать сотрудничеству с Китаем, когда это отвечает нашим национальным интересам... Мы будем приветствовать сотрудничество китайского правительства по таким вопросам, как изменение климата, глобальная безопасность здравоохранения, контроль над вооружениями и нераспространение, где переплетаются наши национальные судьбы» [Interim National Security Strategic Guidance, 2021, p. 21].

Такой «двухколейный» подход к «противнику номер один» во многом напоминает политику США и их союзников в отношении СССР в годы первой холодной войны: с конца 1960-х годов в западных столицах утвердилось представление о том, что сдерживание Советского Союза должно сопровождаться диалогом и выборочным сотрудничеством с последним. Как видно, аналогичный подход утвердился в настоящее время в Вашингтоне в отношении Китая.

Следует отметить, что в отношении Москвы нынешняя американская администрация придерживается аналогичного «двухколейного» подхода. Заявив о «разрушительной роли» Москвы (см. выше), составители «Временного стратегического руководства» в то же время отметили, что новая американская администрация «быстро приняла решение о продлении действия нового Договора СНВ с Россией. Там, где это возможно, мы также будем стремиться к новым механизмам контроля над вооружениями... И мы будем вести конструктивный диалог с Россией и Китаем по целому ряду новых военно-технических разработок, которые подразумевают стратегическую стабильность» [Interim National Security Strategic Guidance, 2021, p. 13].

Накануне встречи с президентом РФ В.В. Путиным в Женеве 16 июня

2021 г. Дж. Байден принял участие во встрече «семерки» в Корнуолле и в саммите НАТО в Брюсселе. В результате этих встреч 46-му президенту США удалось восстановить американское лидерство среди западных партнеров, пошатнувшееся еще при Трампе – что, разумеется, не могло не усилить позиции Вашингтона в отношениях с Москвой.

Так, в коммюнике Брюссельского саммита Североатлантического альянса 2021 г. было подчеркнуто, что в основе Организации Североатлантического договора лежат «ценности, которые мы разделяем, включая свободу личности, права человека, демократию и верховенство закона». При этом не только Россия была названа угрозой НАТО, но и (под сильнейшим нажимом Вашингтона) впервые в натовских документах такого уровня Китай был охарактеризован как источник угроз для интересов Альянса («амбиции и напористое поведение Китая представляют собой системные вызовы международному порядку, основанному на правилах, и тем сферам, которые имеют отношение к безопасности Североатлантического Альянса»)¹.

Очевидно, что администрация Байдена решительно отвергла подходы своей предшественницы в духе *America first*. 46-й президент США и его команда продемонстрировали (и не только в своих директивных документах и публичных заявлениях, но и на деле), что американская военно-политическая стратегия будет строиться на теснейшем взаимодействии с американскими союзниками, объединенными не только общими интересами, но и общими ценностями.

Следует отметить в этой связи, что ставка на развитие союзнических и

партнерских отношений объясняется, на наш взгляд, тем, что американские правящие круги избавились от иллюзий о всемогуществе Америки, доминировавших в американском политикуме после окончания холодной войны. Американский политический класс вынужден, наконец, признать, что США утратили свое абсолютное превосходство, в том числе и в военной сфере.

Ядерная стратегия администрации Байдена

Судя по «Временному стратегическому руководству», политика администрации Байдена в сфере ядерных вооружений возвращается к основам ядерной политики администрации Б. Обамы. Так, в принятом в 2010 г. «Обзоре ядерной политики» говорится о необходимости снижения роли ядерного оружия и в обеспечении американской национальной безопасности, и в американской военной стратегии [Nuclear Posture Review Report, 2010, p. 15].

О необходимости снижения роли ядерного оружия говорится и в вышеупомянутом директивном документе байденовской администрации: «Мы предпримем шаги по снижению роли ядерного оружия в нашей стратегии национальной безопасности, обеспечивая при этом, чтобы наши средства стратегического сдерживания оставались безопасными, надежными и эффективными, а наши расширенные обязательства по сдерживанию перед нашими союзниками оставались надежными и заслуживающими доверия» [Interim National Security Strategic Guidance, 2021, p. 13].

1 Brussels Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. – 2021. – June 14. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 18.06.2021).

В этой связи следует отметить, что стремление официального Вашингтона ограничить роль ядерного оружия в американской национальной и военной стратегии вполне понятно с учетом того, что американское военно-политическое руководство более не может рассчитывать на абсолютное превосходство Соединенных Штатов в сфере стратегических ядерных вооружений. Так, выступая перед сенатским комитетом по делам вооруженных сил, командующий Стратегическим командованием США Ч. Ричардс сообщил, что Россия, располагая мощным комплексом по производству ядерного оружия, может производить сотни боезарядов в год, в том числе и для принципиально новых средств доставки ядерных вооружений, – в то время как у американской стороны по-прежнему практически отсутствуют производственные мощности по производству ядерных боеголовок. И далее адмирал Ричардс подчеркнул: «...Мы достигли предела, когда ограничения по сроку службы и недостаточные инвестиции в нашу инфраструктуру стратегического сдерживания и поддержки – в то время как потенциальные противники осуществляют модернизацию и обладают все более боеспособными силами, – не оставляют возможности для дальнейшего продления срока службы нашего стратегического арсенала. ***Мы не можем бесконечно продлевать срок службы наших оставшихся вооружений и систем времен холодной***

войны и успешно побеждать в стратегической конкуренции – ведь достоверность сдерживания будет поставлена под сомнение (курсив авт. – Б.В.)»².

Ричардс особо выделил необходимость модернизации наземного звена американской стратегической ядерной триады. Без межконтинентальных баллистических ракет, подчеркнул адмирал, американский стратегический ядерный потенциал сравняется с китайским³. Хотелось бы отметить, что в американской политико-академической элите нет единства относительно необходимости сохранения МБР в американском стратегическом арсенале⁴, однако большинство американских военных выступает за то, чтобы триада оставалась триадой.

Серьезную озабоченность у американских военных вызывает то обстоятельство, что модернизация стратегических ядерных сил (СЯС) является одним из важнейших приоритетов Российской Федерации, и в настоящее время модернизировано 82% СЯС РФ. Кроме того, в последние годы на вооружении российских военных появились новейшие стратегические системы, гарантированно преодолевающие ПРО «потенциального противника» и обеспечивающие нанесение неприемлемого ущерба при любом сценарии ядерного конфликта (в том числе и те системы, о которых объявил В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г.) – и это также не может не беспокоить Пентагон⁵.

2 Statement of Charles A. Richard, Commander, U.S. Strategic Command Before the Senate Committee on Armed Services // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – April 20. – URL: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Richard04.20.2021.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

3 Ibid.

4 Statement of Sharon K. Weiner, Associate Professor of International Relations School of International Service, American University Visiting Researcher, Program on Science and Global Security, Princeton University to the Senate Armed Services Committee Strategic Forces Subcommittee // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – June 16. – URL: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Weiner%20Statement%20to%20SASC%206-16.pdf> (дата обращения: 15.09.2021).

5 Statement for the Record. Worldwide Threat Assessment. Scott Berrier, Lieutenant General, U.S. Army Director, Defense Intelligence Agency // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – April 26. – URL: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/2021%20DIA%20Annual%20Threat%20Assessment%20Statement%20for%20the%20Record.pdf> (дата обращения: 03.06.2021).

Эти российские успехи в развитии стратегических ядерных сил – одна из причин проводимой в настоящее время в США модернизации стратегической «триады». В соответствии с Обзором ядерной политики 2018 г., Соединенные Штаты должны начать в 2029 г. постепенную замену отслужившей свой срок системы «Минитмен-3» новейшей ракетой «Наземная система стратегического сдерживания» (*Ground-Based Strategic Deterrent (GBSD)*). Предполагается развернуть 450 таких ракет вместо 400 «Минитменов» [Nuclear Posture Review, 2018, p. 49–50].

Данный документ предусматривает также строительство 12 подводных лодок класса «Колумбия» на замену существующего флота ПЛАРБ типа «Огайо». Первая ПЛАРБ класса «Колумбия» вступит в строй в 2031 г. На данных подлодках будет реализован ряд технологических новшеств и в то же время будет сохраняться возможность для модернизации. При этом, по мнению Ричардса, БРПЛ класса «Трайдент-2» D5 сохраняют достаточный потенциал для модернизации. Этими ракетами будут оснащаться и ПЛАРБ типа «Огайо», и идущие им на смену ПЛАРБ типа «Колумбия». Предполагается, что модернизированные версии «Трайдент-2» D5 будут находиться в строю вплоть до 2090 г.⁶

Судя по «Обзору ядерной политики» 2018 г., в Пентагоне отдают себе отчет в том, что авиационное звено американской стратегической триады также устаревает, и поэтому необходимо найти замену стратегическим бомбардировщикам B-52H и B-2A, а также

крылатой ракете воздушного базирования типа «Томагавк» [Nuclear Posture Review, 2018, p. 50–51].

На замену этим системам должны прийти бомбардировщик следующего поколения B-21 Raider и современная крылатая ракета воздушного базирования типа «противостояние на большой дистанции» (*Long-Range Standoff (LRSO)*). Этот бомбардировщик сначала дополнит, а в конечном итоге заменит существующие компоненты обычных и ядерных бомбардировочных сил начиная с середины 2020-х годов. В Пентагоне считают, что программа LRSO сохранит в будущем способность американских бомбардировщиков поражать любые цели в любой точке Земли и преодолевать даже самую насыщенную систему ПВО [Nuclear Posture Review, 2018, p. 50–51].

Все эти планы модернизации стратегических ядерных сил Соединенных Штатов выглядят впечатляюще, но, по оценке американских экспертов, Америка отстает в данной области от России, где модернизация стратегической ядерной триады близка к завершению. По словам заместителя председателя Объединенного комитета начальников штабов США генерала Дж. Хайтена, в то время как Россия завершает свою программу модернизации ядерного арсенала, Соединенные Штаты только начинают ее⁷.

Особую озабоченность в Пентагоне вызывают успехи России и Китая в разработке гиперзвуковых систем. По мнению старшего руководителя программы гиперзвукового оружия управления заместителя министра обороны США

6 Statement of Charles A. Richard, Commander, U.S. Strategic Command Before the Senate Committee on Armed Services // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – April 20. URL: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Richard04.20.2021.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

7 Таран И., Комарова Е. «С технологиями серьезные проблемы»: почему в США признали отставание от России в сфере модернизации ядерной триады // Russia Today. – 2021. – 27 февраля. URL: <https://russian.rt.com/world/article/837044-ssha-pentagon-rossiya-oruzhie-yadernaya-triada-giperzvuk> (дата обращения: 18.06.2021).

по научно-техническим разработкам М. Уайта, наличие такого оружия еще больше усугубит проблему, создаваемую другими высокотехнологичными комплексами, которые развертывают потенциальные противники Соединенных Штатов, чтобы подвергать американские вооруженные силы опасности в воздухе, на суше, на море и в космосе⁸.

Сказанное, разумеется, не означает, что новейшие стратегические носители подрывали (или смогут подрывать в обозримом будущем) стратегический паритет. Имеющиеся на вооружении двух ядерных «сверхдержав» стратегические баллистические ракеты с разделяющейся головной частью и средствами преодоления ПРО сохраняют способность нанести сокрушительный ответный удар в случае ядерной агрессии [Арбатов, 2020, с. 15–16].

Однако сложившийся стратегический баланс, безусловно, скажется на позициях официального Вашингтона в ходе будущих российско-американских переговоров по стратегическим вооружениям (разумеется, если эти переговоры вообще начнутся). С конца 1960-х годов, когда начались советско-американские переговоры по стратегическим ядерным вооружениям, и вплоть до заключения Договора СНВ-3 в Праге в 2010 г. Соединенные Штаты сохраняли лидерство в разработке и развертывании новейших стратегических систем (стратегические носители с РГЧ ИН, крылатые ракеты большой дальности, высокоточное оружие в неядерном оснащении и многое другое появилось сначала

на вооружении США, и только в дальнейшем – на вооружении СССР/РФ), что позволяло американцам добиваться выгодных для них условий соглашений об ограничении стратегических ядерных вооружений, несмотря на наличие паритета между двумя ядерными «сверхдержавами».

В настоящее время, однако, таких технологических преимуществ у американской стороны больше нет (более того, по некоторым направлениям ядерной гонки – разработка и создание принципиально новых систем доставки стратегических ядерных боеголовок, а также стратегических и достратегических гиперзвуковых систем – Соединенные Штаты явно отстают от Москвы), и американские военные отдают себе в этом отчет⁹. По всей видимости, это обстоятельство является одной из причин того, что нынешняя американская администрация явно не торопится начинать переговоры с российской стороной об ограничении стратегических вооружений.

Так, в ходе встречи В.В. Путина и Дж. Байдена в Женеве 16 июня 2021 г. было принято Совместное заявление президентов России и США по стратегической стабильности, в котором не было сказано о начале переговоров по стратегическим вооружениям, а было заявлено, что «Россия и США в ближайшее время запустят комплексный двусторонний диалог по стратегической стабильности, который будет предметным и энергичным»¹⁰. Хотелось бы отметить в этой связи, что сам термин «стратегическая стабильность»

⁸ Там же.

⁹ Tirpak J. Strategic Command Needs New Three-Way Deterrence Model, Deputy Commander Says // Air Force Magazine. – 2021. – August 27. – URL: https://www.airforcemag.com/strategic-command-new-three-way-nuclear-deterrence-model/?mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAF_POEMVDn4PU2Zqos409fTlaDRvj56GkYwffzLTxQjHxyHPb4IFQuINEgE0WpC-vUDQ4eqyGStJfkiwAAKFOMSnEkbP0AEeOTv7KSCsooc (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁰ Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности // Президент России. – 2021. – 16 июня. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5658> (дата обращения: 18.06.2021).

представляется в высшей степени неконкретным и расплывчатым до полной безразмерности. В это понятие – «стратегическая стабильность» – можно включить все что угодно, в зависимости от политической конъюнктуры.

На состоявшихся 28 июля 2021 г. в Женеве переговорах российской и американской межведомственных делегаций по стратегической стабильности также не удалось добиться согласия относительно начала полномасштабных переговоров по стратегическим вооружениям – именно ввиду неготовности к этому американской стороны. По словам главы российской делегации, заместителя министра иностранных дел РФ С.А. Рябкова, позиция Москвы, в соответствии с которой на столе переговоров должны быть стратегические оборонительные и наступательные вооружения в ядерном и неядерном оснащении, оказалась неприемлемой для американской стороны: «Мы пока не договорились с американцами на эту тему. Американцы хотят обсуждать что-то другое и что-то еще»¹¹.

Колебания байденовской администрации понятны. В американском истеблишменте утвердилось представление о том, что российская сторона должна пойти на весьма серьезные уступки, если хочет добиться заключения нового российско-американского соглашения по ядерным вооружениям, которое должно прийти на смену Договору СНВ-3.

Так, многие представители американской политико-академической элиты полагают, что Москва должна каким-то образом убедить Пекин присоединиться к российско-американским

переговорам по ограничению стратегических вооружений. Продление Дж. Байденом действия Договора СНВ-3 на следующие 5 лет в первый же день своего пребывания в Белом доме в качестве 46-го президента США без выдвижения каких-либо предварительных условий в отношении России стало предметом жесткой критики со стороны республиканцев и в Конгрессе, и за его пределами¹².

Кроме того, анализ публикаций американских экспертов по проблемам разоружения, а также публичных выступлений и заявлений представителей нынешней администрации позволяет сделать вывод о том, что, по мнению американской политико-академической элиты, будущий договор невозможен без следующих уступок со стороны России:

- отказ от новых видов стратегических носителей (вроде крылатых ракет с ядерным двигателем типа «Буревестник»);
- отказ от оснащения гиперзвуковыми ракетными системами российских средних бомбардировщиков типа Ту-22М;
- отказ от оснащения гиперзвуковыми ракетами с ядерными боезарядами надводных судов и подводных лодок, не подпадающих под категорию ПЛАРБ [Vaddi, Acton, 2020, p. 12–14].

Очевидно, что в ходе будущих переговоров по стратегическим вооружениям российская сторона потребует ответных уступок со стороны Соединенных Штатов в качестве платы за вышеупомянутые российские уступки, и прежде всего будет настаивать на возобновлении диалога о стратегических

¹¹ Рябков рассказал, почему на переговорах не обсуждали ядерное вооружение // РИА Новости. – 2021. – 28 июля. – URL: <https://ria.ru/20210728/ryabkov-1743348334.html> (дата обращения: 30.09.2021).

¹² Черненко Е. «За 24 часа разбазарили самые важные рычаги влияния на Россию» // Коммерсантъ. – 2021. – 22 января. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4655042> (дата обращения: 01.03.2021).

оборонительных вооружениях, который был прерван после выхода США из Договора по ПРО. В какой мере эти российские встречные требования будут приемлемы для Вашингтона? Следует отметить в этой связи, что взгляды на Россию как на непримиримого врага Америки широко распространены в американских правящих кругах, что делает весьма проблематичным ратификацию **любого** российско-американского договора по контролю над вооружениями в Сенате Конгресса США. Не следует забывать и о том, что в настоящее время Соединенные Штаты остаются глубоко расколотой страной, что сильно затруднит выработку американскими правящими кругами согласованного подхода к проблеме контроля над ядерными вооружениями [Кортунов, 2020].

Серьезной проблемой для начала полноценных российско-американских переговоров по стратегическим вооружениям может стать и растущая озабоченность относительно растущих возможностей КНР в стратегической сфере. По данным американской военной разведки, в 2021 г. ускорились темпы наращивания китайских СЯС, и на протяжении ближайшего десятилетия китайский ядерный арсенал, насчитывающий в настоящее время 200 боеголовок, должен по меньшей мере удвоиться, создав тем самым серьезную угрозу континентальным США. Но СЯС КНР переживают в настоящее время не только количественный рост, но и качественное совершенствование:

по американским оценкам, новейшие китайские стратегические платформы не уступают по эффективности, надежности и способности перенести первый вражеский удар стратегическим носителям США и России, которые в настоящее время находятся в стадии разработки¹³.

Для озабоченности американских военных имеются веские основания. В средствах массовой информации появились сообщения о строительстве в районе китайско-монгольской границы 230 ракетных шахт, в которых могут быть размещены китайские МБР с РГЧ ИН типа DF-41 (ракеты такого типа могут доставить до 10 боевых блоков до территории США). В этом случае только в этих ракетных шахтах китайская сторона сможет разместить стратегические ракеты с общим числом боеголовок 2 300 единиц. Это больше, чем в настоящее время имеют на вооружении СЯС США и РФ (согласно Договору СНВ-3, общее количество развернутых стратегических боезарядов у Москвы и Вашингтона не должно превышать 1 550 единиц)¹⁴.

Некоторые высокопоставленные американские военные утверждают, что в ближайшее время Стратегическому командованию ВС США придется уделять стратегическому ядерному сдерживанию Китая не меньше (а может быть, и больше) внимания и сил, чем сдерживанию России. Так, по утверждению заместителя командующего Стратегическим командованием генерала Т. Буссьера, уже че-

13 Statement for the Record. Worldwide Threat Assessment. Scott Berrier, Lieutenant General, U.S. Army Director, Defense Intelligence Agency // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – April 26. – URL: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/2021%20DIA%20Annual%20Threat%20Assessment%20Statement%20for%20the%20Record.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

14 Ширяев В. Академик Арбатов: «Китайские боеголовки полетят над территорией России» // Новая газета. – 2021. – 29 июля. – URL: <https://novayagazeta.ru/turbopages.org/novayagazeta.ru/s/articles/2021/07/29/akademik-arbatov-kitaiskie-boegolovki-poletiat-nad-territoriei-rossii> (дата обращения: 10.10.2021).

рез несколько лет у КНР будет больше ядерных боеголовок, чем у России¹⁵.

А ведь еще в начале нулевых годов в Вашингтоне не сомневались в абсолютном военно-стратегическом превосходстве Соединенных Штатов над Россией (не говоря уже о КНР). Военно-политическое руководство Соединенных Штатов было твердо уверено в том, что при любом сценарии российско-американского ядерного конфликта Россия потерпит поражение¹⁶.

Очевидно, что сейчас американская сторона больше не может рассчитывать на свое стратегическое доминирование: в лучшем случае Вашингтон может надеяться лишь на поддержание паритета с Москвой (и, возможно, с Пекином).

Космическая стратегия администрации Байдена

С серьезными вызовами сталкиваются американские вооруженные силы и в космическом пространстве. Как сказал, выступая в сенатском комитете по делам вооруженных сил командующий Космическим командованием США генерал Дж. Дикинсон, «за последние два десятилетия все более напористый Китай и возрождающаяся Россия работали над разработкой передовых технологий, чтобы подорвать основные военные преимущества США, такие как глобальная проекция военной мощи и возможность быстро применять высокоточные боеприпасы с использованием космических систем. Их вооружен-

ные силы активно интегрируют передовые космические системы и наступательные космические технологии для реализации многопространственных стратегий ведения боевых действий, чтобы бросить вызов региональному превосходству США, позиционировать себя как космические державы и улучшить динамику баланса сил в ближнем зарубежье. Обе страны реорганизовали свои вооруженные силы, чтобы развить более глубокие компетенции в технических военных областях, таких как электронная война, киберпространство и космические операции. Китай и Россия вооружили космос для сдерживания и противодействия вмешательству США и союзников и военной эффективности в будущих конфликтах. Сегодня космос является доменом боевых действий не потому, что мы этого хотели; это домен боевых действий, потому что так сделали наши конкуренты». Особую озабоченность у американских военных вызывают китайские и российские противоспутниковые системы как наземного, так и космического базирования (такие, как «Шийян-17» и «Нудоль»).

Такая ситуация, полагает генерал Дикинсон, особенно опасна для Соединенных Штатов, чей военный, информационный, дипломатический, финансовый, разведывательный и экономический потенциал во многом зависит от космических возможностей Америки¹⁷. В этих условиях американское преобладание в космосе больше не является чем-то само собой разумеющимся.

15 Tirpak J. Strategic Command Needs New Three-Way Deterrence Model, Deputy Commander Says // Air Force Magazine. – 2021. – August 27. – URL: https://www.airforcemag.com/strategic-command-new-three-way-nuclear-deterrence-model/?mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAF_POEMVDn4PU2Zqos409fFgTlaDRvj56GkYwffzLTxQjHxyHPb4lFQulNEgE0WpC-vUDQ4eqyGStJfkiwAAKFOMSnEkbP0AEeOTv7KSCcocc (дата обращения: 15.09.2021).

16 Arkin W. Russia Nukes the United States. Code Name of the Week: Slomonia // Washington Post. – 2005. – October 31.

17 United States Space Command Presentation to the Senate Armed Services Committee. Statement of General James H. Dickinson, Commander, United States Space Command. Subject: Fiscal Year 2022 Priorities and Posture of the United States Space Command // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – April 21. – URL: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Dickinson04.20.2021.pdf> (дата обращения: 03.06.2021).

По словам Дикинсона, американская космическая стратегия будет ориентирована на достижение следующих целей: во-первых, предоставить вооруженным силам США необходимые им космические ресурсы; и, во-вторых, быть готовыми использовать боевые космические системы. «Соединенные Штаты должны улучшить свои оборонительные и наступательные возможности ведения космических боевых действий, чтобы сдерживать противников и одерживать верх в будущих конфликтах», – подчеркнул командующий¹⁸. При этом ни генерал Дикинсон, ни другие представители американской военно-политической элиты ничего не говорят о возможности диалога с Россией и КНР о предотвращении гонки вооружений в космосе.

Очевидно, что и в космической сфере официальный Вашингтон вынужден принимать во внимание наличие мощных противников, способных бросить вызов американскому лидерству в космическом пространстве.

Региональные аспекты военно-политической стратегии США

Важнейшим компонентом военно-политической стратегии байденовской администрации являются ее региональные аспекты. Являясь единственной в мире страной, способной обеспечить глобальное конвенциональное военное присутствие, Соединенные Штаты в настоящее время сталкиваются с серьезными вызовами военного характера в различных регионах мира. В Пентагоне с тревогой констатируют

утрату неоспоримого американского военно-технического превосходства, которым американские военные обладали в первые годы после окончания холодной войны.

В полной мере это замечание касается **Европы**. Выступая в сенатском комитете по делам вооруженных сил, командующий Европейским командованием США генерал Т. Уолтерс подчеркнул, что центральной проблемой для безопасности Соединенных Штатов и их союзников в Европе является российский нестратегический ядерный арсенал. Была отмечена также модернизация российского конвенционального потенциала, результаты которой были продемонстрированы во время операций на Украине, в Сирии и Ливии. В этой связи генерал Уолтерс указал на возросшие российские возможности в таких сферах, как ПВО, системы кибер- и радиоэлектронной борьбы, космическое оружие и высокоточное оружие большой дальности¹⁹.

В этих условиях и речи быть не может о сокращении американского военного присутствия в Европе. Как подчеркивается во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности», именно в Европе (а также в Индо-Тихоокеанском регионе) сохранится наиболее внушительное военное присутствие США за рубежом [Interim National Security Strategic Guidance, 2021, p. 15].

Что касается собственно **Индо-Тихоокеанского региона**, то и там американские военные сталкиваются с серьезными вызовами. По словам командующего Индо-Тихоокеанским командованием ВС США адмирала

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Statement of General Tod D. Wolters, U.S. Air Force Commander, U.S. European Command // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – April 13. – URL: <https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/CLEARED%20USEUCOM%20SASC%20Congressional%20Posture%20Statement.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

Ф. Дэвидсона, «КНР проводит быструю, всеобъемлющую военную модернизацию в сухопутной, морской, воздушной, космической, кибернетической и информационной областях, уделяя особое внимание системам, предназначенным для ограничения доступа-воспрещения присутствия²⁰ (*anti-access – area denial, A2/AD*) по всему региону и повышения потенциала страны и стратегического сдерживания. Эта далеко идущая стратегия согласуется с заявленными целями модернизации Народно-освободительной армии (НОАК), которые лидеры КНР по-прежнему полны решимости достичь... КНР располагает крупнейшими в мире военно-морскими силами, численность которых за последние два десятилетия увеличилась втрое. ВМС КНР ввели в эксплуатацию более 25 крупных кораблей только в 2020 г., включая боевые корабли, боевые корабли-амфибии и две атомные подводные лодки с баллистическими ракетами... Тем временем НОАК развернула свой первый истребитель-невидимку 5-го поколения *J-20*». Вывод командующего однозначен: в ИТР Соединенные Штаты теряют качественное превосходство над потенциальным противником²¹.

Американские военные вынуждены констатировать, что китайская сторона успешно применяет в отношении ВС США тактику «ограничения доступа-воспрещения присутствия» (*A2/AD*)

в западной части Тихого океана. Как сказал министр ВВС США Ф. Кендалл, Соединенные Штаты являются доминирующей в мире военной державой, но на расстоянии 1000 миль от китайского побережья это уже не так, благодаря усилиям КНР²².

Мимо внимания командующего Индо-Тихоокеанским командованием не прошло и увеличение российского военного потенциала в ИТР, особенно в таких сферах, как крылатые ракеты большой дальности, системы ПВО и береговой обороны и бомбардировочная авиация. Особую озабоченность адмирала Дэвидсона вызвала интенсификация российско-китайского военного сотрудничества в регионе, и прежде всего ставшие регулярными широко-масштабные российско-китайские совместные учения²³.

В этих условиях в американской политико-академической элите крепнет уверенность в том, что, только опираясь на своих партнеров и союзников в ИТР, США смогут дать отпор быстрорастущему Китаю. Как полагает крупнейший американский эксперт в области стратегии Э. Люттвак, именно способность Вашингтона сколотить антикитайскую коалицию в Индо-Тихоокеанском регионе и позволит Америке взять верх в американо-китайском противоборстве [Люттвак, 2021, с. 364–365]. Образование военно-политического альянса *AUKUS*, куда во-

20 Имеется в виду изоляция потенциального театра военных действий.

21 Statement of Admiral Philip S. Davidson, U.S. Navy Commander, U.S. Indo-Pacific Command Before the House Armed Services Committee on U.S. Indo-Pacific Command Posture // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – March 10. – URL: <https://www.congress.gov/117/meeting/house/111316/witnesses/HHRG-117-AS00-Wstate-DavidsonP-20210310.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

22 Cohen R. China, Russia looms over routine air operations across the globe // Defense News. – 2021. – September 10. – URL: <https://www.defensenews.com/digital-show-dailies/air-force-association/2021/09/09/china-russia-loom-over-routine-air-operations-across-the-globe/> (дата обращения: 10.11.2021).

23 Statement of Admiral Philip S. Davidson, U.S. Navy Commander, U.S. Indo-Pacific Command Before the House Armed Services Committee on U.S. Indo-Pacific Command Posture // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – March 10. – URL: <https://www.congress.gov/117/meeting/house/111316/witnesses/HHRG-117-AS00-Wstate-DavidsonP-20210310.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

шли Австралия, Великобритания и Соединенные Штаты, стало попыткой Вашингтона изменить неблагоприятный для США баланс сил в ИТР. Не удивительно, что первым шагом этого нового союза стало решение о строительстве австралийского атомного подводного флота, главной задачей которого станет сдерживание ВМС НОАК.

Американских военных беспокоит и российская активность в **Арктике**. Так, по данным Северного командования, в 2020 г. Россия осуществила больше полетов военных самолетов (тяжелые бомбардировщики, самолеты противолодочной авиации и самолеты-разведчики) у берегов Аляски, чем за любой год после окончания холодной войны. По мнению командующего Северным командованием ВС США, тем самым российские военные отрабатывают нанесение ударов по США. Широкомасштабные российские военные учения «Океанский щит», состоявшиеся в 2020 г. с участием нескольких флотов, продемонстрировали, по оценке Северного командования, способность России контролировать доступ в Арктику через Берингов пролив²⁴.

Но наиболее существенные перемены претерпела американская военная стратегия в регионе **Ближнего и Среднего Востока**, причем это произошло по независящим от официального Вашингтона причинам. Стремительный крах проамериканского режима в Афганистане после вывода из страны американских войск в августе 2021 г. со-

рвал планы официального Вашингтона на сохранение своего влияния и косвенного присутствия в этой средневосточной стране. А ведь еще весной 2021 г. высокопоставленные военные не скрывали своей уверенности в том, что Национальные силы обороны и безопасности Афганистана смогут (при американской финансовой поддержке) удержать ситуацию в стране под контролем²⁵.

По данным газеты «Нью-Йорк таймс», на состоявшемся 24 апреля 2021 г. совещании высокопоставленных представителей администрации (с участием государственного секретаря Э. Блинкена и министра обороны Л. Остина) были озвучены данные разведки о том, что и после вывода американских войск афганское правительство сможет противостоять «Талибану» (организация, признанная террористической Верховным Судом РФ) на протяжении 1–2 лет²⁶. Увы, уже через несколько месяцев стало понятно, до какой же степени американские правящие круги не владели информацией о ситуации в Афганистане.

Афганское фиаско заставило официальный Вашингтон серьезно пересмотреть подходы к ключевым аспектам американской ближневосточной стратегии. В своей программной речи по Афганистану 16 августа 2021 г. президент Дж. Байден заявил: «Наша миссия в Афганистане никогда не предполагалась как государственное строительство. Никогда не предполагалось,

24 Statement of General Glen VanHerck, U.S. Air Force Commander, U.S. Northern Command and North American Aerospace Defense Command Before the Senate Armed Services Committee // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – March 16. – URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/VanHerck_03-16-21.pdf (дата обращения: 15.04.2021).

25 Posture Statement of General Kenneth F. McKenzie, Jr., Commander, United States Central Command Before the House Armed Services Committee // United States Senate Committee on Armed Services. – 2021. – April 20. – URL: <https://docs.house.gov/meetings/AS/AS00/20210420/112498/HHRG-117-AS00-Wstate-McKenzieK-20210420.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

26 Miscue After Miscue, U.S. Exit Plan Unravels / Shear M., Sanger D., Cooper H., Schmitt E., Barnes J., Jakes L. // The New York Times. – 2021. – August 21. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/21/us/politics/biden-taliban-afghanistan-kabul.html> (дата обращения: 03.06.2021).

что это будет создание единой, централизованной демократии... Наш единственный жизненно важный национальный интерес в Афганистане сегодня остается тем, чем он всегда был: предотвращение террористического нападения на американскую родину... Американские войска не могут и не должны участвовать в войне и погибать в войне, в которой афганские силы не желают сражаться сами за себя... И наши истинные стратегические конкуренты – Китай и Россия – больше всего хотят, чтобы Соединенные Штаты продолжали бесконечно направлять миллиарды долларов, а также ресурсы и внимание на стабилизацию Афганистана... Я не буду повторять ошибки, которые мы совершили в прошлом – ошибки, заключающиеся в том, что мы остаемся и сражаемся бесконечно в конфликте, который не отвечает национальным интересам Соединенных Штатов, в попытке переделать страну с помощью бесконечно разрывывания американских войск. Это те ошибки, которые мы не можем продолжать повторять, потому что у нас есть важные жизненные интересы в мире, которые мы не можем позволить себе игнорировать»²⁷.

Эта речь 46-го американского президента означала тотальное отрицание тех основ, на которых зиждилась американская стратегия национальной безопасности с момента окончания холодной войны, когда США ощутили себя мировым гегемоном. Идея о том, что Вашингтон должен нести всему миру свободу и демократию (если надо, то и на штыках американской морской пехоты), стала определяющей для военно-политической стратегии Соеди-

ненных Штатов после 1991 г. В той или иной форме «нациестроительством» занимались все постбиполярные американские президенты – предшественники Дж. Байдена.

И вот – заявление нынешнего американского президента, из которого с полным основанием можно сделать вывод, что Америка больше не будет приобщать другие страны и народы к свободе и демократии силой оружия. У Соединенных Штатов другие проблемы на международной арене – приходится противостоять «истинным стратегическим конкурентам» (Китаю и России).

В полной мере этот сдвиг в американской национальной стратегии скажется, безусловно, на ближневосточной политике США. Уход Соединенных Штатов из Афганистана серьезно подорвал позиции Вашингтона в регионе Ближнего и Среднего Востока, а также Центральной и Южной Азии.

Более того, с проблемами столкнулись американские правящие круги, пытаясь выстроить взаимоотношения со странами, которые не являются военными союзниками США, но важны для американской национальной стратегии. Ведь Афганистан имел статус «союзника США за пределами НАТО», и это были не пустые слова. На территории страны были размещены американские войска, американцы оказывали большую экономическую и военно-техническую помощь Кабулу. Это не спасло, однако, афганский режим от моментального краха после вывода американских войск.

Перед теми американскими союзниками и партнерами, которые НЕ имеют на руках договоров о военном сою-

27 Remarks by President Biden on Afghanistan // The White House. – 2021. – August 16. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/16/remarks-by-president-biden-on-afghanistan/> (дата обращения: 15.09.2021).

зе с Соединенными Штатами, накладывающими на Вашингтон обязательства об оказании военной помощи этим союзникам и партнерам, встал вопрос: не бросят ли их американцы в трудный час, как они это сделали с афганцами? И это обстоятельство, безусловно, весьма осложнит взаимоотношения американских правящих кругов с целым рядом государств (от Украины до Вьетнама) – государств, очень важных с точки зрения американских национальных интересов и американской военной стратегии, но которым, по разным причинам, Соединенные Штаты не готовы предоставлять те же гарантии, которые они предоставили странам – членам НАТО или таким странам, как Япония и Южная Корея.

По словам У. Мида, одного из авторитетнейших американских экспертов-международников, никто – ни друзья, ни противники Америки – не ожидали краха афганского правящего режима в результате вывода американских войск из Афганистана. Возникает вопрос (в том числе и у американских партнеров и союзников): а способен ли вообще американский правящий класс проводить последовательную и эффективную внешнюю политику?²⁸

Не следует, на наш взгляд, недооценивать и последствий афганского краха для идеологии американской внешней политики. Фактический отказ (устаами Дж. Байдена) от политики продвижения демократии в мире ставит под вопрос претензии Вашингтона на лидерство в сообществе демократических государств. По мнению профессора уни-

верситета Дж. Хопкинса Я. Мунка, уход из Афганистана имел катастрофические последствия для доверия к Западу, чьи обещания отстаивать безопасность союзников, которым угрожают авторитарные конкуренты, такие как Россия и Китай, теперь будут звучать еще более лживо²⁹.

Таким образом, поражение США в Афганистане будет иметь далеко идущие последствия и для американской военно-политической стратегии на Ближнем и Среднем Востоке, и в других регионах планеты. Есть основания полагать, что афганское фиаско подтолкнет американские правящие круги к трансформации своей национальной стратегии в реалистическом направлении, к отказу от либерально-гегемонистских амбиций. Следует отметить в этой связи, что в последние годы в Соединенных Штатах постепенно укрепляются позиции тех представителей политико-академической элиты, которые выступают за такую трансформацию [Mearsheimer, Walt, 2016].

Заключение

Соединенные Штаты сталкиваются с серьезнейшими проблемами на международной арене. Американской правящей элите трудно смириться с постепенным стратегическим отступлением Америки, и поэтому и новая американская администрация исходит из того, что США сохраняют за собой глобальное лидерство.

Тем не менее в процессе формирования своей военно-политической стра-

28 Mead W. The Deeper Crisis Behind the Afghan Rout // The Wall Street Journal. – 2021. – August 23. – URL: <https://www.wsj.com/articles/afghan-rout-crisis-foreign-policy-forever-war-jihadist-taliban-biden-allies-moscow-beijing-11629750508> (дата обращения: 10.11.2021).

29 Mounk Y. So Much for a 'Foreign Policy for the Middle Class' // The Atlantic. – 2021. – August 17. – URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2021/08/afghanistan-foreign-policy-for-the-middle-class/619778/> (дата обращения: 10.11.2021).

тегии американским правящим кругам приходится учитывать меняющийся баланс сил в мире. При выработке своей ядерной и космической стратегии, а также военной стратегии в различных регионах мира американское военно-политическое руководство вынуждено исходить из того, что Вашингтон в ряде областей утратил некогда неоспоримое военное превосходство. При этом приоритеты американских правящих кругов явно смещаются в направлении Индо-Тихоокеанского региона – в то время как Ближний и Средний Восток теряет своей былой приоритет в их глазах.

Выход из сложившейся ситуации нынешняя американская администрация видит, с одной стороны, в улучшении координации усилий с партнерами и союзниками Соединенных Штатов, а с другой – в отступлении на некоторых стратегических направлениях (вроде Афганистана). Но, как сказал Уинстон Черчилль, отступлениями войн не выигрывают. С течением времени будет все отчетливее проявляться неспособность Соединенных Штатов при сложившемся военно-стратегическом балансе сохранить американское доминирование в мире XXI века.

Список литературы

Арбатов А.Г. Новые технологические факторы и перспективы контроля над вооружениями / Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях. – Москва : ИМЭМО РАН, 2020. – 177 с.

Коньшев В.Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – 178 с.

Кортунов А.В. В дождливый сезон не обойтись без зонтика // Россия в глобальной политике. – 2020. – 2 августа. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/god-bez-zontika/> (дата обращения: 10.11.2021).

Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира / Перевод с английского А.Н. Ковалю, Н.Н. Платошкина. 3-е изд. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2017. – 590 с.

Трофименко Г.А. Эволюция военно-политической стратегии США // Современная внешняя политика США. – В 2 томах. – Т. 1. – Москва : Наука, 1984. – 257 с.

DOD Dictionary of Military and Associated Terms. – June 2020. – 358 p.

Interim National Security Strategic Guidance. March 2021 / President Joseph R. Biden, Jr. – 23 p.

Mearsheimer J., Walt S. The Case for Offshore Balancing. A Superior U.S. Grand Strategy // Foreign Affairs. – 2016. – July/August – P. 70–83.

Nuclear Posture Review // US Department of Defense. February, 2018. – URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).

Nuclear Posture Review Report // US Department of Defense. April, 2010. – URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

Vaddi P., Acton J. A ReSTART for U.S.-Russian Nuclear Arms Control: Enhancing Security Through Cooperation. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2020. – 26 p.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.06

Military-political Strategy of J. Biden's Administration

Vladimir I. BATYUK

DSc in History, Professor, National Research University Higher School of Economics; 119017, Malaya Ordinka, 17, Moscow, Russian Federation

Leading Researcher, Director, Center for the Military-Political Studies
Institute for the US and Canadian Studies; 121069 Khlebyny Lane, 2/3,
Moscow, Russian Federation

E-mail: ctas@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-1838-8616

Received: 26.09.2021.

Revised: 24.11.2021.

CITATION: Batyuk V.I. (2022). Military-political Strategy of J. Biden's Administration. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 115–132 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.06

ABSTRACT. *Currently, the military-political strategy of J. Biden's administration is in the process of formation. The American ruling circles have to take into account unfavorable changes for the United States in the military- and political situation in the world. The American policy of "regime change" has suffered a complete collapse in Afghanistan; the United States is facing the strengthening of the military- and technical potential of the Russian Federation and China. Under these conditions, official Washington is betting on strengthening relations with partners and allies and is trying to abandon some of its international obligations (as, for example, it happened in Afghanistan). When developing its nuclear and space strategy, as well as military strategy in various regions of the world, the American military and political leadership is forced to proceed from the fact that Washington has lost its once indisputable military superiority in a number of areas. Pre-*

sident Biden's actual rejection of the policy of promoting democracy in the world calls into question Washington's claims to leadership in the community of democratic states. At the same time, the priorities of the American ruling circles are clearly shifting in the direction of the Indo-Pacific region – while the Middle East is losing its former priority in their eyes.

KEYWORDS: *military strategy, strategic balance, allies, the main enemy, the ideology of foreign policy.*

References

Arbatov A. (2020). *New Technological Factors and Prospects for Arms Control / Arms Control in New Military-Political, and Technological Conditions*. Moscow: IMEMO RAN, 2020, 177 p. (in Russian).

DOD Military and Associated Terms (2020). As of June, 358 p.

Interim National Security Strategic Guidance (2021). March, President Joseph R. Biden, Jr., 23 p.

Konyshov V. (2009). *US Military Strategy after the End of the Cold War*. Saint-Petersburg: Nauka, 178 p. (in Russian).

Kortunov A. (2020). *In the Rainy Season, You Can Not Do Without an Umbrella*. Russia in Global Affairs, August 2 (in Russian). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/god-bez-zontika/>, accessed 10.11.2021.

Luttwak E. (2017). *Strategy. The Logic of War and Peace*. Translated from English. Third Edition. Moscow: University of Dmitry Pozharsky, 2017, 590 p. (in Russian).

Mearsheimer J., Walt S. (2016). *The Case for Offshore Balancing. A Superior U.S. Grand Strategy*. Foreign Affairs, July/August, pp. 70–83.

Nuclear Posture Review (2018). US Department of Defense, February. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEARPOSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.pdf>, accessed 01.11.2021.

Nuclear Posture Review Report (2010). US Department of Defense, April. Available at: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf, accessed 01.11.2021.

Trofimenko G. (1984). *Evolution of the US military-political strategy*. Modern US foreign policy. In two volumes, vol 1, Moscow: Nauka, 257 p. (in Russian).

Vaddi P., Acton J. (2020). *A ReSTART for U.S.-Russian Nuclear Arms Control: Enhancing Security Through Cooperation*. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2020, 26 p.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.07

К вопросу о разворачивании военного присутствия ФРГ на Тихом океане

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, 51/21,

Москва, Российская Федерация

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

ЦИТИРОВАНИЕ: Трунов Ф.О. (2022). К вопросу о разворачивании военного присутствия ФРГ на Тихом океане // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 133–153.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.07

Статья поступила в редакцию 09.10.2021.

Исправленный текст представлен 30.11.2021.

АННОТАЦИЯ. Долгое время Дальний Восток находился «в тени» усилий ФРГ по обеспечению стратегических позиций на глобальном уровне. Тенденция резко изменилась в 2020–2021 гг., несмотря на «замирание» части мирополитических процессов в пандемию. Предпринята попытка объяснить это, используя методы ивент-анализа, изучения структуры диппредставительств и профильного департамента МИД ФРГ. Задачей является исследование особенностей и «узких мест» разворачивания военного присутствия Германии на Тихом океане с фокусом на политико-дипломатическую подготовку процесса.

Рассматривается обращение ФРГ к концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) на доктринальном и практическом уровнях. Однако в реалиях начала 2020-х гг. Германия де-факто активизировала усилия не в ИТР в целом, а на «расширенном» Дальнем Восто-

ке. Данный процесс рассматривается в контексте достижения геополитической и имиджевой компенсации за свертывание многолетнего присутствия бундесвера в Афганистане (2021).

Определен круг ближайших региональных партнеров ФРГ, углубление двусторонних связей с которыми выступает ключевым способом укрепления позиций на Дальнем Востоке. В большинстве случаев значительный экспорт военной продукции ФРГ трансформировался в готовность к сотрудничеству по линии вооруженных сил. Показываются особенности диалога с Японией, Сингапуром, Южной Кореей и Австралией в 2020–2021 гг. Затруднение для реализации планов ФРГ представлял учет позиции США при администрации Д. Трампа. Особенно сложным для Германии уже при Дж. Байдене стал поиск взвешенных форм поддержки США в их конфронтации с КНР. В этом контексте рассмот-

рено направление в Тихий океан первого корабля ВМС ФРГ – фрегата «Бавария» в августе 2021 г. – феврале 2022 г. Особое внимание обращено на фактор вновь возникшего объединения AUKUS.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Германия, Индо-Тихоокеанский регион, Дальний Восток, Япония, Сингапур, Австралия, США, Трамп, Байден, AUKUS.

Свертывание противостояния холодной войны и, как часть этого, образование единого германского государства под эгидой ФРГ (1990) обусловили старт резкой активизации использования политического и особенно военного инструментария за пределами национальных границ. Так, уже в 1993 г. министр иностранных дел Германии совершил прецедентный визит в Австралию и Новую Зеландию. Однако этот шаг свидетельствовал лишь о долгосрочных намерениях Германии, но отнюдь не о реальной возможности обеспечить весомые стратегические позиции на Тихом океане. В данном отношении, не в пример развитию торгово-хозяйственных связей, огромный регион вплоть до конца 2010-х годов был периферийным с точки зрения уделяемого ему ФРГ внимания. Так, за три десятилетия здесь лишь дважды были развернуты миссии бундсвера: медицинская в зоне прекращенного вооруженного конфликта в Камбодже (до 150 врачей и медперсонала, 1991–1992 гг.) под эгидой ООН и мониторинговая в районе землетрясения в провинции Ачех в Индонезии (9 человек, 2005–2006 гг.) в составе сил ЕС [The Bundeswehr on Operations..., 2009, p. 52–55]. Ситуация кардинально изменилась на рубеже 2010–2020-х годов: резкая интенсификация двусторонних политических контактов сочеталась с отправкой первого фрегата в Тихий океан.

Задача статьи – исследовать особенности и «узкие места» появления военного присутствия ФРГ на Дальнем Востоке в начале 2020-х годов в контексте развития политических связей Германии с региональными игроками.

Основными методами избраны ивент-анализ, т.е. изучение значимых шагов официального Берлина политико-дипломатического и военного характера, а также хронологическое наложение, т.е. временное вписывание узкого по содержанию процесса в более общие. Инструментом прикладного анализа стало также изучение современной (начало 2020-х годов) структуры германских дипломатических представительств в регионе и профильного департамента МИД ФРГ. При проведении исследования автор исходил из безусловного примата политических целей, задач и решений над собственно военными.

При рассмотрении действий ФРГ на Дальнем Востоке исследователи фокусировались на изучении торгово-хозяйственной кооперации с региональными игроками, особенно КНР, существенно меньше – политических аспектов [Галимзянова, 2019; Цвык, 2019; Hilpert, 2021]. Признавая факт слабости позиций Германии на Дальнем Востоке, специалисты обращали первоочередное внимание не на действия самой ФРГ, а на влияние курсов региональных игроков, а также держав Запада (особенно США и Франции) на конфигурацию сил в Индо-Тихоокеанском регионе и лишь в таком контексте – уже на интересы официального Берлина [Godement, Wacke, 2020; Heiduk, Wacker, 2021, S. 37–44]. Притом показателен определенный рост интереса к вопросу вовлеченности ФРГ в выстраивание системы «сдерживания» КНР [Dieter, 2021].

**Доктринальные и
практические основы:
приверженность концепции
Индо-Тихоокеанского региона**

Вслед за США официальный Берлин обратился к использованию концепции Индо-Тихоокеанского региона. Так, на доктринальном уровне это нашло отражение в названии первого (2020) в истории ФРГ документа, определявшего стратегию на Дальнем Востоке, – «Руководящие принципы политики в Индо-Тихоокеанском регионе» [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020], – а также «Белой книге по мультилатерализму» 2021 г. [Gemeinsam für die Menschen..., 2021, S. 19–20].

В политико-дипломатическом плане обращение к концепции ИТР в рамках одной (общей) региональной подсистемы позволяло, во-первых, противопоставить отношениям ФРГ – КНР диалог официального Берлина с другой крупнейшей азиатской державой – Индией, который был более дружественным. Уже с мая 2000 г. германская и индийская стороны провозгласили форум стратегического партнерства. Это

оказало определенное стимулирующее влияние на отношения ФРГ – КНР: так, механизмы двусторонних межгосударственных консультаций (со средней интенсивностью встреч раз в два года) в 2011 г. были властями Германии одновременно запущены и с Индией, и с Китаем [Цвык, 2019, с. 215–216].

Во-вторых, обращение к концепции ИТР, т.е. введение в одну региональную подсистему акваторий Индийского и западной части Тихого океана одновременно, существенно расширяло возможности диалога ФРГ с группой стран – участниц АСЕАН, особенно в вопросе обеспечения безопасного морского судоходства.

В-третьих, это сводило в единый комплекс контакты Германии как с ближайшими партнерами непосредственно на Дальнем Востоке (Южная Корея, Япония), так и теми из них в бассейне Тихого океана, что оказывали большое влияние на ситуацию в данном регионе (Австралия, Новая Зеландия). Ряд особенностей политико-дипломатических контактов Германии с региональными игроками представлен в таблице 1.

Таблица 1. Особенности системы дипломатических учреждений ФРГ в странах ИТР (по состоянию на август 2020 г.)

Table 1. The structure of German diplomatic institutions in Indo-Pacific region (State: August 2020)

Страна, формула представительства ¹	Город	Статус учреждения	Численность персонала	Наличие аппарата военного атташе
Австралия 9 = 1 + 1 + 7	Канберра	посольство	до 30	+
	Сидней	генконсульство	до 30	-
Бангладеш 2 = 1 + 0 + 1	Дакка	посольство	до 30	-
Бруней 1 = 1 + 0 + 0	Бруней	посольство	до 30	-
Вьетнам 2 = 1 + 1 + 0	Ханой	посольство	от 31 до 60	+
	Хо Ши Мин	генконсульство	до 30	-

¹ Формула, предложенная автором, следующая: **общее число диппредставительств** = посольство + число генеральных консульств + количество почетных консулов.

Страна, формула представительства ¹	Город	Статус учреждения	Численность персонала	Наличие аппарата военного атташе
Индия 7 = 1 + 4 + 2	Нью-Дели	посольство	от 60 до 90	+
	Бангалор	генконсульство	до 30	-
	Калькутта	генконсульство	до 30	-
	Мумбаи	генконсульство	от 31 до 60	-
	Ченнай	генконсульство	до 30	-
Индонезия 5 = 1 + 0 + 4	Джакарта	посольство	от 31 до 60	+
Камбоджа 1 = 1 + 0 + 0	Пномпень	посольство	до 30	-
КНР 6 = 1 + 5 + 0	Пекин	посольство	свыше 90	+
	Гонконг	генконсульство	до 30	-
	Кантон	генконсульство	до 30	-
	Ченду	генконсульство	до 30	-
	Шанхай	генконсульство	от 31 до 60	-
	Шеньян	генконсульство	до 30	-
Лаос 1 = 1 + 0 + 0	Вьентьян	посольство	до 30	-
Малайзия 2 = 1 + 0 + 1	Куала-Лумпур	посольство	до 30	+
Монголия 1 = 1 + 0 + 0	Улан-Батор	посольство	до 30	-
Непал 1 = 1 + 0 + 0	Катманду	посольство	до 30	-
Новая Зеландия 3 = 1 + 0 + 2	Веллингтон	посольство	до 30	-
Пакистан 3 = 1 + 1 + 1	Исламабад	посольство	от 31 до 60	+
	Карачи	генконсульство	до 30	-
Северная Корея (КНДР) 1 = 1 + 0 + 0	Пхеньян	посольство	до 30	-
Сингапур 1 = 1 + 0 + 0	Сингапур	посольство	от 31 до 60	+
Таиланд 4 = 1 + 0 + 3	Бангкок	посольство	от 31 до 60	+
Тайвань 1 = 0 + 1 + 0	Тайбэй	германский институт в Тайбэе	до 30	-
Филиппины 3 = 1 + 0 + 2	Манила	посольство	до 30	-
Шри-Ланка 1 = 1 + 0 + 0	Коломбо	посольство	до 30	-
Южная Корея (РК) 2 = 1 + 0 + 1	Сеул	посольство	до 30	+
Япония 6 = 1 + 1 + 4	Токио	посольство	от 31 до 60	+
	Осака-Кобе	генконсульство	до 30	-

Источник: [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020, S. 65].

Интерес представляет наличие почетных консулов в каждой стране. Неся ограниченную практическую нагрузку, этот институт достаточно объективно отражает степень дружелюбности официальных отношений и взаимного общественного восприятия. Абсолютным лидером по данному показателю является Австралия (7 почетных консулов), а по сути и Новая Зеландия (2) с учетом ее разницы в численности населения с другими региональными игроками. Достаточно велико количество почетных консулов в Японии (4). Это позволяет очертить круг ближайших партнеров Германии в ИТР, состав которого логичен: все эти государства входят в систему «коллективного» Запада, огромной частью которого выступает Евроатлантическое сообщество с органичным участием самой Германии [Gemeinsam für die Menschen..., 2021, S. 12–15]. Примечательно отставание Южной Кореи (всего 1 почетный консул): здесь намерения правительства ФРГ по сближению существенно опережали реально достигнутый к началу 2020-х годов уровень политической кооперации. Исследуемый показатель также подтверждает стремление официального Берлина повысить уровень политического диалога с Индонезией (4), а также отражает разницу в степени взаимодоверия с Индией (где есть 2 данных представителя в дополнение к 4 генеральным консульствам) и КНР (лишь 5 генконсульств и ни одного почетного консула). Здесь необходимо сделать оговорку: фокусирование на институте почетных консулов не работает в случае малого по территории государства: примером является Сингапур, достигший к 2020-м годам высокого уровня взаимодоверия с ФРГ.

В собственно *военном* отношении обращение к концепции ИТР облегчало обоснование применения бундесвера в акваториях Тихого океа-

на. В XXI в. ФРГ активно использовала ВМС для борьбы с угрозами нестабильности – международным терроризмом (в 2000-е – начале 2010-х годов, в рамках операции *Enduring Freedom*) и пиратством (с 2008 г., миссия ЕС *Atalanta*) – в Аденском заливе, т.е. северо-западном «стратегическом углу» ИТР [The Bundeswehr on Operations..., 2009, p. 76–77, 95–97]. Опираясь на эти прецеденты, а главное – накопленный опыт, ФРГ подчеркивала готовность передавать его партнерам в восточной части ИТР посредством проведения совместных учений и участия бундесвера в многосторонних миссиях.

Иллюстративным показателем, отраженным в таблице 1, также следует признать функционирование аппарата военного атташе: они работают ровно в 50% из 22 представленных стран. Общим для 11 данных государств является наличие как минимум одного из двух критериев: сильный военный потенциал и/или интерес к импорту вооружений и военной техники (ВиВТ) германского производства. Его объемы в конце 2010-х годов в эти 11 стран, а также Новую Зеландию и Тайвань представлены в таблице 2.

Из числа представленных государств три – Австралия, Новая Зеландия, Япония – входили в число основных союзников США вне НАТО (в табл. 2 выделены *курсивом*). В документации по государствам-импортерам германской военной продукции эти страны шли во втором списке (привилегированные партнеры, но ниже государств – членов ЕС). При этом в Новую Зеландию и Японию объемы поставок ВиВТ невелики: в случае официального Веллингтона это объяснялось небольшой численностью вооруженных сил, а Токио – первоочередной сфокусированностью на развитии собственных военных производств и связями с США. Не изменило тенденции

Таблица 2. Особенности экспорта германских ВиВТ в ряд стран ИТР, млн
Table 2. The features of German military export to the countries of Indo-Pacific region

Государство	Объем в евро			
	2017	2018	2019	2020
Австралия	265,4	434,4	304,3	236,9
Вьетнам	2,5	3,5	5,0	3,0
Индия	131,1	96,8	92,9	48,6
Индонезия	108,0	21,1	201,8	57,0
Китай (КНР)	40,8	12,3	0,7	6,8
Малайзия	32,3	17,6	20,0	3,2
Новая Зеландия	5,4	4,5	2,8	9,0
Пакистан	32,4	174,4	63,3	16,4
Сингапур	90,2	77,5	48,8	243,8
Таиланд	12,6	17,1	57,4	11,6
Тайвань	4,0	9,4	5,4	44,0
Южная Корея	253,7	231,0	372,4	225,0
Япония	14,7	19,3	13,2	18,5

Источник: [Bericht der Bundesregierung..., 2019, S. 86–103; Bericht der Bundesregierung..., 2020, S. 96–117; Bericht der Bundesregierung..., 2021, S. 110–128].

и подписание Японией соглашения об установлении зоны свободной торговли с ЕС (2018).

Ограниченными до середины 2010-х годов являлись и объемы военно-технической кооперации с Австралией, однако эта тенденция резко изменилась во второй половине десятилетия. В 2017 г. официальная Канберра вышла на 5-е место в числе государств – импортеров германской военной продукции, в 2018 г. – на 3-е, в 2019 г. перешла на 7-е, а в 2020 г. в условиях пандемии *COVID-19* оказалась на 8-й позиции. Основными статьями военного экспорта ФРГ в Австралию выступали поставки грузовиков, комплектующих для танков и бронированной техники в целом, транспортных вертолетов, а также продажа технологий. Следует подчеркнуть, что пандемия *COVID-19* как минимум в 2020 г. не привела к существенному сокращению продаж военной продукции производства фирм ФРГ. Чем обусловлена данная тен-

денция? Официальная Канберра стала принимать возрастающее участие в «сдерживании» КНР, проявляя интерес к импорту комплектующих, готовой техники и технологий стран – участниц НАТО.

Крупным импортером германских ВиВТ – прежде всего оборудования для подводных лодок и большинства классов наземных кораблей до фрегатов включительно, торпед – выступала Индия. В 2017–2019 гг. она неизменно находилась во второй десятке государств – закупщиков военной продукции ФРГ, однако «вылетела» из данного списка в условиях трудностей борьбы с *COVID-19* в 2020 г. В случае Пакистана экспорт носил более скачкообразный характер, в основном будучи представлен запчастями для транспортной и боевой авиации.

В случае большинства стран – участниц АСЕАН этот показатель был небольшим еще до наступления пандемии. Исключение, с большой ам-

плитудой колебаний, представляла собой Индонезия, закупавшая у ФРГ надводные корабли (прежде всего минные тральщики) и комплектующие к ним. Стабильно высоким был объем экспорта германских ВиВТ в Сингапур: так, в 2018–2019 гг. он находился на 18-м и 19-м местах из указанного топ-20, а в 2020 г. вышел сразу на 7-е место. Это небольшое государство оказалось единственным в регионе, чей импорт военной продукции ФРГ в условиях пандемии не просто не сократился, но резко возрос. Основными составляющими были поставки танков для армии Сингапура, грузовики, а также комплектующие для подводных лодок. Масштабный военный экспорт в Сингапур с учетом сложности их отношений с КНР также имел де-факто антикитайскую направленность.

Схожая с Сингапуром тенденция наблюдалась в случае Республики Кореи: она активно импортировала германские ВиВТ, особенно запчасти для танков (сами боевые машины – собственного производства), грузовиков, а также подводных лодок. В 2017–2020 гг. официальный Сеул неизменно входил в первую семерку государств – закупщиков военной продукции ФРГ в мире: и в этом случае пандемия не привела к существенному снижению объемов импорта. Почему? Политически Германия стремилась оказывать опосредованное давление на КНДР в вопросе развития ее ракетно-ядерной программы.

Стратегически официальный Бонн/Берлин стремился не допустить распространения ОМУ/ОМП в мире, а также был заинтересован в сокращении запасов единиц ЯО у легальных ядерных держав – прежде всего западных, к числу которых относилась и КНР. С одной стороны, германская сторона до конца 2010-х годов официально не осуждала наращивание потенци-

ала ОМУ Китаем, с другой – масштабные поставки конвенциональных вооружений в Сингапур, Индию (саму развивавшую ядерную программу), а также Южную Корею имели, как уже отмечалось, и де-факто сдерживающую в отношении официального Пекина детерминированность. Примечательны в данном отношении исключительно незначительные объемы экспорта германской военной продукции в КНР. Представляется, что это было обусловлено не только высокой степенью развитости оборонной промышленности континентального Китая, но и обобщенным нежеланием задолго до начала 2020-х годов развивать сколько-нибудь существенное военно-техническое сотрудничество.

Реалии начала 2020-х годов: концепция Индо-Тихоокеанского региона или «расширенный» Дальний Восток?

Как показала практика, стабильно высокий (в т.ч. в пандемию) интерес государства к обновлению парка ВиВТ посредством импорта их образцов из ФРГ становился индикатором и одновременно одной из причин готовности к двустороннему сотрудничеству по линии вооруженных сил. Иными словами, стабильное продвинутое военно-техническое сотрудничество (с закреплением за Германией роли «старшего партнера»), будучи помножено на высокий уровень взаимодоверия в политической плоскости, содержало потенциал трансформации в военно-практическую кооперацию. Что подразумевалось под этим? Речь шла об учреждении присутствия бундесвера в ИТР в согласии с группой ближайших партнеров. Основные задачи данного развертывания: сам факт «демонстрации флага» на Тихом океа-

не (что полноценно осуществлялось в последний раз к началу Первой мировой войны, т.е. более века тому назад), участие в проведении двух- и многосторонних учений, а также соучастие в обеспечении безопасного функционирования морских логистических цепочек, проходящих через ИТР. Официально попытки реализации данной возможности начали осуществляться ФРГ осенью 2020 г.²

В круг фокусных партнеров ФРГ в регионе входили Австралия, Новая

Зеландия, Сингапур, Южная Корея и Япония, притом в ряде важнейших заявлений и концептуальных документов он несколько сужался, что отражено в таблице 3. В ней даты опубликования источников министерств обороны и иностранных дел Германии обозначены обычным шрифтом, концептуальные документы – *полужирным*, страны, через порты которых пролегал маршрут первого официально развернутого в ИТР военного корабля ФРГ, – *курсивом*.

Таблица 3. Определение круга ближайших партнеров ФРГ в ИТР
Table 3. The list of key German’s partners in Indo-Pacific region

Дата	Австралия	Новая Зеландия	Сингапур	РК	Япония
02.09.2020	+	+	-	+	+
16.11.2020	+	-	+	-	-
09.12.2020	-	-	+	-	-
15.12.2020	-	-	-	-	+
09.02.2021	+	-	-	-	+
13.04.2021	-	-	-	-	+
29.07.2021	+	-	-	+	+
Путь фрегата «Бавария»	+	-	+	+	+
10.06.2021	+	-	-	-	-
13.09.2021	+	-	-	-	+

Источник: [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020, S. 16; Ein Jahr Indo-Pazifik-Leitlinien..., 2021; Positionspapier..., 2021, S. 4–5].

«Мерцание» в списке таблицы 3 Новой Зеландии, с учетом размера ее военного потенциала, вполне объяснимо – тем более что из указанного списка стран только в Веллингтоне в принципе отсутствовал военный атташе ФРГ.

Факты неоднократных отсутствий Республики Кореи были обусловлены отмеченным выше отставанием скорости подъема общеполитических контактов от развития военно-технического сотрудничества.

Интересен кейс Сингапура: он не присутствует в большинстве строк, включая оба (!) концептуальных документа. Почему? Все остальные государства попадали в категорию партнеров (через США) по линии НАТО, хотя и с разной степенью формализации диалога – иными словами, фактор Белого дома оказывал большое прямое и опосредованное влияние. Иной была ситуация с Сингапуром: он единственный из списка стран в таблице 3 входил

2 Bundeswehr soll im Indo-Pazifik mehr Präsenz zeigen // BMVg. – 2020. – November 16. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundeswehr-indo-pazifik-praesenz-zeigen-4296300> (дата обращения: 25.10.2021).

в состав АСЕАН. А с данным объединением ФРГ стремилась развивать контакт не по линии НАТО, но ЕС, используя форматы АСЕАН+. Развивая де-факто тесное сотрудничество (о чем свидетельствовали не только факт прохождения первого корабля ВМС ФРГ через Сингапур, но и огромные объемы военного экспорта, включая поставки танков и частей ПЛ), официальный Берлин стремился афишировать его дозированной, тем самым выстраивая особый подход к отношениям с этим государством. Данная осторожность среди прочего была обусловлена весьма противоречивым характером отношений Сингапура и КНР: население первого в значительной степени состояло из китайцев, однако в определенной мере Сингапур позиционировал себя как «анти-Китай», при этом стремясь не переходить «красных черт».

Примечательно, что круг фокусных партнеров был шире основных государств – импортеров германских ВиВТ в регионе на одну страну – Японию. Почему? Не в пример военному экспорту из Германии официальный Токио был заинтересован в установлении полноценного двустороннего сотрудничества по линии вооруженных сил. Важнейшим политическим знаменателем этого выступало обоюдное желание сторон утвердиться в роли глобальных центров влияния, в т.ч. в области обеспечения мира и безопасности, тем самым отходя от восприятия себя как ключевых агрессоров во Второй мировой войне. Япония первой (еще в 1993 г.) присоединилась к по-

пыткам ФРГ добиться постоянного места в Совете Безопасности ООН. Несмотря на многократные неудачи, в т.ч. в формате G4 (в состав которого вошли Бразилия и Индия), координация действий на данном направлении продолжает обозначаться в качестве одной из ключевых задач внешней политики ФРГ [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020, S. 14]. В отличие от бундесвера, японские войска, созданные в реалиях послевоенного мира, к началу 2020-х годов практически так и не приобрели опыта заграничного применения, а потому эти контакты были для них весьма ценны. В свою очередь Германия была заинтересована в надежном партнере, на морскую гавань (или тем более гавани) которого она могла бы базировать военные корабли и проводить частые учения, тем нарабатывая опыт в малознакомых акваториях Тихого океана. С осени 2020 г. переговоры министров обороны Германии и Японии (сочетание виртуальных и очных) стали проводиться каждые 3–4 месяца, притом 13 апреля 2021 г.³ был впервые организован формат 2+2, т.е. встречи министров иностранных дел и обороны обеих стран⁴, что уместно рассматривать как переговорную площадку – «ядро» механизма межгосударственных консультаций.

А уже 10 июня 2021 г. схема 2+2 была официально запущена ФРГ и в случае с Австралией⁵. Как и Токио, официальная Канберра практически неизменно обозначалась в списке региональных партнеров Германии в вопросе кооперации вооруженных сил. К этому времени определились окончательные

3 Этот день – день 80-летия подписания советско-японского договора о нейтралитете в преддверии начала Великой Отечественной войны.

4 Konsultationen der Außen- und Verteidigungsminister Deutschlands und Japans // BMVG. – 2021. – April 13. – URL: <https://www.bmvg.de/de/presse/konsultationen-deutschland-japan-5054610> (дата обращения: 25.10.2021).

5 Militärische Kooperation mit Australien soll ausgebaut werden // BMVG. – 2021. – June 10. – URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/militaerische-kooperation-australien-soll-ausgebaut-werden-5093070> (дата обращения: 25.10.2021).

сроки появления первого корабля ВМС ФРГ на Тихом океане – осень 2021 г.⁶

Соответственно, спустя год со старта официальной проработки данного вопроса в межгосударственных отношениях его реализация перешла в практическую стадию и был определен круг ближайших региональных партнеров, ключевыми из них были де-факто и де-юре признаны Япония и Австралия. Показательна географическая конфигурация этой группы: она означала, что в начале 2020-х годов ФРГ сфокусировала общеполитическое и военное внимание на *«расширенном» Дальнем Востоке* (т.е. с включением сюда Австралии и Новой Зеландии), *а не Индо-Тихоокеанском регионе в целом*. Упор делался на развертывание присутствия ВМС прежде всего в западных акваториях Тихого океана, а восточная и центральная части Индийского рассматривались скорее в качестве огромных транзитных пространств, что подтвердил и обозначенный маршрут фрегата «Бавария»⁷.

Почему? К числу причин относилась очевидная нехватка у Германии политического влияния и военных ресурсов для обеспечения существенных стратегических позиций в огромном ИТР в целом. Прежде всего, сложно говорить о самодостаточности трека отношений официальный Берлин – Нью-Дели в стратегическом отношении: минимальны объемы координации усилий по вопросам безопасности и обороны. Так, данное направление является сугубо вспомогательным в работе формата межгосударственных консультаций⁸. Исключением является лишь коорди-

нация усилий в формате G4. На данном фоне масштабный экспорт германской военной продукции в Индию пока не перерос в заметное по объемам сотрудничество по линии вооруженных сил, хотя в списке портов, в которые первый корабль ВМС ФРГ в ИТР должен посетить с дружественным визитом, значится индийский г. Мумбаи⁹.

Не менее важным представляется иная причина – стремление развести два стратегических направления использования бундесвера: *настоящего* (становившегося в реалиях 2020–2021 гг. *прошлым*) использования бундесвера *в Афганистане*, что было напрямую связано с непростыми отношениями с Пакистаном, опосредованно – и Индией, и *будущего* – *на Дальнем Востоке*. В условиях пандемии и президентских выборов в США ФРГ летом-осенью 2020 г. надеялась на пересмотр Белым домом «стратегической сделки» с «Талибаном», которая предусматривала полный вывод войск США (а следовательно, и всех их партнеров) из Афганистана к 1 мая 2021 г. Приход к власти Дж. Байдена и его первые шаги укрепили официальный Берлин в его надеждах, которые в итоге оказались иллюзорными: Белый дом в апреле 2021 г. принял решение о свертывании присутствия в Афганистане к сентябрю 2021 г., вскоре сдвинув этот срок на июль 2021 г. Однако подобный сценарий не исключался. Косвенное подтверждение тому – структура профильного департамента МИД ФРГ по состоянию на начало 2020-х годов, которая отражена в таблице 4.

6 Indo-Pazifik: Die „Bayern“ auf diplomatischer Mission // Bundeswehr. – 2021. – July 29. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746> (дата обращения: 25.10.2021).

7 Ibid.

8 Deutsch-Indische Konsultationen. Merkel: „Strategische Partnerschaft vertieft“ // Bundeskanzleramt. – 2017. – May 30. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merkel-strategische-partnerschaft-vertieft--420148> (дата обращения: 25.10.2021).

9 Indo-Pazifik: Die „Bayern“ auf diplomatischer Mission // Bundeswehr. – 2021. – July 29. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746> (дата обращения: 25.10.2021).

Таблица 4. Структура департамента Азии и Тихого океана МИД ФРГ
Table 4. The structure of Department of Asia and Pacific region German Ministry of Foreign Affairs

Группы подразделений	Название	Функционал (компетенции)
Подразделения внутри управления департамента	AP-B-1	Уполномоченный по Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и зоне Тихого океана, контроль отделов AP 01 – AP 03
	AP-B-2	Специальный уполномоченный федерального правительства по Афганистану и Пакистану Ответственный за Южную Азию и политику в ИТР контроль отделов AP-K, AP 04, AP 05
Отделы	AP-K	Координация действий в ИТР в целом; форум «Азия – Европа», фонд «Азия – Европа»
	AP 01	КНР, Шанхайская организация сотрудничества; страновая группа «Китай»
	AP 02	Австралия, Монголия, Новая Зеландия, Северная Корея, Южная Корея, Япония, малые островные государства зоны Тихого океана; Форум стран Тихого океана
	AP 03	Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины; АСЕАН, региональный форум АСЕАН+, Индонезия, Восточный Тимор; Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
	AP 04	Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивы, Непал, Шри-Ланка; Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации, страновая группа «Индия»
	AP 05	Афганистан, Пакистан, специальная группа по контактам с Кабулом

Источник: Organisationsplan des Auswärtigen Amts // Auswärtiges Amt. – 2021. – September 20. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/215270/08e1c7354e70e86da480d60494869ed1/organisationsplan-data.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).

И внутри управления департамента, и на уровне отделов просматривается стремление к разграничению дипломатической деятельности на афганском направлении и Южной Азии, с одной стороны, и Дальнем Востоке (с включением в него Австралии и Новой Зеландии) – с другой. Еще более отчетливо эта схема «разведения» двух огромных частей ИТР проявилась в военном отношении. Как следует из анализа контента сайта Министерства обороны ФРГ, де-факто развертывание военно-

го присутствия рассматривалось в качестве своеобразного фактора компенсации и даже «замещения» в политическом и имиджевом плане экстренного вывода крупного континента из Афганистана.

Вместе с тем фактор этого стратегического провала стал безусловным триггером, но отнюдь не единственной ключевой причиной резкого роста интереса ФРГ к учреждению военного присутствия на Тихом океане. Это решение лежало в русле логики всей внешней

политики ФРГ. Ее последовательное желание утвердиться в положении мировой державы было априори невозможно без глобализации применения бундесвера. Оно осуществлялось по схеме «региональных кругов»: в масштабном использовании своих вооруженных сил в различных формах официальный Бонн/Берлин последовательно переходил от расположенных вблизи себя пространств (Балканы, Восточная Европа) ко все более отдаленным (Средиземноморье и Ближний Восток с 2000-х годов, Западная Африка с первой половины 2010-х годов). Очевидно, что Дальний Восток не мог стать исключением из данной тенденции – вследствие своих размеров, геополитической и геоэкономической ценности.

Поиск пути между Сциллой союзничества с США и Харибдой нежелания разрыва связей с КНР

Фокусирование на «расширенном» Дальнем Востоке неизбежно резко повышало значимость факторов учета позиций США и КНР, притом на фоне масштабной пандемии COVID-19. Прежде всего, стремление ФРГ вернуть военное присутствие не могло не коррелироваться с состоянием холодной войны между двумя влиятельнейшими тихоокеанскими державами: стартовав при администрации демократа Б. Обамы (к середине 2010-х годов), данный процесс, имея и военное измерение, стал более динамичным в президентство республиканца Д. Трампа (2017–2021), сохранив в основе заданную направленность при Дж. Байдене. С учетом нахождения ФРГ в системе «коллективного» Запада встал вопрос: каким конкретно станет влияние холодной войны на Тихом океане на появление здесь бундесвера?

Необходимо подчеркнуть, что до начала 2020-х годов, т.е. как минимум первое пятилетие возникновения и развития конфронтации США – КНР, германская сторона стремилась избегать в ней участия: так, в июле 2018 г. в весьма дружественном ключе прошли очередные (5-е по счету) германо-китайские межправительственные консультации, что прежде всего было обусловлено взаимной заинтересованностью в развитии торгово-хозяйственных контактов (кроме военно-технических обменов).

В свою очередь, к началу 2020-х годов отношения ФРГ и США проходили исключительно сложный этап развития. Стремясь, по сути, перейти от мягкого лидерства к жесткой гегемонии, 45-й президент США ключевым объектом своего давления внутри Евро-Атлантического сообщества избрал Германию – прежде всего из-за ее превращения в фактически единственную «восходящую державу» внутри последнего. Не в пример предшествующим кризисным периодам отношений двух стран, при Д. Трампе нарастание напряженности проявлялось на различных треках: ценностно-информационном (борьба национал-суверенистского подхода и мультилатерализма), экономическом (таможенно-торговые конфликты), политическом и военном (выдвижение тезиса о «задолженности» ФРГ перед США, декларирование сокращения военного присутствия в Германии). На этом фоне ФРГ не могла обратиться за поддержкой к Белому дому в вопросе развертывания военного присутствия на Тихом океане.

Выход официальным Берлином был найден в опоре на региональных партнеров. Притом если с Японией и особенно Сингапуром обстановка была благоприятной (подтверждение тому – старт зондажа позиций партнеров германской дипломатией именно с них

в июне–ноябре 2020 г., см. табл. 3), то с Австралией изначально возникали опасения, учитывая ее традиционную ориентированность на США и Великобританию, особенно феноменов Трампа и Брекзита. На данной фазе (лето–осень 2020 г.) успеху дипломатических усилий Германии содействовали факторы пандемии и предвыборной гонки, отвлекавшие администрацию Д. Трампа от внешнеполитических вопросов. Уже в сентябре 2020 г., т.е. еще в период полноценного президентства Д. Трампа, ФРГ опубликовала «Руководящие принципы политики в ИТР». С одной стороны, это свидетельствовало о вере в опору на региональных партнеров даже без США (что и было отражено в документе) [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020], с другой – об исключительной важности данного направления внешней политики в принципе.

Ситуация для Германии резко изменилась в положительную сторону после объявления победителем на президентских выборах в США Дж. Байдена (ноябрь 2020 г.): им был последовательно избран курс на выход из глубокого кризиса отношений с ФРГ, притом США вновь возвращались к мягкому лидерству. Теперь уже реализующееся военное присутствие ФРГ на Тихом океане трактовалось как поддержка США в их холодной войне с КНР. Действительно, в выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности 20 февраля 2021 г. А. Меркель обозначила необходимость выстраивания совместных (с США и государствами-членами

НАТО) стратегий не только против РФ, но и КНР¹⁰. На Брюссельском саммите НАТО (14 июня 2021 г.) германская делегация поддержала возможность использования потенциала Альянса для «сдерживания» КНР¹¹.

Вместе с тем не следует преувеличивать масштабы и степени жесткости участия Германии в холодной войне на Дальнем Востоке с собственно военной точки зрения. Корабль был направлен всего один (с экипажем в 230 человек), не на постоянной основе, притом должен был совершить дружественный заход в порт Шанхая. Еще более важно то, что официальный Берлин не «заморозил» (как в случае с РФ с 2014 г.), но продолжил полноценный диалог с КНР в рамках формата межправительственных консультаций: очередные, 6-е по счету, состоялись в виртуальном формате 28 апреля 2021 г.¹², т.е. на фоне полного восстановления взаимодействия США и самой Германии. А 11–13 июня 2021 г. на очередном саммите G7 (на который были приглашены Австралия, Индия, Южная Корея и ЮАР), во многом посвященном поиску путей «сдерживания» КНР, официальный Берлин занял двойственную позицию: критикуя авторитарный характер режима в Китае, в то же время германская сторона обозначила сохранение интереса к прагматичному торгово-хозяйственному взаимодействию с ним [Dieter, 2021, S. 1–2]. О чём это свидетельствовало? ФРГ безуспешно старается балансировать, участвуя лишь в тех мерах антикитайской

10 Gemeinsame Strategien gegenüber Russland und China entwickeln // Bundeskanzleramt. – 2021. – February 20. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/gemeinsame-strategien-gegenueber-russland-und-china-entwickeln-1860302> (дата обращения: 25.10.2021).

11 Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel zum NATO-Gipfel in Brüssel // Bundeskanzleramt. – 2021. – June 14. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-zum-nato-gipfel-in-bruessel-am-14-juni-2021-1928838> (дата обращения: 25.10.2021).

12 Sechste deutsch-chinesische Regierungskonsultationen // Bundeskanzleramt. – 2021. – April 28. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/sechste-deutsch-chinesische-regierungskonsultationen-1898704> (дата обращения: 25.10.2021).

направленности (в основном опосредованных), что не приведут к резкой деградации двусторонних отношений с КНР, притом демонстрируя рост поддержки США. Иными словами, решение сложнейшей задачи по направлению боевых сил в Тихий океан было осуществлено всё же с негативной реакцией КНР и одновременно при растущей поддержке США. Показательно, что, на фоне итогового отказа в заходе в Шанхай, фрегат «Бавария» делает продолжительную остановку на важнейшей военно-морской базе США в регионе Гуам¹³.

Определение типа и характера военного присутствия

Хронологически старт исследуемой активности ФРГ на Дальнем Востоке пришелся на конец июня – сентябрь 2020 г., т.е. она началась на фоне полномасштабного распространения пандемии COVID-19, при этом одним из ее эпицентров с ранней весны 2020 г. стало Евроатлантическое сообщество в целом и Германия в частности. О чем свидетельствует отмеченная политико-дипломатическая и военная активность в условиях затяжной эпидемии COVID-19, приведшей к «замиранию» значительной части мирополитических контактов? Об исключительной важности тихоокеанского направления для политики ФРГ в области безопасности и обороны в целом: в тяжелейших условиях пандемии, с фокусированием на внутренних проблемах сохранение и тем более увеличение (особенно резкое) объемов активности вовне могло быть осуществлено только на *действи-*

тельно значимых векторах. Преодолев «скованность» от пандемии в ходе ее первой волны (весна 2020 г.), руководство ФРГ обратилось летом-осенью 2020 г. к решению острейших проблем в общеполитической и военной областях. Динамизм усилий германской дипломатии по обеспечению развертывания военного присутствия на Дальнем Востоке уже с момента старта свидетельствовал о тщательной и длительной подготовке данных действий; подтверждением тому выступают скорость опубликования (в сентябре 2020 г. и феврале 2021 г., созданы были за 1–2 месяца до этого) концептуальных документов.

Каков был характер учреждаемого присутствия? Необходимо отметить, что речь в ФРГ в начале 2020-х годов велась *исключительно* об использовании ВМС, но отнюдь не других видов войск (армии и ВВС). Почему? Это объяснялось достаточно широким кругом причин. К числу *общеполитических* относится, во-первых, основанное на букве международного права восприятие Мирового океана (т.е. обширнейших акваторий вне территориальных вод) как общего, открытого для всех игроков, пространства. Применительно к Индийскому и особенно Тихому океанам это подчеркивал главный инспектор ВМС ФРГ (высшее должностное лицо во флоте из числа военных) адмирал К.-А. Шёнбах¹⁴. Соответственно, военно-морской тип присутствия должен был как минимум де-юре восприниматься возможными критиками (особенно КНР) менее остро, чем другие формы.

Во-вторых, ФРГ дополнительно обосновывала факт развертывания необходимостью защиты транспортных ком-

13 Indo-Pazifik: Die „Bayern“ auf diplomatischer Mission // Bundeswehr. – 2021. – July 29. – URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pazifik-fregatte-bayern-diplomatische-mission-5204746> (дата обращения: 25.10.2021).

14 Ibid.

муникаций на море: подчеркивалось, что именно по ним проходит до 90% от всего объема товарооборота межстрановой торговли [Leitlinien zum Indo-Pazifik..., 2020, S. 9]. Соответственно, усилия ВМС ФРГ по патрулированию путей активного следования грузовых судов, где существовала опасность атак пиратов или боевиков террористических группировок, в восточной части Индийского океана и западной Тихого (в частности в зоне Малаккского пролива) рассматривалась логическим продолжением такой же деятельности в Средиземном море и Аденском заливе¹⁵. Вместе с тем наличествовали существенные отличия, притом юридические: в двух последних случаях ВМС ФРГ использовались на основе мандата НАТО и ЕС соответственно, а в Тихом океане лишь с опорой на *неформализованную* поддержку группы государств-партнеров. Иными словами, в случае Средиземного моря и Аденского залива речь шла о юридически зафиксированном принципе мультилатерализма, а для акваторий востока Индийского и западной части Тихого океанов многосторонность была условной, существовавшей лишь де-факто. Это было весьма редким явлением в практике применения бундесвера: демонстрируя признание исторической ответственности во Второй мировой войне, ФРГ стремилась избегать использования вне границ страны своей «военной машины» в сугубо национальном качестве, предпочитая ее применение в составе многонациональных миссий/группировок. Стоит отметить, что при развертывании кораблей ВМС в Малаккском проливе ФРГ в полной мере опиралась лишь на поддержку Сингапура, таковая со стороны

двух других расположенных здесь государств – Индонезии и Малайзии – была условной (хотя, безусловно, их позиция не была отрицательной). Комплекс данных факторов, с одной стороны, способствовал тому, что прецедентное направление боевого корабля в Тихий океан было транзитным, т.е. проходя различные акватории, фрегат нигде надолго не задерживался¹⁶. С другой – эти исключения, на которые преднамеренно пошли власти ФРГ, еще раз свидетельствовали об исключительном интересе к появлению бундесвера на Дальнем Востоке.

В-третьих, отсутствовали возможные международно-правовые основания для развертывания сухопутных сил и/или авиации: на Дальнем Востоке к началу 2020-х годов не было действующих вооруженных конфликтов. К третьему десятилетию XXI в. ФРГ не являлась страной – участницей региональных структур в области безопасности и обороны; отсутствовали и двусторонние договоренности, которые фиксировали бы возможность участия бундесвера в создании многосторонних (хотя бы временных) войсковых соединений и частей. Кроме того, практика создания таковых на Дальнем Востоке, не в пример Западной Европе, была существенно менее распространена. Эти препятствия снимались при использовании ВМС, особенно отдельных кораблей или их небольших групп: краткосрочные дружественные визиты и участие в конкретных совместных учениях требовали наличия лишь принципиальной политической поддержки, реализуемой в виде разовых согласований, не обязательно требуя подведения постоянно действующей правовой базы.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

В-четвертых, для всех избранных партнеров ФРГ в регионе – Австралии, Новой Зеландии, Сингапура, Южной Кореи, Японии и, разумеется, США – морской (у большинства и полноценный океанский) флот являлся важной составляющей военного потенциала в целом, т.е. сотрудничество с бундесвером именно по линии ВМС имело значимое политическое и имиджевое значение.

С собственно *военной* точки зрения выбор официальным Берлином именно флота был обусловлен тем, что в сопоставлении с наземным и воздушным присутствием морское не требовало стационарных военных баз. Разумеется, данное положение наличествовало при условиях разумного срока плавания (обычно в пределах 6–8 месяцев), хорошего технического состояния боевого корабля, т.е. необходимости проведения в худшем случае лишь мелкого ремонта в дружественных портах. Данные требования были соблюдены: фрегат «Бавария» (тип кораблей *Brandenburg*) вышел в море 2 августа 2021 г. с задачей вернуться в порт приписки в конце февраля (7 месяцев), предварительно пройдя тщательный технический осмотр¹⁷. Указанная длительность (несколько более полугода) являлась обычной при использовании фрегатов ВМС ФРГ в различных частях Мирового океана. Сыграл свою роль и фактор пандемии: корабль, представляя собой автономную (на время плавания изолированную от суши) боевую единицу, мог не соприкасаться в плане контактов личного состава вне его на протяжении всего пребывания в пути, даже участвуя в патрулировании и учениях.

Кроме того, внутри самого бундесвера флот являлся наиболее хорошо подготовленным к выполнению задач на глобальном уровне видом вооруженных сил. 2-я оперативная флотилия предназначалась к использованию преимущественно в дальней морской зоне. В состав данного соединения входили две эскадры фрегатов: 2-я, укомплектованная более современными кораблями типов *Brandenburg* и *Sachsen*, и 4-я, составленная из боевых вымпелов типа *Baden-Württemberg*, а также эскадра судов обслуживания. Именно 2-я оперативная флотилия есть и будет на длительную перспективу единственным (или как минимум основным) соединением в составе бундесвера, ответственным за обеспечение присутствия на Дальнем Востоке.

ФРГ и образование AUKUS

15 сентября 2021 г. было объявлено о создании на Дальнем Востоке военного объединения AUKUS, в которую вошли Австралия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, США. Возникновение AUKUS стало во многом результатом пересечения двух значимых тенденций мирового развития. Это, во-первых, обособление англо-саксонских держав (предшествовавшими масштабными проявлениями тому во второй половине 2010-х годов стали Брекзит в Великобритании [Besch, 2020, S. 3–4] и феномен трампизма в США), недовольных уменьшением своих роли и веса в «коллективном» Западе в целом и особенно в Евroatлантическом

¹⁷ Ibid.

сообществе¹⁸. Во-вторых, это холодная война на Дальнем Востоке с растущим вкладом не только США, но также Австралии в выстраивании системы «сдерживания» КНР. Сближение трех англо-саксонских держав сочеталось с ослаблением связей Австралии с рядом иных стран Запада. Так, отказавшись от реализации совместного с Францией проекта «Барракуда» по строительстве дизельных подводных лодок (ПЛ) на базе атомных ПЛ «Сюффрен», официальная Канберра предполагает строить АПЛ (без ядерного вооружения) в США [Васильев, 2021, с. 3]. Какую позицию в этой ситуации заняла ФРГ и почему?

С одной стороны, Франция к началу 2020-х годов выступала ближайшим партнером ФРГ из числа «западных держав» (официальные Вашингтон, Лондон и Париж), в т.ч. в эпоху Трампа, и германская сторона не могла не учитывать обеспокоенности партнера. Еще более важно другое: обособление группы англо-саксонских держав, как уже показали Брекзит в случае стран – участниц ЕС и тремпизм применительно к трансатлантическим отношениям, сопровождалось критикой и действиями с негативной для ФРГ коннотацией. В данной связи появлялась возможность, что образование AUKUS, особенно в смысле сближения Австралии с США и Великобританией, существенно ослабит «окно возможностей» для сохранения и тем более наращивания военного присутствия Германии на Дальнем Востоке. Кроме того, ФРГ могла лишиться вновь открытого во второй половине 2010-х годов об-

ширного рынка для поставки вооружений и военной техники официальной Канберре. Наконец, возникал вопрос о том, как развитие сотрудничества внутри AUKUS по развитию атомных субмарин станет сочетаться с ролью ФРГ как традиционного экспортера дизельных подводных лодок, двигателей и иных комплектующих к ним для стран Индо-Тихоокеанского региона и мира в целом.

С другой стороны, отношения ФРГ и США при администрации Дж. Байдена демонстрировали взаимное стремление к восстановлению доверия и в целом утраченного при Д. Трампе потенциала. США стали практиковать обеспечение опосредованного доступа партнеров к своему ЯО, притом не только Австралии: в случае официальной Канберры это планируемые поставки АПЛ в неядерном вооружении (но с теоретически вполне возможной их установкой) [Васильев, 2021, с. 3], а ФРГ – проведение совместных с люфтваффе учений по принятию на борт и отработке сброса ядерных боезарядов США с их военной базы в Германии¹⁹. Глубоко символично, что крайняя мера была осуществлена в октябре 2020 г., т.е. в преддверии президентских выборов в США. Идя вразрез с магистральной линией Д. Трампа, оппозиционный ему истеблишмент пролоббировал решение о реализации шага, показывающего предельное доверие к официальному Берлину. Де-юре возможное появление у Австралии ЯО противоречит интересам ФРГ, особенно учитывая ее бессрочные обязательства по отказу от производства, владений и распо-

18 Под Евроатлантическим сообществом автор статьи понимает совокупность стран-участниц и институтов НАТО и ЕС. Понятие «коллективный Запад» представляется более широким, включая также достаточно широкий спектр партнеров США вне НАТО.

19 Минобороны вызвало военного атташе Германии // ТАСС. – 2020. – 23 октября. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/9801899> (дата обращения: 25.10.2021).

ряжения ОМУ/ОМП. Однако де-факто жесткой реакции официального Берлина может и не последовать с учетом мер США по фактическому допуску Германии к их ядерному арсеналу в Европе. Не менее важна и другая причина: ФРГ заинтересована в сохранении или как минимум не критическом ослаблении установившегося сотрудничества с Австралией. И дело не только и даже не столько в продолжении масштабных поставок ВиВТ германского производства официальной Канберре. Представляется, что важнейшей задачей для ФРГ является сохранение высокого уровня взаимодоверия с Австралией с тем, чтобы она содействовала укреплению позиций официального Берлина в ИТР.

Не исключая негативный сценарий, ФРГ всё же будет стремиться к реализации позитивного (в т.ч. «обыгрывая» фактор заинтересованности официальных Канберры и Вашингтона в германском военном присутствии на Дальнем Востоке как хотя бы небольшом и условном), но всё же усиления участия европейских стран – участниц НАТО в конфронтации с КНР. Для сохранения уровня взаимодоверия с Австралией следует ожидать активное обращение к использованию механизма 2+2 встреч глав военных и внешнеполитических ведомств.

* * *

Между июнем 2020 г. и сентябрем 2021 г. ФРГ сделала рывок в развертывании военного присутствия на Тихом океане, притом интенсификация усилий наблюдалась одновременно на доктринальном уровне и в практической плоскости. Показательны активность не только МИД, но и Министерства обороны в углублении двусторонних контактов. Для достижения

поставленной цели был своеобразно «обыгран» фактор пандемии: она была использована скорее положительно, снижая возможную критику появления ВМС ФРГ в регионе.

На Дальнем Востоке ФРГ опиралась, с одной стороны, на таких региональных игроков, как Япония, Сингапур, Южная Корея, используя либо фактор масштабного военного экспорта, либо близости интересов по многим вопросам безопасности для перехода к сотрудничеству по линии вооруженных сил. С другой – фокусирование на Австралии и США, полноценное сотрудничество с которыми в регионе стартовало с опозданием (с зимы 2020/2021 гг., прежде всего из-за трампазма). Германская сторона стремится не допустить превращения фактора AUKUS в препятствие на пути дальнейшего обретения поддержки официальных Канберры и Вашингтона в вопросе усиления позиций ФРГ на Тихом океане.

Однако существует еще большая трудность для официального Берлина: это вынужденная необходимость более четко на практике обозначать свою позицию к новой холодной войне между США и КНР в случае сохранения и тем более наращивания объемов присутствия бундсвера в тихоокеанском бассейне. Заинтересованность в последнем останется: отнюдь не случайно возвращение фрегата «Бавария» было заранее запланировано на конец февраля 2022 г., т.е. время, когда в ФРГ должен быть сформирован новый коалиционный кабинет – первый в эпоху «пост-Меркель». Фактом возвращения корабля, выполнявшего значимую дипломатическую миссию, новое правительство Германии направляется действовать в колее, сложившейся в 2020–2021 гг. По всей видимости, официальный Берлин будет более активно участвовать в конфронтации с КНР, однако при необ-

ходимости придерживаясь особого подхода при обсуждении с участием США, региональных игроков, на уровне НАТО реализации чувствительных мер антикитайской направленности.

Список литературы

Васильев В.С. AUKUS еще себя покажет // Военно-промышленный курьер. – 2021. – № 37 (900). – С. 3. – URL: https://vpk-news.ru/sites/default/files/pdf/VPK_37_900.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

Галимзянова А.К. Китайско-германские отношения: стремление к эталону // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 6. – С. 4–10.

Цык А.В. Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: актуальные проблемы и новые возможности // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 4. – С. 210–228. – DOI: 10.31249/ape/2019.04.12.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. – Berlin : Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. – 112 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. – Berlin : Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. – 128 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020. – Berlin : Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. – 118 S.

Besch S. Brexit-Verhandlungen im Verteidigungsbereich. Lehren und Perspektiven // Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik. – 2018. – N 31. – 5 S.

Dieter H. First Summit of the Anti-China Coalition // SWP Comment. – 2021. – N 36 (June). – P. 1–5. – DOI: 10.18449/2021C36.

Ein Jahr Indo-Pazifik-Leitlinien: Eine Bilanz // Auswärtiges Amt. – 2021. – September. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionalschwerpunkte/asien/indo-pazifik-leitlinien-fortschritt/2481664> (дата обращения: 25.10.2021).

Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung. – Berlin : Bundesregierung, 2021. – 152 S.

Godement F., Wacke G. In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik – Frankreich und Deutschland vereint. – Berlin : SWP, 2020. – 10 S.

Heiduk F., Wacker G. Vom Asien-Pazifik zum Indo-Pazifik. – Berlin : SWP, 2021. – 48 S.

Hilpert H.-G. New Trade Agreements in Asia // SWP Comment. – 2021. – N 25 (April). – 8 p. – DOI: 10.18449/2021C25.

Leitlinien zum Indo-Pazifik. – Berlin : Bundesregierung, 2020. – 70 S.

Positionspapier: Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft. – Berlin : Bundesministerium der Verteidigung, 2021. – 9 S.

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. – Berlin : Federal Ministry of Defense, 2009. – 120 p.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.07

On Deploying German Military Presence in the Pacific

Philipp O. TRUNOV

PhD (Political Sciences), Senior Researcher, Department of Europe and America
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
(INION RAN), 117418, 51/21 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, Russian Federation
E-mail: 1trunov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7092-4864

CITATION: Trunov Ph.O. (2022). On Deploying German Military Presence in the Pacific. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 133–153 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.07

Received: 09.10.2021.

Revised: 30.11.2021.

ABSTRACT. *For a long time, the Far East was not one of key regions of the FRG's efforts to ensure strategic positions at the global level. The tendency has changed dramatically in 2020-2021, despite the "freezing" the majority of the world political processes during the COVID-19 pandemics. The article explains it, using the methods of event-analysis and the analysis the structure of German diplomatic missions and the profile department of the FRG's MFA. The goal of the article is to study the features and «narrow places» of deployment German military presence in the Pacific (first of all the political-diplomatic preparations of the process).*

The article issues the usage of the Indo-Pacific region concept in FRG's foreign policy at conceptual and practical levels. The author stresses that at the beginning of 2020s Germany really focused not in the Indo-Pacific region as a whole, but in the «extended» Far East. This process is considered in the context of achieving geopolitical and image compensation for the ending of the Bundeswehr long-term presence in Afghanistan (2021).

The present paper shows the key regional partners of Germany. The development of bilateral relations with them has become the key way to provide FRG's military and political presence in the Far East. In most cases, a significant export of German military production was transformed into a willingness for bilateral cooperation of the armed forces. The author issues the features of German political and military dialogue with Japan, Singapore, South Korea and Australia in 2020-2021. The position of the USA during Donald Trump's presidency made German plans difficult to implement. But most difficult for Germany was the search for balanced forms of support for the United States in their confrontation with the PRC already during the rule of Joe Biden's administration. The article issues the dispatch to the Pacific Ocean of the first German military ship that was the frigate "Bayern" (2021, August – 2022, February). Special attention is paid to the factor of AUKUS.

KEYWORDS: *Germany, the Indo-Pacific region, the Far East, Japan, Singapore, Australia, the USA, Trump, Biden, AUKUS.*

References

Besch S. (2018). Brexit-Verhandlungen im Verteidigungsbereich. Lehren und Perspektiven. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Arbeitspapier Sicherheitspolitik*, no. 31, 5 S. (in German).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018 (2019). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 112 S. (in German).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019 (2020). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 128 S. (in German).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020 (2021). Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 118 S. (in German).

Dieter H. (2021). First Summit of the Anti-China Coalition. *SWP Comment*, June, no. 36, 5 pp. DOI: 10.18449/2021C36.

Ein Jahr Indo-Pazifik-Leitlinien: Eine Bilanz (2021). *Auswärtiges Amt*, September (in German). Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/regionaleschwerpunkte/asien/indo-pazifik-leitlinien-fortschritt/2481664> (accessed 25.10.2021).

Galimzyanova A. (2019). Sino-German Relations: Striving for a Standard. *Far East Studies*, no. 6, pp. 4–10 (in Russian).

Gemeinsam für die Menschen. Weißbuch Multilateralismus der Bundesregierung (2021). Berlin: Bundesregierung, 150 S. (in German).

Godement F., Wacke G. (2020). *In Richtung einer gemeinsamen europäischen China-Politik – Frankreich und Deutschland vereint*. Berlin: SWP, 10 S. (in German).

Heiduk F., Wacker G. (2021). *Vom Asien-Pazifik zum Indo-Pazifik*. Berlin: SWP, 48 S. (in German).

Hilpert H.-G. (2021). New Trade Agreements in Asia. *SWP Comment*, April, no. 25, 8 S. (in German). DOI: 10.18449/2021C25.

Leitlinien zum Indo-Pazifik (2020). Berlin: Bundesregierung, 70 S. (in German).

Positionspapier: Gedanken zur Bundeswehr der Zukunft (2021). Berlin: Bundesministerium der Verteidigung, 9 S. (in German).

Tsvyk A. (2019). Strategic partnership of Germany and China today: Current problems and new opportunities. *Urgent problems of Europe*, no. 4, pp. 210–228 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2019.04.12

The Bundeswehr on Operations: Publication to Mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad (2009). Berlin: Federal Ministry of Defense, 120 pp.

Vasilyev V. (2021). AUKUS will show itself. *Military industrial courier*, no. 37, p. 3 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.08

Индийский рынок вооружений: история и перспективы

Георгий Дмитриевич ВЛАСОВ

научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: vlasov.georgii@inion.ru
ORCID: 0000-0001-7550-9598

ЦИТИРОВАНИЕ: Власов Г.Д. (2022). Индийский рынок вооружений: история и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 154–172.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.08

Статья поступила в редакцию 11.10.2021.
Исправленный текст представлен 25.04.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются история, текущее состояние и перспективы российско-индийского сотрудничества в военно-технической сфере, а также влияние на него тенденций, которые складываются в военно-промышленном комплексе Индии, и международно-политических факторов, прямо или косвенно отражающихся на индийском рынке вооружений. Россия исторически занимает прочные позиции на индийском рынке вооружений и остается основным партнером Индии в военно-технической сфере. Однако в последнее время наблюдается снижение объемов поставок российской военной техники в Индию. С одной стороны, это связано с обострением конкуренции на индийском рынке вооружений, с другой – со стремлением Индии развивать собственный военно-промышленный комплекс и из импортера вооружений превратиться в их экспортера. Немаловажную роль играет и стремление Индии сохранить приверженность традиционному кур-

су на диверсификацию поставок военной техники. Кроме того, в перспективе влияние на индийский рынок вооружений смогут оказывать и международно-политические факторы. Речь идет прежде всего о напряженных отношениях Индии и Китая, история конфронтации которых насчитывает не один десяток лет, и о сближении Индии со странами, вместе с ней входящими в «четырёхсторонний диалог по безопасности» – Quad.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, Россия, военно-техническое сотрудничество, военно-промышленный комплекс, Азиатско-Тихоокеанский регион, Индийско-Тихоокеанский регион, авиация, бронетехника, военно-морской флот, AUKUS, Quad.

Индия обладает второй по численности армией мира [The Military Balance 2021, 2021, р. 28] и занимает второе место среди стран-импортеров вооружений [SIPRI Yearbook, 2020,

р. 13]. В структуре индийского военного импорта Россия традиционно занимает главное место¹. В последние годы в военно-промышленной отрасли Индии и в индийском подходе к закупкам вооружений происходят значительные изменения, обусловленные как технологическими и экономическими, так и политическими факторами. В связи с этим наметились тенденции, которые могут стать определяющими и для индийского рынка вооружений, и для российско-индийского сотрудничества в военно-технической сфере. Данная статья посвящена рассмотрению этих тенденций и тех перспектив развития индийского рынка вооружений, которые с ними связаны.

Предпосылки наращивания импорта вооружений Индией

Импорт вооружений традиционно играл важнейшую роль в деле обеспечения вооруженных сил Индии военной техникой, поскольку собственный военно-промышленный комплекс страны не позволял ей полагаться только на собственные силы в вопросе вооружения войск. Такое положение вещей было исторически обусловлено. Вместе с обретением долгожданной независимости в 1947 г. Индия получила и собственные вооруженные силы, которые представляли собой результат раздела бывшей Британской индийской армии между двумя вновь созданными доминионами Великобритании (а впоследствии независимыми государствами): Индией и Пакистаном. Техника и вооружение этих войск так-

же были британскими. Перед молодым государством стояла задача поиска новых источников поставок современной военной техники. А в том, что она понадобится, не могло быть никаких сомнений: сразу же после обретения Индией независимости вспыхнула война с Пакистаном – первая из чреды войн, которые Индии придется вести в XX в.

Новой армии требовалось вооружение, обеспечить собственное производство которого страна, только что освободившаяся от колониального гнета, была не в состоянии. При этом было бы неправильно сказать, что Индия к моменту обретения независимости совершенно не обладала собственной военной промышленностью. В колониальный период британцы создали на территории Индии целый ряд оружейных заводов (*ordnance factories*), однако в целом британское господство в Индии было отмечено амбивалентностью подхода к проблеме развития местной военной промышленности: с одной стороны, развитие военных технологий в Индии воспринималось британским колониальным руководством как потенциальная проблема, во многом из-за представления о том, что производство вооружений лежит в основе промышленного развития², а значит, экономической самостоятельности; с другой – военная промышленность была необходима британцам для обеспечения их военных нужд в Индии. Колониальные власти не только тщательно следили за тем, чтобы передовые европейские военные технологии не попали в руки индийцев, но и последовательно подавляли местные военные производства, в частности

1 Военно-техническое сотрудничество // Посольство Российской Федерации в Республике Индии. – 2021. – URL: https://india.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/voenno_tekhnicheskoe_sotrudnichestvo/ (дата обращения: 15.09.2021).

2 Priya S. Guns and the British Empire // Aeon. – 2018. – February 14. – URL: <https://aeon.co/essays/is-the-gun-the-basis-of-modern-anglo-civilisation> (дата обращения: 15.09.2021).

производство огнестрельного оружия³. Между тем к моменту колониального подчинения Индии британцами индийское производство огнестрельного оружия находилось на весьма высоком уровне, его история восходила к XVI в., когда основатель династии Великих Моголов падишах Бабур стал использовать привезенное из Османской империи огнестрельное оружие, эффективность применения которого как Моголами, так и их противниками дала толчок для развития собственного индийского производства огнестрельного оружия, эффективность и технологические достоинства которого уже в XVII в. отмечались европейскими, в частности британскими, наблюдателями⁴. Однако во второй половине XIX в. прагматические интересы снабжения Британской индийской армии до определенного предела обладали, и британцы создали на территории страны ряд оружейных заводов, которые производили боеприпасы, винтовки, оружейные передки, лафеты и даже пушки и пулеметы. Эти фабрики впоследствии составили ядро военной промышленности независимой Индии, однако в колониальный период они были полностью зависимы от Великобритании в части машинного оснащения и технологий [Roy, 2003, p. 411], что приводило к их технологической отсталости. Кроме того, имели место недостаточность военного бюджета Британской Индии, инвестиций в развитие военной промышленности и нехватка квалифицированных местных технических специалистов для работы на таких предприятиях [Roy, 2003, p. 416]. Недостаток средств, технологическая отсталость (во многом являвшаяся

следствием целенаправленной политики британских властей) и нехватка квалифицированных кадров привели к тому, что индийский историк Каушик Рой назвал «технологической ловушкой», в результате которой военное-техническое оснащение Британской индийской армии позволяло ей вести лишь «малые колониальные войны» [Roy, 2003, p. 423].

Прямая зависимость от метрополии в вопросах поставок вооружений в начале постколониального периода развития Индии привела к предсказуемому доминированию британской военной продукции в структуре вооружений индийских войск. Однако уже в середине 1950-х, после обмена визитами лидеров Индии и СССР, ярко обозначилось потепление в отношениях двух стран, за которым начиная с 1960-х гг. последовала и активизация военно-технического сотрудничества между ними. Советский Союз, который в 1950-е уже входил в тройку крупнейших мировых экспортеров вооружений, начал стремительно вытеснять Великобританию с индийского рынка. При этом Индия отнюдь не полагалась только на один источник поставок вооружений: напротив, уже тогда сформировалась свойственная ей политика диверсификации военных закупок. Кроме того, Индия активно развивала и собственный военно-промышленный комплекс, в том числе путем организации производства различных, включая высокотехнологичные, видов вооружения на своей территории⁵ [SIPRI Yearbook of world armaments and disarmament 1968/69, 1969, p. 78–79].

После распада Советского Союза Российская Федерация унаследовала

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Например, в начале 1960-х в Индии компанией *Hindustan Aeronautics Limited* было организовано производство советских истребителей МиГ-21. – Прим. авт.

его место на индийском рынке вооружений, был реализован ряд успешных проектов. В тяжелый для страны период 1990-х годов экспортные контракты, в частности контракты с Индией, были жизненно важны для российского ВПК (например, контракты с Индией на поставку танков Т-90С фактически спасли военное производство знаменитого «Уралвагонзавода»), а необходимость удовлетворения технических требований индийского заказчика стала фактором его активной модернизации. К числу наиболее масштабных и успешных примеров сотрудничества между Россией и Индией можно отнести, например, совместную разработку сверхзвуковой крылатой ракеты «БраМос», которая стала использоваться на кораблях индийского ВМФ с 2005 г.⁶ Кроме того, среди крупнейших реализованных проектов в области российско-индийского военно-технического сотрудничества необходимо назвать контракты на поставку самолетов Су-30 МКИ, танков Т-90С, авианосца *Vikramaditya* (бывший тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал флота Советского Союза Горшков»), постройку для индийского флота шести фрегатов проекта 11356 (получивших в Индии обозначение *Talwar*), передачу Индии по договору лизинга атомной подводной лодки К-152 «Нерпа». Однако большинство самых крупных и известных проектов в области ВТС относятся к периоду второй половины 1990-х – началу 2000-х годов (по крайней мере, в части заключения договоров на поставки тех или иных видов вооружений). На сегодняшний день Россия сохраняет статус крупнейшего поставщика вооружений для Индии: доля российских поставок составляет 23%

от общего объема закупаемых Индией вооружений [Wezeman P., Wezeman S., Kuimova A., 2020, p. 2]. Однако, как показывают данные свежего исследования Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ) «Тренды в международных поставках вооружений, 2020», в 2016–2020 гг. наметилась тенденция к значительному сокращению российских военных поставок в Индию: за этот период они сократились на 53% [Wezeman P., Wezeman S., Kuimova A., 2020, p. 2]. Вместе с тем Индия осталась вторым в мире (после Саудовской Аравии) импортером вооружений, хотя ее доля в мировом импорте оружия за 2016–2020 гг. сократилась по сравнению с периодом 2011–2015 гг. на 33% [Wezeman P., Wezeman S., Kuimova A., 2020, p. 6]. Иными словами, Индия стала закупать меньше вооружений на международном рынке, но не настолько меньше, чтобы сокращение российских поставок в Индию могло полностью объясняться этим общим сокращением индийских закупок. Частично сокращение российско-индийского ВТС связано с тем, что место России заняли другие поставщики (в частности, на индийском рынке вооружений выросла доля Франции и Израиля [Wezeman P., Wezeman S., Kuimova A., 2020, p. 9].

Российско-индийское сотрудничество в области военной авиации

Означает ли это, что Россия постепенно вытесняется с индийского рынка вооружений и какие факторы влияют на перспективы российско-индийского

6 BRAHMOS Supersonic Cruise Missile // BrahMos Aerospace – 2021. – URL: <https://www.brahmos.com/content.php?id=10&sid=10> (дата обращения: 15.09.2021).

военно-технического сотрудничества? Для ответа на эти вопросы следует для начала обратиться к наглядному примеру ситуации в области военной авиации, в которой российско-индийское сотрудничество является особенно тесным и давним и с которой некогда и началось крупномасштабное военно-техническое сотрудничество Индии и Советского Союза⁷.

Наиболее успешным примером сотрудничества России и Индии в сфере военной авиации можно назвать поставку Индии российских истребителей Су-30МКИ⁸, первые из которых начали поступать в индийские ВВС по контракту, заключенному еще в 1996 г., а затем индийская сторона неоднократно заказывала дополнительные самолеты. Следующим шагом в развитии военно-технического сотрудничества между Россией и Индией могло бы стать взаимодействие в области разработки истребителя пятого поколения (Су-30МКИ относится к поколению 4+), и договоренности о совместной работе над таким самолетом были достигнуты в 2007 г.⁹; однако в 2018 г. Индия объявила о выходе из совместной с Россией программы по созданию истребителя пятого поколения на базе российского самолета Су-57¹⁰. Причиной послужило то, что, по мнению ин-

дийской стороны, перспективный российский самолет по ряду параметров (боевая авионика, радары и сенсоры, малозаметность) не отвечал требованиям Министерства обороны Индии для истребителя пятого поколения. Вместе с тем уже в середине 2020 г. Индия получила первые из 36 многоцелевых истребителей четвертого поколения *Rafale*¹¹ производства французской компании *Dassault Aviation*, которые были заказаны по межправительственному договору с Францией, заключенному в 2016 г., а к середине 2021 г. в общей сложности были поставлены уже 26 французских истребителей¹². Общая стоимость поставки 36 самолетов *Dassault Rafale* составила 9,2 млн долларов, эта сделка стала для Индии крупнейшей со времен сделки по поставке российских истребителей Су-30МКИ. Сделка с французским авиапроизводителем стала результатом объявленного в 2008 г. тендера на закупку перспективных средних истребителей для индийских ВВС (*Medium Multi-Role Combat Aircraft*, *MMRCA*), в котором участвовали семь самолетов (включая российский МиГ-35), и с самого начала была окружена целым рядом коррупционных скандалов¹³. Между тем в январе 2021 г. завершился контракт на поставку российских истребителей

7 BRAHMOS Supersonic Cruise Missile // BrahMos Aerospace – 2021. – URL: <https://www.brahmos.com/content.php?id=10&sid=10> (дата обращения: 15.09.2021).

8 Речь идет о поставках истребителей МиГ-21 в 60-е гг. XX в., которые долгое время составляли основу индийских ВВС и, несмотря на стремление индийского военного руководства вывести эти, по сути, давно устаревшие самолеты из парка ВВС, до сих пор находятся в их составе. – *Прим. авт.*

9 Версия самолета Су-30, специально подготовленная с учетом пожеланий индийского заказчика, что нашло отражение в маркировке самолета – МКИ – «модернизированный, коммерческий, индийский». – *Прим. авт.*

10 Авдеев Ю. «Су» дарь расправляет крылья // Красная звезда. – 2010. – 24 марта. – URL: http://old.redstar.ru/2010/03/24_03/24_03.html (дата обращения: 15.09.2021).

11 Five Rafale jets formally inducted into Indian Air Force in boost to India's air power // The Economic Times. – 2020. – September 10. – URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/five-rafale-jets-formally-inducted-into-indian-air-force-in-boost-to-indias-air-power/articleshow/78033898.cms?from=mdr> (дата обращения: 15.09.2021).

12 India has received 26 Rafale aircraft till date: Govt // The Hindu. – 2021. – July 28. – URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-has-received-26-rafale-aircraft-till-date-govt/article35585665.ece> (дата обращения: 15.09.2021).

13 См., например: Judge appointed in France to probe Rafale deal charges // The Indian Express. – 2021. – July 4. – URL: <https://indianexpress.com/article/india/rafale-deal-probe-judicial-probe-in-france-7388018/> (дата обращения: 15.09.2021).

Су-30МКИ, которые поставлялись Индии с 1996 г.¹⁴ Всего было поставлено 272 самолета, которые на сегодняшний день составляют основу парка истребительной авиации индийских ВВС [The Military Balance 2021, 2021, р. 263], но дальнейшие закупки самолетов этого типа не планируются. Таким образом, учитывая выход Индии из проекта FGFA, получается, что как минимум на данный момент крупномасштабное практическое сотрудничество России и Индии в сфере военной авиации приостановлено: проектов, аналогичных многолетнему плодотворному опыту сотрудничества по проекту Су-30МКИ, нет. Правда, в июле 2021 г. Федеральная служба по военно-техническому сотрудничеству объявила о том, что подана заявка на участие самолета МиГ-35 в новом индийском тендере на закупку 110 средних истребителей¹⁵. Однако, учитывая неудачный опыт участия данного истребителя в прошлом тендере, по результатам которого была заключена сделка на поставку самолетов *Rafale*, возлагать большие надежды на новый тендер преждевременно. В случае, если российскому самолету вновь не удастся одержать победу в индийском тендере, можно будет говорить о начале определенной черной полосы для российско-индийского военного сотрудничества в сфере авиации. В январе 2021 г. Индия приняла решение о закупке 83 самолетов *Tejas*

MK-1A – легких одномоторных истребителей четвертого поколения, разработанных ведущей индийской авиационной компанией *Hindustan Aeronautics Limited (HAL)*. Стоимость контракта на закупку самолетов *Tejas* составила 6,58 млрд долларов – это крупнейшая сделка по закупке индийской авиационной техники собственного производства. Закупка самолетов *Tejas MK-1A* стала одним из ярких примеров общего курса индийского руководства на развитие собственной военной промышленности, который будет подробнее рассмотрен ниже. Министр обороны Индии Раджнатх Сингх назвал решение о закупке отечественных самолетов историческим и сказал, что в ближайшие годы они станут основой индийских ВВС¹⁶. Судя по всему, это только начало: на сегодняшний день в стадии разработки находится целый ряд индийских боевых самолетов, таких как *HAL Tejas Mark 2*¹⁷, начало серийного производства которого ожидается в 2025 г., палубный многоцелевой истребитель *HAL TEDBF*¹⁸ и *HAL AMCA (Advanced Medium Combat Aircraft)*, который можно назвать наиболее амбициозным индийским военно-авиационным проектом – это истребитель пятого поколения.

Ситуация в сфере индийских закупок военной авиационной техники важна не только потому, что в связи с развитием технологий управле-

14 Какую российскую авиатехнику покупают страны Азиатско-Тихоокеанского региона // ТАСС. – 2020. – 11 февраля. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/7735259> (дата обращения: 15.09.2021).

15 Russia Puts Forward MiG-35 Jet in India's Tender for Delivery of 110 Fighters // BRICS information portal. – 2021. – July 28. – URL: <http://infobrics.org/post/33808/> (дата обращения: 15.09.2021).

16 Cabinet approves procurement of 83 Tejas fighter jets in Rs 48,000 cr deal // India Today. – 2021. – January 13. – URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/pm-modi-approved-largest-indigenous-defence-deal-worth-rs-48-000-crores-1758733-2021-01-13> (дата обращения: 15.09.2021).

17 Tejas Mark II to roll out next year; high-speed trials in 2023: HAL Chief Madhavan // The Hindu. – 2021. – January 31. – URL: <https://www.thehindu.com/news/national/tejas-mark-ii-to-roll-out-next-year-high-speed-trials-in-2023-hal-chief-madhavan/article33708634.ece> (дата обращения: 15.09.2021).

18 Atma Nirbhar defence: Indigenous projects to look out for at Aero India 2021 // The Week. – 2021. – February 3. – URL: <https://www.theweek.in/news/india/2021/02/03/atma-nirbhar-defence-indigenous-projects-to-look-out-for-at-aero-india-2021.html> (дата обращения: 15.09.2021).

мого вооружения авиация приобрела важнейшую роль для современного театра военных действий, стала способна самостоятельно решать задачи по разгрому противника [Валецкий, 2015, с. 137], но и потому, что она довольно показательна и отражает те тенденции, которые характерны для индийского рынка вооружений в целом.

Во-первых, как показывает ситуация с тендером *MMRCA* на закупку среднего многофункционального боевого самолета, по результатам которого был заключен договор на поставку французских самолетов *Dassault Rafale*, и объявленным в 2018 г. *MMRCA 2.0*, результатом которого должна стать закупка еще 114 истребителей, крупный индийский рынок вооружений очень привлекателен для ведущих стран-экспортеров военной техники, и российским производителям предстоит серьезная борьба за него. В этой борьбе роль будут играть и качество самой предлагаемой военной техники, и экономические условия сделок, и готовность поставщиков к трансферу определенных технологий, и международно-политические факторы (о роли которых речь пойдет ниже). Так или иначе, ситуация середины 1990-х – начала 2000-х годов, когда российская военная техника по соотношению цена/качество была практически безальтернативной для Индии, ушла в прошлое.

Во-вторых, сравнение количества заказанных у *HAL* самолетов *Tejas* (83)

и самолетов, которые должны быть закуплены у зарубежных производителей по результатам тендера *MMRCA 2.0* (114), показывает, что объемы закупок самолетов за рубежом и у отечественного производителя уже вполне сопоставимы. При этом *Tejas* – это легкий истребитель, имеющийся у Индии Су-30МКИ – тяжелый, а тендер объявлен на средний истребитель. То есть по структуре закупок вполне ясно прослеживается стратегия индийского руководства в области вооружений – закупать только то, чего нет в наличии и что страна (пока) не в состоянии производить самостоятельно.

Аналогичные процессы происходят и в области военно-морской техники. Например, если в 1990-е приобретение у России тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Горшков» (получившего наименование *Vikramaditya*) с последующей его перестройкой было оптимальным решением для Индии, которая нуждалась в какой-либо замене выведенного из состава флота Индии в 1997 г. авианосца *Vikrant*, то сегодня Индия самостоятельно (но при помощи ряда иностранных, в том числе российских, предприятий) строит современный авианосец, также получивший имя *Vikrant*, который поступил в состав индийского ВМФ в 2022 г., а в стадии разработки находится еще более передовой авианосец *Vishal*, завершение постройки которого ожидается в 2030-е годы¹⁹ и который заменит корабль *Vikramaditya* в индийском флоте²⁰. При этом сотрудничество России и

19 Navy's second home-built carrier will be nuclear, but will come only in 2030s // Business Standard. – 2016. – November 7. – URL: https://www.business-standard.com/article/specials/navy-s-second-home-built-carrier-will-be-nuclear-but-will-come-only-in-2030s-116110600818_1.html (дата обращения: 15.09.2021).

20 Navy to get aircraft carrier Vikrant, missile destroyer Visakhapatnam in 2021 // Hindustan Times. – 2021. – April 27. – URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/navy-to-get-aircraft-carrier-vikrant-missile-destroyer-visakhapatnam-in-2021-101619498533809.html> (дата обращения: 15.09.2021).

Индии в сфере военно-морской техники не прекратилось: так, по заказу Индии строятся фрегаты проекта 1356²¹, но поставки российской военно-морской техники теперь являются для Индии скорее дополнением собственной программы военно-морского строительства, возможностью относительно быстрого пополнения состава флота, а не основным способом получения современных военных кораблей.

Новые тенденции в индийском импорте военной техники

Очевидно, что Индия, страна с одной из крупнейших в мире армий и находящаяся в весьма напряженных отношениях с соседними Китаем и Пакистаном, стремится к развитию собственного ВПК, то есть к своего рода импортозамещению в военно-промышленной сфере. Эта тенденция явствует и из того факта, что при заключении контрактов на закупку вооружений (в том числе самолетов Су-30МКИ и танков Т-90С) Индия всегда стремилась не просто приобрести технику, но и локализовать ее производство, получить лицензии на производство тех или иных видов военной техники, а значит, доступ к проектной документации, технологиям. Кроме того, значительное место отведено ВПК и в запущенной премьер-министром Нарендрой Модии масштабной программе *Make in India*, старт которой был дан в 2014 г. Одна из целей программы в военно-промыш-

ленной сфере – повысить долю производимых в Индии компонентов закупаемых вооружений с нынешних 10 до 50% [The Military Balance 2021, 2021, р. 311; Defense Acquisition Procedure, 2020]. Это вполне объяснимо: страна, претендующая на роль как минимум региональной державы, не может полагаться только на поставки вооружений из-за рубежа – она должна производить их самостоятельно. В этом смысле показателен пример Китая, который в конце XX – начале XXI в. перешел от статуса импортера сначала советских (до начала советско-китайских противоречий), а затем и российских вооружений к самостоятельному производству современных вооружений и их экспорту²². Движение Индии в аналогичном направлении лежит в русле популярного у нынешнего индийского руководства лозунга-программы *Atmanirbhar Bharat* – «самодостаточная Индия». Возможно, самодостаточность в военно-технической сфере не является для Индии вопросом ближайшей перспективы, учитывая технологические сложности, определенные политические и социальные факторы и т.д., но, так или иначе, Индия, без всяких сомнений, будет продолжать двигаться по пути развития собственного военно-промышленного комплекса. В рамках этой политики локализации производства правительство Индии подготовило перечень из 101 наименования военной техники, покупка которой за рубежом запрещена²³. Перечень был опубликован 9 августа 2020 г., а чуть менее чем через год, 31 мая

21 Судозавод «Янтарь» начал подготовку к возобновлению строительства двух фрегатов проекта 11356 для ВМС Индии // Интерфакс-АВН. – 2018. – 13 декабря. – URL: <https://www.militarynews.ru/story.asp?rid=1&nid=497689&lang=RU> (дата обращения: 15.09.2021).

22 Это, однако, не означает, что Китай полностью прекратил закупки вооружений: он занимает второе после Индии место в структуре российского экспорта вооружений. – Прим. авт.

23 Roblin S. Here's Why India Is Banning Imports Of 101 Different Weapon Systems // Forbes. – 2020. – August 10. – URL: <https://www.forbes.com/sites/sebastianroblin/2020/08/10/heres-why-india-is-banning-imports-of-101-different-weapons/?sh=2a09fabe94dc> (дата обращения: 20.04.2022).

2021 г., Министерство обороны Индии опубликовало новый перечень, который расширил ограничения по закупке на еще 108 наименований военной техники²⁴. Наконец, 7 апреля 2022 г. был опубликован третий по счету список «позитивной коренизации» (*positive indigenization list*, официальное название документа), в который вошло еще 101 наименование военной техники, импорт которой должен быть заменен отечественным производством²⁵. Таким образом, за три года Индия выразила намерение отказаться от импорта в общей сложности 310 видов вооружений. Это свидетельствует о последовательном курсе на импортозамещение в военно-технической сфере. Успехи страны на пути создания передовых современных вооружений, по всей видимости, будут означать закрытие тех или иных секторов индийского рынка вооружений для зарубежного импорта, поскольку очевидно, что при наличии, например, собственного конкурентоспособного истребителя пятого поколения Индия не будет нуждаться в его приобретении за рубежом. В перспективе Индия сама стремится стать крупным экспортером вооружений, повторив путь Китая, а также Японии, которая в последнее время тоже стала пытаться наладить экспорт собственных вооружений²⁶. В 2016 г. премьер-министр Индии

Нарендра Модии поставил амбициозную задачу поднять индийский экспорт вооружений в 20 раз, доведя его объем до 3 млрд долларов к 2025 г.²⁷ Для российских поставщиков это будет означать постепенное, но неуклонное сжатие индийского рынка вооружений, ограничение их экспортных возможностей рамками, с одной стороны, высокотехнологичного оружия, которое Индия (пока) не в состоянии производить самостоятельно, а с другой – простого и надежного оружия, производство которого Индии проще локализовать у себя, нежели вкладывать средства в его разработку с нуля.

При этом индийский подход к закупкам вооружений вполне прагматичен и обусловлен в первую очередь задачей обеспечения национальной безопасности – там, где иностранные поставщики могут предложить качественную военную технику, собственных аналогов которой у Индии или нет, или их производство слишком дорого в сравнении с зарубежными образцами, Индия готова приобретать такую иностранную технику. Такова, например, ситуация с российскими зенитно-ракетными комплексами (ЗРК) С-400 «Триумф». Межправительственное соглашение о закупке С-400 было подписано в 2016 г.²⁸, а сам контракт на поставку пяти полков С-400 был за-

24 MoD notifies 'Second Positive Indigenisation List' of 108 items to promote self-reliance & defence exports // Press Information Bureau Government of India. – 2021. – May 31. – URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1723148> (дата обращения: 20.04.2022).

25 Peri D. Defence Ministry notifies 3rd positive indigenisation list // The Hindu. – 2022. – April 7. – URL: <https://www.thehindu.com/news/national/defence-ministry-notifies-3rd-positive-indigenisation-list/article65299040.ece> (дата обращения: 20.04.2022).

26 Несмотря на довольно скромные успехи Японии в качестве экспортера вооружений, сама тенденция представляет больший интерес, учитывая, что одним из основных потенциальных покупателей японской военной техники может стать Индия. Подробнее об этом см.: [Парамонов, 2020].

27 India wants to be one of the world's biggest arms exporters // Mint. – 2016. – January 28. – URL: <https://www.livemint.com/Politics/uymwd8zmTQZORzBRdErzpl/Indias-3-billion-armsexport-goal-puts-China-in-Narendra-M.html> (дата обращения: 15.09.2021).

28 Россия и Индия подписали соглашение о поставках С-400 // РИА Новости. – 2016. – 15 октября. – URL: <https://ria.ru/20161015/1479294819.html> (дата обращения: 15.09.2021).

ключен спустя два года²⁹. Сумма сделки составила почти 5,5 млрд долларов; таким образом, поставка С-400 стала одной из крупнейших в истории российско-индийского военно-технического сотрудничества, наряду со сделками на поставку самолетов Су-30МКИ и авианосца *Vikramaditya*³⁰. Интересно, что индийское руководство пошло на закупку российских систем, несмотря на наличие собственных зенитно-ракетных комплексов *Akash* и *Prithvi* (как уже существующих, так и находящихся в стадии разработки), а также на риск санкций со стороны США в рамках Закона «О противодействии противникам Америки с помощью санкций» (*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, CAATSA*). Очевидно, что приобретение российских ЗРК, являющихся одними из наиболее передовых в мире, объясняется их высокими техническими характеристиками, благодаря которым они заслужили превосходные оценки индийских специалистов³¹. Не вызывает сомнений та исключительная роль, которую в современной войне играют авиация (в том числе беспилотная) и ракетная техника, а также, соответственно, противостоящие им системы ПВО. Поэтому неудивительно, что, имея в качестве двух основных потенциальных противников Китай и Пакистан, две ядерные державы, обла-

дающие к тому же развитой современной авиацией, Индия стремится обзавестись передовыми системами ПВО как можно скорее, не дожидаясь разработки собственных зенитно-ракетных систем, аналогичных российским. При этом сама задача разработки таких аналогов отнюдь не снимается с повестки дня.

Аналогичные процессы происходят и в сфере бронетехники. В апреле 2019 г. Комитет по безопасности правительства Индии одобрил сделку по закупке 464 новейших российских танков Т-90МС³², несмотря на наличие индийского танка *Arjun*. Первые танки *Arjun* стали поступать в индийскую армию еще в 2004 г.³³, но до сих пор в структуре бронетехники индийской армии они представлены более чем скромно – всего 122 машины различных версий из 3 640 основных боевых танков, имеющихся в распоряжении индийской армии (остальные танки советского и российского производства) [The Military balance 2021, 2021, р. 260]. По всей видимости, несмотря на большую важность танковых войск для индийской обороноспособности, многолетние попытки индийских конструкторов создать конкурентоспособный современный основной боевой танк пока не увенчались успехом. И хотя 23 сентября 2021 г. индийское оборонное ве-

29 Россия и Индия подписали контракт на поставку С-400. Обобщение // Интерфакс. – 2018. – 5 октября. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/632093> (дата обращения: 15.09.2021).

30 India to induct Russian S-400 missile systems from Oct 2020 // The Times of India. – 2019. – January 3. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-to-get-s-400-missile-systems-from-russia-between-october-2020-and-april-2023/article-show/67350582.cms> (дата обращения: 15.09.2021).

31 Например, военный эксперт, генерал-майор в отставке Анил Кумар Лал назвал сделку по приобретению С-400 революционной и переломным моментом (game-changer) для индийских ПВО: Why should US 'waive sanctions' against India for buying S-400 'Triumf' air defence system from Russia? (Part-1) // The Times of India. – 2021. – January 15. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/rakshakindia/why-should-us-waive-sanctions-against-india-for-buying-s-400-triumf-air-defence-system-from-russia-part-1/> (дата обращения: 15.09.2021).

32 Bedi R. India's Cabinet Committee on Security approves procurement of 464 T-90MS tanks // Janes. – 2019. – April 8. – URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/indias-cabinet-committee-on-security-approves-procurement-of-464-t-90ms-tanks> (дата обращения: 15.09.2021).

33 Joshi S. Army gets first Arjun regiment // StratPost. – 2009. – May 25. – URL: <https://stratpost.com/army-gets-first-arjun-regiment/> (дата обращения: 15.09.2021).

домство разместило заказ на производство 118 танков *Arjun* последней модификации *Mk-1A*³⁴, будущее этого танка пока туманно, во многом по причине его тяжелого веса (68 тонн против 48,5 у Т-90С), а также высокой цены³⁵ (один танк обходится в сумму около 10 млн долларов, в то время как один Т-90С – 2–2,5 млн)³⁶.

Рассмотренные выше примеры ЗРК С-400 и танка Т-90МС позволяют заключить, что для индийского руководства задача обеспечения вооруженных сил наиболее передовыми образцами военной техники является преимущественной по сравнению с задачей достижения самодостаточности в военно-технической сфере. Этот подход вполне логичен и оправдан с точки зрения задач национальной безопасности, и исходя из этого можно предположить, что, по крайней мере, в ближайшей перспективе Индия продолжит в значительной мере рассчитывать на закупки вооружений у зарубежных поставщиков в тех сферах, где иностранная военная техника не имеет индийских аналогов или превосходит таковые.

Таким образом, рассмотренные выше примеры совершенно ясно показывают, что стратегия индийского руководства в деле обеспечения войск современными вооружениями и военной техникой направлена на преимущественное развитие собственного ВПК Индии с целью замещения ино-

странной военной техники в структуре вооружений индийских войск индийскими аналогами. Именно эта тенденция будет оказывать ключевое влияние на индийский рынок вооружений. Исходя из этой главной задачи, в военно-техническом сотрудничестве с другими странами Индия стремится к переходу от традиционных поставок готовой военной техники к инвестициям в индийскую военную промышленность. Именно это направление выделено в качестве приоритетного правительство Индии, в связи с чем лимит на долю прямых иностранных инвестиций в местное оборонное производство был увеличен с 49 до 74% [The Military balance 2021, 2021, p. 228]. Помимо привлечения инвестиций важным направлением в деле обеспечения индийских войск современными вооружениями остается и локализация производства передовых образцов иностранной военной техники. Одним из успешных примеров взаимодействия России и Индии по этой модели на современном этапе является подписанный в ходе визита президента России В. Путина и министра обороны С. Шойгу в Индию 6 декабря 2021 г. контракт на организацию производства в этой стране свыше 600 тыс. российских автоматов АК-203, в соответствии с которым в перспективе планируется 100%-ная локализация производства автоматов³⁷. Это именно та модель военно-технического сотрудничества, к которой стремится сегодня

34 MoD places supply order for 118 Main Battle Tanks Arjun Mk-1A for Indian Army Big boost to 'Aatmanirbhar Bharat' // Press Information Bureau Government of India. – 2021. – September 23. – URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1757320> (дата обращения: 15.09.2021).

35 Bedil R. Why the Arjun MK-1A Main Battle Tank May Prove to Be a Costly Mistake for the Army // The Wire. – 2021. – February 25. – URL: <https://thewire.in/government/defence-arjun-mk-1a-main-battle-tanks-indian-army> (дата обращения: 15.09.2021).

36 Snehes A.P. Why the Army's order for 118 Arjuns is its last despite being India's most potent tank // The Print. – 2021. – February 26. – URL: <https://theprint.in/opinion/brahmastra/why-the-armys-order-for-118-arjuns-is-its-last-despite-being-indias-most-potent-tank/611917/> (дата обращения: 15.09.2021).

37 В ходе российско-индийского саммита состоялось подписание контракта на производство в Индии автоматов АК-203 // Группа компаний «Калашников». – 2021. – 6 декабря. – URL: https://kalashnikovgroup.ru/press-center/news/v_khode_rossijsko-indijskogo_sammita_sostoyalos_podpisanie_kontrakta_na_proizvodstvo_v_indii_avtomat (дата обращения: 15.12.2021).

индийское руководство и которая наиболее перспективна для тех стран, которые хотят присутствовать на индийском рынке вооружений в дальнейшем.

Однако специфика рынка вооружений состоит в том, что его конъюнктура зависит не только от сугубо экономических факторов, но и в не меньшей (если не в большей) мере от факторов политических. В наиболее явном виде это свойство рынка вооружений наблюдалось в период холодной войны, когда страны, входящие в тот или иной глобальный лагерь (капиталистический или социалистический), приобретали вооружения у стран, также входивших в этот лагерь. Сегодня принадлежность к тому или иному наднациональному объединению, как правило, не играет столь важной роли при закупке вооружений, однако очевидно, что влияние международных отношений на структуру рынка вооружений не только сохраняется, но и приобретает новый импульс в современном мире.

Фактор Quad

Как одна из стран – основательниц Движения неприсоединения, Индия традиционно воздерживается от членства в каких-либо военных блоках. При этом нельзя исключать, что на определенном этапе внешнеполитическая обстановка может подтолкнуть Индию если и не к вступлению в некое подобие военно-политического блока, то, по крайней мере, к более тесному сотрудничеству (в том числе и в военно-технической сфере) с государствами, которые окажутся близки Индии с точки зрения общих подходов к наиболее актуальным для нее мировым и региональным проблемам. К числу таких проблем для Индии, безусловно, относится усиление влияния Китая. Рост китайского влияния вызы-

вает обеспокоенность не только у Индии, и в этой связи очевидно наметилось создание коалиции стран, заинтересованных в сдерживании Китая. Практическим результатом этого стало оформление так называемого четырехстороннего диалога по безопасности» (*Quadrilateral Security Dialogue, Quad*), история которого началась в 2004 г. [Rudd, 2021]. Пока «диалог» является лишь неформальным объединением, однако в 2020 г. Майк Помпео (тогда госсекретарь США) прямо заявил о желании Вашингтона институционализировать эту группу с целью «противостоять тому вызову, который представляет Коммунистическая партия Китая для всех нас» [Rudd, 2021]. Если противостояние с Китаем будет сохраняться, *Quad*, очевидно, начнет приобретать еще более осязаемые формы.

Существование *Quad* и его потенциальное влияние на рынок вооружений необходимо рассматривать в более широком контексте чрезвычайной популярной в современной Индии концепции Индийско-Тихоокеанского региона (ИТР). Рамки данной статьи не позволяют углубиться в теоретические аспекты данной концепции, достаточно будет сказать, что она очевидным образом бросает вызов более традиционному и устоявшемуся понятию Азиатско-Тихоокеанского региона, подчеркивая роль стран, входящих в *Quad*, в том числе Индии. Концепция ИТР, несмотря на ее растущую популярность как в самой Индии, так и в других странах, относимых к этому региону, довольно условна и расплывчата, но, возможно, именно с этими свойствами в значительной мере и связана ее популярность – отсутствие конкретики в определении принципов и целей объединения стран в умозрительном пространстве ИТР позволяет тем или иным политикам и аналитикам интерпретировать эту концепцию

по-своему. Однако можно согласиться с теми экспертами (см., например, [Rajagopalan, 2020]), которые считают, что помимо экономических, исторических, культурных составляющих концепция Индо-Пацифики значима для Индии в первую очередь в стратегическом аспекте, а именно как возможность сдерживания растущей мощи Китая совместно с другими странами региона.

В России к концепции ИТР относятся настороженно: министр иностранных дел Сергей Лавров прямо заявил, что Запад «пытается втянуть ее [Индию] в антикитайские игры, продвигая индо-тихоокеанские стратегии, пытается резко ослабить наши теснейшие партнерские, стратегические, привилегированные отношения с индийцами»³⁸. Противостояние Индии и Китая накладывает определенный отпечаток и на российско-индийские отношения, и для индийской стороны российская позиция далеко не всегда выглядит непредвзятой и независимой. Например, Раджроши Рой, аналитик Института оборонных исследований и аналитики имени Манохара Паррикара, в своей статье «Индия, Россия и Индийско-Тихоокеанский регион: поиски согласия» высказал мнение о том, что российское сопротивление концепции ИТР связано с тем критически важным значением, которое имеет поддержка Пекина для российского сопротивления западному давлению [Roy, 2021]. Именно исходя из этого Россия оказывает всё более активную дипломатическую поддержку Китаю в ключевых для него

областях, считает индийский эксперт. Профессор Центра мира и разрешения конфликтов Анита Индер Сингх назвала связи с Россией «обоюдоострым мечом», так как, по ее мнению, Россия не будет поддерживать Индию в индийско-китайском противостоянии, поскольку для России гораздо важнее вместе с Китаем, который является ее стратегическим партнером, противостоять главенству США в мире. В своей статье она образно называет отношения с США, Россией и Китаем «натянутым канатом», по которому идет Индия. Автор рассматривает сложные взаимоотношения, в которых находятся Индия, Китай, Россия и США, и приходит к выводу, что не вполне ясно, удастся ли Индии сохранять дружественные отношения и с Россией, и с США, принимая во внимание напряженные отношения США и России и тесные связи России с Китаем³⁹. При этом большое внимание в статье уделено несопоставимости масштабов экономического сотрудничества России с Китаем и Индией. На диспропорциях в экономическом сотрудничестве России и Китая делает акцент и редактор издания *ThePrint* Джйоти Малхотра в статье «Ладакх показывает, что Россия не будет выбирать между Индией и Китаем. Она этого не хочет» и приходит к выводу, что Китай и Россия подтолкнул Дели ближе к «свободному миру», то есть к США и их союзникам⁴⁰.

Таким образом, рассмотренные выше публикации индийских авторов свидетельствуют о том, что, несмотря

38 Лавров заявил, что Запад давит на Индию в вопросах БТК с Россией // ТАСС. – 2020. – 8 декабря. – URL: <https://tass.ru/politika/10197201> (дата обращения: 15.09.2021).

39 Singh A.I. A US-Russia-China tightrope: In a complex, changing world, countering China is a multifaceted problem for India // *The Times of India*. – 2021. – January 10. – URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/toi-edit-page/a-us-russia-china-tightrope-in-a-complex-changing-world-countering-china-is-a-multifaceted-problem-for-india/> (дата обращения: 22.04.2022).

40 Malhotra J. Ladakh shows Russia won't choose between India and China. It doesn't want to // *The Print*. – 2020. – January 26. – URL: <https://theprint.in/opinion/global-print/ladakh-shows-russia-wont-choose-between-india-and-china-it-doesnt-want-to/592085/> (дата обращения: 15.09.2021).

ря на уникальный характер российско-индийских отношений, который неизменно подчеркивается дипломатами и политическими лидерами обеих стран, в индийском экспертно-аналитическом сообществе существуют значительные опасения относительно перспектив этих отношений в свете тесных экономических связей России и Китая и близости их позиций по международно-политическим вопросам.

Тот факт, что взгляд на Россию преимущественно как на партнера Китая в последнее время получил достаточно большое распространение в Индии, весьма показателен. «Китайский фактор» может повлиять на индийский рынок вооружений. Если в Нью-Дели будут считать, что Россия слишком тесно связана с Китаем в ущерб интересам страны, то Индия может продолжить сближение с партнерами по *Quad* уже не только в политической, но и в военно-технической сфере, что может непосредственно сказаться на российско-индийском военно-техническом сотрудничестве. Политические факторы здесь нельзя недооценивать – прекрасным примером самого непосредственного влияния политических альянсов на рынок вооружений может служить ситуация с разрывом сделки между Австралией и Францией по закупке французских подводных лодок на сумму около 90 млрд долларов после объявления о вступлении Австралии в новый военный блок *AUKUS*⁴¹.

Благодаря вступлению в военный альянс с Великобританией и США, Австралия получит возможность строить атомные подводные лодки, что делает неактуальной для нее покупку дизельных субмарин у французской компании *Naval Group*⁴².

Пример Австралии и *AUKUS* (который, по признанию руководителей входящих в него стран, также нацелен в первую очередь на обеспечение их интересов в Индийско-Тихоокеанском регионе⁴³), показывает, что политические альянсы и сегодня могут играть определяющую роль для рынка вооружений. Велика вероятность того, что интенсификация взаимодействия Индии и ее партнеров по *Quad* приведет и к активизации военно-технического сотрудничества между ними. Предпосылки для этого есть: военно-техническое сотрудничество между Индией и США поступательно развивается с начала 2000-х годов, и за это время создана значительная нормативно-правовая база в этой области, которая, однако, долгое время не воплощалась в конкретные крупные проекты (подробнее см. [Борисов, 2019]). Сегодня есть признаки того, что ситуация начинает меняться. Так, в сентябре 2021 г. в рамках принятой в 2012 г. Инициативы в области оборонных технологий и торговли вооружениями (*Defense Technology and Trade Initiative, DTTI*) США и Индия заключили договор о совместной разработке беспилотных летательных аппа-

41 Hurst D. The nuclear option: why has Australia ditched the French submarine plan for the Aukus pact? // The Guardian. – 2021. – September 17. – URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/sep/18/the-nuclear-option-why-has-australia-ditched-the-french-submarine-plan-for-the-aukus-pact> (дата обращения: 22.04.2022).

42 Франция решила отозвать послов из США и Австралии после создания AUKUS // Интерфакс. – 2021. – 17 сентября. – URL: <https://www.interfax.ru/world/792088> (дата обращения: 17.09.2021).

43 Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom Announcing the Creation of AUKUS // The White House. – 2021. – September 15. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/> (дата обращения: 15.12.2021).

ратов воздушного базирования⁴⁴. Также в сентябре 2021 г. представитель британской компании *Rolls-Royce* сделал заявление о том, что компания готова к участию в совместной с Индией разработке двигателя для будущего индийского истребителя пятого поколения⁴⁵. Все это свидетельствует о растущем интересе к индийскому рынку со стороны западных производителей военной техники и вооружений, причем важно и то, что речь идет именно об авиационном сегменте индийского рынка вооружений, где ранее были особенно прочны позиции СССР, а затем и России.

Также интересно, что если Россия в военно-техническом сотрудничестве с Индией, как правило, осуществляла поставки уже существующих образцов военной техники (хотя и с ее модернизацией в соответствии с пожеланиями заказчика и организацией производства техники на индийских предприятиях по лицензионным соглашениям), то американские и британские производители и разработчики вооружений готовы к совместной с индийскими партнерами разработке военной техники, то есть к тому уровню взаимодействия, который является приоритетным для Индии с точки зрения достижения целей программы *Make in India* и процедуры оборонных закупок, утвержденной Министерством обороны Индии [Defense Acquisition Procedure, 2020].

Наконец, влияние на российско-индийское сотрудничество в военно-технической сфере может оказать и конфликт на Украине. Несмотря на то, что Индия заняла сдержанную позицию в данном вопросе и не присоединилась к санкциям против России, с высокой долей вероятности можно предположить, что страны Запада будут принимать попытки повлиять на индийскую позицию, в том числе в отношении закупок Индией российских вооружений. Очевидно, что какое-либо давление на Индию в этом вопросе будет непродуктивно, и индийское руководство будет действовать исходя в первую очередь из интересов обеспечения обороноспособности страны. Вместе с тем в середине апреля 2022 г. Индия неожиданно приняла решение отказаться от планов по закупке 48 российских вертолетов Ми-17⁴⁶; формально решение было принято в целях поддержки программы *Make in India* и задолго до начала конфликта, однако это никак не объясняет непоследовательности такого решения. Вне зависимости от подлинных причин отказа от закупок российского вертолета оно стимулировало активизацию планов по разработке аналогичного индийского вертолета силами компании *Hindustan Aeronautics Limited*⁴⁷, что является еще одним подтверждением приверженности руководства Индии курсу на всестороннее развитие отечественного ВПК.

44 India, U.S. signed co-development agreement for Air-Launched Unmanned Aerial Vehicle: Defence Ministry // The Hindu. – 2021. – September 3. – URL: <https://www.thehindu.com/news/international/india-us-signed-co-development-agreement-for-air-launched-unmanned-aerial-vehicle-defence-ministry/article36268029.ece> (дата обращения: 15.09.2021).

45 Rolls Royce Ready To Partner With DRDO To Manufacture AMCA Engines // Indian Defense News. – 2021. – September 17. – URL: <http://www.indiandefensenews.in/2021/09/rolls-royce-ready-to-co-develop-with.html> (дата обращения: 15.09.2021).

46 To boost Make in India, IAF cancels plans to buy 48 Mi-17 choppers from Russia // India Today. – 2022. – April 16. – URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/make-in-india-iaf-mi-17-choppers-russia-1938341-2022-04-16> (дата обращения: 22.04.2022).

47 India Scraps Planned Purchase of 48 Russian Helicopters // The Defense Post. – 2022. – April 21. – URL: <https://www.thedefensepost.com/2022/04/21/india-scraps-purchase-russian-helicopters/> (дата обращения: 22.04.2022).

* * *

Таким образом, в целом военно-техническое сотрудничество России и Индии на сегодняшний день находится на достаточно высоком уровне, и Россия сохраняет статус крупнейшего поставщика вооружений для Индии. Вместе с тем сокращение объемов ВТС между двумя странами в последние годы, особенно в области авиационной техники, является признаком наметившихся проблем. Анализ тенденций развития индийского ВПК и рынка вооружений показывает, что в средне- и долгосрочной перспективах на индийский рынок вооружений будет оказывать влияние ряд факторов как сугубо технического и экономического, так и международно-политического характера, с которыми столкнутся российские экспортеры вооружений.

Прежде всего, абсолютной доминантой для Индии будет являться развитие военного производства как для обеспечения собственных военных нужд, так и для превращения страны из импортера вооружений в их экспортера. Очевидно, что успехи в достижении этой задачи будут означать неуклонное снижение зависимости Индии от внешних поставок вооружений для обеспечения безопасности страны, а также возможно и сокращение объемов индийских закупок вооружений на внешних рынках. Как видно из рассмотренных выше примеров рынка военной авиации, бронетехники и систем ПВО, Индия заинтересована в закупках вооружений только в тех секторах, в которых (пока) нет соответствующих отечественных аналогов или эти аналоги по своим характеристикам значительно уступают той военной технике, которую могут предложить иностранные поставщики.

Что касается сохраняющегося в этих условиях рынка импортных вооружений, то, как показывает затронутая

выше история индийских тендеров на закупку средних многофункциональных истребителей, этот рынок будет характеризоваться острой конкуренцией ведущих мировых производителей вооружений, заинтересованных в заказах из Индии. В этих условиях преимуществом российского военного экспорта будет богатая история военно-технического сотрудничества двух стран, а также налаженная за время этого сотрудничества инфраструктура, в значительной мере ориентированная именно на российскую технику. Однако эти факторы вряд ли можно считать определяющими и преувеличивать их значение не стоит.

Наконец, значительное влияние на индийский рынок вооружений может оказать и международно-политическая ситуация. Противостояние Индии с Китаем подталкивает ее к усилению контактов со странами, разделяющими озабоченность Индии растущим влиянием Китая, в первую очередь с партнерами по *Quad*. Расширение сотрудничества с США, Японией, Австралией и их союзниками (например, Великобританией как членом блока *AUKUS*) вполне логично может распространиться и на сферу военно-технического сотрудничества. Как было показано выше, определенные шаги в этом направлении уже были предприняты. При этом тесные связи России и Китая могут негативно сказаться на позициях России на индийском рынке вооружений.

Тенденции индийского военного производства и рынка вооружений показывают, что наиболее перспективным направлением военно-технического сотрудничества Индии с другими странами на сегодняшний день является совместная разработка и производство передовых систем вооружений, переход от традиционных поставок готовой военной техники к инвестициям в индийскую военную промышленность.

ленность. Таким образом, наибольшие шансы на успешное военно-техническое сотрудничество с Индией будут иметь те страны, которые готовы стать «донорами» перспективных военных технологий для Индии и вместе с ней работать над созданием передовых типов вооружений, тем самым способствуя достижению главной цели индийского руководства в области военной промышленности – достижения самодостаточности в производстве военной продукции.

Список литературы

Борисов Т. Индия и США: сотрудничество в сфере военных технологий // Российский совет по международным делам. – 2019. – 20 августа. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/india-i-ssha-sotrudnichestvo-v-sfere-voennykh-tehnologiy/> (дата обращения: 22.04.2022).

Валецкий О.В. Оружие современных войн: Боеприпасы, системы управляемого вооружения и меры противодействия их применению. – Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры, 2015. – 264 с.

Парамонов О. Военный экспорт Японии: долгая дорога к скромным успехам // Российский совет по международным делам. – 2020. – 28 октября. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennyj-eksport-yaponii-dolgaya-doroga-k-skromnym-uspekham/> (дата обращения: 22.04.2022).

Defense Acquisition Procedure // Government of India, Ministry of defense, 2020. – URL: https://www.mod.gov.in/dod/sites/default/files/DAP2030new_0.pdf (дата обращения: 22.04.2022).

Rajagopalan R. Evasive Balancing: India's Unviable Indo-Pacific Strategy //

International Affairs. – 2020. – Vol. 96, N 1. – P. 75–93.

Roy K. Equipping Leviathan: Ordnance Factories of British India, 1859 – 1913 // War in History. – 2003. – Vol. 10, N 4. – P. 398–423. – DOI: 10.1191/0968344503wh278oa (дата обращения: 22.04.2022).

Roy R. India, Russia and the Indo-Pacific: A Search for Congruence // Manohar Parrikar Institute for Defense Studies and Analyses. – 2021. – URL: <https://idsa.in/idsacomments/india-russia-and-the-indo-pacific-roy-030221> (дата обращения: 22.04.2022).

Rudd K. Why the Quad Alarms China // Foreign Affairs. – 2021. – August 6. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-06/why-quad-alarms-china> (дата обращения: 22.04.2022).

SIPRI Yearbook 2020. Armaments, disarmament and international security summary // Stockholm International Peace Research Institute. – Stockholm, 2020. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-06/yb20_summary_en_v2.pdf (дата обращения: 22.04.2022).

SIPRI Yearbook of world armaments and disarmament 1968/69 // Stockholm International Peace Research Institute. – Stockholm, 1969. – URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI%20Yearbook%201968-69.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).

The Military Balance 2021 // The International Institute for Strategic Studies (IISS). February 25, 2021. – London: Routledge. – URL: <https://www.routledge.com/The-Military-Balance-2021/IISS/p/book/9781032012278> (дата обращения: 22.04.2022).

Wezeman P., Wezeman S., Kuimova A. Trends in international arms transfers // SIPRI Fact Sheet, 2020. – 12 p. – URL: https://sipri.org/sites/default/files/2021-03/fs_2103_at_2020.pdf (дата обращения: 22.04.2022).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.08

Arms Market of India: History and Prospects

Georgy D. VLASOV

Researcher, Center of Interdisciplinary Studies

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences
117418, 51/21 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, Russian Federation

E-mail: vlasov.georgii@inion.ru

ORCID: 0000-0001-7550-9598

CITATION: Vlasov G.D. (2022). Arms Market of India: History and Prospects.

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 15, no. 2,
pp. 154–172 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.08

Received: 11.10.2021.

Revised: 25.04.2022.

ABSTRACT. *The article presents the history, the current state and the prospects of the Indo-Russian cooperation in the military and technical sphere as well as the impact of the trends in the defense industry of India and international political factors, which directly or indirectly affect the Indian arms market. Russia historically holds a strong position in the Indian arms market and remains the main India's partner in the military and technical field. However, recently there has been a decline in the sale of the Russian arms to India. On the one hand it is related to the increased competition in the Indian arms market. On the other hand, it is the desire of India to develop its own defense industry and to transform from being an importer to be an exporter of the arms. What is more, in the future the international political factors can influence the Indian arms market. This refers primarily to the tensions between China and India and the rapprochement between India and the countries that together with In-*

dia form the Quadrilateral Security Dialogue (Quad).

KEYWORDS: *India, Russia, military-technical cooperation, defense industry, Asia-Pacific Region, Indo-Pacific, aviation, armored vehicles, navy, AUKUS, Quad.*

References

Borisov T. (2019). India and the United States: cooperation in the field of military technologies. *RIAC*, August 20. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-i-ssha-sotrudnichestvo-v-sfere-voennoy-tehnologii/>, accessed 22.04.2022.

Paramonov O. (2020). Military export of Japan: long way to modest success. *RIAC*, October 28. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voennyy-eksport-yaponii-dolgaya-doroga-k-skromnym-uspekham/>, accessed 22.04.2022.

Defense Acquisition Procedure (2020). *Government of India, Ministry of defense*. Available at: https://www.mod.gov.in/dod/sites/default/files/DAP2030new_0.pdf, accessed 22.04.2022.

Rajagopalan R. (2020). Evasive Balancing: India's Unviable Indo-Pacific Strategy. *International Affairs*, vol. 96, no. 1, pp. 75–93.

Roy K. (2003). Equipping Leviathan: Ordnance Factories of British India, 1859–1913. *War in History*, November, vol. 10, no. 4, pp. 398–423. DOI: 10.1191/0968344503wh278oa.

Roy R. (2021). *India, Russia and the Indo-Pacific: A Search for Congruence*. Manohar Parrikar Institute for Defense Studies and Analyses. Available at: <https://idsa.in/idsacomments/india-russia-and-the-indo-pacific-rroy-030221>, accessed 22.04.2022.

Rudd K. (2021). Why the Quad Alarms China. *Foreign Affairs*, August 6. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-06/why-quad-alarms-china>, accessed 22.04.2022.

SIPRI Yearbook 2020 (2020). Armaments, disarmament and international security summary // *Stockholm International*

Peace Research Institute, Stockholm. Available at: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-06/yb20_summary_en_v2.pdf, accessed 22.04.2022.

SIPRI Yearbook of world armaments and disarmament 1968/69 (1969). *Stockholm International Peace Research Institute*, Stockholm. Available at: <https://www.sipri.org/sites/default/files/SIPRI%20Yearbook%201968-69.pdf>, accessed 22.04.2022.

The Military Balance 2021 (2021). *The International Institute for Strategic Studies (IISS)*, February 25, London: Routledge. Available at: <https://www.routledge.com/The-Military-Balance-2021/IISS/p/book/9781032012278>, accessed 22.04.2022.

Valetsii O.V. (2015). *Weapons of modern wars: Ammunition, guided weapon systems and measures to counter their use*. Pushkino: Tsentr strategicheskoi kon'yunktury. 264 pp. (in Russian).

Wezeman P., Wezeman S., Kuimova A. (2020). *Trends in international arms transfers*. SIPRI Fact Sheet, 12 pp. Available at: https://sipri.org/sites/default/files/2021-03/fs_2103_at_2020.pdf, accessed 22.04.2022.

Сфера науки и высшего образования

DOI: 10.31249/kgf/2022.02.09

Аналитические центры и научная политика Турции

Владимир Алексеевич АВАТКОВ

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник,
заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: v.avatkov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6345-3782

ЦИТИРОВАНИЕ: Аватков В.А. (2022). Аналитические центры и научная политика Турции // Контурные глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 173–190.
DOI: 10.31249/kgf/2022.02.09

Статья поступила в редакцию 30.11.2021.
Исправленный текст представлен 10.04.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются аспекты научно-аналитической деятельности современной Турецкой Республики. В частности, автор анализирует главные вехи становления турецкой науки, а также экономические сложности и другие внутривнутриполитические препятствия, тормозящие процесс ее развития. Особое внимание уделяется ключевым акторам научно-аналитического процесса Турции, в частности Организации по научно-технологическим исследованиям (TÜBİTAK), связанным с ней структурам, Верховному совету по науке и технологиям Турции (BÜYÜK), а также другим ведомствам и вспомогательным структурам. В статье приводится классификация аналитических центров, функционирующих на территории Турции, в соответствии с которой выделяются связанные с государством или партиями, идеологически ангажированные, а также условно

«независимые». Рассматриваются особенности функционирования, финансирования в Турции НКО, а также их виды. Кроме того, основываясь на мировых рейтингах ведущих аналитических центров мира, проведен обзорный анализ деятельности некоторых крупнейших или наиболее влиятельных «мозговых центров»: Центра стратегических исследований (SAM), Центра азиатских стратегических исследований (TASAM), Центра ближневосточных исследований (ORSAM), Фонда политических, экономических и общественных исследований (SETA) и Фонда экономических и социальных исследований Турции (TESEV). Автор приходит к выводу, что в настоящее время настает новый этап научно-аналитической деятельности Турецкой Республики, связанный с возникновением новых центров и расширением области их деятельности. При этом возрастает роль аналитических и дру-

гих НКО как основных проводников турецких интересов и идеологом за рубежом. В перспективе они могут использоваться Турцией для формирования лоббистских групп и трансляции выгодных Анкаре идейно-ценностных установок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Турция, наука, аналитика, аналитический центр, НКО, фонд, исследование, «мозговой центр».

После прихода к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития в Турции началась новая эпоха развития внешней и внутренней политики. Пытаясь встроиться в новую мировую политическую среду, Анкара стала выделять больший объем финансирования на развитие науки, аналитики и некоммерческого сектора.

Происходящие в этом контексте процессы четко встраиваются в идеологию туркоцентризма, где Турецкая Республика выступает в качестве хаба – центра притяжения, объединяющего Север и Юг, Запад и Восток. Именно с учетом указанного следует рассматривать попытки Турции «подстроить мир под себя» и встроиться в него.

«Мир больше пяти» (членов Совета Безопасности ООН) – это не просто лозунг президента Турции Р.Т. Эрдогана. Это попытка реформировать систему международных отношений и встроить в нее «Новую Турцию» в качестве мировой державы. В сознании руководства Турецкой Республики, прежде всего в лице президента государства, доминирует так называемый синдром ущемленности системой международных отношений, выражающийся в стремлении Турции повысить свой авторитет на мировой арене и доказать международному сообществу свою важность не только как регионального игрока, но и ключевого элемента наднациональных процессов.

Именно «синдром ущемленности» системой, ощущение недореализованности и стремление к распространению влияния толкают Анкару к развитию собственных возможностей, что требует от государства отлаженных механизмов политического прогнозирования, а следовательно, развития науки, образования, НКО и аналитического сектора.

Основы научно-аналитической деятельности Турции

Аналитика в Турции формируется на уровне государственных органов власти, в рамках вузов, организаций, аффилированных с Советом по научно-техническим исследованиям Турции (TÜBİTAK), частных компаний и НКО. Стоит отметить, что научная сфера, в особенности ее политологическая отрасль, в Турецкой Республике на протяжении долгого времени формировалась под влиянием западных воззрений. Этим, в частности, объясняется отсутствие национальных турецких научных школ и собственных подходов к ряду актуальных проблем. Подавляющее большинство распространенных в Турции подходов так или иначе отражают позицию представителей американских, британских и других ориентированных на Запад научных кругов. Одной из причин такого положения дел стала тяжелая внутривнутриполитическая ситуация в 1980–1990-е годы, лишившая Турцию возможностей для поступательного развития научной отрасли.

К примеру, в 1980 г. не прошел бесследно для турецкой науки государственный переворот, после которого в стране были запрещены любые инициативы, подразумевающие ассоциации или фонды. События 1980 г. стали краеугольным камнем в процессе развития научно-аналитических учреждений Турции: под ограничения попали

и аналитические центры, но, несмотря на это, некоторые центры создавались и в это время. В большинстве случаев их возникновение спровоцировали неолиберальные экономические реформы, а также политическая обстановка – некоторые из появившихся тогда организаций действовали в интересах представителей частного сектора, другие – в интересах правительства, пришедшего к власти после путча [Bakır, Güneş, 2018, p. 237]. Кроме того, одним из факторов, способствующих замедлению развития науки и аналитики, был серьезный экономический кризис 1990-х годов и отсутствие финансовых возможностей для совершенствования научного сектора.

Определенный сдвиг в процессе развития науки в Турции произошел лишь в конце 1990-х – начале 2000-х годов, а именно после окончания холодной войны и прихода к власти Партии справедливости и развития, ознаменовавшегося существенным перераспределением бюджета в пользу науки и осуществления научных исследований. Так, например, если в конце 1990-х годов расходы на НИОКР составляли 0,37% от ВВП, то к 2012 г. этот показатель уже достиг 0,92% [Аватков, 2018, с. 2], что спровоцировало рост количества научных и научно-аналитических центров. По разным оценкам, в период с 1960 по 1989 г. было создано 12% функционирующих по сегодняшний день организаций, с 1990 по 1999 г. – 17%, начиная с 2000-х годов – 71% [Babur, 2021, p. 7].

При этом в 2014 г. в одной из своих статей М. Шимшек, действующий вице-премьер Турции и бывший министр финансов, писал об амбициозных планах увеличить расходы на научные разработки до 3% от ВВП к 2023 г. – году столетия Республики. Тем не менее современные статистические данные свидетельствуют о доминировании в Турции процессов, обратных за-

планированным: так, например, несмотря на то, что в 2019 г. расходы на НИОКР, увеличившись на 14,6% по сравнению с предыдущим годом, составили 14,924 млрд турецких лир, их доля от ВВП составила лишь 0,35% [Central Government Budget Appropriations..., 2020]. В 2020 г. эта цифра снизилась до 0,28% от ВВП при расходованных 14,331 млрд турецких лир. Однако при этом сообщалось, что в 2021 г. Турция вновь увеличила финансирование НИОКР, выделив 18,339 млрд лир на разработки в соответствующей области [Central Government Budget Appropriations..., 2021].

Описанное выше сокращение могло быть вызвано чередой кризисов во внешней и внутренней политике. Известно, что в августе-сентябре 2020 г. турецкая национальная валюта беспрерывно ставила антирекорды, обновляя исторические минимумы после введенных США санкций, а также напряженных отношений с Европейским союзом на фоне разногласий по миграционной политике и другим политическим вопросам. Тем не менее, несмотря на пережитые сложности, научно-аналитическая деятельность Турции в те годы фактически не прерывалась. Этим Турецкая Республика во многом обязана своим первым «мозговым» и научным центрам, многие из которых были созданы еще во второй половине XX в. и заложили основу современной научно-аналитической деятельности государства.

Ключевые акторы научно-аналитического процесса Турецкой Республики

С 1963 г. в Турции функционирует Организация по научно-технологическим исследованиям. Сегодня TÜBİTAK является подведомственной Министерству промышленности и технологий

организацией и представляет собой структуру, обладающую определенной административной и финансовой автономией, среди основных задач которой первостепенное значение имеют организация, координация, продвижение исследований, а также развитие научно-технологической сферы в соответствии с целями национального экономического развития. Поддержка научных исследований во многом осуществляется за счет выдачи грантов, разрабатываемых Департаментом грантовых программ в области технологий и инноваций¹.

При этом позднее на базе *TÜBİTAK* были созданы другие исследовательские учреждения, функционирующие и сегодня. В 1968 г. в Анкаре возник Научно-исследовательский центр электроники, известный сегодня как Национальный научно-исследовательский институт электроники и криптологии (*TÜBİTAK-UEKAE*), в 1971 г. – Научно-исследовательский институт, впоследствии преобразованный в научную группу по решению научного совета *TÜBİTAK*, в 1972 г. – Исследовательский центр Мармара (*TÜBİTAK-MAM*), в 1986 г. – Национальный институт метрологии (*TÜBİTAK-UME*)². Особое внимание следует уделить двум другим аффилированным с *TÜBİTAK* структурам, занимающимся разработками в сфере активно развивающейся в Турции военной, в частности оборонной, промышленности.

Так, в 1973 г. был основан Институт исследований и разработок оборонной промышленности (*TÜBİTAK-*

SAGE), на счету которого такие изобретения: ракеты класса «воздух – воздух» *Gökdoğan* и *Bozdoğan*; крылатые авиабомбы *SARB-83*, *SERT-82* и *NEB-84*; боеприпасы для воздушно-десантных минометов и другие³. Кроме того, в 1995 г. был создан Научно-исследовательский институт информационных технологий и электроники, в настоящее время осуществляющий деятельность под названием «Научно-исследовательский институт космических технологий» (*TÜBİTAK-UZAY*). Одной из важнейших разработок института при участии других национальных оборонных компаний является разведывательный спутник *GÖKTÜRK-2*, выведенный на орбиту в 2012 г., а также его обновленная версия – спутник *GÖKTÜRK-3*, находящийся в стадии проектирования [*Erboğa*, 2019, p. 332].

Однако деятельность Турции не ограничивалась только разработкой промышленных технологий. Спустя год после создания *TÜBİTAK-SAGE*, в 1974 г., в Турции в лице Института внешней политики (*DPE*) появилось одно из первых экспертно-аналитических учреждений, ориентированных на проведение исследований в области политических наук, в частности внешней политики. Изначально институт был основан как частная организация, но, согласно информации, размещенной на его официальном сайте, в настоящее время он аффилирован с Турецким фондом международных отношений и стратегических исследований⁴. Деятельность *DPE* продолжается уже почти 50 лет.

1 *TÜBİTAK Organizasyon Şeması* // *TÜBİTAK*. – 2021. – URL: <https://www.tubitak.gov.tr/tr/kurumsal/hakkimizda/icerik-organizasyon-semasi> (дата обращения: 27.11.2021).

2 *Hakkımızda* // *TÜBİTAK*. – 2021. – URL: <https://tubitak.gov.tr/tr/icerik-hakkimizda> (дата обращения: 27.11.2021).

3 *Bakan Akar ve Varank'tan TÜBİTAK SAGE ziyareti* // *Millisavunma.com*. – 2021. – URL: <https://www.millisavunma.com/news/bakan-akar-ve-varanktan-tubitak-sage-ziyareti/> (дата обращения: 27.11.2021).

4 *About Foreign Policy Institute* // *Foreign Policy Institute*. – 2021. – URL: <https://foreignpolicy.org.tr/about/> (дата обращения: 04.01.2022).

Что касается государственного регулирования научной политики Турции, то основным органом, контролирующим деятельность в данной области, является Верховный совет по науке и технологиям Турции (*BTYK*), образованный в 1983 г. на основании Закона № 77 «О создании Верховного совета по науке и технологиям». В состав Совета входят как общественные и научные деятели, так и министры различных ведомств, а также другие представители власти. Совет собирается не реже 2 раз в год по требованию премьер-министра государства.

В соответствии со статьей 4 вышеупомянутого Закона Совет осуществляет следующие функции: оказывает содействие правительству в формировании долгосрочной научно-технической политики; определяет цели исследований и разработок в областях, связанных с наукой и техникой; определяет приоритетные области исследований и разработок, а также осуществляет подготовку связанных с ними планов и программ; отдает поручения государственным научно-исследовательским учреждениям в соответствии с планами и программами в области исследований и разработок, при необходимости сотрудничает с частным сектором, а также определяет меры стимулирования и регулирования частного сектора; осуществляет подготовку законопроектов и законодательства в области науки и техники с целью развития научно-технической системы; определяет и реализует необходимые меры по обучению и эффективному использованию научных кадров; вырабатывает механизмы для частных учреждений в целях создания исследовательских

центров, контролирует и оценивает эту деятельность; определяет области исследований, нуждающиеся в инвестировании; осуществляет координацию между организациями на этапах программирования и реализации⁵.

Помимо Организации по научно-технологическим исследованиям, содействие в реализации вышеописанных задач государству оказывает Департамент развития и поощрения малых и средних предприятий (*KOSGEB*) и специализированное Ведомство по патентам и товарным знакам Турции (*TÜRKPATENT*). Обе организации при этом связаны с Министерством промышленности и технологий Турции. В случае с *KOSGEB* помощь в основном осуществляется в рамках специальных программ поддержки инноваций; *TÜRKPATENT*, в свою очередь, содействует развитию научно-технологической области путем защиты прав промышленной собственности. Государство также поддерживает частный сектор посредством субсидирования научных исследований, кредитования их субъектов, а также объявления налоговых послаблений в виде отсрочек по выплатам для демонстрирующих наиболее высокие показатели эффективности центров.

Отдельно в качестве акторов научно-аналитического процесса Турции необходимо рассмотреть различные некоммерческие структуры. В Турции предусмотрены две организационно-правовые формы некоммерческих организаций: некоммерческие товарищества (*дернеки*) и фонды (*вакфы*). Правовые основы организации НКО Турецкой Республики зафиксированы в законах «О гражданском состоянии»,

5 77 Sayılı Bilim ve Teknoloji Yüksek Kurulu Kurulmasına ilişkin Kanun Hükmünde Kararname // TUBİTAK. – 1983. – August 16. – URL: https://www.tubitak.gov.tr/sites/default/files/1844/77_sayili_khk.pdf (дата обращения: 27.11.2021).

«О некоммерческих товариществах», «О фондах», «Об отношениях между некоммерческими товариществами, фондами и публичными образованиями».

В упомянутых законах очерчены, в частности, основные источники доходов НКО. Ими могут быть членские взносы, доходы от деятельности, направленной на реализацию целей структуры, средства некоммерческих товариществ, а также гранты и пожертвования. Важно подчеркнуть, что турецкие НКО могут получать денежные средства как от государства, так и от иностранных инвесторов. Фонды наделены особым правом осуществления экономической деятельности и использования доходов для выполнения поставленных задач. При этом правовая база Турецкой Республики позволяет некоммерческим организациям осуществлять деятельность на международном уровне, в том числе открывать филиалы на территориях зарубежных государств [Аватков, 2017, с. 71–72]. Это правило применимо и к аналитическим структурам.

НКО в Турции, как правило, подразделяются на следующие виды: правозащитные НКО; благотворительные НКО; НКО, сосредоточенные на вопросах защиты окружающей среды; религиозные НКО; различные аналитические центры.

Классификация аналитических центров Турции

В современной Турции функционирует около 54 аналитических центров, 27 из которых расположены в Анкаре, 22 – в Стамбуле, остальные – в других городах страны, в частности в Бурсе, Мардине, Карсе, Диярбакыре и т.д. Таким образом, на столицу Турецкой Республики приходится 50% всех «мозговых центров» страны, на Стамбул – 40% и лишь 10% – на другие провинции. При этом турецкие эксперты утверждают, что самые эффективные центры также расположены именно в этих двух городах. Наиболее известные из них представлены в таблице 1.

Таблица 1. Турецкие «мозговые центры»
Table 1. Turkish think tanks

Название	Расположение
Фонд политических, экономических и общественных исследований – <i>Siyaset Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı (SETA)</i>	Анкара, Стамбул, Вашингтон, Брюссель, Берлин
Фонд экономических и социальных исследований Турции – <i>Türkiye Ekonomik ve Sosyal Etüdler Vakfı (TESEV)</i>	Стамбул
Институт внешней политики – <i>Dış Politika Enstitüsü (DPE)</i>	Анкара
Центр исследований экономики и внешней политики – <i>Ekonomi ve Dış Politika Araştırmalar Merkezi (EDAM)</i>	Стамбул
Евразийский центр стратегических исследований – <i>Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi (ASAM)</i>	Стамбул
Центр стратегических исследований Южной Азии – <i>Güney Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi (GASAM)</i>	Стамбул
Фонд исследований экономической политики Турции – <i>Türkiye Ekonomi Politikaları Araştırma Vakfı (TEPAV)</i>	Анкара
Общество либеральной мысли – <i>Liberal Düşünce Topluluğu (LDT)</i>	Анкара
Фонд экономического развития – <i>İktisadi Kalkınma Vakfı (İKV)</i>	Стамбул

Название	Расположение
Фонд стратегических и социальных исследований региона Мраморного моря – <i>Marmara Grubu Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Vakfı</i>	Стамбул
Центр ближневосточных исследований – <i>Ortadoğu Stratejik Araştırmalar Merkezi (OR-SAM)</i>	Анкара
Фонд глубинных социальных и стратегических исследований – <i>Kök Sosyal ve Stratejik Araştırmalar Vakfı (KÖKSAV)</i>	Анкара
Международный центр стратегических прогнозов и исследований – <i>Uluslararası Stratejik Tahlil ve Araştırmalar Merkezi (USTAD)</i>	Мардин
Центр азиатских стратегических исследований – <i>Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi (TASAM)</i>	Стамбул
Институт Турции XXI века – <i>21. Yüzyıl Türkiye Enstitüsü (21YYTE)</i>	Анкара
Ассоциация ближневосточных и африканских исследований – <i>Ortadoğu ve Afrika Araştırmaları Derneği (ORDAF)</i>	Стамбул
Центр стратегических исследований Sahipkiran – <i>Sahipkiran Stratejik Araştırmalar Merkezi (SASAM)</i>	Анкара
Центр исследований Ирана – <i>İran Araştırmaları Merkezi (İRAM)</i>	Анкара
Босфорский центр глобальных отношений – <i>Boğaziçi Küresel İlişkiler Merkezi (BK)</i>	Стамбул
Институт стратегической мысли – <i>Stratejik Düşünce Enstitüsü (SDE)</i>	Анкара
Центр стратегических исследований сторонников справедливости – <i>Adaleti Savunanlar Stratejik Araştırmalar Merkezi (ASSAM)</i>	Стамбул
Центр стратегических исследований союзов – <i>Birlik Stratejik Araştırmalar Merkezi (BİR-SAM)</i>	Стамбул
Центр международных отношений и стратегического анализа – <i>Uluslararası İlişkiler ve Stratejik Analizler Merkezi (TÜRKSAM)</i>	Анкара
Центр стратегических исследований новой Турции – <i>Yeni Türkiye Stratejik Araştırmalar Merkezi (YTSAM)</i>	Анкара
Центр экономических и социальных исследований – <i>Ekonomik ve Sosyal Araştırmalar Merkezi (ESAM)</i>	Анкара
Центр социально-экономических и культурных исследований – <i>Sosyal Ekonomik ve Kültürel Araştırmalar Merkezi (SEKAM)</i>	Стамбул
Центр стратегических исследований «Здоровье – ты» – <i>Sağlık-Sen Stratejik Araştırmalar Merkezi (SASAM)</i>	Анкара
Центр мысли и исследований Анкары – <i>Ankara Düşünce ve Araştırma Merkezi (ADAM)</i>	Анкара
Фонд социально-экономических и политических исследований – <i>Toplumsal Ekonomik Siyasal Araştırmalar Vakfı (TESAV)</i>	Анкара
Центр политики Анкары – <i>Ankara Politikalar Merkezi (APM)</i>	Анкара
Центр евразийских исследований – <i>Avrasya İncelemeleri Merkezi (AVİM)</i>	Анкара
Центр стратегических исследований мудрецов – <i>Bilge Adamlar Stratejik Araştırmalar Merkezi (BİLGESAM)</i>	Стамбул
Форум глобальных отношений – <i>Global İlişkiler Forumu (GİF/GRF)</i>	Стамбул
Центр стратегической мысли и исследований Стамбула – <i>İstanbul Stratejik Düşünce ve Araştırmalar Merkezi (İSDAM)</i>	Стамбул
Аналитический центр глобальных исследований – <i>Küresel Araştırma Düşünce Merkezi (GRTC)</i>	Кютахья
Фонд социально-экономических политических исследований Турции – <i>Türkiye Sosyal Ekonomik Siyasal Araştırmalar Vakfı (TÜSES)</i>	Стамбул

Название	Расположение
Фонд социально-политических стратегических исследований Тюркской академии – <i>Türk Akademisi Siyasi Sosyal Stratejik Araştırmalar Vakfı</i>	Анкара
Центр международных отношений и стратегических исследований – <i>Uluslararası İlişkiler ve Stratejik Araştırmalar Merkezi (ULİSAM)</i>	Анкара
Центр гуманитарных и социальных исследований – <i>İHH İnsani ve Sosyal Araştırmalar Merkezi (INSAMER)</i>	Стамбул
Центр стратегических исследований Кавказа – <i>Kafkasya Stratejik Araştırmalar Merkezi (KAFKASSAM)</i>	Анкара
Центр стратегических исследований Турана – <i>Turan Stratejik Araştırmalar Merkezi (TURAN – SAM)</i>	Карс
Центр социальных исследований Тигра – <i>Dicle Toplumsal Araştırmalar Merkezi (DİTAM)</i>	Диярбакыр
Центр стратегических исследований Балкан (Румелии) – <i>Rumeli Balkan Stratejik Araştırmalar Merkezi</i>	Стамбул
Платформа экономистов – <i>Ekonomistler Platformu</i>	Стамбул
Фонд социал-демократии – <i>Sosyal Demokrasi Vakfı (SODEV)</i>	Стамбул
Фонд экономических и социальных исследований Турции – <i>Türkiye Ekonomi ve Sosyal Araştırmalar Vakfı</i>	Анкара
Международный фонд технологических экономических и социальных исследований – <i>Uluslararası Teknolojik, Ekonomik ve Sosyal Araştırmalar Vakfı (UTESAV)</i>	Стамбул
Ассоциация исследований Европейского союза и мира – <i>Avrupa Birliği ve Küresel Araştırmalar Derneği (ABKAD)</i>	Анкара
Центр исследований кризисных ситуаций и политики Анкары – <i>Ankara Kriz ve Siyaset Araştırmaları Merkezi</i>	Анкара
Центр экономических, политических и стратегических исследований – <i>Ekonomik Siyasal ve Stratejik Araştırmalar Merkezi (TESAM)</i>	Бурса
Центр стратегических исследований Института ANKA – <i>ANKA Enstitüsü Stratejik Araştırmalar Merkezi</i>	Анкара
Центр исследований убежища и миграции – <i>İltica ve Göç Araştırmaları Merkezi (İGAM)</i>	Анкара
Инициатива реформы образования – <i>Eğitim Reformu Girişimi (ERG)</i>	Стамбул
Центр стратегических исследований TESUD – <i>TESUD Stratejik Araştırmalar Merkezi (TES-SAM)</i>	Анкара

Источник: [Babur, 2021, p. 6].

В Турции аналитические центры могут функционировать при партиях (Фонд политических, экономических и общественных исследований (SETA)), правительствах (Центр стратегических исследований (SAM), связанный с Министерством иностранных дел Турции), университетах (Центр стратегических и прикладных исследований Университета Бахчешехир) или быть «независимыми» (Общество либеральной мысли (LDT)). Особый акцент необходимо

сделать на «припартийных» и условно «независимых» структурах.

Проблема ранжирования научно-аналитических организаций Турции заключается в том, что «независимые» центры существуют в стране лишь формально, в то время как официально работающих на политические партии учреждений не существует вовсе. В реальности аналитические «фабрики мысли» просто предпочитают не афишировать свою приверженность каким-либо

лоббистским группам или идеологиям, коррелирующим со взглядами тех или иных политических сил. Однако идеологии, проходящие красной нитью через большинство публикационных материалов таких учреждений, позволяют сделать выводы об обратном и их аффилиации с определенными группами влияния. Именно по этой причине многие из турецких аналитических центров, характеризующие себя в качестве независимых, в действительности не являются такими и (открыто или завуалированно) транслируют позиции тех или иных – как правило, проправительственных или оппозиционных – политических кругов [Babur, 2021, p. 9].

В числе таких – один из ведущих в Турции аналитических центров SETA, который связывают с Партией справедливости и развития (ПСР). Идеологические ориентиры Общества либеральной мысли становятся очевидны из названия, которое ставит под сомнение заявленную «независимость» организации. При этом такого рода картина порождает ряд вопросов об объективности проводимых подобными центрами исследований и подготавливаемых ими аналитических продуктов.

Соответственно, основными «клиентами» аналитики в Турции являются в большей степени правительство и политические партии, а также ученые и СМИ [Altınbaş, 2009, p. 23], которые в Турции также работают в интересах отдельных категорий лиц или групп лиц. Исходя из этого, аналитические центры Турецкой Республики также можно разделить по идейно-ценностным базисам. Турецкий исследователь М. Бабур выделяет аналитические структуры либерального, исламского,

националистического, консервативного и левого толка. В то же время некоторые исследователи дополнительно выделяют центристские, правоцентристские и левоцентристские структуры.

В соответствии с этой классификацией к *консервативным* в Турции относят Фонд политических, экономических и общественных исследований (SETA) и Центр стратегических исследований Ближнего Востока (ORSAM); к *либеральным* – Общество либеральной мысли (LDT); к *центристским* – Институт внешней политики (DPE), Фонд исследований экономической политики Турции (TEPAV), Фонд экономического развития (İKV) и Центр экономических и внешнеполитических исследований (EDAM); к *правоцентристским* – Центр экономических, политических и стратегических исследований (TESAM); к *левоцентристским* – Фонд экономических и социальных исследований Турции (TESEV) и Фонд социально-экономических и политических исследований Турции (TÜSES) [Babur, 2021, p. 13].

Ярким примером *националистического* «мозгового центра» является Фонд политико-социальных стратегических исследований Тюркской академии (TASAV), основанный лидером Партии националистического движения (ПНД) Д. Бахчели и группой приближенных к нему юристов и ученых⁶, что позволяет сделать вывод о его неизбежной политической ангажированности и функционировании в интересах турецких националистов. Несмотря на то, что Фонд осуществляет различные исследования в области политики, экономики в соответствии с национальными интересами Турции,

6 Bahçeli'nin Vakfı Gün Ayıyor // Yeniçağ. – 2012. – October 1. – URL: <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/73596h.htm> (дата обращения: 27.11.2021).

на официальном сайте организации нередко встречаются афиши различных мероприятий в честь годовщины основания ПНД, а также памятных встреч, посвященных личности идейного вдохновителя – основателя партии пантюкиста А. Тюркеша⁷.

К религиозным (исламским) аналитическим структурам можно отнести:

- организации, которые занимаются теоретическими или прикладными исследованиями преимущественно в области изучения ислама, исламских обществ, исламского права и т.п., функционируют за счет пожертвований/инвестиций от курирующих исламских «каналов», в том числе соучредителей;

- организации, осуществляющие исследования более широкого профиля, но финансируемые отдельными происламскими деятелями или джаматами (в том числе зарубежными).

В Турции описанные условия функционирования исламских научно-исследовательских центров в большинстве случаев пресекаются, и в чистом виде светских центров, занимающихся религиозными исследованиями, не существует.

К примеру, к первому типу исламских центров можно отнести Международный фонд исламской мысли и функционирующий при нем Институт исламской мысли (*İDE*), которые исследуют методологию исламской мысли, особенности толкования норм ислама и т.д. Известно, что Фонд и Институт управляются ученым М. Гөрмезом, в 2010–2017 гг. воз-

главлявшим Управление по делам религии Турции (Диянет), что позволяет сделать предположение о возможном наличии связей Фонда с данным ведомством. Что касается финансирования, то в уставе Фонда утверждается, что его уставной капитал составляет 100 000 турецких лир, выделенных учредителями. При этом отмечается, что активы Фонда могут быть увеличены за счет дополнительных средств, внесенных в «казну» организации после ее создания⁸, иные способы финансирования не уточняются.

К организациям второго типа можно частично отнести основанный в 2013 г. и расположенный в Стамбуле Центр стратегических исследований *Fiker*, занимающийся исследованиями арабского мира, в частности монархиями Персидского залива, а также вопросами исламской мысли и другими международными проблемами. Примечательно, что материалы Центра, предположительно финансируемого Эр-Риядом или одной из монархий, публикуются исключительно на арабском языке.

Вместе с тем существует иной – также близкий к реальному положению дел – подход к классификации турецких *think tanks*, в соответствии с которым выделяют 4 типа аналитических организаций: центры, функционирующие при государственных органах; центры при вузах, идеологически ориентированные (в частности зарубежные) пропагандистские центры и фонды (вакфы) [Аватков, Видяйкин, 2013, с. 101–102].

7 Kuruluşunun 50. Yıldönümünde Milliyetçi Hareket Partisi // Türk Akademisi Siyasi Sosyal Stratejik Araştırmalar Vakfı. – 2019. – February 9. – URL: <https://www.tasav.org/index.php/kurulusunun-50-yildonumunde-milliyetci-hareket-partisi.html> (дата обращения: 27.11.2021).

8 Uluslararası İslam Düşünce Vakfı Resmi Senedi // İslam Düşünce Enstitüsü. – 2019. – June 26. – URL: <https://www.ide.org.tr/TR/detail/vakfisenedi> (дата обращения: 28.11.2021).

Ведущие научно-аналитические структуры

Что касается эффективности турецких научно-аналитических центров в глобальном контексте, то, согласно международному рейтингу «мозговых центров» Университета Пенсильвании *Global Go To Think Tank Index (GGTTT)* за 2020 г., в числе ведущих мировых центров (исключая структуры США) из 154 представленных центров 40-е место занимает Фонд экономических и социальных исследований Турции (*TESEV*), а 89-е – Общество либеральной мысли (*LDT*). При этом в рейтинге ведущих мировых центров (включая структуры США) из 174 организаций *TESEV* расположился на 79-м месте, *LDT* – на 90-м [McGann, 2021].

Иначе выглядят показатели региональных рейтингов. Так, в списке лидирующих «мозговых центров» Ближнего Востока и Северной Африки (в рейтинг также включены монархии Персидского залива) из 104 организаций Фонду экономических и социальных исследований Турции (*TESEV*) было отдано 10-е место. Кроме того, в рейтинге появился Центр экономических и внешнеполитических исследований (*EDAM*), занявший 16-е место; следом за ним расположилось Общество либеральной мысли (*LDT*), а 20-ю строчку занял стамбульский филиал центра «Европейская инициатива стабильности» (*ESI*) (информация о функционировании на 2022 г. отсутствует). 45-е место занял турецкий филиал Исследовательского центра Аль Урдун Аль Джадид (*UJRC*) (информация о функционировании на 2022 г. отсутствует), 46-е – Международная организация стратегических исследований (*USAK*) (информация о функционировании на 2022 г. отсутствует). На 69-м месте расположился Центр экономических, политических и стратегических исследо-

ваний (*TESAM*), на 75-м – Центр экономических и стратегических исследований Турции (информация о функционировании на 2022 г. отсутствует), на 77-м – Фонд исследований экономической политики Турции (*TEPAV*), на 80-м – стамбульский филиал НКО *Al Sharq Forum*, на 88-м – Политический центр Стамбула (*IPC*), на 90-м – Центр стратегических исследований (*SAM*), Центр стратегических исследований *Fiker* – на 99-м [McGann, 2021].

Стоит также отметить, что некоторые турецкие аналитические центры попали в отраслевые рейтинги по таким сферам деятельности, как оборона и национальная безопасность (4 организации), внутренняя экономическая политика (1 организация), образование (2 организации), внешняя политика и международные отношения (5 организаций) и другим [McGann, 2021].

Одним из наиболее важных для турецкой политики аналитических центров является расположенный в Анкаре **Центр стратегических исследований (*SAM*)**, подведомственный Министерству иностранных дел Турецкой Республики. Центр был создан в 1995 г. с целью проведения исследований, посвященных международной проблематике, а также содействия внешнеполитическому ведомству в интересах Турецкой Республики. Особенностью *SAM* является его статус не только как ведущей аналитической структуры, но и одной из главных открытых дискуссионных площадок по глобальным и региональным вопросам, объединяющей представителей экспертных, научно-академических кругов и лиц, принимающих стратегические политические решения.

Публикационная активность Центра состоит в формировании ежеквартальных материалов под названием *Perceptions*, отражающих результаты исследований турецких и зарубежных

ученых, а также еще двух традиционных докладов – так называемых *Vision Papers*, в которых изложены мысли министра иностранных дел государства, а также *SAM Papers*, где представлены позиции ученых по наиболее актуальным вопросам⁹.

Центр азиатских стратегических исследований (TASAM) является еще одним крупнейшим аналитическим центром, расположенным на территории Турции. Находящийся в Стамбуле TASAM был основан в 2003 г., и на данный момент является одним из наиболее известных турецких аналитических структур, специализирующихся на исследованиях в области внешней политики, в частности на постсоветском пространстве.

Центр осуществляет работу по 11 ключевым направлениям, среди которых – Африка, Азия, Европа, Латинская Америка и Карибский бассейн, Северная Америка, а также отдельные регионы, рассматриваемые Турцией в качестве особого «пояса безопасности»: Балканы, Ближний Восток, Средиземное море, Черное море, Кавказ. При этом пространства так называемого тюркского мира и исламского мира считаются областями идентичности Турции. Среди научно-аналитических материалов организации числятся книги и монографии, журналы, а также разные виды докладов¹⁰.

Помимо аналитической деятельности, TASAM реализует исследовательские проекты, а также вручает специализированные награды главам госу-

дарств, организациям стратегического характера и отдельным лицам за разного рода заслуги в исследовательской и другой деятельности. К примеру, под эгидой TASAM присуждается награда «Стратегическое видение», стамбульская награда «Исламский мир», а также учрежденная в 2013 г. награда тюркского мира «Красное яблоко» за внесение значимого вклада в «национальное самосознание и единство тюркского мира»¹¹. Примечательно, что в 2014 г. на первой церемонии награждения победителей в категории «Государство» данную награду получил глава Республики Татарстан Рустам Минниханов¹².

TASAM, как уже отмечалось, в принципе уделяет большое внимание тюркоязычным регионам Центральной Азии, а также Российской Федерации. В связи с этим деятельность Центра, в том числе направленную на пропаганду идеи единого «тюркского мира», можно рассценивать как деструктивную и потенциально опасную для России. На счету TASAM – большое количество как уже состоявшихся, так и только запланированных мероприятий по тематике взаимодействия с центральноазиатскими тюркскими республиками, а также с Москвой. Так, например, на 2021 г. Центром было запланировано несколько мероприятий, посвященных России. Одним из них является уже 5-й по счету российско-турецкий круглый стол под названием «Новая эпоха отношений между Россией и Турцией: возможности и риски»¹³.

9 SAM Hakkında // SAM. – 2021. – URL: <http://www.sam.gov.tr/hakkimizda.tr.mfa> (дата обращения: 28.11.2021).

10 TASAM Kurumsal // TASAM. – 2011. – June 11. – URL: <https://tasam.org/tr-TR/Kurumsal/Profil> (дата обращения: 29.11.2021).

11 Награды «Красное яблоко» // TASAM. – 2021. – URL: https://tasam.org/Files/Etkinlik/File/Diger/KEO_vizyon_RU.pdf_3917a9a1-fd88-491f-9b7d-901af205bbb1.pdf (дата обращения: 29.11.2021).

12 Türk Dünyası Kızıl Elma Ödülleri Takdim Töreni // TASAM. – 2014. – May 29. – URL: https://tasam.org/tr-TR/Etkinlik/600/turk_dunyasi_kizil_elma_odulleri_takdim_toreni_1 (дата обращения: 29.11.2021).

13 Türkiye – Rusya Yuvarlak Masa Toplantısı – 5 // TASAM. – 2021. – URL: https://tasam.org/tr-TR/Etkinlik/546/turkiye_-_rusya_yuvarlak_masa_toplantisi_-_5 (дата обращения: 28.11.2021).

В последнее время всё большее влияние в экспертно-аналитическом дискурсе обретает турецкий **Центр ближневосточных исследований (ORSAM)**, ориентированный прежде всего на исследование политики, экономики и социальных аспектов существования государств Ближнего Востока и Северной Африки, призванный сократить дефицит исследований в Турции по данному региону. ORSAM был создан в 2009 г., штаб-квартира Центра находится в Анкаре.

Центр ближневосточных исследований занимается подготовкой аналитических докладов и прогнозов для лиц, принимающих решения, а также организацией различных мероприятий, в частности круглых столов и конференций с привлечением ближневосточных ученых с целью осуществления объективного обмена мнениями и выработки эффективных механизмов по решению существующих проблем¹⁴. Среди ключевых исследовательских направлений можно выделить следующие:

- Ирак;
- государства Леванта;
- монархии Персидского залива;
- Северная Африка;
- безопасность,
- экономика;
- энергетика;
- туркоманы.

ORSAM известен своей широкой публикационной активностью, осуществляемой в разных форматах. Так, Центр издает книги и монографии по ближневосточной проблематике, отдельные аналитические и информационные доклады, периодику («Журнал анализа Ближнего Востока» и «Журнал ближневосточных иссле-

дований»), а также ряд других материалов. Кроме того, помимо аналитической деятельности, ORSAM проводит образовательные мероприятия, в том числе семинары, летние и зимние школы и стажировки для студентов, курсы по арабскому языку, а также присуждает стипендии за лучшие магистерские и докторские диссертации.

Весьма многопрофильным турецким аналитическим центром является **Фонд политических, экономических и общественных исследований (SETA)**, созданный в 2005 г. Фонд занимается исследованиями в области внутренней и внешней политики Турции, экономики, общества, СМИ, прав человека, европейских исследований, а также энергетики. В то же время весьма популярными являются материалы Фонда и по другим вопросам – аналитика SETA по некоторым из них оказывается более востребованной, чем аналогичные записки других профилирующих организаций.

Так, например, по подсчетам экспертов, в 2011 г. и в последующие годы, известные резким ростом спроса на ближневосточные исследования ввиду начавшейся «арабской весны», SETA обошел специализирующийся на Ближнем Востоке ORSAM по количеству изданных материалов [Bakır, Güneş, 2018, р. 242]. При этом SETA является одним из немногих турецких аналитических центров, имеющих филиалы за рубежом: помимо Стамбула и Анкары, Фонд политических, экономических и общественных исследований имеет офисы в Вашингтоне, Брюсселе и Берлине.

Аналитическая деятельность SETA сводится к изданию книг, публикации отчетов, прогнозов и экспертных ком-

14 Hakkimizda // ORSAM. – 2021. – URL: <https://www.orsam.org.tr/tr/orsam/hakkimizda/> (дата обращения: 28.11.2021).

ментариев по актуальным международным и региональным вопросам. Кроме того, SETA издает журналы *Insight Turkey* (на английском языке), *Ru'ye Türkiye* (на арабском языке) и ежемесячный *Kiter* (на турецком языке)¹⁵.

Еще одним направлением деятельности Фонда является организация экспертных дискуссий по актуальным вопросам глобального и регионального характера, большинство из которых ввиду пандемии COVID-19 проходят в *online*-формате. Ряд из них посвящены тюркским государствам СНГ, Центральной Азии и Закавказья. Так, в 2021 г. состоялись дискуссионные экспертные панели на следующие темы: «Напряженность между Азербайджаном и Ираном»; «Выборы президента Узбекистана: процессы и размышления»; «Тюркский мир и Тюркский совет» и другие¹⁶.

Включенный в мировые рейтинги **Фонд экономических и социальных исследований Турции (TESEV)** в меньшей степени занимается вопросами, посвященными глобальным внешнеполитическим проблемам и международным отношениям. Значимую долю его исследований составляют работы в области проблем равенства, миграции и т.п., по причине чего, предположительно, данный центр так ценится в либерально-демократических научных кругах стран Запада. TESEV был основан в 1994 г., заменил собой существовавший с 1961 г. Комитет Конференции по экономическим и социальным исследованиям, который было решено преобразовать в аналитический центр. Территориально TESEV располагается в Стамбуле. С 2012 г. считается

лучшим исследовательским центром в Турецкой Республике и одним из лучших в мире.

Как отмечается на официальном сайте организации, в период с 1994 по 2004 г. TESEV представил общественности ряд важных докладов о бедности, экономике и отраслевой политике, после чего к приоритетным направлениям исследований центра добавились вопросы демократизации, эффективного управления и прозрачности, а также внешней политики. В 2015 г. в ходе очередной сессии Генеральной Ассамблеи был обновлен Исполнительный совет организации, создана новая исследовательская группа, а также добавлены новые сферы деятельности. В настоящее время приоритетными являются следующие направления исследований¹⁷:

- городское управление и устойчивое развитие;
- гендерное равенство;
- инструменты цифровой политики;
- политика в отношении детей;
- миграционная политика;
- расширение прав и возможностей гражданского общества;
- вопросы прозрачности и подотчетности;
- климатический кризис.

В числе других областей работы фигурируют двусторонние отношения, конституционные исследования, экономика, Европейский союз, восприятие внешней политики, правосудие, рынок труда, СМИ и демократия, права меньшинств, религия, государство и общество, безопасность и демократия, социальная политика и курдский вопрос.

15 Hakkimizda // SETA. – 2021. – URL: <https://www.setav.org/hakkimizda/> (дата обращения: 28.11.2021).

16 Etkinlikler // SETA. – 2021. – URL: <https://www.setav.org/etkinlikler/> (дата обращения: 29.11.2021).

17 TESEV Featured Topics // TESEV. – 2021. – URL: <https://www.tesev.org.tr/en/all-topics/> (дата обращения: 28.11.2021).

При этом стоит отметить, что все размещенные в разделе «Двусторонние отношения» аналитические доклады, последний из которых был опубликован в 2014 г., посвящены отношениям Турции лишь с наиболее проблемными государствами и наднациональными образованиями: так, *TESEV* было выпущено шесть докладов, посвященных взаимодействию Турции с Арменией, два доклада – отношениям с Грецией, а также по одному докладу пришлось на Израиль и Европейский Союз¹⁸. Кроме того, *TESEV* публикует ежегодные отчеты о деятельности, последний из которых, однако, датирован 2018 г.

Таким образом, в настоящее время научно-аналитическая деятельность Турецкой Республики входит в новую эпоху: несмотря на сокращение государственного финансирования научной отрасли, динамично расширяется область проводимых исследований, возникают новые и совершенствуются уже существующие исследовательские и аналитические центры.

Все это связано с так называемым синдромом имперскости Анкары, иными словами – со стремлением Турции занять главенствующие позиции не только в качестве надрегиональной державы мировой арены, но и ключевого научного центра международного масштаба, чтобы тем самым доказывать миру свое величие и принадлежность к османскому имперскому прошлому.

Реализуемая неоосманская внешняя политика Турции диктует ей убеждения, в соответствии с которыми

Анкара должна стать центром тюркского мира, исламского мира и – в целом – своеобразным идеологическим хабом, связывающим Север и Юг, Запад и Восток. В этой связи развитие научно-аналитического сектора, изучающего смежные с Турцией и, наоборот, отдаленные, но интересующие ее регионы, приобретает особую значимость. Турецкая Республика становится более самостоятельной и больше не ориентируется на ведущие западные «мозговые центры», стараясь формировать свои собственные, вместе с тем устанавливая выгодное как для государства, так и для негосударственных структур законодательство, позволяющее им на законных основаниях вести протурецкую деятельность за рубежом и получать от этого прибыль.

Роль научно-аналитических центров в действительности велика для реализации далеко идущих амбиций Турецкой Республики. Учитывая, что практически все из них прямо или косвенно связаны с определенными группами влияния, некоммерческие структуры в лице ассоциаций, фондов и аналитических центров являются действенным инструментом для продвижения Турции необходимых идеологем, а также формирования подконтрольного туркоцентричного лобби на территориях иностранных государств.

Список литературы

Аватков В.А. Политико-правовые аспекты функционирования некоммерческих организаций в Турецкой Республике // Право и политика. – 2017. – № 12. – С. 70–83. – DOI: 10.7256/2454-0706.2017.12.24223.

18 Bilateral Relations // TESEV. – 2021. – URL: <https://www.tesev.org.tr/en/topics/bilateral-relations/> (дата обращения: 28.11.2021).

Аватков В.А. Турецкая модель научной политики // Тренды и управление. – 2018. – № 2. – С. 1–10. – DOI: 10.7256/2454-0730.2018.2.23769.

Аватков В.А., Видяйкин А.С. Деятельность аналитических центров в Турции при правлении Партии справедливости и развития // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 3 (30). – С. 100–104. – DOI: 10.24833/2071-8160-2013-3-30-100-104.

Bakır C., Güneş E. Policy Analysis in Turkey. – Bristol University Press, 2018. – 320 pp. – DOI: 10.2307/j.ctv1fxh2c.

Central Government Budget Appropriations and Outlays on R&D, 2020 // Türkstat. – 2020. – June 19. – URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Central-Government-Budget-Appropriations-and-Outlays-on-RvD-2020-33678> (дата обращения: 27.11.2021).

Central Government Budget Appropriations and Outlays on R&D, 2021 // Türkstat. – 2021. – July 14. – URL: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=37448&dil=2> (дата обращения: 27.11.2021).

McGann J.G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. – Lauder Institute, University of Pennsylvania, 2021. – 372 p. – URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?arte=1019&context=think_tanks (дата обращения: 28.11.2021).

Алтынбаш Д. Хороший аналитический центр, хороший аналитик. Altınbaş D. İyi bir Think Tank, iyi bir Think Tanker // Türkiye’de Stratejik Düşünce Kültürü ve Stratejik Araştırma Merkezleri / Kanbolat H., Karasar H.A. (eds.). – Ankara: Nobel Yayınları, 2009. – P. 22–30. – Турец. яз.

Бабур М.М. Аналитические центры в Турции как область представительства. Babur M.M. Bir Temsil Alanı Olarak Türkiye’de Düşünce Kuruluşları // Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2021. – Vol. 23, N 1. – P. 1–19. – Турец. яз. – DOI: 10.32709/akusosbil.833017.

Эрбога А. Возможности стратегического вооружения Турции. Erboğa A. Türkiye’nin Stratejik Silah Kapasitesi. – 2019. – İstanbul: SETA Kitapları. – 348 p. – Турец. яз.

Science and Higher Education

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.09

Analytical Centers and Scientific Policy of Turkey

Vladimir A. AVATKOV

Doctor of Political Science, Leading researcher, head of the Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN)

117418, 51/21 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, Russian Federation

E-mail: v.avatkov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6345-3782

CITATION: Avatkov V.A. (2022). Analytical Centers and Scientific Policy of Turkey. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 173–190 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.09

Received: 30.11.2021.

Revised: 10.04.2022.

ABSTRACT. *The article scrutinizes the aspects of scientific and analytical activity of the modern Turkish Republic. In particular, the author analyzes the main milestones of the formation of science in Turkey as well as economic difficulties and other domestic political obstacles hindering the process of its development. Special attention is paid to the key actors of the scientific and analytical process of Turkey. Among them the Organization for Scientific and Technological Research (TÜBİTAK) and related structures, the Supreme Council for Science and Technology of Turkey (BTYK), as well as other organizations and auxiliary structures. The article provides a classification of analytical centers operating on the territory of Turkey, according to which such centers can be associated with the state or parties, ideologically biased and conditionally “independent”. The article considers the features of functioning, financing of NGOs in Turkey and discusses their types. In addition, based on the global rankings of the world's leading think tanks, an overview analysis of*

the activities of the following largest and most influential think tanks was also conducted: the Center for Strategic Studies (SAM); the Center for Asian Strategic Studies (TASAM); the Center for Middle Eastern Studies (ORSAM); the Foundation for Political, Economic and Social Studies (SETA) and the Foundation for Economic and Social Research of Turkey (TESEV). The author comes to the conclusion that nowadays a new stage of scientific and analytical activity of the Republic of Turkey is coming. It is associated with the emergence of new centers and the expansion of their research field. At the same time, the role of analytical and other NGOs as the main agents of Turkish interests and ideologies abroad is increasing. In the future they can be used by Turkey to form lobbying groups and broadcast ideological and value attitudes which are beneficial to Ankara.

KEYWORDS: Turkey, science, analytics, analytical center, NGO, foundation, research, «think tank».

References

- Avatkov V.A. (2017). Political and legal aspects of the functioning of nonprofit organizations in the Republic of Turkey. *Law and politics*, no. 12, pp. 70–83 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2017.12.24223
- Avatkov V.A. (2018). Turkish model of scientific policy. *Trends and management*, no. 2, pp. 1–10 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0730.2018.2.23769
- Avatkov V.A., Vidyaykin A.S. (2013). Activity of analytical centers in Turkey under the Board of the Justice and Development Party. *MGIMO Review of International Relations*, no. 3 (30), pp. 100–104 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2013-3-30-100-104
- McGann J.G. (2021). *2020 Global Go To Think Tank Index Report*. Lauder Institute, University of Pennsylvania, 372 pp. Available at: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=think_tanks, accessed 28.11.2021.
- Altınbaş D. (2009). *A good Think Tank is a good Think Tanker*. Altınbaş D. *İyi bir Think Tank, iyi bir Think Tanker*. Kanbolat H. (ed.), Karasar H.A. (ed.). Türkiye'de Stratejik Düşünce Kültürü ve Stratejik Araştırma Merkezleri. Ankara: Nobel Publications, pp. 22–30 (in Turkish).
- Babur M.M. (2021). Think Tanks in Turkey as a Field of Representation. Babur M.M. *Bir Temsil Alanı Olarak Türkiye'de Düşünce Kuruluşları*. Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, vol. 23, no. 1, pp. 1–19 (in Turkish). DOI: 10.32709/akusosbil.833017
- Bakır C., Güneş E. (2018). Policy Analysis in Turkey. Bristol University Press, 320 pp. DOI: 10.2307/j.ctv1fxh2c.
- Central Government Budget Appropriations and Outlays on R&D, 2020 (2020). *Türkstat*, June 19. Available at: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Central-Government-Budget-Appropriations-and-Outlays-on-RvD-2020-33678>, accessed 27.11.2021.
- Central Government Budget Appropriations and Outlays on R&D, 2021 (2021). *Türkstat*, July 14. Available at: <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=37448&dil=2>, accessed 27.11.2021.
- Erboğa A. (2019). *Turkey's Strategic Weapons Capability*. Erboğa A. *Türkiye'nin Stratejik Silah Kapasitesi*. İstanbul: SETA Kitapları, 348 pp. (in Turkish).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.10

Через тернии к звездам: национальная Космическая программа Турции

Алина Игоревна СБИТНЕВА

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: a_sbitneva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9196-9348

ЦИТИРОВАНИЕ: Сбитнева А.И. (2022). Через тернии к звездам: национальная космическая программа Турции // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 191–208.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.10

Статья поступила в редакцию 20.03.2022.
Исправленный текст представлен 07.04.2022.

АННОТАЦИЯ. Запуск первого турецкого спутника связи в конце прошлого столетия положил начало освоению Турцией космического пространства. С приходом к власти Р.Т. Эрдогана в 2014 г. произошло заметное ускорение «космизации» Турецкой Республики, связанное с началом поэтапной реализации намеченных планов. Активизация подобных процессов стала логичным продолжением установленной ранее неофициальной идеологии «неоосманнизма», ориентированной на повышение международного авторитета и влияния Турции в различных областях. С целью изучения аспектов деятельности Анкары на данном направлении в статье проводится комплексный анализ работы ключевых государственных и негосударственных структур, ответственных за реализацию космической политики страны, а также стратегии по достижению Турцией космической независимости.

Автор рассматривает спутниковую программу государства, представ-

ляющую собой один из наиболее успешных проектов страны. Особое внимание уделено рассмотрению деятельности Космического агентства Турции, его стратегическим документам, а также анализу национальной Космической программы страны. Кроме того, затронуты нюансы международного сотрудничества Анкары в области космических технологий, в частности с Россией и США, а также другими государствами и международными космическими организациями.

По итогам исследования автор приходит к выводу, что современная Турция только начинает путь своего независимого существования в космосе и по-прежнему в определенной степени зависит от иностранных партнеров как в контексте поставок комплектующих, так и отсутствия собственных космодромов для проведения запусков. Кроме того, труднореализуемыми в условиях экономического кризиса и существенного ослабления турецкой лиры выглядят амбициозные

космические планы Турции, выполнение которых предусмотрено в рекордно короткие сроки. При этом для России открываются дополнительные возможности по вовлечению Анкары в свою «орбиту» – как в прямом, так и в переносном смысле.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Турция, Р.Т. Эрдоган, «неоосманизм», космос, технологии, аэрокосмическая промышленность, Космическое агентство Турции, Космическая программа Турции, спутник, «лунная миссия».*

Научно-техническая революция, начавшаяся в середине XX в., оформила глобальный переход к постиндустриальному обществу, где статус одного из важнейших ресурсов приобрела информация. Сопутствующим фактором повышения ценности информации стало развитие различных средств ее передачи, что в конечном итоге привело человечество к необходимости освоения космического пространства с целью разработки универсальных средств связи и его дальнейшего использования как для гражданских, так и для военных нужд.

Сегодня «космизация» общественно-политической жизни стремительно развивается, а уровень национальных космических технологий становится значимым критерием, позволяющим судить о степени прогрессивности конкретной страны и ее конкурентоспособности на международной арене. В связи с этим в процессы по исследованию космоса вовлекаются всё больше мировых и региональных государств, преследующих цель выйти на новую ступень развития. В последнее десятилетие всё увереннее на этот путь становится Турецкая Республика, которая в 2021 г. обнародовала свою первую в истории национальную Космическую программу, тем самым обозначив на-

мерение в ближайшем будущем пополнить ряды космических держав.

В отличие от таких мировых лидеров, как Россия и США, современная Турция является развивающейся страной в космической отрасли. Свои первые шаги на данном направлении официальная Анкара сделала довольно поздно – в начале 1990-х годов – и на тот период времени уступала не только передовым российским и американским технологиям, но и, например, Израилю с Индией, которые в 1960–1980 гг. уже осуществляли космические разработки [Erboğa, 2019, p. 322]. Как отмечает исследователь С. Йылмаз, Турция, наряду с такими странами, как Бразилия, Таиланд, Малайзия и Южная Африка, начала свой путь в космос с разработки экономически рентабельных программ передачи космических технологий и установления сотрудничества с более развитыми странами [Yilmaz, 2016, p. 335].

Такое положение дел было обусловлено прежде всего сильнейшим экономическим кризисом, охватившим Турцию в 90-е годы XX в. [Спад..., 2019], и, следовательно, критической нехваткой средств на аэрокосмическую промышленность. К тому же турецкие производственные системы в те годы были преимущественно сосредоточены на авиастроении – развитие космонавтики, в свою очередь, являлось важной, но не первостепенной задачей. При этом первые отраслевые научно-технологические организации и промышленные предприятия начали появляться в Турции еще в начале 1970-х годов, однако значимых успехов многие из них достигли позднее. Сегодня наиболее известными являются следующие: Исследовательский институт космических технологий (TÜBİTAK UZAY), компании TUSAŞ/TAI, ASELSAN, ROKETSAN, HAVELSAN, TÜRKSAT, CTECH, а также научные институты: Ближневосточ-

ный технический университет (ÖDTÜ) и Технический университет Стамбула (İTÜ).

С приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. ситуация в космической области несколько изменилась. Очертания курса на «космизацию» со временем стали просматриваться в официальных документах правящей партии. Так, в Декларации ПСР о всеобщих выборах от 2007 г. было объявлено, что Турция начала реализацию программы спутниковой и космической политики, в связи с чем был дан старт ускоренному созданию спутников, а также были достигнуты существенные прорывы в рамках национальных исследований в области космоса [Партия... Kuruluşundan..., 2018, p. 464].

Космическое агентство Турции

Освоение Турцией космического пространства до определенного времени существенно осложнялось отсутствием специализированной структуры, а именно национального Космического агентства, разговоры о создании которого велись с 2007 г. Турецкий исследователь М. Серен отмечает, что в партийной Декларации ПСР от 2011 г. было заявлено, что к 2015 г. будет создана Космическая организация Турции и разработана структура международного представительства для проведения централизованной политики и координации всех проводимых космических операций [Партия... Kuruluşundan..., 2018, p. 464]. Однако уложиться в установленные сроки не удалось. Законопроект «О создании Космического агентства Турции и регулировании деятельности, относящейся к космосу» был внесен на рассмотрение Великого национального собрания Турецкой Республики только в 2017 г.

Космическое агентство Турции (*Türkiye Uzay Ajansı – TUA*), в свою очередь, было создано годом позднее на основании Указа президента № 23 «О Космическом агентстве Турции» от 13 декабря 2018 г. Учрежденное Космическое агентство является ведомством, обладающим определенной административной и финансовой автономией, но при этом связанным с Министерством промышленности и технологий Турецкой Республики. Среди многочисленных задач и полномочий, возложенных на структуру, представляется важным отметить следующие:

- подготовка и реализация национальной Космической программы;
- разработка стратегических планов, включающих среднесрочные и долгосрочные цели и приоритеты в сфере аэрокосмической науки и технологий, основные принципы и подходы, показатели эффективности, методы их реализации и механизмы распределения ресурсов;
- развитие конкурентоспособной аэрокосмической промышленности, расширение использования отраслевых технологий в соответствии с общественным благом и национальными интересами, развитие научно-технической инфраструктуры в аэрокосмической области, создание средств и технологий, которые обеспечат независимый доступ в космос;
- ведение учета объектов (от имени государства), запускаемых в космос в соответствии с международными договорами, осуществление их регистрации или выдача разрешений на регистрацию в ООН;
- выполнение или координация проведения коммерческих, научных и научно-исследовательских космических операций, а также операций по пилотируемому и беспилотному доступу к космосу и исследованию космоса;

- предоставление разрешений на запуск, вывод на орбиту и возврат спутников и других космических аппаратов, отправляемых в космос государственными и частными организациями;

- поддержка интереса к аэрокосмической науке и технологиям на территории страны, подготовка публикаций о деятельности Агентства и контента для СМИ всех видов, а также организация мероприятий с целью поощрения данной деятельности¹.

По своей структуре Космическое агентство Турции состоит из Совета директоров (высший орган, принимающий решения), Директората, а также ряда профильных подразделений и служб. Штаб-квартира Космического агентства Турции располагается в Анкаре, однако, согласно соответствующему законодательству, Агентство может открывать рабочие офисы в пределах страны и представительства за рубежом².

В Совет директоров входят семь человек, включая председателя, который одновременно является главой Космического агентства. Кворум для принятия решений составляет четыре человека (простое большинство). Директорат включает в себя главу Агентства и его двоих заместителей³. При этом один из них отвечает преимущественно за административную работу структуры, другой – за техническую составляющую.

Бюджет Агентства формируется за счет следующих статей дохода:

- ежегодные поступления из государственного бюджета;

- средства, связанные с разрешениями/лицензиями, выданными Агентством;

- средства, полученные в обмен на консультационные услуги;

- средства, связанные с правами на изобретения (вероятно, имеются в виду патенты);

- все виды финансовой помощи и пожертвования (факт интересен тем, что данный вид финансирования допускается применительно к Агентству как к государственной структуре);

- средства, полученные от движимого или недвижимого имущества, принадлежащего Агентству;

- средства от публикаций/трансляций и другой деятельности⁴.

Отдельно стоит подчеркнуть, что часть бюджета Космического агентства Турции составляет сумма средств, перечисленных дирекцией Научно-исследовательского института космических технологий (*TÜBİTAK-UZAY*) до конца января следующего года в размере 20% от доходов, полученных Институтом в предыдущем году. Более того, схожим образом процент от годового дохода Агентству отчисляют Главное управление гражданской авиации Турции и Министерство транспорта и инфраструктуры государства. Эти финансы используются преимущественно для поддержки исследований и разработок в области аэрокосмической промышленности⁵. Согласно официальному отчету о деятельности Агентства за 2021 г., в период с января по декабрь этого года было потрачено в общей сложности 290 295 573,78 турецких лир, 93,52% от

1 23 Sayılı Türkiye Uzay Ajansı Hakkında Cumhurbaşkanlığı Kararnamesi, Madde 4 // Türkiye Uzay Ajansı. – 2018. – December 13. – URL: <https://cdn.tua.gov.tr/5fc4bf997e9b8.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

2 Ibid. Madde 5.

3 Ibid. Madde 6–7.

4 Ibid. Madde 8.

5 Ibid. Madde 8.

которых составили капитальные трансферты [Отчет... İdare ..., n/y].

Одним из главных документов Космического агентства Турции, очерчивающих приоритетные направления деятельности структуры, является Стратегический план на 2022–2026 гг., подготовленный Департаментом стратегического планирования. План охватывает ключевые задачи и цели в области развития космических технологий по выводу Турции в ранг передовых космических государств, а также предоставляет прогнозы и риски, связанные с процессом их достижения.

В плане содержатся четыре фундаментальные задачи, каждая из которых подразделяется на более мелкие подзадачи. Так, первая – **укрепление институционального потенциала** – предполагает создание системы управления человеческими ресурсами; дальнейшее укрепление финансовой и улучшение технологической, вычислительной и социальной инфраструктуры; развитие возможностей управления корпоративными рисками и практик внутреннего контроля; повышение коммуникативных возможностей организации [Стратегический... 2022–2026..., n/y].

Вторая задача – **развитие космической и авиационной отрасли и экосистемы Турции, а также обеспечение ее конкурентоспособности в мире** – предполагает появление оригинальных инновационных идей/продуктов; увеличение квалифицированных кадров, необходимых для аэрокосмической отрасли и экосистемы; подготовку в сотрудничестве с заинтересованными сторонами и в соответствии с международными стандартами национального законодательства; укрепление на национальном уровне технологических возможностей и инфраструктуры [Стратегический... 2022–2026..., n/y].

В рамках третьей задачи – **повышение национальной и международной эффективности Космического агентства Турции** – предусматривается управление двусторонними, региональными и многосторонними контактами с целью увеличения национальных возможностей и защиты интересов Турции [Стратегический... 2022–2026..., n/y].

Последняя задача – **лидерство в развитии интереса к аэрокосмическим наукам и технологиям по всей стране** – должна быть достигнута за счет повышения осведомленности об Агентстве в обществе и среди заинтересованных сторон, внесения вклада в развитие науки и повышения информированности общества, развития отраслевых, региональных и национальных партнерских отношений по проектам социальной осведомленности [Стратегический... 2022–2026..., n/y]. Ряд конкретных проектов реализуется Агентством во исполнение пунктов Космической программы Турецкой Республики.

Космическая программа Турции

Одним из главных итогов деятельности Космического агентства Турции в 2021 г. стала подготовка первой в истории страны национальной Космической программы, включающей в себя десять достаточно амбициозных целей по увеличению турецкого присутствия в космическом пространстве и снижению зависимости от технологий других стран. Стоит подчеркнуть, что своевременно обнародованная Программа во многом коррелирует с «неоосманским» курсом Анкары и призвана акцентировать внимание мирового сообщества на Турции как новом центре силы.

Программа была презентована 9 февраля 2021 г. президентом Р.Т. Эрдоганом под девизом «Если хочешь увидеть Луну, посмотри на небо» (тур. «Gökyüzüne bak Ay'ı gör») [Ekici, 2021, р. 14]. Примечательно, что именно эти строки были рунами высечены на обнаруженном за несколько дней до этого и широко освещаемом в СМИ стальном монолите неизвестного происхождения в Гёбекли-Тепе⁶, который, вероятно, являлся частью пиар-кампании Космической программы.

Согласно первому пункту Программы, к году 100-летия Турецкой Республики (конец 2023 г.) Анкара планирует совершить жесткую *посадку на Луну* с помощью оригинальной гибридной ракеты национальной разработки, которая будет запущена на низкую опорную орбиту путем международной кооперации. На втором этапе (к 2028 г.), запуск будет произведен усилиями собственных ракет с двигателями отечественного производства, а также будет осуществлена мягкая посадка модуля на Луну [Национальная... Milli..., n/y].

По словам министра промышленности и технологий Турции М. Варанка, разработкой гибридной ракеты занимается турецкое предприятие *Delta V*. В апреле 2021 г. министр сообщил, что в рамках реализации «лунной миссии» были успешно испытаны двигательная установка ракеты *FireSonda* (SORS) и ракетный двигатель *RocketHibrit*⁷.

При этом некоторые эксперты, в числе которых сотрудник NASA турецкий астрофизик У. Йылдыз, скептически относятся к такого рода планам, подвергая сомнениям возможность до-

стижения поставленной цели в установленные – столь короткие – сроки [Yıldız, 2021, р. 34].

В соответствии со вторым пунктом перед Турцией стоит задача *собрать воедино спутниковую продукцию и реализовать программу развития собственной спутниковой связи*. Для этого турецкие ученые будут работать над созданием товарного знака, способного конкурировать с миром в области разработки спутников следующего поколения. Кроме того, планируется создание единой национальной компании по производству спутниковых аппаратов, учрежденной при координации с Космическим агентством. При этом отмечается, что конечная цель по достижению независимости спутниковых технологий будет достигнута путем минимальных ресурсных затрат [Национальная... Milli..., n/y].

На данном этапе наиболее значимых успехов на аэрокосмическом поприще Турецкая Республика достигла именно в вопросе создания спутников. Так, в период с 1994 по 2022 г. Турция вывела на орбиту в общей сложности восемь спутников связи (TÜRKSAT 1B, TÜRKSAT 1C, TÜRKSAT 2A, TÜRKSAT 3A, TÜRKSAT 4A, TÜRKSAT 4B, TÜRKSAT 5A, TÜRKSAT 5B), три из которых (TÜRKSAT 1B, TÜRKSAT 1C и TÜRKSAT 2A) по состоянию на 2022 г. деактивированы. Запуск еще одного телекоммуникационного спутника следующего поколения запланирован на 2023 г. Вместе с тем в арсенале Турции имеются спутники зондирования Земли и разведывательные космические аппараты, используемые так-

6 'Ay'ı görmek istiyorsan gökyüzüne bak' olayının sırrı çözüldü // Hürriyet. – 2021. – February 9. – URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/ayi-gormek-istiyorsan-gokyuzune-bak-olayinin-sirri-cozuldu-erdogan-gundeme-damga-vuran-olayi-bu-sozlerle-acikladi-41736618> (дата обращения: 05.03.2022).

7 Турция провела успешные испытания гибридного двигателя ракеты для миссии на Луну // TACC. – 2021. – 11 апреля. – URL: <https://tass.ru/kosmos/11116675> (дата обращения: 05.03.2022).

же и для нужд ВС Турции. В их числе – спутники *BİLSAT* (деактивирован в 2006 г.), *RASAT*, а также *GÖKTÜRK-1* и *GÖKTÜRK-2* [Военная..., 2021, с. 245].

При этом стоит отметить, что все вышеперечисленные выведенные на орбиту спутники, за исключением *RASAT* и *GÖKTÜRK-2*, были произведены зарубежными компаниями, и лишь в некоторых случаях участие в разработках принимали турецкие инженеры. Ожидается, что разрабатываемые в настоящее время *TÜRKSAT 6A*, *GÖKTÜRK-3*, *GÖKTÜRK-1Y*, *İMECE* и *LAGARİ* станут аппаратами, полностью произведенными усилиями турецких компаний.

Отдельного внимания заслуживает символизм, прослеживающийся в названиях некоторых турецких космических технологий, призванных отдать дань наследию Османской империи и лишний раз подчеркнуть величие турецких достижений в рамках распространяемой государством идеологии «неоосманизма».

Так, например, спутники серии *GÖKTÜRK*, предположительно, названы в честь мифического протогосударственного объединения тюрков Средних веков, называвших себя *Göktürkler* (с тур. – «небесные тюрки»). Спутник *LAGARİ*, в свою очередь, официально унаследовал имя Лагари Хасана-челеби – османского «авиатора», который, как считается в турецком научном сообществе, в XVII в. совершил первый пилотируемый полет на пороховой «ракете» на 300 м⁸, что, однако, является весьма спорной и дискуссионной с точки зрения своего правдоподобия гипотезой.

Третий пункт Программы посвящен созданию **региональной системы позиционирования и синхронизации времени** (*Bölgesel Konumlama ve Zamanlama Sistemi (BKZS)*), с помощью которой Турция получит возможность независимой спутниковой навигации. В рамках системы также будут разработаны собственные приложения, обеспечивающие точную навигацию, в частности в сфере обороны, сельского хозяйства, градостроительства и автономных транспортных средств [Национальная... Milli..., n/y].

По информации турецких СМИ, система является проектом Вооруженных сил Турции по передаче данных и будет широко использоваться при проведении военных операций, что, как ожидается, сведет риск прерывания военных кампаний и дезинформации военных к минимуму. По мнению турецкого аналитика по оборонной политике Т. Огуза, *BKZS* станет аналогом японской региональной квазизенитной спутниковой системы *QZSS* и индийской *NavIC* (до 2016 г. – *IRNSS*). При этом он отметил, что такого рода процессы являются чрезвычайно дорогостоящими, что объясняет их наличие лишь у шести стран мира⁹ (имеются в виду российская ГЛОНАСС, американская *GPS*, система Евросоюза как наднационального образования *GALILEO*, китайская *BEIDOU*, а также обозначенные выше региональные системы Японии и Индии).

В одном из интервью для *TRT Haber* эксперт объяснил необходимость создания национальной спутниковой навигационной системы отсутствием ка-

8. İşte Lagari Hasan Çelebi uydusunun göreve başlayacağı zaman // İstiklal. – 2017. – November 24. – URL: <https://www.istiklal.com.tr/haber/iste-lagari-hasan-celebi-uydusunun-goreve-baslayacagi-zaman/346434> (дата обращения: 05.03.2022).

9. Yerli ve milli konumlama sistemi riskleri ortadan kaldıracak // TRT Haber. – 2021. – February 11. – URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/yerli-ve-milli-konumlama-sistemi-riskleri-ortadan-kaldiracak-555494.html> (дата обращения: 06.03.2022).

ких-либо гарантий относительно того, что системы других стран будут стабильно работать в рамках критически важных операций и в условиях войны и не будут отключены в самый нужный для Турции момент. Аналитик подчеркнул, что, несмотря на использование Турцией систем России, США и Европы, благодаря исследованиям, ведущимся с 2011 г., Турецкая Республика уже применяет новый подход к позиционированию и использованию получаемой от этих систем информации, в том числе с помощью национального проекта *Türkiye Ulusal Sabit GNSS Ağı* (*TUSAGA-Aktif*)¹⁰.

TUSAGA-Aktif представляет собой высокоточную систему мгновенного предоставления информации о геолокации в режиме реального времени, которая способна распознавать необходимое количество спутников Глобальных навигационных спутниковых систем (GNSS) по всей территории Турции, а также Турецкой Республики Северного Кипра¹¹.

Разработка проекта была начата *TÜBİTAK* еще в 2005 г. в рамках «Программы поддержки научно-исследовательских проектов государственных учреждений» и продолжалась до 2008 г. По итогам ее реализации на территории Турции функционируют 146 стационарных GPS-станций, осуществляющих работу в режиме реального времени. Эксплуатация системы осуществляется из центров управления Главного управления земельного кадастра (*TKGM*) и Главного командования картографии (*HGK*). Материалы, собранные со всех станций, передаются в центр обработки данных, где

рассчитываются параметры их коррекции, а затем направляются непосредственно пользователям [История... *Türkiye'de...*, 2011, р. 5].

Отдельного внимания заслуживает четвертый пункт Космической программы, затрагивающий особенно актуальный для Турции вопрос **беспрепятственного доступа к космосу и созданию космодрома**.

С начала своей деятельности в области освоения космоса при осуществлении запусков Турецкая Республика была вынуждена прибегать к помощи своих партнеров. Так, запуск спутников *TÜRKSAT 1B*, *TÜRKSAT 1C*, *TÜRKSAT 2A*, *TÜRKSAT 3A*, *GÖKTÜRK-1* был осуществлен с космодрома Куру во Французской Гвиане; *TÜRKSAT 4A*, *TÜRKSAT 4B* были запущены с арендуемого Россией космодрома Байконур, расположенного в Казахстане; *TÜRKSAT 5A*, *TÜRKSAT 5B* – с космодрома на мысе Канаверал в США, арендуемого американской *SpaceX*; *GÖRTÜRK-2* – с космодрома Цзюцюань в Китае; *BİLSAT* – с космодрома Плесецк в России, *RASAT* – с российской пусковой базы «Ясный» [*Erboğa*, 2019, р. 325–330]. При этом их доставка на орбиту также осуществлялась при помощи зарубежных ракет-носителей.

В Космической программе Турции отмечается, что первоочередной задачей является определение наиболее подходящих места запуска и технологий, а также создание инфраструктуры пусковых установок и производство национальных ракет. В рамках вопроса поиска площадки запуска, как отмечается, будут рассмотрены возможности международно-

¹⁰ Ibid.

¹¹ *TUSAGA-Aktif Sistemi // Türkiye Ulusal Sabit GNSS Ağı* – 2011. – URL: <https://www.tusaga-aktif.gov.tr/> (дата обращения: 07.03.2022).

го сотрудничества [Национальная... Milli..., n/y].

По причине плотности населения, а также геолого-географических особенностей Турции, в частности ее местами гористого рельефа, расположения на стыке литосферных плит и высокой сейсмической активности речи о строительстве космической станции на территории страны (пока) не ведется. В соответствии с официальной картой опасности землетрясений Турции, подготовленной в 2019 г. Управлением по ликвидации последствий стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций при МВД Турции (AFAD), наиболее устойчивым в этом плане является район Центральной Анатолии и его небольшая южная часть, граничащая со средиземноморским регионом (провинция Караман)¹². Однако строительство АЭС «Аккую» в соседнем Мерсине является заведомо неблагоприятным фактором для проведения в регионе каких-либо испытаний.

В этом плане сохранение определенной зависимости Анкары от других государств видится неизбежным. Известно, что Турция рассматривает вариант строительства космодрома в одной из экваториальных стран, в частности в Сомали, где Турецкая Республика уже имеет военную базу. По словам главы Космического агентства Турции С.Х. Йылдырыма, содействие в разработке и строительстве пусковой площадки ей может оказать Россия¹³.

При этом весьма важным для Турции остается финансовый вопрос. В условиях сильнейшего за последние

десятилетия экономического кризиса и рекордного падения курса турецкой лиры (до 17,04 за доллар в декабре 2021 г.¹⁴) проблема возможной нехватки средств на возведение, аренду и эксплуатацию зарубежного космодрома обретает все более реалистичные черты.

Пятый пункт Программы посвящен **технологическим исследованиям «космической погоды»**. В его рамках предполагается, в частности, повышение инвестиций в изучение метеорологии, поддержка исследований ионосферы в рамках проектов систем позиционирования, интеграция в проекты исследований в области «космической погоды», разработка радиационно стойких полупроводников и инфраструктуры радиационного тестирования.

Помимо этого, запланировано создание специализированного подразделения, собирающего наблюдения в этой области и уполномоченного работать с международными организациями. Одна из главных целей данной деятельности – обеспечение устойчивости и безопасности операций Турции как на земле, так и в небе [Национальная... Milli..., n/y].

Шестой пункт – **наблюдение и отслеживание космических объектов с Земли** – в первую очередь предусматривает слияние в единую национальную исследовательскую структуру Национальной обсерватории TÜBİTAK (TUG) в Анталье и Восточно-Анатолийской обсерватории (DAG) в Эрзуруме. Кроме того, с целью улучшения качества наблюдений предполагается установка оптических систем с учетом

12 Türkiye Deprem Tehlike Haritası İndeksi // Т.С. İçişleri Bakanlığı Afet ve Acil Durum Yönetimi Başkanlığı Deprem Dairesi Başkanlığı. – URL: <https://deprem.afad.gov.tr/deprem-tehlike-haritasi> (дата обращения: 15.03.2022).

13 Россия может принять участие в создании турецкого космодрома // РИА Новости. – 2021. – 18 июня. – URL: <https://ria.ru/20210618/kosmodrom-1737504295.html> (дата обращения: 15.03.2022).

14 Курс турецкой лиры упал до рекордных показателей // ТАСС. – 2021. – 20 декабря. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/13244235> (дата обращения: 15.03.2022).

метеорологических условий в разных регионах страны, а также запуск мелкомасштабных проектов по разработке технологий для неоптических систем.

Ожидается, что в эксплуатацию будут постепенно вводиться радиочастотные и лазерные наземные системы, а в среднесрочной перспективе будут внедрены и космические системы. Благодаря такой деятельности, а также разработанным радиотелескопам турецкие ученые смогут изучать также радиоволны и быстрые радиовсплески, тайна которых, как отмечается в тексте Программы, «не разгадана до сих пор» [Национальная... Milli..., n/y].

Следующий, седьмой, пункт затрагивает вопрос **развития экосистемы космической промышленности**. Отмечается, что с этой целью будут разработаны законодательство и политика, уточняющие и разграничивающие роли между пользователями, частным сектором, исследовательскими институтами и университетами. Вместе с тем будут упорядочены правила в отношении интеллектуальной собственности, что предоставит новые возможности мелкому предпринимательству, а также будут облегчены механизмы, касающиеся частных венчурных инвесторов (так называемых бизнес-ангелов) и венчурного капитала.

Отдельного внимания заслуживает план создания Зоны развития космических технологий, призванной облегчить процесс интеграции и сотрудничества сторон. Среди ожидаемых итогов названы увеличение объемов производства, осуществление комплексных работ с промышленными кластерами в космической сфере, экспорт продукции/услуг и использование разработанных технологий в других сферах, что будет способствовать процветанию страны [Национальная... Milli..., n/y].

В связке с предыдущим в тексте Программы отдельно обозначен вось-

мой пункт, касающийся **Зоны развития космических технологий**, которая вскользь упоминалась ранее. Отмечается, что такого рода пространство, где смогут разместиться отечественные и зарубежные инвесторы, будет создано совместно с Ближневосточным техническим университетом (ODTÜ). С помощью механизмов стимулирования в Зону развития технологий будут допущены малые и средние предприятия, в особенности те, которые впоследствии могут быть вовлечены в сферу освоения космоса.

Помимо этого, будут приняты законодательные акты, позволяющие космической отрасли Турции максимально использовать данную площадку. В качестве одного из итоговых преимуществ при этом вновь подчеркивается возможность увеличения экспортных возможностей космической промышленности Турецкой Республики [Национальная... Milli..., n/y].

Предпоследний, девятый, пункт посвящен вопросу **осведомленности о космосе и развитию человеческих ресурсов**. Стратегия в данной области предусматривает формирование учебных программ в университетах в соответствии с потребностями страны, организацию международных летних школ, курсов и семинаров для поддержки профильного образования, поощрение отраслевой научной и общественной деятельности, присуждение стипендий магистрантам и аспирантам в четко определенных областях, оказание содействия проектам высших учебных заведений, повышение интереса детей и молодежи к космосу, в том числе за счет доведения необходимой информации до воспитателей/учителей [Национальная... Milli..., n/y].

Завершает Космическую программу Турции, вероятно, один из самых амбициозных пунктов – **отправка в космос турецкого космонавта и осуществле-**

ние научной миссии. Внимание на себя обращает тот факт, что покорять космическое пространство, согласно Программе, должен турок не по происхождению, а именно по гражданству, на что указывает преднамеренное употребление в тексте словосочетания *Türk vatandaşı* (с тур. – гражданин Турции).

Отмечается, что вопрос отправки турецких космонавтов в космос будет обсуждаться в рамках программ международного сотрудничества. Кроме того, Турция планирует аккумулировать рекомендации от университетов и исследовательских организаций для проведения в космосе экспериментов. При этом научно-общественная работа космонавтов, как заявлено в Программе, будет планироваться заранее. По итогам проделанной работы Турция, как ожидается, получит возможность пользоваться инфраструктурой Международной космической станции (МКС) и проводить научные космические исследования [Национальная... Milli..., n/y].

Международное сотрудничество

При оценке фундаментальной по своему содержанию Космической программы Турции представляется важным отметить, что ряд ее пунктов – во всяком случае на данном этапе – труднореализуемы без поддержки международного сообщества. Об этом, в частности, свидетельствуют отдельные формулировки Программы, в которых особая роль всё же отводится международной кооперации.

Стоит отметить, что в правовом поле современная Турция является страной-подписантом следующих нормативно-правовых актов международного характера, инициированных ООН: Соглашение «О принципах, регулирующих деятельность государств в области разведки и использования космоса, включая Луну и другие небесные тела» от 27 января 1967 г., Соглашение «О спасении космонавтов и возвращении космонавтов и транспортных средств, запущенных в космос» от 27 апреля 1968 г., Конвенция «О международной ответственности за ущерб космическим объектам» от 29 марта 1972 г., Договор «О регистрации объектов, запущенных в космос» от 12 ноября 1974 г., а также Соглашение от 18 декабря 1979 г., регулирующее деятельность государств на Луне и других небесных телах¹⁵.

При этом Турецкая Республика активно развивает практические межгосударственные связи с передовыми странами в области освоения космоса, одной из которых является Российская Федерация. Как уже отмечалось, турецкая сторона осуществляет запуски спутников с российских космодромов и, особенно в условиях планомерного ухудшения отношений с Западом, всерьез рассчитывает на сотрудничество с Москвой в области строительства собственной пусковой площадки. Россия, в свою очередь, демонстрирует готовность к выстраиванию двусторонних контактов.

Так, в интервью турецкому агентству *Anadolu* еще в 2019 г. глава Госкорпорации «Роскосмос» Д. Рогозин четко обозначил заинтересованность России в сотрудничестве, а также готовность

15 Uzay // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/uzay.tr.mfa> (дата обращения: 17.03.2022).

оказать Турции содействие в поставке комплектующих, в частности ракетных двигателей, и даже подготовке турецких космонавтов и других специалистов¹⁶.

О намерении развивать взаимодействие говорит и рабочий визит делегации Роскосмоса и организаций ракетно-космической промышленности во главе с директором Госкорпорации, специальным представителем президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в космосе Д. Рогозиным в Турецкую Республику, состоявшийся 22–23 ноября 2021 г. С турецкой стороны в переговорах участвовали министр промышленности и технологий Турции М. Варанк и глава Космического агентства Турции С.Х. Ыылдырым.

В ходе встречи, на которой обсуждались перспективы сотрудничества, особое внимание было уделено подготовке межправительственного соглашения между Россией и Турцией о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, призванного заложить договорно-правовой фундамент выстраиваемой в дальнейшем работе. В пресс-релизе Роскосмоса по итогам встречи отмечено, что соглашение позволит развивать взаимодействие в таких сферах, как пилотируемая космонавтика, создание космической техники, научные космические исследования, планетарные исследования, дистанционное зондирование Земли, мониторинг космического пространства, спутниковая навигация, телекомму-

никация и связь¹⁷. Примечательно, что практически все из названных направлений сотрудничества отражены в Космической программе Турции.

США и другие страны Запада также представляют для Турции партнерский интерес в вопросе предоставления в пользование своих космодромов и совместного развития технологий. Один из первых договоров – «О космическом и промышленном сотрудничестве» – был подписан между Анкарой и Вашингтоном еще в 2005 г. [Овсепян, 2010, с. 48]. В последнее время наблюдается особая заинтересованность Анкары в сотрудничестве с частной американской компанией *SpaceX*. К примеру, 16 декабря 2021 г. лидер Турции Р.Т. Эрдоган в режиме видеоконференции провел переговоры с главой компании И. Маском, в ходе которых проинформировал предпринимателя о национальной Космической программе страны, а также о намерении развивать сотрудничество в сфере разработки технологий и запуска спутников¹⁸.

При этом Россия и США не являются единственными партнерами Турции. По информации Космического агентства Турецкой Республики, с момента своего основания структура выстроила сотрудничество с двадцатью странами, пятью международными фирмами, а также семью международными учреждениями и организациями. В частности, были проведены или продолжаются переговоры о сотрудничестве с компаниями *Blue Origin*, *AXIOM*, *Lockheed Martin*, *Rocket Lab*.

16 Интервью Дмитрия Рогозина агентству «Анадолу» // Роскосмос. – 2019. – 18 сентября. – URL: <https://www.roscosmos.ru/26870/> (дата обращения: 17.03.2022).

17 Россия и Турция обсудили перспективы сотрудничества в исследовании космоса // Роскосмос. – 2021. – 23 ноября. – URL: <https://www.roscosmos.ru/33436/> (дата обращения: 17.03.2022).

18 Эрдоган обсудил с Маском сотрудничество в космосе и рынок электромобилей // ТАСС. – 2021. – 16 декабря. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/13221083> (дата обращения: 18.03.2022).

Более того, Турция сотрудничает с Азиатско-Тихоокеанской организацией по космическому сотрудничеству (APSCO), Комитетом по космическим исследованиям (COSPAR), Сетью космических наук и технологий исламских стран (ISNET), Европейской ассоциацией международного космического года (EURISY), Азиатско-Тихоокеанским региональным форумом космических агентств (APRSF), Управлением ООН по вопросам космического пространства (UNOOSA), Комитетом ООН по использованию космического пространства в мирных целях (COPUOS), Международной астронавтической федерацией (IAF), а также является активным участником встреч Лидеров космической экономики (SPACE20) в рамках G20. Также известно, что Турция изъявила желание стать участником космической программы Евросоюза [Отчет... İdare ..., n/y].

В рамках двустороннего взаимодействия Турцией подписаны соглашения с Украиной (2019 г.), Венгрией (2019 г.) и Казахстаном (2020 г.), а также подготовлены тексты аналогичных документов с Японией, Пакистаном, Азербайджаном, Россией, Индонезией и Китаем. Вместе с тем с Испанией, Италией, Францией, Индией, Катаром, Южной Кореей, Узбекистаном, Чили и Австралией осуществляются предварительные переговоры о возможности двустороннего сотрудничества¹⁹.

Помимо перечисленных стран и регионов, в космическую плоскость свое сотрудничество Турция стремится вывести и с государствами так называемого тюркского мира, представляющего собой отдельное направление внешнеполитической деятельно-

сти Анкары по реализации идей пантюркизма. Так, например, в стратегическом документе Организации тюркских государств (ОТГ) под названием «Видение тюркского мира 2040», принятом в ноябре 2021 г., целых четыре пункта посвящены взаимодействию в космической области, а именно: развитию в сфере спутниковых технологий, обмену накопленными знаниями и опытом, партнерству между космическими агентствами и другими профильными учреждениями стран – участниц ОТГ, созданию механизма сотрудничества между странами-членами с целью использования общей космической инфраструктуры, проведению совместных исследований с привлечением университетов, научных и других космических центров и т.д. [Видение... Türk..., n/y].

Внимания заслуживает тот факт, что аналогичные планы по сотрудничеству с функционирующей под эгидой Турции ОТГ отражены и в отдельном разделе Стратегии Космического агентства Турции на 2022–2026 гг. В связи с этим нельзя исключать, что в реализации турецкой Космической программы в роли младших партнеров в перспективе будут задействованы тюркские государства Центральной Азии и Закавказья, а явление пантюркизма обретет новую – космическую – грань.

Процессы, связанные с формированием полицентричного миропорядка, не могли не затронуть космическое измерение, где в последние годы между мировыми и региональными игроками развернулась серьезная борьба за

19 Uluslararası İşbirlikleri // Türkiye Uzak Ajansı. – URL: <https://tua.gov.tr/tr/uluslararasi-faaliyetler/uluslararasi-isbirlikleri> (дата обращения: 18.03.2022).

место на околоземной орбите. В «космическую гонку» оказались вовлечены страны Востока, еще вчера не имевшие убедительных «сухопутных» технологий, но уже сегодня уверенно стремящиеся к покорению космического пространства.

Турецкая Республика, несмотря на активное встраивание в космические процессы и достигнутый в этом деле прогресс, по-прежнему далека от так называемого клуба космических держав. Проектирование и строительство искусственных спутников Земли – единственное направление, где Турция преуспевает в практическом смысле; однако и на данном треке многими своими успехами она обязана зарубежным производителям комплектующих, в большей степени – европейским и американским поставщикам. В связи с этим остается актуальным вопрос их дальнейшего взаимодействия в контексте неоднозначных отношений Турции с западными партнерами в целом и государствами «объединенной Европы» в частности. Так, например, за свое сотрудничество с Россией в рамках приобретения ПВО С-400 «Триумф» Турция уже лишилась американских газотурбинных двигателей, используемых на турецких боевых вертолетах T129, немецких дизельных двигателей для танков *Altay*, а также канадских электронно-оптических систем, применяемых на турецких БПЛА *Bayraktar TB-2*²⁰. На данный момент нет никаких гарантий, что эта же участь не постигнет и аэрокосмическую промышленность Турции.

В своей статье «Турция и космические разработки» от 2013 г. Б.А. Йылмаз – на тот момент руководитель

структурно-спутниковой группы TUSAŞ – писал, что потребности Турции в разработке и производстве спутниковой системы могут быть удовлетворены на 25% за счет внутренних ресурсов. Эксперт прогнозировал рост данного показателя до 50% к 2020 г., отмечая, что после 2025 г. предполагается повышение уровня использования отечественного оборудования в космических проектах, главным подрядчиком которых будет в основном выступать TUSAŞ, до 65% [Yilmaz, 2013, p. 252]. Тем не менее в реальности технологии развиваются не такими быстрыми темпами, как ожидалось. На данный момент Турция имеет лишь два полностью произведенных усилиями турецких предприятий спутника (*RASAT* и *GÖKTÜRK-2*), а все другие обнаруженные «громкие» национальные проекты находятся лишь в стадии разработки. При этом всё же стоит отметить, что «спутниковое ремесло» является наиболее развитым направлением космической деятельности Турции, и она находится в шаге от перехода к следующему этапу, призванному освободить ее от «оков» западных технологий.

Тем не менее развитие турецкой аэрокосмической отрасли осложняется отсутствием собственных космодромов и, несмотря на амбициозность принятой Космической программы, весьма туманными перспективами их появления в краткосрочной перспективе. Проблема в данном случае заключается не в отсутствии технического потенциала как такового, а в финансовых сложностях, испытываемых Анкарой по причине экономического кризиса, больно ударившего по курсу лиры.

20 Турция наказана за покупку российских С-400 // Ведомости. – 2020. – 18 декабря. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/12/17/851476-turtsiya-nakazana> (дата обращения: 18.03.2022).

В существующих условиях маловероятной выглядит не только возможность строительства пусковой площадки за рубежом, но и аренда действующих иностранных космодромов. Более того, в случае дальнейшей девальвации национальной валюты нельзя исключать вероятность существенного пересмотра (в сторону сокращения) бюджета, ежегодно выделяемого на нужды Космического агентства Турции. По этой причине стоит также иметь в виду, что размещение пусковой площадки на территории удаленного от страны иностранного государства обяжет Турцию регулярно продумывать логистику в условиях динамично меняющихся политических реалий и предусматривать расходы по транспортировке туда своих изобретений.

Вопрос, выдержит ли «космический запал» Турции натиск международной конкуренции, так же остается открытым. Сегодня в борьбу за звание космических гигантов второго эшелона наряду с Анкарой активно вступает Тегеран. И если достижения Ирана в этой области пока достаточно скромны и не представляют особых поводов для беспокойства, то, например, соперничать с опытным космическим триумфатором в лице Израиля Анкаре как минимум будет нелегко. Для России, в свою очередь, открывается новое поле возможностей для вывода двусторонних российско-турецких отношений в космическую плоскость и вовлечения Турции в орбиту своего влияния, которые необходимо использовать.

В целом Космическая программа Турции является неотъемлемой частью «неоосманского» курса Анкары и плотно вплетена в политическую канву. Вместе с тем она не лишена противоречий: так, например, проходящая красной нитью сквозь весь текст Программы заявка на самостоятельность

Турции слабо соотносится с реальными ресурсами Анкары и ее стремлением найти выгодных партнеров, без которых и так сомнительная реализация намеченных целей становится практически невозможной.

Современная Турция осознает, что без освоения космоса невозможно получить статус надрегиональной державы, к обретению которого она так стремится. Более того, феномен планомерной «космизации» Турецкой Республики уже давно стал очередным популистским инструментом в умелых руках президента Р.Т. Эрдогана, использующего космическую тематику для консолидации масс вокруг турецких достижений любого масштаба. В том числе по этой причине цель занять определенную нишу в космическом пространстве входит для Турции в разряд стратегических.

Однако помимо увлеченности космическими инициативами, правящей элите Турции в равной степени не стоит забывать о делах «земных», в числе которых – в первую очередь восстановление турецкой экономики и доверия потенциального электората, в определенной степени подорванного дорогостоящими космическими программами, трансграничными военными операциями и другими действиями, реализуемыми на фоне социальных протестов и нестабильной экономической ситуации.

Список литературы

Военная разведка / Пухов Р.Н., Робинсон П. (ред.). – Москва : Центр анализа стратегий и технологий, 2021. – 376 с.

Овсепян Л. Турецко-американское сотрудничество в контексте модернизации турецких ВВС // Регион и мир. – 2010. – № 1 (1). – С. 46–54.

Спад в экономике Турции – угроза для долгосрочного развития страны. Бюллетень о текущих тенденциях в мировой экономике / Григорьев Л. [и др.] // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – Май 2019. – № 4. – 23 с. – URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/22293.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

Yilmaz S. Space and Turkey // *Open Journal of Political Science*. – 2016. – № 3 (6). P. 323–337. – DOI: 10.4236/ojps.2016.63029.

Видение тюркского мира 2040. Türk Dünyası 2040 Vizyonu // Türk Devletleri Teşkilatı. – n/y. – Турец. яз. – URL: <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turk-dunyasi-2040-vizyonu-2396-98.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).

История стационарных станций GNSS в Турции и национальная сеть стационарных GPS-станций TUSAGA-AKTİF. Türkiye’de Sabit GNSS İstasyonlarının Tarihi ve Türkiye Ulusal Sabit GPS İstasyonları Ağı-Aktif (TUSAGA-AKTİF) / Aktuğ B. [et al.] // TMMOB Harita ve Kadastro Mühendisleri Odası. 13. Türkiye Harita Bilimsel ve Teknik Kurultayı, April 18–22, 2011. – Ankara. – P. 1–9. – Турец. яз. – URL: https://obs.hkmo.org.tr/show-media/resimler/ekler/870afe91ce1dea0_ek.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

Йылдыз У. Космические приключения Турции. Yıldız U. Türkiye’nin Uzay Macerası // *Uzay Atlası*. – 2021. – № 335. – P. 32–34. – Турец. яз.

Йылмаз С. Космическая безопасность. Yilmaz S. Uzay Güvenliği. İstanbul :

Milenyum Yayınları, 2013. – 360 p. – Турец. яз.

Национальная космическая программа. Milli Uzay Programı // Türkiye Uzay Ajansı. – n/y. – Турец. яз. – URL: <https://cdn.tua.gov.tr/60227c3d5f551.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

Отчет о деятельности администрации за 2021 г. İdare Faaliyet Raporu 2021 // Türkiye Uzay Ajansı ; Türkiye Uzay Ajansı Strateji Geliştirme Daire Başkanlığı. – n/y. – Турец. яз. – URL: <https://cdn.tua.gov.tr/62274745a7c66.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

Партия справедливости и развития с момента основания до наших дней: внешняя политика. Kuruluşundan bugüne AK Parti: dış politika / İnat K. [et al.]. – İstanbul: SETA Kitapları, 2018. – 552 p. – Турец. яз.

Стратегический план на 2022–2026 гг. 2022–2026 Stratejik Planı // Türkiye Uzay Ajansı. – n/y. – Турец. яз. – URL: <https://cdn.tua.gov.tr/621f7a02307bf.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

Экиджи О.К. Обнародована дорожная карта Турции в области космических исследований. Ekici Ö.K. Türkiye’nin Uzay Çalışmalarındaki Yol Haritası Açıklandı // TÜBİTAK Bilim ve Teknik Dergisi. – 2021. – № 640 (54). – P. 14–16. – Турец. яз.

Эрбога А. Возможности стратегического оружия Турции. Erboğa A. Türkiye’nin Stratejik Silah Kapasitesi. – İstanbul : SETA Kitapları, 2019. – 348 p. – Турец. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.10

Through Hardship to the Stars: Turkey's National Space Program

Alina I. SBITNEVA

Researcher

Department of Middle and Post-Soviet East

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN)

117418, 51/21 Nakhimovskiy prospekt, Moscow, Russian Federation

E-mail: a_sbitneva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9196-9348

CITATION: Sbitneva A.I. (2022). Through Hardship to the Stars: Turkey's National Space Program. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 191–208 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.10

Received: 20.03.2022.

Revised: 07.04.2022.

ABSTRACT. *The launch of the first Turkish communications satellite at the end of the last century marked the beginning of Turkey's exploration of outer space. Noticeable acceleration of Turkish Republic's "cosmization" occurred with R.T. Erdogan's coming to power in 2014. The intensification of such processes has become a logical continuation of the unofficial "neo-Ottomanism" ideology focused on increasing Turkey's international authority in various fields that started much earlier. In order to study the aspects of Ankara's activities in this area, the article provides a comprehensive analysis of the key state and non-state space-oriented structures' work, as well as Turkey's strategy for achieving space independence.*

The author scrutinizes Turkish state satellite program that is one of the most successful projects of the country. Special attention is paid to the Turkish Space Agency, its strategic documents and country's National Space Program. Moreover, the article exam-

ines the details of Ankara's international cooperation in the field of space technologies in particular with Russia and the United States as well as other actors and international space organizations.

The author concludes that modern Turkey is just beginning the path of its independent existence in space and still to a certain extent depends on foreign partners, both – in the context of the components' supplies and the lack of its own spaceports. In addition, Turkey's ambitious space plans seem to be difficult to implement due to the economic crisis, significant weakening of the Turkish lira and rather tight deadlines. At the same time, Russia can use arising opportunities to involve Ankara in its "orbit" – both literally and figuratively.

KEYWORDS: Turkey, R.T. Erdogan, "neo-Ottomanism", space, technologies, aerospace industry, Turkish Space Agency, Turkish space Program, satellite, Lunar mission.

References

- Ekici Ö.K. (2021). The Roadmap of Turkey's Space Studies has been Announced. Ekici Ö.K. Türkiye'nin Uzun Çalışmalarındaki Yol Haritası Açıklandı. *TÜBİTAK Bilim ve Teknik Dergisi*, no. 640 (54), pp. 14–16 (in Turkish).
- Erboğa A. (2019). *Turkey's Strategic Weapons Capability*. Erboğa A. Türkiye'nin Stratejik Silah Kapasitesi. İstanbul: SETA Kitapları, 348 pp. (in Turkish).
- İstoriya... Türkiye'de... (2011). *The History of Fixed GNSS Stations in Turkey and the Turkish National Network of Fixed GPS Stations (TUSAGA-ACTIVE)*. Türkiye'de Sabit GNSS İstasyonlarının Tarihi ve Türkiye Ulusal Sabit GPS İstasyonları Ağı-Aktif (TUSAGA-AKTİF). TMMOB Harita ve Kadastro Mühendisleri Odası. 13. Türkiye Harita Bilimsel ve Teknik Kurultayı, April 18-22, Ankara, pp. 1–9. Available at: https://obs.hkmo.org.tr/show-media/resimler/ekler/870afe91ce1dea0_ek.pdf, accessed 10.03.2022 (in Turkish).
- Natsional'naya... Milli... (n/y). *National Space Program. Milli Uzun Programı*. Türkiye Uzun Ajansı, available at: <https://cdn.tua.gov.tr/60227c3d5f551.pdf>, accessed 05.03.2022 (in Turkish).
- Otchet... İdare ... (n/y). *Annual Report of the Administration 2021. İdare Faaliyet Raporu 2021*. (n/y) Türkiye Uzun Ajansı; Türkiye Uzun Ajansı Strateji Geliştirme Daire Başkanlığı, available at: <https://cdn.tua.gov.tr/62274745a7c66.pdf>, accessed 05.03.2022 (in Turkish).
- Ovsepyan L. (2010). Turkish-American cooperation in the context of modernization of the Turkish Air Force. *Region and the world*, no. 1 (1), pp. 46–54 (in Russian).
- Partiya... Kuruluşundan... (2018). *AK Party since its foundation. Foreign policy (2018). Kuruluşundan bugüne AK Partisi: dış politika*. İstanbul: SETA Kitapları, 552 pp. (in Turkish).
- Spad... (2019). The downturn in Turkish economy is a threat to the long-term development of the country. *Bulletin on current trends in the global economy*. Analytical Center under the Government of the Russian Federation, May, no. 4, 23 pp., available at: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/22293.pdf>, accessed 20.02.2022 (in Russian).
- Strategicheskii... 2022–2026... (n/y). *2022–2026 Strategic Plan. 2022–2026 Stratejik Planı* (n/y). Türkiye Uzun Ajansı, available at: <https://cdn.tua.gov.tr/621f7a02307bf.pdf>, accessed 05.03.2022 (in Turkish).
- Videniye... Türk... (n/y). *Vision of the Turkic World 2040. Türk Dünyası 2040 Vizyonu*. Türk Devletleri Teşkilatı, available at: <https://www.turkkon.org/assets/pdf/haberler/turk-dunyasi-2040-vizyonu-2396-98.pdf>, accessed 18.03.2022 (in Turkish).
- Voennaya ... (2021). *Military Intelligence*, Pukhov R.N., Robinson P. (eds.). Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 376 pp. (in Russian).
- Yıldız U. (2021). Space Adventure of Turkey. Yıldız U. Türkiye'nin Uzun Macerası. *Uzun Atlası*, no. 335, pp. 32–34. (in Turkish).
- Yılmaz S. (2013). *Space Security*. Yılmaz S. *Uzun Güvenliği*. İstanbul: Milenyum Yayınları, 2013, 360 pp. (in Turkish).
- Yılmaz S. (2016). Space and Turkey. *Open Journal of Political Science*, no. 3 (6), pp. 323–337. DOI: 10.4236/ojps.2016.63029.

Панорама Африки и Ближнего Востока

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11

Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения»

Василий Дмитриевич ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5937-8786

ЦИТИРОВАНИЕ: Останин-Головня В.Д. (2022). Поворот на Ближний Восток: фактор «исламского пробуждения» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 209–221.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11

Статья поступила в редакцию 26.03.2022.
Исправленный текст представлен 14.04.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются перспективы расширения стратегии поворота России на Восток с учетом текущих изменений системы мировой политики в контексте глобального феномена «религиозного Ренессанса» и новых факторов, вызванных украинским кризисом. Большое внимание уделяется специфике процесса «исламского пробуждения», оказавшего непосредственное влияние на формирование современного внешнеполитического курса Саудовской Аравии, Ирана и Турции, которые относятся к числу основных партнеров России на ближневосточном направлении. К вниманию предлагается авторская периодизация основных этапов «исламского пробуждения», включающая хронологические рамки 1970–1980, 1990–2000 и 2010–2020-х годов. Статья содержит описание и характеристику основных приоритетов, идейно-ценностных концепций и исламской компоненты внешней политики Эр-Рияда, Анкары и Тегерана. Особое внимание

уделяется регионам и сферам, где пересекаются интересы Российской Федерации и «тяжеловесов» Ближнего Востока. В частности, рассматриваются вопросы политических процессов, направленных на формирование идентичностей и интеграционных проектов в пределах мусульманского и тюркского мира. Статья содержит постановку вопроса об осмыслении независимых республик Закавказья и Центральной Азии в качестве составной части концептуального пространства Постсоветского Востока в контексте балансировки российских интересов и приоритетов в условиях текущих изменений системы мирового порядка. По результатам проведенного анализа автор описывает преимущества и основные вызовы двустороннего взаимодействия России с Саудовской Аравией, Ираном и Турцией через призму процессов, связанных с «религиозным ренессансом», «исламским пробуждением» и формированием постсекулярного общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *поворот России на Восток, Ближний Восток, постсоветский Восток, Саудовская Аравия, Иран, Турция, мусульманский мир, «исламское пробуждение», «религиозный ренессанс», постсекуляризм.*

Концепция поворота России на Восток возникла в середине 2000-х годов в условиях постепенного ухудшения отношений с Западом и экономического подъема соседних азиатских стран. Данная стратегия предполагала интенсификацию экономического и политического взаимодействия с государствами Азии через повышение роли Зауралья и Дальневосточного региона, которые в перспективе должны были превратиться, по выражению С.А. Караганова, «из преимущественно имперского бремени ... в потенциальную территорию развития для всей страны» [Караганов, 2017].

Саммит АТЭС 2012 г. во Владивостоке принято считать отправной точкой активизации российской политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Майский визит В.В. Путина в Шанхай в 2014 г.¹ фактически закрепил за Китаем статус основного партнера на данном направлении. Немаловажную роль сыграл в этом украинский фактор. С одной стороны, дестабилизация Украины в 2013–2014 гг. создала множество транзитно-логистических проблем для российско-европейского товарооборота. С другой стороны, кардинально противоположные подходы Москвы и западного сообщества к событиям так называемого Евромайда-

на вызвали политический кризис. После воссоединения Крыма с Россией в марте 2014 г. санкционное давление США и ЕС стало новой константой отношений с Западом, вследствие чего актуальность поворота на Восток достигла своего пика.

Тем не менее, несмотря на постоянный рост противоречий между Москвой и западными столицами, долгое время концепции развития восточных регионов России мыслились в качестве построения хаба, который соединил бы Европу с Азией [Ма Бо, 2014, с. 83–84]. Об этом, в частности, свидетельствует подписанное 8 мая 2015 г. совместное заявление РФ и КНР «О сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»². Комплекс мер по выполнению Минских соглашений от 12 февраля того же года³ и «нормандского формата» позволяли сохранить определенную надежду на мирное разрешение украинского кризиса и дальнейшую разрядку в отношениях с США и ЕС, что подпитывало на протяжении последних восьми лет инерцию прозападного «вхожденчества» 1990–2000-х годов. Однако события, которые последовали за вынужденным началом спецоперации России по демилитаризации Украины 24 февраля 2022 г., окончательно изобличили данный подход, фактически поставив точку в вопросе поиска баланса между западным и восточным векторами российской политики.

В условиях агрессивной изоляции со стороны Запада поворот на Восток

1 Официальный визит в Китай. Саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии // Президент России. – 2014. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/trips/21062> (дата обращения: 20.03.2022).

2 Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. – 2015. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 20.03.2022).

3 Комплекс мер по выполнению Минских соглашений // Президент России. – 2015. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения: 20.03.2022).

стал не только самоочевидным выбором, но и объективной необходимостью для дальнейшего развития внешнеполитического курса России. Однако для успешной реализации данной стратегии на современном этапе следует учитывать два фактора. **Во-первых, Восток – это собирательное понятие, относящееся к множеству народов и культур, а не к конкретной географической области.** Геополитическое положение Российской Федерации, помимо Азиатско-Тихоокеанского региона, обязывает включать в это понятие Южную, Юго-Восточную и Центральную Азию, а также Постсоветский и Ближний Восток. Прежде всего внимание здесь должно уделяться взаимодействию с региональными «тяжеловесами». Например, на Ближнем Востоке в их числе можно выделить Иран, Турцию и Саудовскую Аравию. **Во-вторых, восточные страны обладают более сложной этноконфессиональной и идейно-ценностной спецификой, чем государства евроатлантического пространства.** Религиозный фактор оказывает весомое влияние на политические процессы Востока, и для России как страны со значительной долей мусульманского населения особую роль в этом контексте играет ислам.

«Религиозный ренессанс» в мировой политике

Начиная с 1980-х годов в научных и экспертно-аналитических кругах не прекращаются обсуждения феномена «религиозного ренессанса». Рост влияния религии на мировую политику остается крайне сложным и многофакторным процессом, который в самых общих чертах можно охарактеризовать как «секуляризацию наоборот» [Мазур, 2016, с. 204]. Дан-

ная тенденция носит объективный характер и свидетельствует о формировании так называемого постсекулярного общества в большинстве стран мира, где религия восполняет тот концептуальный вакуум, что возник в начале 1990-х годов после распада биполярной системы, ознаменовавшего конец долгой «эпохи идеологий» [Яковлев, 2013, с. 10].

На протяжении большей части XX в. религия находилась как бы на обочине основных политических процессов. В условиях геополитической конфронтации и идеологического соперничества СССР и США в мировой практике, по сути, доминировали две модели взаимодействия государства с религией. В социалистических странах, где атеизм зачастую был неотъемлемой частью идеологии, секуляризация проявлялась либо в запрете деятельности религиозных организаций, либо в полном их подчинении политической власти. Для западного блока наиболее распространенным вариантом было светское государство, в котором, опираясь на принципы свободы совести и вероисповедания, политическая власть занимала нейтральную позицию по отношению к религиозным организациям.

Такой расклад нашел отражение в 18-й статье Международного пакта «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г., в котором говорится, что *«каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии», «никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору», а любые ограничения в этой сфере допустимы лишь в соответствии с «установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основ-*

ных прав и свобод других лиц»⁴. Под этим документом подписались 168 из 193 государств – членов ООН, 25 стран не присоединились к пакту или оставили его без ратификации. При этом среди первых и вторых можно назвать более 40 стран, где на законодательном уровне закреплено привилегированное положение или государственный статус определенной конфессии.

Секуляризм в качестве политической доктрины был сформирован в контексте западной модели развития, которая, по выражению Талала Асада, предусматривает «разделение частного разума и общественного принципа» [Асад, 2020, с. 20]. Иначе говоря, в условиях светского общества религия теряет свое сакральное содержание и нивелируется до уровня «личных убеждений». Хосе Казанова в своей знаковой монографии отмечал, что ключевую роль в развитии евроамериканской социокультурной системы эпохи модерна сыграла именно секуляризация, среди элементов которой особенно выделялись [Cazanova, 1994, p. 20–25]:

- трансформация социального пространства с целью исключения религии из политики, экономики, науки и прочих сфер;

- «приватизация» религиозной деятельности и культовых практик индивидом или обособленной группой верующих;

- снижение значимости религиозного мировоззрения в идейно-ценностном пространстве и религиозных институтов в социально-политической системе.

Наиболее полно данные принципы реализовались в конституционно-правовом типе государства, характер-

ном для современного Запада. С учетом того, что «религиозный ренессанс» сопровождается ломкой светской модели и формированием постсекулярного общества, этот феномен можно рассценивать в качестве одного из симптомов более масштабного явления – кризиса либерально-демократической парадигмы.

Тем не менее, если страны Запада в своей истории действительно имели длительный период секуляризации, который сформировал определенную систему ценностей и соответствующий тип государственности, то на Востоке социально-политическое развитие, несмотря на попытки колониальной вестернизации XIX–XX вв., шло иным путем, и этно-конфессиональный фактор там играл колоссальную роль на всех этапах. Конечно, определенные элементы светской модели прижились в таких восточных странах, как Индия и Япония, что было отчасти обусловлено политикой «догоняющей модернизации» [Яковлев, 2018, с. 14]. Однако, в силу культурной неоднородности Востока, говорить о какой-то общей тенденции здесь не приходится. Радикально иным образом на попытки секуляризации *изнутри* и насаждение свойственных ей ценностей через глобализационные процессы *извне* отреагировал мусульманский мир, о чем свидетельствуют не только взрыв так называемого фундаментализма в 1990–2000-х годах, но и постоянное усиление религиозного фактора во внешней политике целого ряда государств постсоветского и Ближнего Востока на современном этапе.

В контексте феномена «религиозного ренессанса» наиболее активно и

4 Международный пакт о гражданских и политических правах // ООН. – 1966. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.03.2022).

ярко проявляет себя ислам. Некоторые исследователи объясняют это с точки зрения демографии: изменения в численности основных религиозных общностей оказывают непосредственное влияние на трансформацию конфессиональной динамики [Боришполец, 2012, с. 64]. Согласно докладам *The Pew Research Center*, в процентном соотношении среднегодовой темп роста мусульман в мире составляет 1,5% (по сравнению с совокупными 0,7% всех общин)⁵, и при сохранении таких показателей к 2050 г. мусульмане будут составлять уже не 23% (около 1,6 млрд человек), как это было в 2010 г., а 30% (примерно 2,76 млрд человек) от всего населения Земли⁶. Конечно, количественные показатели важны, но статистика скорее подтверждает значимость, а не раскрывает суть исламской компоненты «религиозного ренессанса».

«Исламское пробуждение»: содержание и этапы

«Исламское пробуждение» – достаточно широкое понятие, которое относится как к определенному спектру религиозных концепций, так и к целому ряду периодов развития мусульманской цивилизации. На современном же этапе данный термин подразумевает начавшийся в 1970-х годах процесс политизации ислама и исламизации политики вследствие неудач, сопровождавших попытки создания на Востоке светских национальных госу-

дарств по западному образцу [*Lapidus*, 2002, р. 521–523].

В контексте глобальной политики отправной точкой можно считать 1979 г.: Исламскую революцию в Иране, которая сделала религиозный фактор «очевидностью для мирового сообщества» [Яковлев, 2013, с. 11], и захват Мечети аль-Харам группой радикальных салафитов в Саудовской Аравии. Эти события заложили фундамент как межгосударственной конфронтации Эр-Рияда и Тегерана в зоне Персидского залива, так и суннитско-шиитского противостояния на Ближнем Востоке.

Примечательно, что Исламская революция и теракт в Мекке хронологически совпали с началом Афганской войны 1979–1989 гг., участие в которой радикальных исламистов из разных частей мусульманского мира не только способствовало появлению «Аль-Каиды»⁷ и «Талибана»⁸, но и, по сути, определило облик современного международного терроризма. Примерно в это же время отмечается активизация деятельности «Братьев-мусульман»⁹ в Египте, Сирии и Иордании, что оказало непосредственное влияние на некоторые движения, нашедшие в религиозных концептах замену «морально устаревшему» панарабизму. Так, например, в 1987 г. в Палестине в противовес встававшему на путь отказа от вооруженной борьбы ФАТХ были сформированы ХАМАС и «Исламский джихад».

Подобная тенденция сохранялась и на протяжении всех 1990–2000-х годов. Именно в этот период, по выражению

5 The Future of the Global Muslim Population // The Pew Research Center. – 2011. – January 27. – URL: <http://www.pewforum.org/2011/01/27/the-future-of-the-global-muslim-population/>, (дата обращения: 20.03.2022).

6 The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050 // The Pew Research Center. – 2015. – April 2. – URL: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050/> (дата обращения: 20.03.2022).

7 Организация запрещена в РФ.

8 Движение запрещено в РФ.

9 Движение запрещено в РФ.

И.М. Лapidус, сформировался «широкий набор движений, как нетерпимых и замкнутых, так и плюралистических; как благосклонных к науке, так и антинаучных; как религиозных в своей основе, так и политических; как демократических, так и авторитарных; как мирных, так и воинственных» [*Lapidus*, 2002, р. 823]. Тем не менее, несмотря на разнообразие идеологического спектра, наиболее ярко, по очевидным причинам, проявляли себя радикалы. Терракты 11 сентября 2001 г., ответственность за которые Вашингтон возложил на «Аль-Каиду» и «Талибан», имели последствия поистине мирового масштаба. В истории России также было немало трагических эпизодов, связанных с подъемом религиозного экстремизма на Северном Кавказе в 1990-е годы, но в число глобальных трендов борьба с международным терроризмом вошла лишь после вторжения США в Ирак в 2003 г.

Еще одной вехой «исламского пробуждения» стали события «арабской весны» 2010-х годов, спровоцировавших череду переворотов и гражданских войн. С одной стороны, джихадизм достиг апофеоза своего развития в лице «Исламского государства»¹⁰, взявшего под контроль на пике своей экспансии к 2015 г. значительные территории в Сирии и Ираке, а также некоторые области в Африке и других регионах мира. С другой – очевидной стала опасность деятельности движений и организаций, которые отдельные страны причисляли (и причисляют до сих пор)

к «умеренным» исламистам, оставляя их без должного внимания.

Приход к власти в Египте «Братьев-мусульман» после революции 2011 г. и дальнейшая победа Мухаммеда Мурси на президентских выборах 2012 г. фактически подтвердили слова Даниэля Пайпса о том, что стратегия «исламизма 2.0», ориентированная на «работу в рамках системы» ради завоевания общественного мнения, куда опаснее террористических тактик и вооруженной борьбы экстремистов против государства¹¹. В связи с этим особый интерес вызывает тот факт, что многие активисты, возглавлявшие волнения в Тунисе и Египте, стажировались на семинарах Международного центра по ненасильственному конфликтам¹², а также занимались переводом на арабский язык и распространением знаменитого пособия «От диктатуры к демократии» за авторством идеолога «цветных революций» Джина Шарпа¹³.

По всем признакам «исламское пробуждение» следует расценивать как развивающийся процесс, который не только вписывается в логику более масштабного феномена «религиозного ренессанса», но и во многом определяет его суть. Внутри данного процесса, с учетом исторической динамики, четко выделяются три этапа:

1970–1980-е годы – актуализация исламского фактора в мировой политике через региональные процессы Ближнего Востока.

1990–2000-е годы – рост исламистского экстремизма и обостре-

¹⁰ Организация запрещена в РФ.

¹¹ Pipes D. Lion's Den: Islamism 2.0 – an even greater threat // The Jerusalem Post. – 2009. – November 24. – URL: <https://www.jpost.com/opinion/lions-den-islamism-20-an-even-greater-threat> (дата обращения: 20.03.2022).

¹² International Center on Nonviolent Conflict (ICNC).

¹³ Stolberg S.G. Shy U.S. Intellectual Created Playbook Used in a Revolution // The New York Times. – 2011. – February 16. – URL: https://www.nytimes.com/2011/02/17/world/middleeast/17sharp.html?_r=1&pagewanted=all (дата обращения: 20.03.2022).

ние проблемы международного терроризма.

2010–2020-е годы – возникновение «исламизма 2.0» и активное участие исламистов в «цветных революциях».

При этом важно учитывать, что специфика каждого из трех этапов продолжает воздействовать на все уровни и сферы социально-политической жизни. Однако в контексте взаимодействия России со странами Востока и, особенно, мусульманского мира наиболее важным является аспект, связанный с религиозным фактором во внутренней и внешней политике ближневосточных государств, так как он оказывает непосредственное влияние не только на региональные процессы, но и на положение этих стран в мировом сообществе.

Политический ландшафт Ближнего Востока

Большинство процессов, равно как и политические границы Ближнего Востока, во многом определяются расстановкой сил региональных «тяжеловесов», среди которых на первый план выходят Израиль, Саудовская Аравия, Турция и Иран [Политика безопасности..., 2021, с. 36]. В силу специфики еврейского государства, являющегося «форпостом западной цивилизации» [Kumar, 2014], основными претендентами на региональное лидерство считаются Эр-Рияд, Анкара и Тегеран. Каждый из этих акторов стремится к укреплению национального суверенитета и имеет собствен-

ные интересы как внутри, так и за пределами региона.

Саудовская Аравия в развитии своего внешнеполитического курса с конца 1970-х годов начала опираться на два вектора: *региональный* (позиционирование себя в качестве лидера арабского Востока и гегемона в зоне Персидского залива) и *общемусульманский* (укрепление имиджа «родины ислама» и главного защитника исламских ценностей в мире) [Останин-Головня, 2019, с. 105–107]. В рамках первого направления Эр-Рияд активно развивает двустороннее экономическое сотрудничество с соседями, выступая, в зависимости от состояния экономики второй стороны, как донор или партнер, укрепляет свои позиции в ССАГПЗ и ОПЕК, а также противостоит угрозам национальной безопасности в составе таких объединений, как «Щит полуострова»¹⁴, «Арабская коалиция»¹⁵ и ИВАК¹⁶. На общемусульманском векторе Саудовская Аравия действует через ОИС, религиозные фонды и дружественные политические силы зарубежных стран, используя при этом как экономическое влияние, так и инструменты «мягкой силы». Несмотря на декларируемый принцип «всеобщей исламской солидарности», Эр-Рияд стремится к формированию суннитского блока в противовес «шиитской солидарности» проиранских сил, так как королевство со своими союзниками видит политику Исламской Республики в «экспансионистском ключе» [Беренкова, 2017]. Вместе с тем важно отметить, что основные интересы Са-

¹⁴ В рамках ССАГПЗ.

¹⁵ Коалиционные силы арабских стран во главе с Саудовской Аравией, принимающие участие в гражданской войне в Йемене на стороне Абда Раббо Мансура Хади.

¹⁶ Исламская военная антитеррористическая коалиция (осн. в 2015 г.).

удовской Аравии сосредоточены на Ближнем Востоке, Африке, Южной и

Юго-Восточной Азии, о чем, в частности, свидетельствует состав ИВАК¹⁷.

Таблица 1. Состав исламской военной антитеррористической коалиции
Table 1. Islamic Military Counter Terrorism Coalition member states

Регион	Страны	Количество стран
Ближний и Средний Восток	Афганистан, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, Пакистан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Тунис, Турция, ОАЭ, Йемен	21 (50%)
Африка	Бенин, Буркина-Фасо, Чад, Коморы, Кот-д'Ивуар, Габон, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мальдивы, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того, Уганда	17 (≈40%)
Южная и Юго-Восточная Азия	Бангладеш, Бруней, Малайзия, Пакистан	4 (≈10%)

Иран в 1979–1989 гг. действительно придерживался доктрины экспорта Исламской революции. При жизни имама Хомейни установление аналогичных шиитских режимов расценивалось как необходимое условие для сохранения новой власти, но после его смерти внешняя политика Тегерана заметно смягчилась. Основой внешнеполитического курса ИРИ стала концепция «Ни Восток, ни Запад», которая предполагает обеспечение полной независимости государства и пресечение любого иностранного вмешательства во внутренние дела [Манучихри, 2007, с. 181]. Такой подход, наряду с принципами «защиты прав всех мусульман» и «поддержки справедливой борьбы угнетенных против угнетателей во всем мире», закреплён в статьях 152–155 Консти-

туции Исламской Республики¹⁸. После иракского кризиса 1990–2000-х годов Иран окончательно перешёл от непосредственного «экспорта революции» к финансовой и политической поддержке шиитских и дружественных сил, что доказывают примеры Сирии, Ирака, Палестины (ХАМАС), Ливана («Хизбалла» и «Амаль») и Йемена («Ансар Аллах»). При этом, находясь в длительной конфронтации с Саудовской Аравией и под санкционным давлением США, Тегеран стремится компенсировать издержки за счёт активизации своей политики в Центральной Азии, Закавказье и Каспийском регионе [Манучихри, 2007, с. 190–192]. В целом же принципиальная идейная ориентация Ирана в практической политике на современном этапе сосредоточена на формировании и под-

17 Member Countries // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 2022. – URL: <https://www.imctc.org/en/AboutUs/Member-Countries/Pages/default.aspx> (дата обращения: 20.03.2022).

18 Iran (Islamic Republic of)'s Constitution of 1979 with Amendments through 1989 // Comparative Constitutions Project. – n/y. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Iran_1989.pdf?lang=en (дата обращения: 20.03.2022).

держании разветвленной сети «шиитской солидарности».

Турция также ведет проактивную политику на нескольких направлениях. Основные принципы современного внешнеполитического курса начали формироваться с момента прихода к власти Партии справедливости и развития. В первый год нахождения на посту главы МИД Ахмет Давутоглу заявил, что Анкара не будет ограничиваться реализацией какой-то одной идеи: *«Османская империя является частью нашей истории; ислам – одним из элементов нашей культуры; западноевропейская ориентация – историческим опытом, а тюркизм – направлением нашего движения»*¹⁹. После этого в научном и политическом дискурсе стали обсуждать негласную доктрину «неоосманизма», но, как отметил В.А. Аватков, на современном этапе корректнее говорить об идеологии «хаба», прообразом которой был принцип «ноль проблем с соседями», озвученный всё тем же А. Давутоглу [Аватков, 2021b, с. 9]. Само географическое положение Турции диктует логику создания транзитного узла по линиям Север – Юг и Запад – Восток, что обуславливает попытки объединения постосманского, тюркского и исламского пространства. Все эти три направления тесно переплетены между собой, что не позволяет четко разграничить в турецкой идейной платформе стремление к лидерству в регионе и мусульманском мире. При этом турецкое руководство активно использует инструменты как «жесткой», так и «мягкой силы». Если в соседних Сирии и Ираке, на севере которых находят-

ся области традиционного проживания курдов, политика Анкары в основном проводится силовыми методами²⁰, то в республиках Средней Азии, Закавказья и среди тюркских народов России приоритетом является так называемая туркоцентричная интеграция [Аватков, 2021a, с. 167], направленная прежде всего на культивирование протурецких взглядов среди молодежи и части элит на постсоветском пространстве.

Очевидно, что «исламское пробуждение» оставило мощный след на политическом ландшафте Ближнего Востока, активизировав религиозную компоненту в политике ведущих государств региона. В силу медианного географического положения, обеспечивающего выход ко многим частям евразийского и африканского пространств по векторам Север – Юг и Запад – Восток, Саудовская Аравия, Иран и Турция продвигают свои интересы сразу на нескольких направлениях, которые зачастую граничат с традиционными сферами политики России: Центральная Азия, Закавказье, Черноморский и Прикаспийский регионы. При этом Эр-Рияд, Тегеран и Анкара транслируют три различные модели развития исламского общества, что обуславливает соперничество за лидерство не только на Ближнем Востоке, но и в мусульманском мире.

* * *

Включение ближневосточного пространства в стратегию поворота России на Восток на современном этапе предполагает выстраивание прочных взаимовыгодных, обеспечивающих

19 Batur N. Yeni Osmanlılar sözü iyi niyetli değil // Sabah. – 2009. – December 4. – URL: https://www.sabah.com.tr/siyaset/2009/12/04/yeni_osmanlilar_sozu_iyi_niyetli_degil (дата обращения: 20.03.2022).

20 Военное присутствие в Ираке с 2015 г. и череда военных операций («Щит Евфрата» в 2016–2017 гг., «Оливковая ветвь» в 2018 г. и «Источник мира» в 2019 г.) в Сирии.

национально-государственные интересы РФ в отношениях с Саудовской Аравией, Ираном и Турцией. Предпосылки для продуктивного взаимодействия с каждой из этих стран сегодня у России имеются. Здесь можно вспомнить кооперацию с Эр-Риядом в нефтегазовой отрасли в рамках ОПЕК+ после «ценовых войн» 2020 г., астанинский формат сирийского урегулирования, созданный по совместной инициативе с Анкарой и Тегераном и т.д. Однако при обсуждении конкретных сфер сотрудничества с «тяжеловесами» Ближнего Востока зачастую вне поля зрения остаются религиозные и идейно-ценностные аспекты.

Глава МИД России С.В. Лавров совершенно верно заметил, что «конкуренция всё больше приобретает цивилизационное измерение, форму соперничества ценностей и моделей развития» [Лавров, 2017, с. 467]. С учетом процессов, связанных с «религиозным ренессансом», «исламским пробуждением» и формированием постсекулярного общества, эти слова обретают особую актуальность. Россия, будучи многонациональным и многоконфессиональным государством, должна учитывать, что целые регионы страны через призму внешнеполитических концептов Саудовской Аравии, Турции, Ирана и ряда других акторов воспринимаются в качестве органических составных частей мусульманского и/или тюркского мира. То же касается и независимых республик Закавказья и Центральной Азии, которые должны быть осмыслены в качестве части такого концептуального пространства, как Постсоветский Восток, с целью дальнейшей балансировки российских интересов и приоритетов в условиях текущих изменений системы миропорядка.

В долгосрочном стратегическом планировании выстраивания отношений с ведущими государствами Ближнего Востока и мусульманского мира также важно не допускать «вхожденчества», аналогичного прозападной ориентации 1990–2000-х годов. Причем речь здесь идет не столько об экономической интеграции, сколько об идейно-ценностном проникновении Востока на российскую «почву». Выстраивание идентичностей, противоречащих государственным границам, в духе современного пантюркизма, «шиитской» или «суннитской солидарности» непременно будут вести к «разбалансированию межнациональных и межконфессиональных отношений» внутри России [Примаков, 2011, с. 173–176], обо всех опасностях которого в контексте глобального феномена «исламского пробуждения» Е.М. Примаков писал еще в 2011 г.

Список литературы

Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021а. – Т. 14. – № 5. – С. 162–176. – DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8.

Аватков В.А. Турецкая идеология «хаба» // Восточный альманах. – 2021b. – С. 8–13. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46636513_34474465.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.

Беренкова Н.А. Бахрейн и региональная шиитская солидарность // Российский совет по международным делам. – 2017. – URL: <https://russiancouncil.ru>

ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/ (дата обращения: 20.03.2022).

Боришполец К.П. Религиозный фактор в международных отношениях: амальгама ценностей, интересов и политических приоритетов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 63–67.

Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии // Россия в глобальной политике. – 2017. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 20.03.2022).

Лавров С.В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. – Москва : Книжный мир, 2017. – 544 с.

Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 82–97. – DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97.

Мазур С.О. Феномен «религиозного возрождения» глобализирующихся обществ в ракурсе социально-философских исследований // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2016. – Вып. 15. – С. 203–209.

Манучихри А. Политическая система Ирана. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2007. – 240 с.

Останин-Головня В.Д. Саудовская Аравия и региональная суннитская солидарность // Сборник по итогам

III международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова. – 2019. – С. 104–114.

Политика безопасности стран современного Востока / Под ред. Д.В. Стрельцова. – Москва : Аспект Пресс, 2021. – 280 с.

Примаков Е.М. Мысли вслух. – Москва : Российская газета, 2011. – 207 с.

Яковлев А.И. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 4. – С. 4–38.

Яковлев А.И. Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 6–29. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-6-29.

Casanova J. Public Religions in the Modern World. – Chicago : University of Chicago Press, 1994. – 340 p.

Kumar C. Herzl's Vision Realized: Israel as "Outpost of Western Civilisation in Asia" // The Palestine Chronicle. – 2014. – URL: <https://www.palestinechronicle.com/herzls-vision-realized-israel-as-outpost-of-western-civilisation-in-asia/> (дата обращения: 20.03.2022).

Lapidus I.M. A History of Islamic societies. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 1002 p.

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11

Pivot to the Middle East: the Factor of the “Islamic Awakening”

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA

Researcher, Department of Middle and Post-Soviet East

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, 51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, Russian Federation

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5937-8786

CITATION: Ostanin-Golovnya V.D. (2022). Pivot to the Middle East: the Factor of the “Islamic Awakening”. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 209–221. (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.11

Received: 26.03.2022.

Revised: 14.04.2022.

ABSTRACT. *The article discusses the prospects for expanding the strategy of Russia's turn to the East, taking into account the current changes in the system of the world politics in the context of the global phenomenon of “religious renaissance” and new factors caused by the Ukrainian crisis. Particular attention is paid to the specifics of the process of “Islamic awakening”, which had a direct impact on the formation of the modern foreign policy course of Saudi Arabia, Iran and Turkey, which are among Russia's main partners in the Middle East. The author's periodization of the main stages of the “Islamic awakening” is offered for attention, including the chronological framework of the 1970s – 1980s, 1990s – 2000s and 2010s – 2020s. The article contains a description and characterization of the main priorities, ideological and value concepts and the Islamic components of Riyadh's foreign policy, Ankara and Tehran. Particular attention is paid to the regions and areas where the interests of the Russian Federation and the “heavy-*

weights” of the Middle East intersect. In particular, the issues of political processes aimed at the formation of identities and integration projects within the “Muslim” and “Turkic world” are considered. The article raises the question of understanding the independent republics of Transcaucasia and Central Asia as an integral part of the conceptual space of the Post-Soviet East in the context of balancing Russian interests and priorities in the context of current changes in the world order system. Based on the results of the analysis, the author describes the advantages and main challenges of Russia's bilateral cooperation with Saudi Arabia, Iran and Turkey through the prism of the processes associated with the “religious renaissance”, “Islamic awakening” and the formation of a post-secular society.

KEYWORDS: *Russia's Pivot to the East, Middle East, Post-Soviet East, Saudi Arabia, Iran, Turkey, Muslim world, “Islamic awakening”, “Religious renaissance”, Post-secularism.*

References

Avatkov V.A. (2021a). The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 5, pp. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8 (in Russian).

Avatkov V.A. (2021b). Turkish "Hub" Ideology. *Oriental Almanac*, pp. 8–13 (in Russian).

Asad T. (2020). *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 376 pp. (in Russian).

Berenkova N.A. (2017). Bahrain and Regional Shiite Solidarity. *Russian International Affairs Council*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bakhreyn-i-regionalnaya-shiitskaya-solidarnost/>, accessed 20.03.2022 (in Russian).

Borishpolets K.P. (2012). Religious Factor in International Relations: Amalgam of Values, Interests and Political Priorities. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, no. 3, pp. 63–67 (in Russian).

Casanova J. (1994). *Public Religions in the Modern World*, Chicago: University of Chicago Press, 340 pp.

Karaganov S.A. (2017). From Pivot to East to Greater Eurasia. *Russia in Global Affairs*, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/ot-povorota-na-vostok-k-bolshoj-evrazii/>, accessed 20.03.2022 (in Russian).

Kumar C. (2014). Herzl's Vision Realized: Israel as "Outpost of Western Civilisation in Asia". *The Palestine Chronicle*, available at: <https://www.palestinechronicle.com/herzls-vision-realized-israel-as-outpost-of-western-civilisation-in-asia/>, accessed 20.03.2022.

Lapidus I.M. (2002). *A History of Islamic societies*, Cambridge: Cambridge University Press, 1002 pp.

Lavrov S.V. (2017). *We Are Polite People! Reflections on Foreign Policy*, Moscow: Knizhnyj mir, 544 pp. (in Russian).

Ma Bo (2017). Russian «Pivot to the East» Strategy: Opportunities and Challenges for Coupling with Chinese Transregional Projects. *Comparative Politics*, vol. 8, no. 2, pp. 82–97. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-2-82-97 (in Russian).

Manuchihi A. (2007). *The Political System of Iran*, St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 240 pp. (in Russian).

Mazur S.O. (2016). The Phenomenon of «Religious Revival» Globalizing Societies in the View of Socio-Philosophical Researches. *Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education*, no. 15, pp. 203–209 (in Russian).

Ostanin-Golovnya V.D. (2019). Saudi Arabia and Regional Sunni Solidarity. *Collection of the III Primakov International Competition of Student Scientific and Analytical Works on the Middle East*, pp. 104–114 (in Russian).

Politika bezopasnosti... (2021). Streltsov D.V. (ed.). *Security Policy of the Countries of the Modern East*. Moscow: Aspect Press, 208 pp. (in Russian).

Primakov E.M. (2011). *Thoughts aloud*. Moscow: Rossiyskaya Gazeta, 207 pp. (in Russian).

Yakovlev A.I. (2013). Religious Factor in World Politics at the Age of Globalization: From Secularization to Fundamentalism. *Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics*, no. 5, pp. 4–38 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.12

Разорение культурного наследия Ирака и Сирии как средство лишения народов национальной идентичности

Ольга Павловна БИБИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН (ИВ РАН),
107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация
E-mail: olbibikova@mail.ru
ORCID: 0000 0002-9140-8372

Ирина Юрьевна ЖИЛИНА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: irina_zhilina47@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1689-6799

ЦИТИРОВАНИЕ: Бибикова О.П., Жилина И.Ю. (2022). Разорение культурного наследия Ирака и Сирии как средство лишения народов национальной идентичности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 222–239.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.12

Статья поступила в редакцию 31.12.2021.
Исправленный текст представлен 29.03.2022.

АННОТАЦИЯ. В результате ускорения темпов глобализации и увеличения числа вооруженных конфликтов резко возросло и число разрушений памятников, хищений исторических ценностей и произведений искусства. Если недавно джихадисты исламского происхождения просто уничтожали религиозные памятники, принадлежащие иной религии, то сегодня, на фоне интереса коллекционеров к древностям Месопотамии, они используют древние артефакты для продажи и получения дохода для финансирования своей деятельности.

Не последнюю роль в разрушении наследия древности сыграло присутствие

военных США на Ближнем Востоке. И здесь интересы джихадистов совпали с интересами тех, кто видит в уничтожении исторических ценностей реализацию своих идеологических интересов.

Сегодня, по данным Интерпола, торговля древними произведениями искусства рассматривается как реальная угроза международной безопасности. Она занимает 4-е место среди транснациональных преступлений и 3-е место по объему после торговли наркотиками и оружием.

Происходящее на Ближнем Востоке, в Афганистане и других странах – это реализация проекта, цель которого – уничтожить свидетельства о «корнях

цивилизации» и создать «новую историю», соответствующую интересам авторов этого проекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: США, ИГИЛ, культурное наследие, культурные ценности, ограбление, рынок, финансирование.

Память – важнейший признак жизни. Уничтожение памяти – это уничтожение жизни.

Михаил Пиотровский¹.

С похищением культурных ценностей и даже полным разрушением объектов культуры человеческая цивилизация сталкивается на протяжении всей своей истории. И первые десятилетия XXI в. не являются исключением. В этот период в результате обострения геополитической обстановки увеличилось число локальных военных конфликтов, жертвами которых становятся не только люди, но и культурные ценности.

Только в ходе глобальной операции Интерпола, Европола и Всемирной таможенной организации (ВТАО) в рамках операций *Athena II et Pandora IV* (2019 г.) в 103 странах было найдено более 19 тыс. археологических предметов и других артефактов, похищенных преступными сетями в воюющих странах или украденных из музеев. Эта операция² дает ясное представле-

ние о масштабах незаконного оборота культурных ценностей. Оценочная стоимость этого бизнеса варьируется от нескольких миллионов до сотен миллионов долларов [Turki, 2017, p. 8].

После Второй мировой войны был принят ряд международных документов, определяющих правовой статус культурных ценностей, и разработаны меры, направленные на предотвращение их незаконного оборота, основным из которых является принятая в 1970 г. ЮНЕСКО Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (далее Конвенция) – первый инструмент международного права по защите культурного наследия в мирное время. В настоящее время Конвенцию подписали 140 государств³.

Начало XXI в. ознаменовалось разрушением в 2001 г. талибами двух гигантских статуй Будды (высота одной из них – 54 м) в Бамианской долине (Афганистан), созданных более 15 столетий назад. Разрушение этих наиболее значимых памятников буддизма в Афганистане, ставшее первой демонстративной акцией по уничтожению памятников в новом тысячелетии, послужило поводом для разработки Декларации ЮНЕСКО о преднамеренном уничтожении культурного наследия (октябрь 2003 г.).

1 Михаил Пиотровский: у культуры – свои права, и они могут не совпадать с правами человека // ТАСС. – 2016. – 18 февраля. – URL: <http://yarcen.ru/articles/culture/mikhail-piotrovskiy-u-kultury-svoi-prava-i-oni-mogut-ne-sovpadat-s-pravami-cheloveka/> (дата обращения: 11.11.2021).

2 101 personnes arrêtées et 19 000 objets volés retrouvés au cours d'une action internationale contre le trafic d'œuvres d'art // Interpol. – 2020. – 6 mai. – URL: <https://www.interpol.int/fr/Actualites-et-evenements/Actualites/2020/101-personnes-arretees-et-19-000-objets-voles-retrouves-au-cours-d-une-action-internationale-contre-le-traffic-d-aeuvres-d-art> (дата обращения: 13.10.2021).

3 Историческая конвенция // UNESCO. – Б. г. – URL: <https://ru.unesco.org/news/istoricheskaya-konvenciya> (дата обращения: 05.09.2021).

Ущерб от пребывания американских войск в Ираке

Вторжение войск США и их союзников в Ирак в 2003 г. нанесло огромный ущерб культурному наследию этой страны. Накануне вторжения д-р Донни Джордж, глава иракской Национальной комиссии по культурному наследию, предупреждал, что американцы хотят захватить «не только нашу нефть, но и нашу историю»⁴, но коллеги не могли даже предположить, что представители «просвещенного» Запада могут быть грабителями.

По сообщению *BBC*, археологи, директора музеев, специалисты по Ближнему Востоку, опасаясь, что война может повредить древние памятники, обратились к представителям Пентагона с просьбой обеспечить охрану памятников и археологических раскопок. Однако в апреле 2003 г. американские военные обосновались именно на территории древнего Вавилона⁵, где на площади в 4 км² было размещено около 6 тыс. военнослужащих, более 300 единиц бронетехники. Очевидцы сообщали, что на территорию въехали также пустые грузовики. Впоследствии на них вывозили похищенные артефакты. Американская военная база «Форт Вавилон» просуществовала до октября 2003 г.

Здесь же, на территории музейного комплекса, была организована вертолетная площадка, залитая гудроном; вибрация от пропеллеров негативно отражалась на древних стенах леген-

дарного города. По мостовой, уложенной 2 600 лет назад, передвигались тяжелые танки. А ведь это та самая Аллея процессий, о которой Геродот писал: «...священная дорога, которая вела с севера сквозь знаменитые ворота Иштар во внутренний город... По ней ... проносили статуи богов» [*Ллойд*, 1984, с. 235].

Свидетели рассказывали, что в 2003 г. американские солдаты ходили по залам музея как по супермаркету и брали то, что им нравится. Поразительно, но они знали, где и что брать, имея схемы музея, в том числе запасников, а также оборудование для взлома хранилищ, из которых предварительно были изгнаны все служащие. После ухода американцев местные жители обнаружили обрывки путеводителей и карт, изданных в США. Следовательно, Вавилон как место дислоцирования американской военной базы был выбран заранее.

После ухода американцев эксперт лондонского Британского музея Джон Кертис зафиксировал все повреждения и утраты в специальном докладе. Ученый констатировал, что музею был нанесен невосполнимый ущерб и повинны в этом военнослужащие США и Польши. Кертис пришел к выводу, что большинство повреждений были нанесены умышленно. Напомним, что американцы разезжали на танках (вес – более 60 т) по древней мостовой⁶. В ответ американское командование лицемерно заявило, что задачей американцев в Вавилоне было «охра-

4 Украденная история. Оккупанты разграбили «колыбель человечества» // Аргументы и факты. – 2013. – № 38, 18 сентября. – URL: https://aif.ru/society/history/ukradennaya_istoriya_okkupanty_razgrabili_kolybel_chelovechestva (дата обращения: 13.08.2021).

5 Вавилон – один из крупнейших городов в истории человечества – расположен в 88 км от Багдада. Является объектом культурного наследия ЮНЕСКО.

6 Военнослужащие США и Польши уничтожили развалины Вавилона // News ru. – 2005. – 25 января. – URL: <https://www.newsru.com/world/25jan2005/vavilon.html> (дата обращения: 05.08.2021).

нять исторические ценности от мародеров»⁷.

Абдул Джафар, иракский археолог, руководивший работами по восстановлению Вавилона в 1990-е годы, считает, что американцы поставили перед собой задачу уничтожить то, что осталось от цивилизации Междуречья. Он утверждает, что Ирак давно привлекал американских археологов, которые неоднократно отправляли в страну свои археологические экспедиции. По его мнению, в Ираке американцами было практически разрушено 15 тыс. исторических мест⁸.

Цинизм американской стороны в отношении похищенных предметов очевиден. Как сказал Эштон Хокинс, президент Американского совета по культурной политике, «законное рассеяние (переход предметов в частные коллекции – *прим. авт.*) культурных материалов на рынке – это лучший способ обеспечить сохранность сокровищ»⁹. Примечательно, что в 2018 г. США вышли из ЮНЕСКО.

Специальная комиссия ЮНЕСКО по оценке нанесенного Вавилону ущерба определила урон, причиненный в результате эксплуатации военной техники, а также вырытых прямо в местах раскопок 60-метровых траншей, использования гудрона для вертолетных площадок и т.д. Вскоре украденное стало появляться на антикварном рын-

ке. В 2008 г. с торгов *Christie's* в Нью-Йорке в последний момент были сняты с продажи уникальные золотые серьги, найденные при раскопках ассирийской столицы Нимруд на севере Ирака¹⁰ (ныне уничтоженной совместными усилиями США и ИГИЛ¹¹).

Крупнейший скандал разгорелся осенью 2012 г., после обнародования свидетельств переводчика, лично наблюдавшего за погрузкой ящиков с архивами иракских евреев в американские транспортные самолеты. Большая часть – ценнейшие документы из собрания еврейской общины Ирака, датируется периодом Вавилонского пленения (VI в. до н. э.). Правительство Ирака потребовало вернуть похищенное. Но, по словам переводчика, американцы требуют «позволить им оставить архивы на неопределенное время для проведения исследований и экспертиз»¹². Такие же аргументы были выдвинуты по поводу возвращения 10 тыс. (!) исторических артефактов, обнаруженных весной 2013 г. в Корнелльском университете (*Cornell University*) (г. Итака, штат Нью-Йорк).

Из Мосула в США были вывезены документы о геноциде армян в начале XX в. Был также разграблен Национальный музей Ирака в районе Аляуи Аль-Хелла в Багдаде, созданный в 1923 г. Гертрудой Белл¹³, которая надеялась, что собранные коллекции

7 Данильчук А. Последнее разрушение Вавилона. Американские военные уничтожили развалины древнего города // Компромат.Ру. – 2005. – 25 января. – URL: http://www.compromat.ru/page_16124 (дата обращения: 05.08.2021).

8 Виноградов Д. Американцы вывезли из Ирака 130 тысяч древних артефактов // Свободная Пресса. – 2013. – 18 сентября. – URL: <https://svpressa.ru/war21/article/74451/> (дата обращения: 13.09.2021).

9 Уотсон А. «Исламское государство» и его кровавый антиквариат // BBC News Русская служба. – 2015. – 13 апреля. – URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150413_vert_cul_blood_antique_trade (дата обращения: 13.06.2021).

10 Разрушенное наследие Ирака: причины, факты, последствия (ч. 2) // Posprikaz. – 2013. – URL: <http://www.posprikaz.ru/2013/10/razrushennoe-nasledie-iraka-prichiny-fakty-posledstviya-ch-2/> (дата обращения: 13.02.2021).

11 ИГИЛ – запрещенная в России террористическая организация.

12 Обращение под прикрытием // Pressreader. – 2013. – 18 сентября. – URL: <https://www.pressreader.com/russia/argumenty-i-fakty/20130918/282845073703959> (дата обращения: 28.09.2020).

13 Гертруда Белл (1868–1926) – британский археолог, писатель, разведчик. Участвовала в определении современных границ рая арабских государств.

помогут иракцам узнать богатство своей истории и осознать свою идентичность. В апреле 2003 г. во время боев в Багдаде служащие музея покинули его; в результате из музея пропало около 15 тыс. предметов, многие из которых бесценны. Позднее иракские искусствоведы отмечали, что за время пребывания американских военных в Ираке в страну одна за другой приезжали экспедиции, возглавляемые американскими «специалистами». После их «раскопок» оставались только пустые ямы¹⁴. Дж. Кертис в своем докладе о разрушениях в Вавилоне написал, что оценить повреждения «невозможно по причине бесценности утраченных реликвий»¹⁵. Приведенные факты нанесения ущерба культурному наследию Ирака подкреплены оценками ЮНЕСКО и авторитетных специалистов в этой области. К этому стоит добавить отказ возвращать Ираку вывезенные в США ценности под надуманными предлогами.

Деятельность ИГИЛ на территории Ирака и Сирии

С появлением «Аль-Каиды» и затем ИГИЛ¹⁶, попытавшихся привести Ирак и Сирию в состояние *tabula rasa*, ситуация с уничтожением памятников, не принадлежащих к исламской культуре, ухудшилась.

Провозглашение «Исламского государства» в Ираке и Леванте (ИГИЛ) в июне 2014 г. превратило Сирию и Ирак в своеобразный супермаркет археологических предметов. По предварительным оценкам, суммарная стоимость вывезенных из Ирака исторических артефактов составляет 10 млрд долл.¹⁷

Уже в 2016 г. 4,5 тыс. археологических объектов на Ближнем Востоке находились под контролем ИГИЛ, причем около половины (2 тыс.) находились в Ираке. За период с июня 2014-го по февраль 2015 г. только в этой стране ИГИЛ разрушила около 30 религиозных сооружений, имеющих историческую ценность.

Разграблению подвергались не только доисламские памятники. ИГИЛ в своих действиях руководствовалась идеологией ваххабизма, который в борьбе за тотальное установление исламского монотеизма (*таухид*) стремится к уничтожению всех других религий, ибо политеизм рассматривается как величайший грех (*ширк*). Пытаясь уничтожить все свидетельства доисламских религий, а также христианства, салафиты – последователи принципов раннего ислама – ратуют за установление ваххабитских порядков повсеместно. Кроме разрушения церквей, памятников древних цивилизаций, некогда находившихся на территории Месопотамии, джихадисты под-

14 Украденная история. Оккупанты разграбили «колыбель человечества» // Аргументы и факты. – № 38. – 2013. – 18 сентября. – URL: https://aif.ru/society/history/ukradennaya_istoriya_okkupanty_razgrabili_kolybel_chelovechestva (дата обращения: 12.07.2021).

15 Данильчук А. Последнее разрушение Вавилона. Американские военные уничтожили развалины древнего города // Компромат.Ru. – 2005. – 25 января. – URL: http://www.compromat.ru/page_16124 (дата обращения: 05.08.2021).

16 Первоначально в 1999 г. в Ираке возникла террористическая группировка «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» (основатель – иорданец Ахмед Фадиль Халейла, известный как Абу Мусаб аз-Заркауи). В 2004 г. группировка присоединилась к Аль-Каиде и стала называться «Аль-Каидой в Ираке». После слияния с другими радикальными исламистскими группировками (окт. 2006 г.) была провозглашена как «Исламское государство Ирак». С лета 2014 г., претендуя на создание Всемирного халифата, группировка стала называться «Исламское государство».

17 Уотсон А. «Исламское государство» и его кровавый антиквариат // BBC News Русская служба. – 2015. – 13 апреля. – URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150413_vert_cul_blood_antique_trade (дата обращения: 13.08.2021).

вергли насильственному обращению в ислам или физическому уничтожению иноверцев, людей, исповедующих христианство, езидизм, шиизм.

В Ираке ИГИЛ контролировала территорию так называемого суннитского треугольника – условный район на территории Ирака к северу и западу от Багдада, где преобладает арабское суннитское население. Именно в этом районе джихадисты разрушили и ограбили множество древних городищ и мест, где до сих пор проводились раскопки.

Город **Мосул** (от *Mawşil* – перекресток), второй по величине город Ирака, находился под властью ИГИЛ с июня 2014 г. по октябрь 2016 г. Захватив город, они стали расправляться с христианами, начав с образованных женщин и детей. До 2014 г. город был историческим центром несторианского христианства и местом захоронения нескольких пророков Ветхого Завета. Так, могила пророка Ионы, около которой была построена мечеть и церковь, одинаково почитавшаяся мусульманами и христианами, была разрушена террористами ИГИЛ в июле 2014 г.

Считается, что Мосулу более 2 700 лет, однако археологи нашли руины поселений, датируемые VI тысячелетием до н. э. Боевики разграбили музей города, который считался вторым по своим коллекциям в Ираке. Здесь хранилось знаменитое собрание ассирийских и парфянских древностей. Значительная часть экспонатов была

похищена с целью продажи. Некоторые артефакты относились еще к шумерской цивилизации – это III тыс. до н. э.¹⁸ Уничтожая экспонаты музея, боевики заявили, что эти предметы нарушают законы шариата, «ибо способствуют идолопоклонству»¹⁹. За период с июня 2014 г. по февраль 2015 г. в этом городе боевики ИГИЛ разрушили 28 культовых зданий, принадлежавших разным конфессиям²⁰.

В феврале 2015 г. была разграблена и уничтожена библиотека Мосула (построена в 1921 г.), которая была крупнейшей в стране. Она насчитывала 112 709 книг и рукописей, в том числе множество средневековых мусульманских рукописей. Здесь же находились коллекции иракских газет, датированных началом XX в., карты, книги и коллекции времен Османской империи, некоторые из них были зарегистрированы в списке раритетов ЮНЕСКО²¹.

Ниневия (совр. Найнава) – одна из ассирийских столиц, само имя которой осталось «символом величия и падения... высокой цивилизации» [Бадак, Войник, Войчек, 1998, с. 432], была разрушена боевиками, которые, пытаясь найти мифические сокровища царя Асархаддона (VII в. до н. э.), занялись «археологическим браконьерством».

Особое внимание джихадисты уделяли археологическим комплексам, где до них десятилетиями трудились археологи, пытаясь воссоздать историю

18 Isis fighters destroy ancient artefacts at Mosul museum // The Guardian. – 2015. – February 26. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/feb/26/isis-fighters-destroy-ancient-artefacts-mosul-museum-iraq> (дата обращения: 12.09.2021).

19 Варвары 21 века. Исторические памятники, уничтоженные ИГИЛ // Cameralabs. – 2015. – 8 октября. – URL: <https://cameralabs.org/9274-varvary-21-veka-istoricheskie-pamyatniki-unichtozhennye-igil> (дата обращения: 11.06.2021).

20 Война против истории. Боевики ИГ уничтожают памятники культуры // Военное обозрение. – 2015. – 8 октября. – URL: <https://topwar.ru/83947-voyna-protiv-istorii-boeviki-ig-unichtozhayut-pamyatniki-kultury.html> (дата обращения: 23.08.2021).

21 Buchanan R.T., Saul H. Isis burns thousands of books and rare manuscripts from Mosul's libraries // The Independent. – 2015. – February 25. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-burns-thousands-of-rare-books-and-manuscripts-from-mosul-s-libraries-10068408.html> (дата обращения: 14.09.2021).

возникновения цивилизации в Месопотамии. Уничтожение явно осуществлялось по плану: одним из первых (5 марта 2015 г.) был уничтожен город **Нимруд** (30 км от Мосула), основанный в XIII в. до н. э. Салманасаром I. Позднее, в XVII в. до н. э., он стал столицей Ассирии. Во время раскопок, проводившихся в 1955 г. в храме Набу, были обнаружены глиняные плиты с клинописью, содержащие клятвы вассалов и ассирийских сановников, датируемые 672 г. до н. э. Эти записи послужили важным пособием для изучения ассирийского права и религии. По мнению специалистов, они утрачены безвозвратно. Генеральный директор ЮНЕСКО (2009–2017) Ирина Бокова назвала разрушение Нимруда военным преступлением²².

Уже 7 марта 2015 г. варварскому уничтожению подверглась **Хатра** (180 км к северо-западу от Багдада) – парфянский город, в котором до наших дней сохранялась эллинистическая и древнеримская архитектура. Со второй половины I тыс. до н. э. здесь уже присутствовали кочевые арабские племена. Само название города Хатра с арамейского языка переводится как «загон»²³. 8 марта 2015 г. боевики ИГИЛ уничтожили руины древней столицы Ассирии – города **Дур-Шаррукин** (15 км от Мосула), построенного в период с 713 по 707 г. до н. э. Ассирийский царь Саргон II после коронации в Вавилоне вскоре вернулся в строящийся по его проекту Дур-Шаррукин [Якобсон, 1989, с. 36]. На раскопках этих го-

родов много лет трудились европейские археологи. Обнаруженные ими памятники были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В мае 2015 г. моджахеда добралась до сирийской **Пальмиры** (арабское название – Тадмор), богатейшего города поздней античности (III–VI вв. н. э.), архитектура которого свидетельствовала о смешении греко-римских технологий с местными традициями. Город был признан ЮНЕСКО памятником Всемирного наследия. По мнению Джастина Мароцци (автора книги *«Исламские империи: 15 городов, определивших цивилизацию»*), «такие объекты, как Пальмира, ... являются частью нашей глобальной цивилизации, они представляют собой вехи в истории человечества. Любой ущерб, нанесенный им, представляет собой травму для всего человечества»²⁴.

Боевики ИГИЛ взорвали храм Баалшамина (с арамейского яз. – «хозяин небес»), этой же участи подвергся храм Бэла, три наиболее сохранившиеся погребальные башни, затем была взорвана Триумфальная арка эпохи Древнего Рима. Боевики казнили хранителя Пальмиры, выдающегося сирийского археолога 82-летнего Халеда аль-Асада. Захватив Пальмиру вторично (декабрь 2016 г.), боевики повредили последнее еще сохранившееся древнее здание – античный амфитеатр.

В **Мари**, городе-государстве, существовавшем на берегу Евфрата в Сирии в III–II тыс. до н. э., было сделано крупнейшее открытие – обнаружены около

22 ЮНЕСКО осуждает уничтожение боевиками ИГ города Нимруд в Ираке // РИА Новости. – 2015. – 6 марта. – URL: <https://ria.ru/20150306/1051248089.htm> (дата обращения: 11.09.2021).

23 L'Etat islamique organise la destruction de l'ancienne ville de Hatra // Le Monde. – 2015. – 4 avril. – URL: https://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2015/04/04/l-etat-islamique-met-en-scene-la-destruction-de-la-cite-antique-d-hatra_4609857_3218.html (дата обращения: 11.09.2021).

24 La guerre en Syrie une apocalypse culturelle pour les joyaux du patrimoine // GEO avec AFR. – 2021. – 9 mars. – URL: <https://www.geo.fr/histoire/la-guerre-en-syrie-une-apocalypse-culturelle-pour-les-joyaux-du-patrimoine-203985> (дата обращения: 10.09.2021).

25 тыс. глиняных табличек с надписями на аккадском языке, проливающих свет на административное, экономическое и судебное устройство Аккадской империи (2316–2137 гг. до н. э.). В одном из древних текстов утверждается, что Мари был десятым городом, основанным после Потопа. С 1933 г. здесь непрерывно осуществлялись раскопки, преимущественно французскими археологами, которые выяснили, что план города, имевшего концентрическую форму, предусматривал двойную защиту – как от нападения врагов, так и от наводнений. На руинах Мари археологи обнаружили образцы древних шумерских технологий, включая колесо, водопровод, дренажную систему. Археологи также обнаружили керамические таблички с текстами в жилых домах, что свидетельствовало об уровне образованности горожан. Как пишет итальянский историк Кьяра Децци Бардески, «после 40 кампаний было раскопано около пятнадцатой части участка (8 из 110 гектаров)» [Бардески, 2008, с. 38]. О последствиях мародерства джихадистов ИГИЛ сегодня свидетельствуют спутниковые снимки, демонстрирующие так называемый кратерный пейзаж – многочисленные шахты, вырытые вокруг района раскопок.

Такая же участь постигла и **Дура-Европос** (дура – крепость, арамейск. яз.), один из самых интересных античных городов на территории Сирии. Археологи обнаружили здесь старейшие (за пределами Израиля) синагоги, а также церкви, украшенные фресками. Сюда в феврале 2014 г. руководство

ИГИЛ отправила 300 боевиков, которые, как считают специалисты, раскопали и разграбили более 70% территории города²⁵.

В сферу внимания ИГИЛ попала **Апамея** в северной Сирии на реке Оронт. Она была основана Антиохом Сотером, царем государства Селевкидов (281–261 гг. до н. э.) и названа в честь его матери Апамы. В VI–VII вв. это был один из крупнейших городов Востока. Сегодня вся территория вокруг древних развалин покрыта десятками ям, где трудились копатели, нанятые боевиками. Из музея были изъяты римские мозаики.

Боевики не пощадили вторую столицу Сирии – город **Алеппо**, который в 2001 г. получил статус «столицы исламской культуры» на саммите Организации «Исламская конференция», хотя его конкурентами были Багдад и Каир. Кроме того, Алеппо внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Боевикам ИГИЛ не удалось полностью захватить город. Его западная часть, где оставались 1,5 млн жителей, находилась под контролем местного ополчения, к которому присоединились многочисленные проправительственные вооруженные группировки (в основном шиитские ополчения из Ливана, Ирака и Афганистана, а также армяне из разных стран). Алеппо признан одним из самых древних постоянно населенных городов мира. В нем сосредоточено огромное количество исторических памятников: средневековые цитадели, базары, мечети и медресе. В ходе боев был нанесен ущерб крупнейшей и старейшей

25 Curry A. Here Are the Ancient Sites ISIS Has Damaged and Destroyed // National Geographic. – 2015. – September 1. – URL: <https://www.nationalgeographic.com/history/article/150901-isis-destruction-looting-ancient-sites-iraq-syria-archaeology> (дата обращения: 01.10.2021).

мечети города – Джами’ Халаб аль-кабир. Сильно пострадала значительная часть знаменитого крытого рынка Аль-Мадина (его протяженность – 13 км). Созданный в XV–XVI вв., он был одним из главных торговых центров на Шелковом пути [Syrie..., 1993, p. 398–399].

На Юге Сирии в провинции Дера’, в древнем городе **Босра**, были повреждены крупнейший на Ближнем Востоке античный амфитеатр, который использовался в мирное время для проведения фольклорных музыкальных фестивалей²⁶, и раннехристианские церкви.

Сирийский город **Ракка** – один из древнейших городов Ближнего Востока, основанный в 244 г. до н. э., обладал многими историческими памятниками: дворец Каср аль-Банат (XII в.), Большая мечеть (VIII в.). В 796 г. халиф Харун ар-Рашид сделал Ракку своей резиденцией. В 2013 г. Ракка была объявлена столицей ИГИЛ. Свою лепту в разрушение Ракки внесли США. Подразделение *Talon Anvil* с 6 июня по 17 октября 2017 г. бомбило город. Сегодня его называют Сирийским Дрезденом, так как 70% зданий повреждены или разрушены²⁷. Когда город был освобожден от джихадистов (октябрь 2019 г.), оказалось, что из его богатейшего музея похищено более 4,5 тыс. экспонатов, среди них – большая коллекция глиняных табличек с клинописью конца XIII и XII вв. до н. э., собранная во время раскопок в Тель Сабии Абьяд археологами из Лейдена (Нидерланды).

Отметим, что даже в небольших сирийских музеях хранились коллекции ценных артефактов. Коррадо Катези, возглавляющий отдел по борьбе с незаконным оборотом произведений искусства в Интерполе, вспоминал, что «в единственном музее Идлиба находилось 9 494 бесценных культурных объекта, которые были украдены в марте 2015 г.»²⁸.

Уничтожение христианских святынь

Патриарх Антиохийский и всего Востока Иоанн X сообщил, что в Сирии террористами уничтожено более 120 храмов²⁹. В Хомсе была разрушена церковь святого Элиана (Иулиана – V в.), являвшаяся одной из главных достопримечательностей города. В апреле 2015 г., в день, когда католики всего мира отмечали Пасху, в деревне Тель-Насри (мухафаза Хасака) была уничтожена церковь Девы Марии, одна из крупнейших ассирийских церквей Сирии, построенная в 1934 г. Спустя месяц в деревне Тель-Шамиран, к северу от города Хасака, была уничтожена ассирийская церковь святого Мар Бешо. Тогда же, весной 2015 г., террористы подорвали с помощью так называемой туннельной бомбы армянский кафедральный собор (церковь Сорока мучеников) в христианском квартале Дждейде в Алеппо – один из уникальных образцов сирийского барокко, построенный в 1429 г. и обладавший ико-

26 Алехина Ю. 13 памятников, которые разрушили террористы ИГИЛ // Комсомольская правда. – 2015. – 5 октября. – URL: <https://www.kp.ru/daily/26441.5/3312201/> (дата обращения: 01.10.2021).

27 «Они – военные преступники». Что элитный спецназ США устроил в Сирии // РИА Новости. – 2021. – 17 декабря. – URL: <https://www.imperiyane.ws.ru/details/2da2e579-1f5f-ec11-8131-020c5d00406e> (дата обращения: 23.09.2021).

28 Les antiquités volées de Daesh: de bien méthodiques pillages // Le club de Mediapart. – 2019. – 14 juin. – URL: <https://blogs.mediapart.fr/olduf/blog/140619/les-antiquites-volees-de-daesh-de-bien-methodiques-pillages> (дата обращения: 18.10.2021).

29 Патриарх Антиохии рассказал, сколько храмов уничтожили террористы в Сирии // РИА Новости. – 2017. – 5 декабря. – URL: <https://ria.ru/20171205/1510250029.html> (дата обращения: 11.08.2021).

нами XVI–XVIII вв.³⁰ Вторгшись в не-
большой сирийский город Аль-Карья-
тайн (мухафаза Хомс), боевики взор-
вали христианский монастырь свя-
того Ильяна. Это было важное место
паломничества сирийских христиан.
Гробница святого и храм, ему посвя-
щенный (V в.), были уничтожены бое-
виками. В арамейской деревне Маалю-
ля (55 км к северо-востоку от Дамаска),
где до сих проводится служба на ара-
мейском наречии (языке Христа), был
уничтожен храм святых Саркиса и Ба-
хуса, принадлежащий мелькитской гре-
ко-католической церкви³¹. В городе
Дейр эз-Зор, на востоке Сирии, где про-
живала большая армянская община,
был взорван мемориал Мец-Егерн, со-
зданный в память о тысячах армян, по-
гибших в период Первой мировой вой-
ны.

В Мосуле боевики ИГИЛ в течение
года взорвали многие церкви и мече-
ти, в том числе один из самых больших
и почитаемых храмов – храм Святого
Георгия. В ноябре 2014 г. террористы
взорвали халдо-католический женский
монастырь Сестер Святейшего Сердца
Иисуса, построенный на пожертвова-
ния иракского президента Саддама Ху-
сейна³².

Осенью 2014 г. боевики, контро-
лировавшие город Тикрит (родина
Саддама Хусейна), уничтожили ста-
рейший (VII в.) из ассирийских храмов

на Ближнем Востоке – церковь Святого
Ахудеммеха. Кроме того, был уничто-
жен монастырь Дейр Мар-Элия, раз-
рушен и осквернен сиро-католический
монастырь Мар-Бенам (IV в.) в Хидр-
Ильясе (30 км от Мосула), уничтоже-
на церковь Аль-Тахера, построенная
в начале XX в. В мухафазе Найнава был
разрушен древний монастырь Святого
Илии, основанный в 595 г.³³

Разрушение исламских культовых мест

ИГИЛ не признает за шиитами пра-
во быть мусульманами, поэтому начи-
ная с 2014 г. на территории Ирака было
уничтожено большое количество ши-
итских мечетей. В Мосуле были разру-
шены мечеть Марьям хатун (1821 г.),
мечеть Султана Ваиса (1838 г.), мечеть
аль-Хадра (XIX в.)³⁴. Здесь же, в Мосу-
ле, взорвали мечеть Абдуллы ибн Ча-
лаби Ибн Абдул-Кади (известную как
Хема Кадо), построенную в 1881 г. при
османском господстве.

В западной провинции Анбар была
разрушена мечеть аль-Фарук, по-
строенная в VII в. в честь особо по-
читаемого мусульманами халифа Ума-
ра³⁵; в Тикрите взорваны мечеть и
комплекс Арбаин вали (в ней находи-
лись 40 гробниц VII в.). Взорваны были
и «неправильные», с точки зрения вах-

30 Церковь сорока мучеников в Алеппо после атаки ИГИЛ // Правмир. – 2015. – 30 апреля. – URL: <https://www.pravmir.ru/tserkov-soroka-muchenikov-v-aleppo-posle-ataki-igil/> (дата обращения: 23.10.2021).

31 Боевики разрушили церковь св. мч. Сергия и Вакха в Маалюле // Православие. – 2013. – 29 сентября. – URL: <https://pravoslavie.ru/64478.html> (дата обращения: 26.11.2021).

32 Боевики ИГИЛ взорвали халдо-католический женский монастырь в Мосуле // Седмица. – 2014. – 26 ноября. – URL: <https://sedmitza.ru/text/5249785.html> (дата обращения: 30.09.2021).

33 Боевики ИГИЛ разрушили в Ираке древнейший христианский монастырь // Аргументы и факты. – 2016. – 20 января. – URL: https://aif.ru/incidents/boeviki_igil_razrushili_v_irake_drevneyshiy_hristianskiy_monastyr (дата обращения: 30.09.2021).

34 Варвары 21 века. Исторические памятники, уничтоженные ИГИЛ // Cameralabs. – 2015. – 8 октября. – URL: <https://cameralabs.org/9274-varvary-21-veka-istoricheskie-pamyatniki-unichtozhennye-igil> (дата обращения: 11.06.2021).

35 ИГИЛ разрушает мечети «неправильных» мусульман. Посреди России // Posredi.ru. – 2015. – 22 октября. – URL: <https://posredi.ru/igil-razrushaet-mecheti-nepravilnyh-musulman.html> (дата обращения: 09.04.2021).

хабитского ислама, мечети, в частности средневековая мечеть пророка Джирджиса (Святого Георгия), почитаемого как христианами, так и мусульманами. Следуя ваххабитским традициям, боевики уничтожали также кладбища, считая паломничество к могилам святым запретным (*таваассуль*).

В июле 2014 г. в груды щебня была превращена гробница имама Аун ад-Дина – святыня XIII в. Британский востоковед Денис МакЭоин объяснял действия боевиков тем, что, по их мнению, «святые места, построенные над могилами..., могут привлекать родственников, чтобы молиться..., тем самым создавая политеизм – в исламе одно из самых порицаемых преступлений»³⁶.

Тогда же, в 2015 г., чиновники ИГИЛ приказали убрать все декоративные элементы, украшающие внутренние помещения суннитских мечетей. Запрету подверглись керамический декор, обрамляющий нишу михраба, размещенные на стенах аяты из Корана (даже содержащие упоминание Аллаха), а также люстры и др. Идеология игиловских салафитов рассматривала их как «ошибочную форму творчества, противоречащую основам шариата». Попытки местных шейхов опротестовать подобные действия жестоко пресекались³⁷.

Характерно, что после того, как на помощь Сирии пришла российская авиация, отряды боевиков, зная, что россияне не будут наносить уда-

ры по религиозным памятникам, стали прятаться в помещениях мечетей, одновременно изгоняя оттуда местных жителей.

Торговля антиквариатом как источник финансирования террористической деятельности

Если в начале XXI в. джихадисты просто уничтожали религиозные памятники, принадлежащие к иной религии, как это было в Афганистане, то спустя некоторое время древним артефактам нашли выгодное применение – они стали служить источником финансирования террористической деятельности. Преступные группировки поставляют свою «продукцию» не только на нелегальный (черный), но и на легальный рынок антиквариата³⁸, т.е. монетизируют свои преступления через различные рыночные механизмы, воспользовавшись ростом интереса к антиквариату коллекционеров многих стран как Запада, так и Востока, в том числе государств Аравийского полуострова.

ИГИЛ, начав примерно в 2014–2015 годах контролировать торговлю древностями, одной из первых среди террористических организаций институционализировала процесс добывания средств. Специально созданный для этой цели отдел древностей Ми-

36 MacEoin D. The Destruction of the Middle East // Gatestone Institute. – 2014. – December 27. – URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/4973/destruction-middle-east-antiquities> (дата обращения: 02.08.2021).

37 «Исламское государство» заставило имамов Мосула удалять фрески со стен мечетей // ТАСС. – 2015. – 2 апреля. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1876232> (дата обращения: 13.10.2021).

38 Эксперты характеризуют легальный рынок антиквариата как серый рынок, на котором смешиваются потоки законных и незаконных артефактов. Последние «загрязняют» «чистую» публичную торговлю «грязной» частной торговлей [Mackenzie, 2011, p. 71–72]. При этом в силу особенностей его структуры оценить объем не только «черной», но и «белой» составляющих этого рынка довольно сложно. Что уж говорить о «черном рынке».

нистерства природных ресурсов – Диван аль-Риказ – выдавал разрешения на поиск артефактов и надзор за раскопками только назначенным им лицам, а также взимал комиссию в размере 20% с продаж украденных предметов. Известно, что ИГИЛ конфисковывала и уничтожала артефакты контрабандистов, действовавших без соответствующего разрешения [Turku, 2017, p. 9]. Оценивая эту сторону деятельности ИГИЛ, Карен Армстронг, британский религиовед, указывала, что организация представляет собой «террористический стартап с четко определенной бизнес-моделью»³⁹. По данным BBC, «продажа только тех древностей, которые были награблены в районе города Набек (Ан-Набек, к западу от Дамаска), принесла ИГИЛ не менее 36 млн долл., что позволило оплачивать «работу» 5 тыс. боевиков в течение нескольких месяцев»⁴⁰.

Хотя в настоящее время существует много сайтов, на которых можно найти потенциальных покупателей древностей (*eBay*, *Invaluable*, *Catawiki*, *Goantique* и др.), основную роль в разграблении культурных ценностей Ближнего Востока сыграла платформа *Facebook*. Для торговли древностями на ней было создано 95 арабских групп, в которых участвовало более 1,9 млн человек под руководством 488 «администраторов». В группы входили как обычные граждане, в основном из уязвимых слоев населения, так и посредники и воинствующие экстремисты, связанные с различными сирийскими группировками ИГИЛ и «Аль-Каиды», базирующимися вне Сирии. Чле-

ны групп обменивались информацией о раскопках, о «правильных» способах ввоза и вывоза контрабандного товара. Более того, на платформе действовала система заказов на определенные культурные ценности с доставкой в определенную страну. При этом администраторы групп, как и ИГИЛ при управлении незаконной торговлей древностями, могли взимать плату (налог *хумс*, равный 1/5 стоимости) с любых продаж, произведенных через контакты, созданные в контролируемой ими группе [Al-Azm, Paul, 2019, p. 3].

Позиционируя себя как инструмент глобального распространения идей и информации, *Facebook* одновременно расширял коммуникационные возможности транснациональных преступных группировок по всему миру, предлагая цифровой инструментарий для незаконной торговли, в том числе загрузку фотографий, прямую трансляцию, механизмы оплаты и т.д., став, таким образом, идеальной платформой для черного рынка антиквариата. В свою очередь экстремистские организации и преступные группы получили возможность действовать практически открыто.

Наибольшим спросом пользуются древние клинописные таблички, цилиндрические печати, вазы, монеты, ювелирные украшения, изделия из стекла и керамики. Такие предметы, как правило, бесследно исчезают в частных коллекциях. С развитием Интернета часть этой трехуровневой сети превращается в двухуровневую, поскольку вор и покупатель могут довольно легко, особенно в отношении

39 Уотсон А. «Исламское государство» и его кровавый антиквариат // BBC News Русская служба. – 2015. – 13 апреля. – URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150413_vert_cul_blood_antique_trade (дата обращения: 13.02.2021).

40 Les antiquités volées de Daesh: de bien méthodiques pillages // MediaPart. – 2019. – 14 juin. – URL: <https://blogs.mediapart.fr/olduf/blog/140619/les-antiquites-volees-de-daesh-de-bien-methodiques-pillages> (дата обращения: 13.11.2021).

мелких предметов, договориться без посредника.

Для выведения артефактов из зон конфликтов на рынок культурных ценностей преступники разработали ряд методов (многократная продажа объекта ряду лиц, начиная с очевидно добросовестных профессиональных рыночных владельцев; фальсификация документов на ввоз или покупку, а также предоставление поддельных сертификатов ЮНЕСКО или ICOM и др.), позволяющих продавцам придать объекту законное и внешне респектабельное происхождение (подробнее см. [Michel, 2021, p. 17]). Однако Интерпол признает, что проверка документов пока не получила широкого распространения в качестве метода обнаружения контрабандных культурных ценностей [Assessing crimes..., 2021, p. 22].

В международном трафике древностей, маршруты которого постоянно меняются, участвуют страны-источники (Египет, Тунис, Сирия, Ирак и др., артефакты которых пользуются особым спросом на рынке), страны-посредники (Египет, Ливан, Иордания, Турция, Швейцария, в которых происходит отмывание украденных и награбленных предметов; кроме того, практикуется транзит через страны Персидского залива, Израиль и Азию (через Бангкок и Сингапур, которые стали настоящими центрами этого трафика)) и страны-получатели (в основном это традиционные европейские и американские рынки) [Michel, 2021; Renold, 2018].

В 2015 г. ЮНЕСКО и другие международные и неправительственные организации предприняли определенные шаги для защиты культур-

ных ценностей, включая голосование в СБ ООН по резолюции 2199 и обновление чрезвычайных списков культурных ценностей, находящихся под угрозой. Ирина Бокова, Генеральный директор ЮНЕСКО (2009-2017), назвала действия ИГИЛ «формой культурной чистки»⁴¹.

Занимая сегодня 4-е место среди транснациональных преступлений и третье место по объемам после торговли наркотиками и оружием, незаконная торговля произведениями искусства рассматривается как реальная угроза миру и международной безопасности [Cavigneaux, 2021, p. 3].

Свою долю ответственности за разрушение объектов исторического и культурного наследия несут коллекционеры, аукционные дома, приобретающие произведения искусства без прозрачного провенанса, а также обедневшее местное население. Так, в июне 2020 г. сотрудники Центрального управления по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей Франции (*Office central de lutte contre le trafic des biens culturels, OCBC*) арестовали в Париже пятерых участников сети незаконной торговли древностями с Ближнего и Среднего Востока, в которую были вовлечены деятели археологического и музейного мира и известные антиквары, включая президента аукционного дома *Pierre Bergé & Associés* и бывшего куратора Лувра. Их подозревают в участии в масштабной операции по торговле сотнями антикварных предметов и произведений искусства стоимостью несколько десятков миллионов евро, украденных или разграбленных с начала 2010-х гг.

41 MacEoin D. The Destruction of the Middle East // Gatestone Institute. – 2014. – December 27. – URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/4973/destruction-middle-east-antiquities> (дата обращения: 02.08.2021).

в нескольких политически нестабильных странах [Cavigneaux, 2021, p. 3]⁴².

Хотя точных данных о масштабах похищенных произведений искусства не существует, западные спецслужбы оценивают доход ИГИЛ от мародерства в 88 млн долл. в год (данные на 2017 г.)⁴³. В 2015 г. В. Чуркин, постоянный представитель РФ при Совете Безопасности ООН (2006–2017), оценил ежегодный доход халифата от торговли награбленными артефактами в 150–200 млн долл.⁴⁴ По мнению западных специалистов, масштаб нынешнего грабежа «превосходит разрушительные последствия колонизации»⁴⁵.

* * *

Месопотамия и Египет являются предшественниками всех более поздних цивилизаций, оказавших влияние на индоевропейскую культуру. Роль древних обитателей Месопотамии неоспорима: именно жители Шумера и Аккада выдвинули первые версии о происхождении мира, создали первые города, календарь, письменность, бухгалтерию и религиозную мораль. Сирия, на территории которой в течение многих веков происходила встреча различных культур (от хананеев до греков, римлян, византийцев и арабов), также накопила множество археологических памятников, которые сделали ее жемчужиной Всемирного наследия. Согласно Библейской энциклопедии, именно в Сирии

«можно найти девять десятых мест», где происходили события, которые упоминаются в Священной истории [Библейская..., 1990, с. 650].

Военные действия в этом регионе имели катастрофические последствия. С гуманитарной точки зрения ущерб, нанесенный культурному наследию Сирии и Ирака в XXI в., является одним из самых серьезных за всю историю.

Как мы уже отмечали, ЮНЕСКО предприняло усилия по розыску и возвращению пропавших предметов. Международный совет музеев (ИСОМ) опубликовал так называемые Красные списки, в которых публикуются каталоги музеев, подвергшихся ограблению. Однако в них нет предметов, выкопанных «черными» археологами. Они исчезли безвозвратно.

Реставраторы многих стран предлагают начать работу по восстановлению разрушенных памятников, однако в Сирии эта работа тормозится из-за нежелания ряда европейских государств отказаться от бойкота правительства Б. Асада, хотя российские специалисты вместе с волонтерами уже работают в Пальмире и Алеппо, а в Крак де Шевалье (крепость XII в.) работают венгерские реставраторы. Ага-хан, духовный лидер исмаилитов, уже профинансировал восстановление разрушенного Хан аль-Харири (шелковый рынок) в Алеппо⁴⁶. Иран заявил о своем намерении оказать помощь Ираку и Сирии в восстановлении разрушенных зданий.

42 Cavigneaux E. Vaincre le terrorisme et sauver l'art : même combat // Groupe d'études géopolitiques, Note de travail. – 2021. – 6 mars. – URL: <https://geopolitique.eu/wp-content/uploads/2021/09/Terrorisme-et-art.pdf> (дата обращения: 01.09.2021).

43 WSJ узнала, как террористы ИГ продают сирийские артефакты на Запад // RT Russian. – 2017. – 1 июня. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2017-06-01/WSJ-uznala-kak-terroristi-IG> (дата обращения: 09.04.2021).

44 Магазин на руинах // Коммерсантъ. – 2017. – 3 сентября. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3391865> (дата обращения: 11.08.2020).

45 Les assassins de l'histoire? // RTS. – 2017. – June 11. – URL: <https://www.rts.ch/play/tv/geopolitis/video/les-assassins-de-lhistoire?urn=urn:rtss:video:8689994> (дата обращения: 30.09.2021).

46 Alep: l'ouverture du marché Khan al Harir et de la place Fustok après leur réhabilitation // Al Manar TV. – 2021. – 30 août. – URL: <https://french.almanar.com.lb/2137841> (дата обращения: 30.12.2021).

В европейской прессе появилось много материалов относительно розысков украденных артефактов, однако мало кто задумывается над тем, что иракскому и сирийскому народам нанесена колоссальная психологическая травма. Кроме того, мировая общественность проигнорировала роль Турции в разграблении культурного наследия Сирии. Анкара до сих пор удерживает ряд территорий, на которых джихадистские группы занимаются археологическим разбоем. Турецкие военные приняли активное участие в транспортировке и перепродаже украденных артефактов⁴⁷.

Анализируя действия американских военных и исламских джихадистов, приходишь к выводу, что интересы тех и других совпали. Они хотели стереть память о древних цивилизациях Междуречья. На самом деле осуществленный грабеж является формой культурного геноцида, за которым стоит стремление лишить народы, здесь проживающие, права на признание их исторического вклада в формирование современного мира.

Немецкий археолог Мирко Новак, оценивая значимость древних памятников, сказал: «Сирия и Месопотамия являются настоящей колыбелью человеческой, в том числе и европейской, цивилизации. Здесь происходило формирование оседлого образа жизни, переход к земледелию, строились первые городские поселения, развивалась первая письменность. Сирия и Месопотамия – очаг формирования и распространения важнейших мировых религий – христианства, ислама, иудаиз-

ма и их модификаций. Фактически исторические памятники Сирии и Ирака – это наглядное пособие по развитию человеческой цивилизации»⁴⁸.

Таким образом, напрашивается вывод: участие американцев и боевиков ИГИЛ в разрушении культурного наследия стран Ближнего Востока можно рассматривать как намеренное уничтожение следов древней истории народов этого региона с целью изменить их самосознание, снизить их самооценку, чтобы в будущем установить в этом районе свою гегемонию. Джорж Оруэлл⁴⁹ в романе «1984» писал: «Тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее. Тот, кто контролирует настоящее, контролирует прошлое». Мы знаем массу примеров того, как ставятся эксперименты по «переработке» исторической памяти народа. Это и стремление лишить Россию Победы во Второй мировой войне, и сочинить историю украинского народа, который якобы «вырыл Чёрное море», и т.д.

Это – война, цель которой – уничтожить свидетельства о «корнях цивилизации». Разрушаются памятники и уничтожаются тексты для того, чтобы создать «новую историю» в соответствии с интересами авторов этого проекта.

Список литературы

Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н.М. История Древнего Мира. Древний Восток: Египет. Шумер. Вавилон. Западная Азия. – Минск : Харвест, 1998. – 832 с.

47 Солдаты Турции вместе с боевиками уничтожили культурное наследие Сирии // TOP DAY NEWS. – 2020. – 3 декабря. – URL: <https://topdaynews.ru/world/syria/1103221/> (дата обращения: 30.12.2021).

48 Война против истории. Боевики ИГ уничтожают памятники культуры // Военное обозрение. – 2015. – 8 октября. – URL: <https://topwar.ru/83947-voyna-protiv-istorii-boeviki-ig-unichtozhayut-pamyatniki-kultury.html> (дата обращения: 23.11.2021).

49 Оруэлл Джорж (Orwell George, 1903–1950) – британский писатель, специалист по информационной войне и автор термина «холодная война».

Бардески К.Д. Месопотамия. Колыбель человечества. (пер. с итальянского) – Москва : Никола-пресс, 2008, – 128 с.

Библейская энциклопедия. – Москва : Терра, 1990. – Репринт издания 1891. – 903 с.

Ллойд С. Археология Месопотамии. – Москва : Наука, ГРВЛ, 1984. – 280 с.

Якобсон В.А. Новоассирийская держава / И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.). // История Древнего мира. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва: Наука, ГРВЛ, 1989. – Т. 2. – Расцвет древних обществ. – 572 с.

Al-Azm Amr, Paul K.A. Facebook's black market in antiquities. Trafficking, Terrorism, and War Crimes // The antiquities trafficking and heritage anthropology research project. – June, 2019. – 83 p. – URL: <http://atharproject.org/wp-content/uploads/2019/06/ATHAR-FB-Report-June-2019-final.pdf>, accessed 12.10.2021.

Assessing crimes against cultural property 2020 // INTERPOL, September, 2021. – 33 p. – URL: <https://www.interpol.int/fr/Actualites-et-evenements/Actualites/2021/Cultural-property-crime-thrives-throughout-pandemic-says-new-INTERPOL-survey>, accessed 27.10.2021.

Cavigneaux E. Vaincre le terrorisme et sauver l'art: même combat // Groupe d'études géopolitiques, Note de travail, 6 mars, 2021. – 14 p. – URL : <https://geopolitique.eu/wp-content/up>

loads/2021/09/Terrorisme-et-art.pdf, accessed 01.09.2021.

Mackenzie S. The Market as Criminal and Criminals in the Market: Reducing Opportunities for Organised Crime in the International Antiquities Market / Manacorda S. (ed.), Chappell D. (ed.). // Crime in the Art and Antiquities World. Illegal Trafficking in Cultural Property. – New York : Springer, 2011. – DOI: 10.1007/978-1-4419-7946-9_4.

Michel V. Le trafic illicite des biens archéologiques // La revue du GRASCO, 2021. – N 33. – P. 13–21. – URL: http://www.larevuedugrasco.eu/images/Numero/revue_N33_avril_2021.pdf, accessed 16.10.2021.

Renold M.-A. Le commerce légal et illégal de biens culturels vers et à travers l'Europe: faits, conclusions et analyse juridique // UNESCO, 2018. – 20 p. – URL : <http://docplayer.fr/78916236-Le-commerce-legal-et-illegal-de-biens-culturels-vers-et-a-travers-l-europe-faits-conclusions-et-analyse-juridique.html>, accessed 10.09.2021.

Syrie. Mémoire et Civilisation // Institut du monde arabe. – Paris : Flammarion, 1993. – 487 p.

Turku H. Quand les biens culturels deviennent une arme de guerre: droit, politique et sécurité internationale // Inter Gentes, 2018. – Vol. 1, N 2. – P. 1–21. – URL: <https://intergentes.com/wp-content/uploads/2019/02/turku-fr-v3.pdf>, accessed 02.09.2021.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.12

Ruining Syria and Iraq as a Way to Undermine Identity

Olga P. BIBIKOVA

PhD (Histor. Sci.), senior researcher, the Center for Study of Common Problems of Contemporary East, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IV RAN), 107031, Rozhdestvenka ul., 12, Moscow, Russian Federation

E-mail: olbibikova@mail.ru

ORCID: 0000 0002-9140-8372

Irina Yu. ZHILINA

PhD (Histor. Sci.), senior researcher, the Department of economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: irina_zhilina47@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1689-6799

CITATION: Bibikova O.P., Zhilina I.Yu. (2022). Ruining Syria and Iraq as a Way to Undermine Identity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 222–239 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.12

Received: 31.12.2021.

Revised: 29.03.2022.

ABSTRACT. *As a result of the accelerating pace of globalization and the increasing number of armed conflicts, the destruction of monuments and the theft of historical treasures and works of art have increased dramatically. Until recently, Islamic jihadists simply destroyed religious monuments belonging to another religion; today, amid collectors' interest in Mesopotamian antiquities, they sell ancient artefacts and generate income to finance their activities.*

The US military presence in the Middle East has played no small role in the destruction of ancient heritage. And here the interests of jihadists coincide with the interests of those who see in the destruction of histori-

cal treasures the realization of their ideological interests.

Today, according to Interpol, the trade in ancient works of art is considered a real threat to international security. It ranks fourth among transnational crimes and third in volume after drug and arms trafficking.

What is happening today in the Middle East, Afghanistan and others is the implementation of a project aimed at destroying evidence of the “roots of civilization” and creating a “new history” that corresponds to the interests of the authors of this project.

KEYWORDS: *the USA, ISIS, cultural heritage, cultural values, robbery, market, financing.*

References

- Al-Azm Amr, Paul K.A. (2019). *Facebook's black market in antiquities. Trafficking, Terrorism, and War Crimes*. The antiquities trafficking and heritage anthropology research project, June, 83 pp. Available at: <http://atharproject.org/wp-content/uploads/2019/06/ATHAR-FB-Report-June-2019-final.pdf>, accessed 12.10.2021.
- Assessing crimes against cultural property 2020* (2021). INTERPOL, September, 33 pp. Available at: <https://www.interpol.int/fr/Actualites-et-evenements/Actualites/2021/Cultural-property-crime-thrives-throughout-pandemic-says-new-INTERPOL-survey>, accessed 27.10.2021.
- Badak A.N., Voinich I.E., Volchek N.M. (1998). *The History of the Ancient World. Ancient East: Egypt. Schumer. Babylon. Western Asia*. Minsk: Kharvest, 832 pp. (in Russian).
- Bardeski K.D. (2008). *Mesopotamia. The cradle of humanity*. (translated from Italian). Moscow: Nikola-press, 128 pp. (in Russian).
- Bibleyskaya... (1990). *The Bible Encyclopedia*. Moscow: «Terra», reprint of the 1891 edition, 903 pp. (in Russian).
- Cavigneaux E. (2021). *Vaincre le terrorisme et sauver l'art: même combat*. Groupe d'études géopolitiques, Note de travail, 6 mars, 2021, 14 pp. Available at: <https://geopolitique.eu/wp-content/uploads/2021/09/Terrorisme-et-art.pdf>, accessed 01.09.2021.
- Jakobson V.A. (1989). The New Assyrian Power. In: D'jakonov I.M., Neronova V.D., Svencickaja I.S. (eds.). *History of the Ancient World*, 3rd edition, corrected and enlarged. Moscow: Nauka, GRVL, vol. 2, The heyday of ancient societies, 572 pp. (in Russian).
- Lloyd S. (1984). *The Archeology of Mesopotamia*. Moscow: Nauka, GRVL, 280 pp. (in Russian).
- Mackenzie S. (2011). *The Market as Criminal and Criminals in the Market: Reducing Opportunities for Organised Crime in the International Antiquities Market*. In: Manacorda S. (ed.), Chappell D. (ed.). *Crime in the Art and Antiquities World. Illegal Trafficking in Cultural Property*, New York: Springer. DOI: 10.1007/978-1-4419-7946-9_4.
- Michel V. (2021). Le trafic illicite des biens archéologiques. *La revue du GRASCO*, no. 33, pp. 13–21. Available at: http://www.larevuedugrasco.eu/images/Numero/revue_N33_avril_2021.pdf, accessed 16.10.2021.
- Renold M.-A. (2018). *Le commerce légal et illégal de biens culturels vers et à travers l'Europe: faits, conclusions et analyse juridique*. UNESCO, 20 pp. Available at: <http://docplayer.fr/78916236-Le-commerce-legal-et-illegal-de-biens-culturels-vers-et-a-travers-l-europe-faits-conclusions-et-analyse-juridique.html>, accessed 10.09.2021.
- Syrie. Mémoire et Civilisation* (1993). Institute du monde arabe, Paris: Flammarion, 487 pp.
- Turku H. (2018). Quand les biens culturels deviennent une arme de guerre: droit, politique et sécurité internationale. *Inter Gentes*, vol. 1, no. 2, pp. 1–21. Available at: <https://intergentes.com/wp-content/uploads/2019/02/turku-fr-v3.pdf>, accessed 02.09.2021.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.13

Борьба между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком за влияние в Афганистане

Тимур Радикович ХАЙРУЛЛИН

кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Центра цивилизационных и региональных исследований
Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1,
Москва, Российская Федерация;
старший научный сотрудник кафедры африканистики и арабистики РУДН,
117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация;
старший преподаватель Департамента политологии
Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Ленинградский проспект, д. 49, Москва, Российская Федерация
E-mail: jumglaw16@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5418-2792

Андрей Витальевич КОРОТАЕВ

доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, заведующий
лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация;
ведущий научный сотрудник кафедры африканистики и арабистики РУДН,
117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Российская Федерация;
главный научный сотрудник Центра цивилизационных
и региональных исследований
Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1,
Москва, Российская Федерация
E-mail: akorotayev@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3014-2037

ЦИТИРОВАНИЕ: Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. (2022) Борьба между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком за влияние в Афганистане // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 240–252. DOI: 10.31249/kgt/2022.02.13

Статья поступила в редакцию 03.02.2022.
Исправленный текст представлен 24.03.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена при финансовой поддержке
Российского научного фонда. Проект № 19-18-00155.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу противостояния катарско-турецкого и саудовско-эмиратского блоков за влияние в Исламском Эми-*

рате Афганистан. Выяснено, что со сменой власти в августе 2021 г. в Афганистане целый ряд региональных игроков попытались утвердить свое влияние в стране. Особую активность по укреплению позиций проявил Катар, сумевший на себе замкнуть переговорный процесс между США и талибами до их прихода к власти. Немаловажно, что на роль дипломатического посредника претендовали Саудовская Аравия и ОАЭ, однако утверждение кандидатуры Катара привело к усилению позиций катарско-турецкого альянса. Более того, катарские дипломаты выступили в роли ключевых посредников в деле эвакуации иностранных граждан из Афганистана. Турция оказала внушительную гуманитарную помощь стране, а также совместно с Катаром отстаивала право на восстановление важного объекта инфраструктуры – кабульского аэропорта, на что также претендовали ОАЭ. Важное влияние на внутривнутриполитическую обстановку в Афганистане продолжает оказывать Пакистан, который является покровителем военного крыла «Талибана». Формирование нового афганского правительства осенью 2021 г. определило расстановку сил в стране в пользу Катара и Пакистана, которые поддерживают политический и силовой блок соответственно. Саудовская Аравия не сумела найти необходимые рычаги влияния на новую афганскую власть, однако не теряет надежды использовать Пакистан в качестве своего прокси для давления на талибов с целью недопущения усиления в Афганистане иранских позиций. Таким образом, Афганистан продолжает оставаться ареной борьбы за региональное влияние.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Афганистан, катарско-турецкий альянс, Саудовская Аравия, талибы, Пакистан, ОАЭ, Турция, исламизм.

Введение

События «арабской весны» внесли существенные коррективы в расстановку сил в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Помимо традиционного противостояния между Саудовской Аравией и Ираном на геополитической карте региона появилась новая сила в лице катарско-турецкого альянса, который, сотрудничая с транснациональной организацией «Братья-мусульмане»¹, сумел значительным образом укрепить свои позиции в целом ряде арабских государств.

В настоящей статье мы дадим краткий анализ развития событий, связанных с деятельностью данного альянса, и на основе этого проанализируем деятельность катарско-турецкого блока в Афганистане.

Турецко-катарско-ихванский альянс после начала «арабской весны»

Рассматривая успехи, достигнутые турецко-катарско-ихванским альянсом после начала «арабской весны», отметим, например, что финансовая и дипломатическая поддержка Турции и Катара способствовала приходу к власти в Египте «Братьев-мусульман» [Ketchley, 2017]. В Ливии катарско-турецкий альянс предпринимал активные действия по свержению режима Каддафи, а впоследствии поддерживал местный филиал «Братьев-мусульман»

1 «Братья-мусульмане» признаны в РФ террористической организацией.

в их борьбе за политическую власть в переходный период. Итогом стало доминирование ливийских «Братьев-мусульман» во Всеобщем национальном конгрессе в июле 2012 г. по итогам парламентских выборов [Glenn, 2017]. В Тунисе альянс способствовал усилению позиций умеренной исламистской партии «Возрождение» («Ан-Нахда»), идеологически родственной «Братьям-мусульманам», а также их победе на первых свободных парламентских выборах 2011 г. [Madini, 2014].

Благодаря финансовым и дипломатическим усилиям Катара и Турции, сирийские «Братья-мусульмане» возглавили марши протестов против действующей власти, а их представители составили костяк Сирийского национального совета – главного координационного центра оппозиции за пределами сирийского государства. Более того, поддерживаемые катарско-турецким альянсом исламистские формирования сумели установить контроль над обширными территориями внутри Сирии [Ходынская-Голенищева, 2018]. В Йемене в результате накопившихся проблем и противоречий к власти пришли оппозиционные силы, имеющие достаточно близкие контакты с «Братьями-мусульманами»². Немаловажное значение во внешнеполитической стратегии Катара и Турции уделялось палестинскому направлению, в котором удалось также укрепить позиции (параллельно ослабив иранское влияние)³. В Марокко исламистская Партия справедливости и развития (близ-

кая к «Братьям-мусульманам») при финансовой и дипломатической поддержке катарско-турецкого альянса сумела стать ведущей оппозиционной силой монархическому режиму и победить на парламентских выборах 2011 г.⁴ В Иордании местный филиал «Братьев-мусульман» в ходе протестных выступлений вынудил королевский двор пойти на переговоры, а их представитель даже был приглашен в состав нового правительства [Susser, 2011].

Для усиления собственных позиций в международных организациях в 2011 г. катарское правительство активным образом лоббировало (но безуспешно) своего министра иностранных дел на должность главы Лиги арабских государств. Однако увеличение политического веса произошло, когда Катар выиграл заявку на проведение чемпионата мира по футболу в 2022 г. Это событие стало важной победой, поскольку футбол является одним из самых популярных видов спорта в Арабском мире.

Помимо разыгрывания религиозной карты, не менее важным инструментом во внешней политике Катара является информационный популярный телеканал «Аль-Джазира», который формирует общественное мнение стран региона под определенным углом. Роль «Аль-Джазир» в освещении протестных волнений в начальные месяцы «арабской весны» была настолько велика, что некоторые исследователи называли арабские восстания «аль-джазировой революцией» [Tausch, 2011]. Дальнейшее освещение телека-

2 El-Yaakoubi A. Qatar crisis strains Saudi-led Arab alliance in Yemen war // Reuters. – 2017. – July 20. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-gulf-qatar-yemen/qatar-crisis-strains-saudi-led-arab-alliance-in-yemen-war-idUSKBN1A51XM> (дата обращения: 12.01.2022).

3 Bekdil B. Turkey's Islamic government fully backs Hamas – analyst // Ahval News. – 2018. – February 22. – URL: <https://ahval-news6.com/israel-turkey/turkeys-islamic-government-fully-backs-hamas-analyst> (дата обращения: 16.01.2022).

4 Moroccan Party Close To Global Muslim Brotherhood Wins Parliamentary Elections // The Global Muslim Brotherhood Daily Watch. – 2016. – October 12. – URL: <https://www.globalmbwatch.com/2016/10/12/moroccan-party-close-to-global-muslim-brotherhood-wins-parliamentary-elections/> (дата обращения: 12.01.2022).

налом сирийского, ливийского и йеменского кризисов является важнейшим направлением в политике Катара в области информационной борьбы не только в регионе, но и за его пределами.

Саудовское контрнаступление

Однако стремительные успехи катарско-турецкого альянса вызвали ответную реакцию со стороны их оппонентов в борьбе за региональное лидерство – саудовско-эмиратского блока. В частности, в ходе успешного контрнаступления саудовцам удалось свергнуть «Братьев-мусульман» в Египте, сделав ставку на военную и бизнес-элиту, которые выступили в тесном альянсе против «Братьев-мусульман», сплотив вокруг себя предельно широкую коалицию, включившую в свой состав крайне широкий спектр сил – начиная с секулярных либералов и вплоть до салафитов из партии «Нур». В ходе слаженной координации действий дестабилизировали социально-политическую ситуацию в стране, настроив население против действующей власти [Ketchley, 2017].

В начале 2014 г. в Тунисе исламистская «Ан-Нахда» утратила лидирующие позиции из-за внутреннего и внешнего давления. В Ливии саудовско-эмиратский блок активным образом поддержал военную коалицию во главе с Халифой Хафтаром, который в 2014 г. начал операцию «Достоинство», в результате которой значительно снизилось влияние ливийских «Братьев-мусульман», а значит, и их покровителей – Катара и Турции. В Сирии, благодаря саудовским усилиям, произошло ослабление позиций сирийских «Братьев-мусульман» в Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил

с параллельным укреплением просаудовских повстанческих движений. Ослабление позиций «Братьев-мусульман» произошло и в Иордании. Саудовская Аравия провела активную контратаку по всему Арабскому миру, ослабив позиции «Братьев-мусульман» и катарско-турецкого альянса [Хайруллин, 2019].

Отметим, что в последнее время градус противостояния между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком несколько снизился. Произошло определенное сближение между Эр-Риядом и Дохой, включающее обмен визитами и подписание двусторонних договоров. Улучшились отношения между Саудовской Аравией и Турцией, что выразилось, например, в росте саудовских инвестиций в турецкую экономику. Саудовская Аравия, по всей видимости, решила, что вести активную войну на два фронта (с катарско-турецким и ирано-шиитским альянсами) нецелесообразно, и задалась целью сосредоточиться на последнем фронте. С другой стороны, в последнее время наблюдается рост саудовско-эмиратских противоречий. Тем не менее борьба между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком за влияние в самых разных странах Арабского мира продолжается (хотя и не в столь острой форме, как ранее) [Васильев, Хайруллин, Коротаев, 2019].

Однако борьба за влияние между катарско-турецким и саудовско-эмиратским блоком имеет более масштабный характер и выходит за рамки обозреваемого региона. Поэтому в данной статье мы рассмотрим продолжающуюся борьбу катарско-турецкого и саудовско-эмиратского блоков за региональное лидерство в одном из важнейших государств Среднего Востока – Исламском Эмирате Афганистан.

Катар и Турция в Афганистане

В Афганистане на фоне прихода к власти исламистского движения «Талибан»⁵ в августе 2021 г. целый ряд мировых и региональных игроков попытались оказать влияние на новую власть. Не остался в стороне и катарско-турецкий альянс, который довольно серьезно преуспел в вопросах посредничества и координации взаимодействия талибов с внешним миром. В частности, катарские дипломаты выступили в роли ключевых посредников в деле эвакуации иностранных граждан из Афганистана. По мнению американского аналитика Д. Эсфандиари, «ни одной стране не удавалось провести крупный процесс эвакуации без участия Катара»⁶. Эвакуация осуществлялась либо самолетами национального перевозчика *Qatar Airways*, либо через американскую авиабазу Аль-Удейд, находящуюся в Катаре, откуда иностранные граждане могли улететь в третьи страны. Более того, Катар профинансировал строительство полевого госпиталя скорой помощи, приютов и санузлов, обеспечил бесперебойную доставку средств первой необходимости⁷.

По некоторым данным, посредническая роль катарцев уходит корнями в 2011 г., когда Катар принимал лидеров «Талибана» для обсуждения мирных условий в вопросах прекращения противостояния с американцами. Американская сторона искала надежного посредника, который обеспечил бы на нейтральной территории переговорный процесс с талибами. В каче-

стве основных претендентов рассматривались Саудовская Аравия и Турция, которые готовы были предоставить переговорную площадку и разместить на своей территории штаб-квартиру организации «Талибан». Однако Саудовская Аравия и Турция были отвергнуты и одобрен Катар как нейтральная сторона, которая непредвзято организует переговорный процесс. Отметим, что вопрос о размещении штаб-квартиры на своей территории активно лоббировали ОАЭ, которые хотели замкнуть на себе дальнейший переговорный процесс с талибами и оказывать на них политическое влияние. Учитывая союзнические отношения Саудовской Аравии и ОАЭ, возможная кандидатура Абу-Даби представляла собой своеобразный «план Б» на случай провала кандидатуры саудовцев.

Однако принятие решения в пользу Катара повлекло перевес в сторону укрепления позиций катарско-турецкого альянса и ослабление возможностей саудовско-эмиратского блока оказывать влияние в дальнейшем не только на талибов, но и на регион Среднего Востока. Немаловажно, что данный инцидент настроил саудовско-эмиратский блок против Катара и явился важной причиной для дальнейших дипломатических санкций против катарского государства в 2014 и 2017 гг.

Несмотря на некоторые неудачи, саудовско-эмиратский блок не терял надежды выступить в качестве посредника в переговорном процессе между талибами и западными странами во главе с США. В 2018 г. в Абу-Даби состо-

5 Запрещенная в РФ группировка.

6 Bateman T. Afghanistan: Qatar and Turkey become Taliban's lifeline to the outside world // BBC News. – 2021. – September 2. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-58394438> (дата обращения: 14.01.2022).

7 Qatar is the key player in post-US Afghanistan. Can it be a bridge from the Taliban to the world? // This Week in Asia. – 2021. – August 31. – URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3147041/qatar-key-player-post-us-afghanistan-can-it-be-bridge-taliban> (дата обращения: 12.01.2022).

ялись консультации между талибами и официальными лицами США. Абу-Даби также принял сотни афганских беженцев после того, как талибы захватили Кабул, и сыграл активную роль в Афганистане, отправив в его столицу более 100 т гуманитарной помощи⁸.

Несмотря на свою неоднозначность и противоречивость, переговорный процесс, начавшийся 29 февраля 2020 г., завершился заключением сделки в Дохе между талибами и администрацией Д. Трампа, по которой американские войска должны были быть выведены в мае 2021 г. Однако после вступления в должность Дж. Байдена срок вывода войск был сдвинут до 11 сентября 2021 г. Майская сделка 2021 г. полностью спонсировалась Катаром, который курировал различные детали соглашения. В частности, соглашение включало оказание военной помощи со стороны США и Катара в обмен на то, что «Талибан» не будет поддерживать экстремистские и террористические группировки [Stepanova, 2021]. Отметим, что в качестве запасного варианта площадки для переговорного процесса рассматривался турецкий Стамбул. Однако эти переговоры в конечном счете провалились, когда талибы отменили свое участие и выбрали в качестве переговорной площадки Катар.

Базирующаяся в Дохе телевизионная станция «Аль-Джазира» в течение многих лет предоставляла талибам платформу для обращения к общественности. Радиостанция также

транслировала захват талибами президентского дворца в Кабуле⁹.

Масштабные эвакуационные мероприятия, завершившиеся в конце августа 2021 г., усугубили и без того плачевное состояние кабульского аэропорта. Для оценки ущерба и недопущения развала инфраструктуры вокруг аэропорта в Афганистан вылетели катарская и турецкая технические группы. Представители из Турции провели переговоры с руководством талибов касательно ремонта и дальнейшей эксплуатации аэропорта. Р.Т. Эрдоган заявил, что присутствие турецких военных в стране укрепит позиции новой афганской администрации на международной арене и что турецкие войска будут защищать аэропорт Кабула и обеспечивать безопасное и мирное продолжение эвакуации¹⁰. Имея прочные исторические и этнические связи в Афганистане, Турция (как член НАТО) разместила здесь свои невоенные части в рамках участия в первоначальном развертывании Международных сил содействия безопасности. Временами в них участвовало до 2 тыс. турецких специалистов. С июня 2002-го по февраль 2003 г. и с февраля по август 2005 г. турецкие командиры руководили всей миссией 43 стран. Охрана аэропорта была основной частью задания турецких солдат [Özpek, Demirağ, 2014]. С 2015 г. в этом аэропорту было сосредоточено около 500 военнослужащих Турции, чтобы обеспечить оперативное воздушное сообщение с Кабулом. Более того, Турция проделала впечатляющую

8 Salami M. Navigating Influence in Afghanistan: the Cases of Qatar and Pakistan // Fikra Forum. – 2021. – October 26. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/navigating-influence-afghanistan-cases-qatar-and-pakistan> (дата обращения: 16.01.2022).

9 Hodali D. Why Qatar fosters close contact with the Taliban // Deutsche Welle. – 2021. – August 31. – URL: <https://www.dw.com/en/why-qatar-fosters-close-contact-with-the-taliban/a-59030146> (дата обращения: 12.01.2022).

10 Turkey, Qatar work to get Kabul airport operational: Taliban // Daily Sabah. – 2021. – September 5. – URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkey-qatar-work-to-get-kabul-airport-operational-taliban> (дата обращения: 12.01.2022).

работу по обучению афганских военнослужащих различным военным специальностям, а также поддержанию здоровых отношений со всеми этническими группами страны [Kaura, 2021].

Для Турции контроль над аэропортом означает налаживание экономических отношений с «Талибаном» и позволяет дешевым турецким товарам наводнить афганский рынок, одновременно предоставляя возможности турецким строительным фирмам, связанным с правящей Партией справедливости и развития (ПСР), для восстановления разрушенной войной страны.

Итогом продолжительных консультаций рабочих комиссий Анкары и Дохи с новым афганским правительством стало подписание турецкой и катарской компаниями совместного соглашения об эксплуатации пяти аэропортов в Афганистане, а не только аэропорта Кабула. По некоторым данным, ОАЭ также выразили заинтересованность в присоединении к турецким и катарским фирмам, поскольку Абу-Даби управлял гражданской частью аэропорта Кабула до прихода талибов к власти в августе 2021 г.¹¹

В рамках гуманитарной помощи Турецкий фонд «Маариф» (*Turkish Maarif Foundation*) продолжает свою образовательную деятельность, о чем говорит открытие около 10 школ для девочек и мальчиков. Турецкий Красный Полумесяц и Катарский Красный Полумесяц продолжают оказывать ак-

тивную помощь афганскому населению на местах¹².

Более того, Турция пытается разгрызть и религиозную карту. По словам Р.Т. Эрдогана, «между верой талибов и верой Турции не было никакого противоречия – в Турции не было ничего, что противоречило бы их вере»¹³. Турецкие исламисты (в том числе салафитские группировки) разных мастей приветствовали захват власти талибами. Например, Джамаат Конья поддерживает давние отношения с талибами с конца 1990-х годов. Они оказывали финансовую и политическую поддержку талибам до 2010 г.¹⁴ Однако «Талибан» в принципе не похож на многие салафитские движения, особенно радикального толка. Это движение принадлежит секте Ашари, и оно находится в больших разногласиях с такими радикальными исламистскими организациями, как «Аль-Каида» и «Исламское государство»¹⁵.

Пакистан как традиционный игрок в борьбе за влияние в Афганистане

Важно, что помимо катарско-турецкого и саудовско-эмиратского блоков, традиционное влияние на политическое развитие государства Афганистан оказывает Пакистан, имеющий с последним общую границу, культуру и традиции.

11 Turkish and Qatari firms await for final deal to operate Afghanistan airports // Airport Technology. – 2021. – December 29. – URL: <https://www.airport-technology.com/news/turkey-qatar-await-deal-afghan-airports/> (дата обращения: 14.01.2022).

12 Turkey, Qatar to 'act together' to reopen Afghanistan's Kabul airport // TRT World. – 2021. – December 6. – URL: <https://www.trtworld.com/turkey/turkey-qatar-to-act-together-to-reopen-afghanistan-s-kabul-airport-52365> (дата обращения: 16.01.2022).

13 Heinrich D. Afghanistan: Turkey moves into the spotlight // Deutsche Welle. – 2021. – September 1. – URL: <https://www.dw.com/en/afghanistan-turkey-moves-into-the-spotlight/a-59055709> (дата обращения: 16.01.2022).

14 Gurcan M. How will Taliban's return affect jihadi movements in Turkey, Syria? // Al-Monitor. – 2021. – September 3. – URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/09/how-will-talibans-return-affect-jihadi-movements-turkey-syria> (дата обращения: 12.01.2022).

15 Запрещенные в РФ группировки.

Пакистан оказывал военную поддержку различным группировкам в Афганистане, начиная, по крайней мере, с начала 1970-х годов. В 1980-е годы Пакистан, в котором проживало более 2 млн афганских беженцев, был наиболее значительным прифронтовым государством, служившим надежной базой для моджахедов, сражавшихся против советской интервенции. В 1980-х годах Пакистан также служил в качестве американского плацдарма, через который Центральное разведывательное управление (ЦРУ) способствовало военному обучению более 80 тыс. афганских моджахедов, направляло им тайную помощь на сумму около 2–3 млрд долларов [Rupert, 1989, p. 781; Yousaf, 1992, p. 4].

Даже после вывода советских войск в 1989 г. действующие и бывшие пакистанские военные офицеры продолжали предоставлять учебные и консультационные услуги в тренировочных лагерях на территории Афганистана и, в конечном счете, силам талибов в последующих боевых действиях.

Пакистанские силовики, особенно *ISI* (пакистанское агентство межведомственной разведки), сохраняют значительные рычаги влияния на талибов. Члены руководящего совета (шур) движения «Талибан» благополучно проживают в Пакистане, в том числе в Кветте (провинция Белуджистан). Талибы могут свободно перемещать людей и материалы в Афганистан, пользоваться пакистанскими больницами для лечения своих раненых, а в некоторых

случаях они даже использовали пакистанские паспорта для поездок за границу¹⁶.

Таким образом, Пакистан имеет значительные ресурсы для влияния на новое руководство Афганистана. Более того, в преддверии мирного соглашения между США и талибами в 2020 г. в Дохе Исламабад различными способами поддерживал переговорный процесс, контактируя с талибами и пытаясь содействовать внутриафганскому урегулированию [Pakistan: Shoring up Afghanistan's..., 2021].

Поскольку Катару удалось добиться права вести основной переговорный процесс между талибами и США, он стал одним из главных игроков, способным оказывать политическое давление на руководство талибов. Несмотря на то, что «Талибан» возглавляет верховный лидер Хабитулла Ахундзада, являющийся объединительным символом и своего рода компромиссной фигурой, Катар поддерживает политическую фракцию, возглавляемую муллой Абдулом Гани Барадаром¹⁷. Помимо Катара, важную роль в контролируемом талибами Афганистане играет Пакистан, который поддерживает военное крыло, возглавляемое такими людьми, как Мохаммад Якуб (сын бывшего верховного лидера муллы Омара) и Сираджуддин Хаккани (глава сети Хаккани, объявленной террористической группой в США)¹⁸.

Сформированный в сентябре 2021 г. афганский Кабинет министров про-

16 Salami M. Navigating Influence in Afghanistan: the Cases of Qatar and Pakistan // Fikra Forum. – 2021. – October 26. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/navigating-influence-afghanistan-cases-qatar-and-pakistan> (дата обращения: 16.01.2022).

17 А.Г. Барадар последние три года проживал в Дохе и, как ожидалось, должен был возглавить новое правительство в Афганистане.

18 Ghosh B., Ibish H. Pakistan vs Qatar – it could be a dirty contest over who will mentor Taliban now // The Print. – 2021. – December 12. – URL: <https://theprint.in/opinion/pakistan-vs-qatar-it-could-be-a-dirty-contest-over-who-will-mentor-taliban-now/722294/> (дата обращения: 14.01.2022).

демонстрировал следующую расстановку сил. Прокатарски настроенный А.Г. Барадар, возглавлявший ранее политическое крыло движения «Талибан», занял пост заместителя премьер-министра страны, в то время как поддерживаемые Пакистаном М. Якуб и С. Хаккани получили должности министра обороны и министра внутренних дел соответственно¹⁹. Влияние Пакистана на военное крыло движения «Талибан» неслучайно, поскольку именно благодаря пакистанской стороне талибам удалось провести успешную операцию по захвату территории Афганистана в августе 2021 г.

Известно, что поддерживаемый США и Катаром А.Г. Барадар является неуютной фигурой для пакистанских усилий в деле укрепления позиций в Афганистане, что может привести к расколу и эскалации внутривнутриполитической напряженности в стране²⁰. Но даже если Барадар возглавит правительство, реальная власть в «Талибанах» принадлежит «шуре» Ахундзады, где Якуб и Хаккани обладают значительным влиянием. Несмотря на столкновение интересов Катара и Пакистана в Афганистане, катарская сторона имеет значительные шансы на укрепление позиций в стране из-за ее координированных действий с Турцией, которая находится в дружественных отношениях с Пакистаном, из религиозных семинарий которого впервые появился «Талибан».

Необходимо иметь в виду, что Саудовская Аравия обладает значительным влиянием на Пакистан, который испытывает сильную финансовую за-

висимость от аравийского королевства. Поэтому Саудовская Аравия рассчитывает использовать такую серьезную возможность влиять на Афганистан через эту страну.

Роль Саудовской Аравии при новой власти в Афганистане

Несмотря на то, что саудовцам на начальных этапах прихода к власти талибов не удалось повлиять на политический процесс в Афганистане, они продолжают искать варианты давления на новое руководство с целью недопущения усиления там позиций Исламской Республики Иран.

Эр-Рияд не может оставаться равнодушным к событиям в Афганистане, особенно учитывая его предшествующую историю отношений с талибами. Саудовская Аравия была одной из трех стран, признавших эту группировку, когда она контролировала Афганистан с 1996 по 2001 г. Более того, хотя ситуация между талибами и Ираном сложная, разрешение Афганистану войти в зону политического влияния Ирана было бы неприемлемым исходом для Эр-Рияда.

Саудовская Аравия разделяет тесную религиозную близость с Афганистаном, учитывая свой контроль над Меккой и Мединой, она видит в этом способ влиять на талибов на этих основаниях. Саудовская Аравия одобряет помощь Пакистана Афганистану и, похоже, отдает предпочтение Пакистану, а не Катару в качестве партнера в отношениях с ним. Это особенно

19 Талибан объявил состав правительства Афганистана // РБК. – 2021. – 7 сентября. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/09/2021/613779c49a79471e0f351829> (дата обращения: 12.01.2022).

20 Сначала Пакистан предоставил ему убежище после разгрома талибов под руководством США, а затем арестовал его в 2010 г. По сообщениям, его пытали в плену. Катарцы, с другой стороны, относились к нему как к будущему лидеру Афганистана и установили прочные связи с другими членами его фракции.

актуально, поскольку сохраняется напряженность между Саудовской Аравией и Катаром из-за поддержки Катаром исламистских группировок и «Братьев-мусульман», которые представляют серьезную угрозу для Эр-Рияда.

Заключение

Таким образом, Афганистан продолжает оставаться ареной борьбы за региональное влияние. Особенно в этом направлении преуспел катарско-турецкий альянс, оказывающий дипломатическую, гуманитарную и финансовую поддержку новому афганскому правительству. «Талибан» срочно нуждается в катарских инвестициях. Соединенные Штаты заморозили активы на сумму около 9,5 млрд долларов в центральном банке Афганистана *Da Afghanistan Bank*²¹. Наряду с Турцией и Катаром существенное влияние на внутриполитические процессы в Афганистане продолжает оказывать Пакистан, который, поддерживая военное крыло «Талибана», надеется на недопущение усиления в регионе радикальных исламистских группировок «Аль-Каида» и «Исламское государство».

Наибольшее беспокойство у пакистанских официальных лиц вызывает Техрик-и-Талибан Пакистан (ТТП) – группировка боевиков, которая присягнула на верность движению «Талибан» после падения Кабула, намерена свергнуть пакистанское правительство и создать эмират талибов в северо-западных районах Пакистана, гра-

ничающих с Афганистаном. С приходом к власти талибы освободили сотни боевиков ТТП, в том числе заместителя лидера группировки Маулви Факира Мохаммада, который был задержан афганскими властями в 2013 г.²² Пакистан также потребовал от талибов принять строгие меры против антипакистанских элементов в Афганистане. ТТП поддерживает вооруженные силы талибов в Афганистане, и этот факт продолжает оставаться раздражителем в отношениях между Кабулом и Исламабадом.

Саудовско-эмиратский блок не имеет прямого влияния на новое руководство Афганистана, однако не теряет надежды на то, что с помощью необходимых ресурсов сможет оказывать влияние на талибов. Сложные отношения Саудовской Аравии с Катаром и Турцией не позволяют Эр-Рияду полагаться на них как на посредника в отношениях с талибами. Этому мешает и тесное сотрудничество Катара и Турции с «Братьями-мусульманами». Скорее всего, Саудовская Аравия попытается сделать ставку на Пакистан, с которым имеет больше точек соприкосновения, чем с Анкарой и Дохой.

Список литературы

Васильев А.М., Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 10. – С. 2–9. – DOI: 10.31857/S032150750006519-2.

21 Salami M. Navigating Influence in Afghanistan: the Cases of Qatar and Pakistan // Fikra Forum. – 2021. – October 26. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/navigating-influence-afghanistan-cases-qatar-and-pakistan> (дата обращения: 16.01.2022).

22 Hashim A. In Pakistan's borderlands, Taliban quietly expanding influence // Al-Jazeera. – 2021. – December 8. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/12/8/pakistan-south-waziristan-borderlands-taliban-expanding-influence> (дата обращения: 14.01.2022).

Хайруллин Т.Р. Борьба за лидерство в арабском регионе. Есть ли шанс для исламистов? – Москва : ИАФР РАН, 2019. – 214 с.

Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующемся миропорядке: роль эмигрантских оппозиционных структур // Азия и Африка сегодня. – 2018. – № 2. – С. 11–15.

Glenn C. Libya's Islamists: Who They Are – And What They Want // Wilson Center. August 8, 2017. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/libyas-islamists-who-they-are-and-what-they-want> (дата обращения: 16.01.2022).

Kaura V. Turkey and the Taliban // Middle East Institute. July 23, 2021. – URL: <https://www.mei.edu/blog/turkey-and-taliban> (дата обращения: 14.01.2022).

Ketchley N. Egypt in a Time of Revolution. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 218 p. – DOI: 10.1017/9781316882702.

Özpek B., Demirağ Y. (2014) Turkish foreign policy after the 'Arab Spring': from agenda-setter state to agenda-entrepreneur state // Israel Affairs. – 2014. – Vol. 20, N 3. – P. 328–346. – DOI: 10.108/13537121.2014.922806.

Pakistan: Shoring up Afghanistan's peace process // Crisis Group. – 2021. – N 169 (ASIA). – URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/b169-pakistan-shoring-afghanistans-peace-process> (дата обращения: 14.01.2022).

Rupert J. Afghanistan's Slide Toward Civil War // World Policy Journal. – 1989. – Vol. 6, N 4. – P. 759–785.

Stepanova E. Russia and the Search for a Negotiated Solution in Afghanistan // Europe-Asia Studies. – 2021. – Vol. 73, N 5. – P. 928–952. – DOI: 10.1080/09668136.2020.1826908.

Susser A. Jordan 2011: Uneasy lies the head // Crown Center for Middle East Studies: Middle East Brief. – 2011. – N 52. – P. 1–10.

Tausch A. On the global political and economic environment of the current Al Jazeera Revolution // Middle East Studies Online Journal. – 2011. – Vol. 2, N 5. – P. 7–55.

Yousaf M., Adkin M. The Bear Trap: Afghanistan's Untold Story. – London: Mark Cooper, 1992. – 243 p.

Мадини Т. «Священный союз» между Катаром, «Ан-Нахдой» и такфиритскими течениями. Madini T. «Al-Khalf al-mukaddas» baina qatar va an-nahda va al-tayarat al-takfiriya // Al-Vahda al-Islamiya. – 2014. – N 145. – Араб. яз. – URL: <https://www.wahdaislamiya.org/issues/145/tmadini.htm> (дата обращения: 16.01.2022).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.13

The Struggle between the Qatari-Turkish and Saudi-Emirati Bloc for the Influence in Afghanistan

Timur R. KHAYRULLIN

PhD in Politics, senior researcher, Centre for Civilizational and regional studies
Institute for African Studies of the Russian Academy Sciences,
123001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation;
Senior researcher, Department of African and Arabic Studies, RUDN University,
117198, Miklukho-Maklai St., 6. Moscow, Russian Federation;
Senior lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, Leningradskii St., 49, Moscow, Russian Federation

Andrey V. KOROTAYEV

Professor, HSE University; 101000, Myasnitskaya St. 20, Moscow, Russian Federation;
Leading researcher, Department of African and Arabic Studies, RUDN University,
117198, Miklukho-Maklai St., 6. Moscow, Russian Federation;
Head Researcher, Center for Civilizational and Regional Studies
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
123001, Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation

CITATION: Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2022) The Struggle between the Qatari-Turkish and Saudi-Emirati Bloc for the Influence in Afghanistan. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 240–252 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.13

Received: 03.02.2022.

Revised: 24.03.2022.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation. Project no. 19-18-00155.

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of the confrontation between the Qatari-Turkish and Saudi-Emirate blocs for the influence in the Islamic Emirate of Afghanistan. It was found out that with the change of power in August 2021 in Afghanistan, a number of regional players tried to assert their influence in the country. Qatar was particularly active in strengthening its positions, having managed to close the negotiation process between the United States and the Taliban before they came to power.*

It is also important that Saudi Arabia and the UAE claimed the role of a diplomatic mediator, but the approval of Qatar's candidacy led to the strengthening of the positions of the Qatari-Turkish alliance. Turkey provided impressive humanitarian assistance to the country, and also jointly with Qatar defended the right to restore an important infrastructure facility – the Kabul airport, which was also claimed by the UAE. Pakistan, which is the military wing of the Taliban, continues to have an important influ-

ence on the internal political situation in Afghanistan. The formation of a new Afghan government in the fall of 2021 determined the balance of power in the country in favor of Qatar and Pakistan, which support the political and power bloc, respectively. Saudi Arabia has failed to find the necessary levers of influence on the new Afghan government, but does not lose hope of using Pakistan as its proxy for pressure on the Taliban, in order to prevent the strengthening of the Iranian positions in Afghanistan. Thus, Afghanistan continues to be an arena of struggle for regional influence.

KEYWORDS: Afghanistan, the Tatar-Turkish alliance, Saudi Arabia, the Taliban, Pakistan, the UAE, Turkey, islamism.

References

- Glenn C. (2017). Libya's Islamists: Who They Are – And What They Want. *Wilson Center*, available at: <https://www.wilsoncenter.org/article/libyas-islamists-who-they-are-and-what-they-want>, accessed 16.01.2022.
- Kaura V. (2021). Turkey and the Taliban. *Middle East Institute*, July 23, available at: <https://www.mei.edu/blog/turkey-and-taliban>, accessed 14.01.2022.
- Ketchley N. (2017). *Egypt in a Time of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 218 pp. DOI: 10.1017/9781316882702.
- Khayrullin T.R. (2019). *The Struggle for Leadership in the Arab region. Do Islamists have a Chance?* Moscow: Institute for African Studies of the RAS, 214 pp. (in Russian).
- Khodyskaya-Golenisheva M.S. (2018). The Syrian crisis in the transforming world order: the role of emigrant opposition structures. *Asia and Africa today*, no 2, pp. 11–15 (in Russian).
- Madini T. (2014). The “holy Alliance” between Qatar, Ennahda and Takfiri movements (“Al-Khalf al-mukaddas” baina qatar va an-nahda va al-tayarat al-takfiriya). *Al-vahda al-islamiya*, available at: <https://www.wahdaislamia.org/issues/145/tmadini.htm>, accessed 16.01.2022 (in Arabic).
- Özpek B., Demirağ Y. (2014). Turkish foreign policy after the ‘Arab Spring’: from agenda-setter state to agenda-entrepreneur state. *Israel Affairs*, vol. 20, no. 3, pp. 328–346. DOI: 10.1080/13537121.2014.922806.
- Pakistan: Shoring up Afghanistan's peace process (2021). *Crisis Group*, available at: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/b169-pakistan-shoring-afghanistans-peace-process>, accessed 14.01.2022.
- Rupert J. (1989). Afghanistan's Slide Toward Civil War. *World Policy Journal*, vol. 6, no. 4, pp. 759–785.
- Stepanova E. (2021). Russia and the Search for a Negotiated Solution in Afghanistan. *Europe-Asia Studies*, vol. 73, no. 5, pp. 928–952. DOI: 10.1080/09668136.2020.1826908.
- Susser A. (2011). Jordan 2011: Uneasy lies the head. *Crown Center for Middle East Studies: Middle East Brief*, no. 52, pp. 1–10.
- Tausch A. (2011). On the global political and economic environment of the current Al Jazeera Revolution. *Middle East Studies Online Journal*, vol. 2, no. 5, pp. 7–55.
- Vasiliev A.M., Khayrullin T.R., Koro-tayev A.V. (2019). New Alliance in struggle for leadership in the Arab region. *Asia and Africa today*, no. 10, pp. 2–9. DOI: 10.31857/S032150750006519-2 (in Russian).
- Yousaf M., Adkin M. (1992). *The Bear Trap: Afghanistan's Untold Story*. London: Mark Cooper, 243 pp.

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.14

Кодификация гражданского права в Китае: контуры регионального правового порядка

Павел Николаевич ДУДИН

доктор исторических наук, доцент, директор Центра изучения государства и права стран Восточной Азии
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, ул. Ключевская, д. 40В, стр. 1, г. Улан-Удэ, Российская Федерация
E-mail: dudin2pavel@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9407-8436

ЦИТИРОВАНИЕ: Дудин П.Н. (2022). Кодификация гражданского права в Китае: контуры регионального правового порядка // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 16. № 2. С. 253–281.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.14

Статья поступила в редакцию 25.12.2021.
Исправленный текст представлен 15.02.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье принята попытка взглянуть на Гражданский кодекс КНР с позиций междисциплинарного подхода. Для этого работа разделена на три части. В первой приведен обзор англоязычной научной литературы, отражающей общее состояние гражданского права КНР, ход его последней кодификации и законодательный результат. Вторая часть посвящена содержательной составляющей Гражданского кодекса и концентрирует внимание на наиболее знаковых законодательных новациях. Так, прежде всего автор заостряет внимание на том факте, что это вторая систематизация гражданского права в Китае, совершая экскурс в историю принятия и изучения западными учеными Гражданского кодекса Китайской Республики 1929–1931 гг., действующего ныне в Тайване. Далее отмечается

стремление современного законодателя избавиться от так называемого советского наследства и, посредством заимствования лучших нормативов практик стран семьи континентального права, не утратить собственную специфику и сделать новый нормативный правовой акт максимально практичным, современным и эффективным. Дается прогноз влияния на экономическую сферу, а также развитие науки в регулируемых Кодексом общественных сферах. Подчеркивается важность закрепления «зеленого» принципа и претензии КНР на статус страны высокого уровня экологической ответственности. В третьей части рассматривается исторический опыт конструирования регионального правового порядка в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв., когда сначала Япония, а затем и империя Цин приступили к внедрению европей-

ского, преимущественно французского и немецкого, нормативного материала на фоне модернизации своей государственной системы. В заключении, подчеркивая важность и значимость Гражданского кодекса для страны и ее населения, автор высказывает сомнения относительно способности КНР в современных условиях сформировать обновленный региональный правовой порядок, без которого влияние этой страны на многие международные и глобальные процессы будет неполным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданский кодекс, гражданское право, гражданские правоотношения, кодификация, КНР, региональный правовой порядок, правовая система, правовые институты, «экспорт права», юридические новации.

Введение

Способность государства обеспечивать собственное процветание, правовой порядок и благополучие населения в современном мире характеризует его как ведущую державу в большей степени, чем способность успешного ведения военных операций. Ведь военная мощь, как показывает опыт США на Ближнем Востоке и в Южной Азии, еще не гарантирует ни стабильности, ни разделения преследуемых целей и заявляемых ценностей. И в то же время именно транслируемые ценности, на наш взгляд, их приемлемость как для собственного населения, так и для населения других стран, готовность к восприятию и имплементации в собственную культуру и менталитет – в числе главных идеологических инструментов.

Если посмотреть на политическую карту мира в его исторической ретроспективе, то можно убедиться в значимости права и формируемого с его помощью правового порядка для ряда регионов

Евразийского континента вне зависимости от расположения этих государств, по крайней мере, начиная с эпохи Средневековья. Сей факт позволяет нам вести речь о такой категории, как региональный правовой порядок, которая, с одной стороны, «вклинивается» в кельзеновскую бинарность международного и национального правового порядка [Kelsen, 1952, p. 250], а с другой стороны, дополняется оговоркой, сделанной Ж. Сселем о так называемой юридической реальности [Scelle, 1948, p. 101], которая представляет собой международный правовой порядок, находящийся «над известным числом государственных или союзно-государственных правовых порядков» [Василенко, 1988, с. 147], что в последнем случае и означает правовой порядок региональный. Мы же в своем исследовании будем опираться на позицию нашего соотечественника, ученого-юриста, специалиста по международному и морскому праву, члена Постоянной палаты третейского суда в Гааге М.И. Лазарева. Он не только рассматривал эту дефиницию в ракурсе принципа региональности, но и раскрывал суть этого принципа в качестве способности к управлению теми или иными процессами, урегулированными нормами права на региональном уровне, «в масштабах групп стран, больших районов» [Лазарев, 1983, с. 41], оговариваясь также и о соотношении глобального и регионального режимов как о «согласовании с общемировыми эталонами международного права ... правовых норм и законодательства уже не отдельного государства, а группы государств, связанных региональной общностью» [Лазарев, 1983, с. 143].

Учитывая историческую, экономическую, военную и геополитическую значимость современного Китая, вполне объясним интерес, проявляемый к внутренней политике этой страны. Поэтому после принятия (май

2020 г.) и вступления в силу (январь 2021 г.) нового Гражданского кодекса Китайской Народной Республики (далее – ГК КНР) целесообразно оценить потенциальную и реальную степень влияния этого акта на правовые процессы как в границах Восточной Азии, так и в глобальном масштабе.

Исходя из этого, среди задач настоящей статьи: во-первых, выявить позицию представителей зарубежной научной общественности (преимущественно англоязычного сегмента) относительно кодификации гражданского права КНР; во-вторых, рассмотреть наиболее интересные новации и их возможные правовые и экономические последствия; в-третьих, опираясь на исторический опыт исследуемого региона, предпринять попытку обрисовать контуры для конструирования регионального правового порядка в Восточной Азии, уже имевшего место быть в прошлом и не исключенного в той или иной модели в будущем.

Осознавая факт того, что прошло относительно мало времени с момента принятия ГК КНР, причем не только для рефлексии со стороны международного научного сообщества, но даже для китайских граждан, мы постараемся в своих суждениях соблюсти деликатность и сосредоточить внимание на том, что поддается оценке на данном историческом этапе. Да и слишком уж разнообразен опыт регулирования гражданских отношений другими источниками права в этом и сопредельных государствах. Некоторые из них насчитывают не одну тысячу лет и зачастую действуют куда эффективней писаных законов: например отдельные правовые обычаи в области брачно-семейных отношений, до настоящего времени применяемые в правовой системе Гонконга, или судебная практика, успешно помогающая чиновникам разрешать сложные дела еще в V–IV вв. до н.э. [Цзоуяньшу..., 2013].

Вместе с тем подчеркнем, что руководство КНР в течение длительного периода времени готовило и мировое, и китайское общество к принятию Гражданского кодекса, придавая этому процессу, как, пожалуй, никакому другому в сфере правотворчества за последние несколько лет, максимально публичный характер. Для России значимость ГК КНР определяется тем, что в гражданско-правовые отношения вступают не только граждане Китая, юридические лица и публичные образования, но и наши имеющие связи с КНР сограждане, организации различных форм собственности и ведомственной принадлежности, а также органы государственной власти.

В российской науке, как юридической, так и синологической, до настоящего времени подобные комплексные исследования большого масштаба были инициативой группы ученых Института Дальнего Востока Российской академии наук под руководством известного юриста-синолога профессора Л.М. Гудошниковой [КНР..., 1984; Китайская Народная Республика..., 1989], тогда как предметные гражданско-правовые исследования осуществляли не менее известный ученый Е.Г. Пащенко [Гудошников, Пащенко, 1988; Пащенко, 1994; Пащенко, 1997] и ряд его коллег, исчерпывающие данные о которых приведены в работах другого известного исследователя П.В. Трощинского [Трощинский, 2018; Трощинский, 2020]. При этом, по нашему мнению, в отечественной науке до настоящего момента англоязычный сегмент исследователей процесса кодификации гражданского права в Китае отражен слабо, что является существенным упущением и лишает накопленные научные знания полноты и объективности. Добавим к этому, что немногочисленные диссертационные исследования даже на русском языке по этому вопросу [Лю Цзюнь Пин, 2011; Трофимов, 2006] в отдельных моментах устарели.

Относительно выборки самих китайских исследователей следует оговориться о том, что автор статьи сознательно исключил из своего внимания обширный блок работ на китайском языке: во-первых, он чрезвычайно объемный и требует значительных временных и иных ресурсных затрат для рефлексии; во-вторых, учитывая специфику публичных, в том числе научных, дискуссий в КНР, он оказывается не так богат мнениями; в-третьих, англоязычные тексты китайских авторов, по нашему мнению, сегодня могут сказать куда больше, чем кажется на первый взгляд, поскольку при всем разнообразии весьма дозированны, что позволяет характеризовать их как соответствующие официальной позиции руководства КНР.

Не повторяя наших отечественных коллег, уже давших свои оценки ГК КНР [Гражданский кодекс..., 2020; *Ербахаев*, 2019; *Ербахаев*, 2020], мы постараемся осуществить анализ его содержательных новаций и значения в качестве возможного инструмента обеспечения укрепления позиций Китая на международной арене, а также дать оценку общего влияния на правовую систему и региональный правопорядок с учетом западных исследований и с позиций междисциплинарного подхода, что отнюдь не свойственно представителям юридического сообщества, изучающим отраслевое право КНР и сосредотачивающим внимание сугубо на нормах.

Обзор англоязычной современной литературы о кодификации гражданского права КНР

В целом научной литературы, отражающей как общие вопросы кодификации, так и отдельные аспекты правового регулирования в области гражданских правоотношений на евро-

пейских языках, огромное количество. Мы постараемся сконцентрировать внимание на тех трудах, которые отличаются прогностическим характером своего изложения.

Первая группа работ посвящена гражданскому праву КНР, а также последним (с 1980-х гг.) попыткам его кодификации, в том числе с позиций сравнительного правоведения. Среди зарубежных ученых ведущее место принадлежит профессору Университета Вашингтона г. Сент-Луиса Уильяму К. Джонсу, работы которого дают представление о состоянии науки и законодательства (в том числе проектируемого) на этапе перехода Китая к рыночной экономике. Ученый осуществлял перевод и опубликование проекта Гражданского кодекса 1982 г. [Jones, 1984a], примечаний к нему [Jones, 1984b] и в аналогичном ключе – перевода [Jones, 1987a] и примечаний [Jones, 1987b] «Общих положений гражданского права КНР» 1986 г. Помимо этого, его перу принадлежит перевод подборки судебных дел по гражданским вопросам [Jones, 1984c], которые он не называет прецедентными (о чем отдельно делает оговорку), однако склоняется к их квазипрецедентной природе. И, наконец, безусловно, заслуживает внимания перевод одноименного фундаментального научно-образовательного издания [Basic Principles..., 1989], подготовленного в КНР накануне принятия «Общих положений гражданского права».

Связь современного китайского гражданского права и его отдельных институтов с традиционным имперским правом прослеживают несколько ученых [Lei Chen, 2010a; Yi Jiming, 2015], признающих, что развитие китайского гражданского права по сути представляет собой процесс интеграции китайских традиций и заимствованных иностранных правовых концепций,

характеризуя при этом «Общие положения гражданского права КНР» как «мини-версию Гражданского кодекса» [Chinese Civil Law, 2013, p. 1–2].

Вопросам сравнения опыта гражданской кодификации, а также европейских и китайских наиболее показательных правовых институтов (право собственности, договорное право, услуги, сделки, место публичных лиц в гражданских правоотношениях) и деликтов в отдельных сферах гражданских правоотношений (медицинская деятельность, морские перевозки и др.) посвящена монография «На пути к Гражданскому кодексу Китая: сравнительная и историческая перспектива» [Lei Chen, Rhee, 2012]. Интересна также коллективная работа, изданная в стенах Оксфордского университета, где признается невозможность слепого копирования даже самого эффективного зарубежного законодательства, будь то правовое регулирование вопросов прав собственности, корпоративных прав или интеллектуальной собственности [Law and Economics..., 2013].

В продолжение проблематики относительно института собственности «с китайской спецификой» может быть полезной статья известного ученого Лэй Чэна [Lei Chen, 2010b].

Вторая группа работ посвящена отдельным институтам гражданского права, включая и международное частное право с его местом в правовой системе КНР. Весьма обширный спектр научного материала посвящен институту деликтов и гражданско-правовой ответственности, среди которых интересна работа Джорджа У. Конка [Conk, 2005]. Смело называя «Общие принципы гражданского права КНР» кодексом и давая развернутую характеристику усовершенствования этого нормативного правового акта в исследуемой части, автор отмечает, что за-

конодатель не готов на обширную кодификацию. Проблемам деликтной ответственности и единообразия судебной практики посвящена работа [Wang Kui-Hua, Mendelson, 1996]. Уникальной в своей сфере является книга «Краткое изложение китайского законодательства о деликтах» [Jin Jigang, Li Xiang, 2014] – первая на европейском языке, столь подробно освещающая текущий нормативный материал, включая закон о деликтной ответственности КНР, а также обширный теоретический материал и подробные комментарии из практики.

Также в этом ряду находится труд профессора юридического факультета Китайского университета Жэньминь, принимавшего участие в начале 2000-х годов в рабочей группе Института права КАОН по подготовке очередного проекта ГК КНР, Чжан Синьбао «Законодательство о деликтной ответственности в Китае» [Zhang Xinbao, 2018a]. Поскольку эта книга вышла после завершения работы знаменательного своими законодательными и правоприменительными инициативами 4-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва, автор делает массу любопытных прогнозов, значительная часть из которых воплотилась в Разделе VII «Ответственность за нарушение прав» ГК КНР 2020 г., в разработке которого Чжан Синьбао принимал непосредственное участие.

Проблеме внедоговорной ответственности, проистекающей из ущерба, причиненного другому лицу, в ракурсе законодательства о гражданской ответственности в Китае, Бразилии и России посвящена работа профессора Герта Брюггемайера из Бременского университета. В ней автор предлагает собственное видение урегулирования данных аспектов, включая и типовый законопроект раздела VIII будущего ГК КНР [Brüggeмейер, 2011].

Знаковой в области изучения договорного права Китая является работа профессора Университета Темпл Мо Чжана, первое издание которой [Mo Zhang, 2006] можно отнести к новаторским в выбранной сфере, впервые изданным на английском языке. Второе издание в 2020 г. учло последние изменения в законодательстве и судебной практике.

С точки зрения практического преобразования действующих на момент опубликования норм, часть из которых в той или иной мере сохранилась в обновленном гражданском законодательстве, определенного внимания заслуживает работа «Китайское гражданское право для бизнеса» [Zhang Xiaoyang, 2013]. Ее автор утверждает, что китайская правовая система помимо континентальной (немецкой) гражданско-правовой традиции также впитала в себя некоторые принципы общего права (особенно в отдельных областях делового оборота), чтобы соответствовать международной практике. В этом же русле анализа написана книга «Китайское договорное право: перспективы гражданского и общего права», выступающая продуктом уникального сотрудничества ученых материкового Китая и ученых, представляющих правовые традиции системы общего права [Chinese Contract Law..., 2017].

Еще одно издание в области правового регулирования бизнеса в Китае [Yu Danling, 2019] концентрирует на своих страницах не только нормативный материал и его квалифицированный комментарий относительно корпоративного права и законодательства об иностранных инвестициях и ценных бумагах, но и содержит прогнозы тенденций в гражданском законодательстве.

Любопытный прогноз и анализ современного авторов состояния про-

цесса кодификации в ракурсе текущего гражданского законодательства присутствует в сборнике докладов, представленных на II Тематической конференции Международной академии сравнительного правоведения, организованной в 2012 г. Для нашего исследования интерес представляют три кейса. Так, в главе 8 «Китай: изучение альтернативы Торгового кодекса в ходе гражданской кодификации» профессор Гонконгского университета Чжан Сяньчу связывает кодификацию с успехами экономических реформ в Китае и видит ее как необходимый атрибут правовой модернизации страны [Codification..., 2014, p. 105–120]. В главе 17 «Кодификация гражданского права в Китае: ее особенности, социальные функции и будущее» Хань Шиюань из университета Циньхуа утверждает, что кодификация является закономерным итогом унификации норм частного права в Восточной Азии, которая следует за глобализацией в соответствующих областях экономики региона [Codification..., 2014, p. 201–214]. В главе 19 «Комментарий в отношении международного частного права в Восточной Азии – с точки зрения китайского права» [Codification..., 2014, p. 215–232], авторами которой являются профессор Китайского университета политологии и права Хуан Цзинь и его коллега Хо Чжэнсинь, знаковыми являются два взаимосвязанных вывода о том, что до настоящего времени в регионе недооценивается значение этих норм как для национального законодательства, так и для международного сотрудничества, причем даже со стороны китайской юридической науки имеет место слабая изученность правоотношений в этой сфере в других странах Восточной Азии при наличии достаточного объема позитивного и полезного опыта, накопленного за по-

следние 50 лет. Также авторы сетуют на то, что имеющаяся в Китае нормативная база, по мнению законодателя, является достаточной и не нуждающейся в корректировке.

В этом же ракурсе в свете развития отдельных институтов в области международного частного права при переходе экономики и, соответственно, гражданского законодательства Китая на современные рельсы любопытны еще несколько работ. Полезным для понимания становления международного частного права в Китае являются работы Роберта Хойзера из Кёльнского университета, среди которых можно отметить предметные работы о внешнеторговых контрактах между западногерманскими компаниями и КНР и соответствующим законодательным обеспечением этого процесса внутри КНР [Heuser, 1977].

Китайский исследователь Чэн Юань, ученик известного британского специалиста в области советского права Уильяма Баттлера, в книге «Торговля между Востоком и Западом: изменение моделей в законодательстве и институтах внешней торговли Китая» [Cheng Yuan, 1991] предпринимает попытку отразить развитие современного ему законодательства КНР в отношении внешней торговли. Примечательной является рецензия на эту работу за авторством известного гарвардского ученого Уильяма Алфорда, в которой он сетует на отсутствие упоминаний о правовом регулировании отношений в области высоких технологий или инвестиций [Alford, 1992].

В свою очередь упоминаемый нами выше Уильям К. Джонс отзывается об этом труде как о поверхностном исследовании, называя его «справочником по формальным правовым вопросам внешней торговли» [Jones, 1993], мотивируя позицию наличием в нем лишь

нормативного материала без глубинного анализа. Однако же он гораздо более благосклонен в отношении похожего исследования за авторством профессора Университета Британской Колумбии Питмана Поттера под названием «Экономическое договорное право Китая: легитимация и автономия контрактов в КНР» [Potter, 1992], подчеркивая, что канадский ученый исчерпал все опубликованные и доступные источники по заявленному вопросу, включая даже судебную практику [Jones, 1993].

Небезынтересной с точки зрения международного частного права и его места в правовой системе современного Китая является книга профессора Университета Макао Ту Гуанцзяня «Международное частное право в Китае», в которой помимо генезиса науки международного права приводятся методы разрешения коллизионных вопросов в различных сферах, а также исследуется вопрос гражданского судебного разбирательства. Ученый справедливо отмечает, что «... унифицировать коллизионные нормы в Китае не проще, чем унифицировать нормы материального права» [Tu Guangjian, 2016, р. 14]. Оговариваясь о том, что «Общие положения гражданского законодательства КНР» имеют статус кодекса, Ту Гуанцзянь сомневался в скорейшей разработке «всеобъемлющего гражданского кодекса с включенной в него всеохватывающей системой коллизионных законов», называя этот процесс «чрезвычайно трудоемкой задачей» и объясняя причины этого малым опытом китайского законодателя в области международного частного права [Tu Guangjian 2016, р. 28].

Значительный интерес относительно института недвижимости, правового регулирования отдельных аспектов общественных отношений в этой сфере, а также смежных институтов

как на современном автору историческом этапе, так и с отсылкой к истории и в ракурсе сравнительного правоведения вызывает работа представителя Института права КАОН Лян Хуэй-сина «Некоторые мнения и предложения по проекту закона о недвижимости» [Liang Huixing, 2007].

Дальновидный прогноз необходимости комбинирования в использовании медиативных (внесудебных) и судебных процедур высказывает представитель факультета политики и права Северо-Китайского университета электроэнергетики Мяо Чунган [Miao Chungang, 2018].

Наконец, **третья, самая немногочисленная по количеству опубликованного материала, группа работ**, предметное поле которых сконцентрировано на самом ГК КНР и его новациях, представлена новым поколением юристов – специалистов в области китайского права: доцентом Школы права Сычуаньского университета Чжу Ваном, чье масштабное исследование сосредоточено на конституционности составления ГК КНР [Zhu Wang, 2020]; польским исследователем из Ягеллонского университета Игорем Шпотакоским, серия работ которого посвящена последним событиям кодификации гражданского права в Китае (на английском – [Szpotakowski 2020]); и отечественными учеными П.В. Трощинским и А.П. Алексеенко, о которых мы скажем ниже.

Отметим, что приведенные работы не исчерпывают собой научное знание о китайском гражданском праве и его кодификации, но отражают его наиболее интересные стороны на современном этапе.

Содержательный анализ новаций Гражданского кодекса КНР

Любая систематизация законодательства, тем более кодификация как наиболее совершенная ее форма, тем более такой объемной отрасли права, как гражданское, тем более в таком крупном и сложном с точки зрения организации общественных отношений государстве, как Китай, требует не только высокой степени профессионализма среди исполнителей этого процесса. Важное значение имеет наличие политической воли, которую руководство страны демонстрировало всякий раз, представляя результаты этой деятельности в XX – начале XXI в. Не случайно вслед за вступлением в силу ГК КНР в январе 2021 г. китайский лидер Си Цзиньпин в феврале того же года делает заявление о победе над бедностью¹. Понимание подобных факторов позволяет нам утверждать, что Гражданский кодекс для этой страны – не только победа на юридическом поле, неоднородном и весьма противоречивом, но и возможная заявка на более знаковое региональное присутствие и влияние, еще четыре десятилетия назад вести речь о котором было невозможно. Для подтверждения этих слов следует привести точку зрения Уильяма К. Джонса, содержащуюся в рецензии на сборник трудов, посвященных правовой традиции Китая: «Сегодня, как и в традиционном Китае, закон рассматривается в первую очередь как средство поддержания государства, а не как средство защиты прав граждан» [Jones, 1982].

1 Си Цзиньпин объявил о полной победе над крайней нищетой в Китае // РИА новости. – 2021. – 25 февраля. – URL: <https://ria.ru/20210225/nischeta-1598862507.html/> (дата обращения: 25.12.2021).

Некоторые современные исследователи [Lei Chen, 2007; Zhang Lihong, 2009] поспешно, без уточнения, называют ГК КНР 2020 г. первым в истории страны, либо же оговариваются о том, что хоть в 1929–1931 гг. и осуществлялась кодификация республиканского гражданского законодательства, но она не имела существенного значения, что, по нашему мнению, является заблуждением. Именно в республиканский период, когда фактически распавшаяся страна была ненадолго объединена под эгидой партии Гоминьдан и властью Чан Кайши, этой политической силе и ее лидеру удалось добиться первой кодификации.

К сожалению, англоязычная источниковая база и научный фонд не богаты материалом в этом направлении: среди наиболее интересных работ следует отметить два перевода некоторых частей Кодекса на английский язык. Первый перевод в отношении Книги 1 (раздела) был организован в 1929 г. членами Шанхайской коллегии адвокатов Ся Чинлином и Джеймсом Чоу. На него в 1930 г. дает пространную рецензию известный американский судья, специалист по китайскому праву Чарльз Саммер Лобинджер [Lobingier, 1930]. Критикуя французскую модель вычленения из гражданского права торгового и приветствуя китайского законодателя за его стремление к немецкой модели единения гражданских и торговых норм в сводном кодифицированном акте, автор озвучивает радость представителей европейских держав, уверенных в законодательной защите их интересов. Однако тут же задается вопросом: переработав массу нормативного материала, как европейского, так и азиатских государств, таких как Япония, Сиам и Турция, что же в итоге получит на выходе своей законотворческой работы китайский парламент:

свод гражданских обычаев или компиляцию пусть и лучших, но чуждых этой стране норм? К сожалению, для материкового Китая суть кодификации свелась именно к калькированию. Второй перевод, с дополнением 2-й и 3-й Книг (разделов) Кодекса, был сделан в 1930 г. [The Civil Code..., 1930]. Последовавшие затем военные действия с Японией, Вторая мировая и гражданская войны с коммунистами помешали более широкому научному изучению этого важного нормативного правового акта и переводу двух оставшихся Книг. Однако отметим, что на данном историческом этапе выбранный способ систематизации чрезвычайно громоздкого законодательства вкупе с применяемой судами на основе принципов прецедентного права судебной практикой явился и жизненной необходимостью, и демонстрацией высшей политической воли.

На наш взгляд, похожая ситуация, менее драматичная во внутренней и внешней политике Китая, но не менее напряженная для политического истеблишмента на фоне экономического и геостратегического противостояния с Западом (в широком смысле слова) наблюдается и сегодня, поэтому принятие ГК КНР – важный этап для руководства страны и лично председателя КНР Си Цзиньпина именно в трех сферах: правовой, экономической и геополитической.

Прежде чем вести речь о правовой составляющей ГК КНР, обратимся к работам наших соотечественников – крупных исследователей китайского права П.В. Трощинского из Института Дальнего Востока РАН [Трощинский, 2021a, 2021b, 2021c] и А.П. Алексеенко из Санкт-Петербургского государственного университета [Алексеенко, 2021]. Не дублируя их выводов и прогнозов, сосредоточимся на кажу-

щихся нам важными юридических аспектах гражданской кодификации и ее последствиях. Во-первых, руководство КНР стремится, и весьма успешно, к унификации правового пространства и правового регулирования в одной из самых «пестрых» с точки зрения разнообразия общественных отношений сфер. Таким образом, Китай подошел в полной готовности к тому, чтобы, с одной стороны, декодифицировать многочисленные области правоотношений, регулируемых до этого отраслевым законодательством, а с другой – предоставить своим гражданам эффективную целостную альтернативу.

Во-вторых, современный Китай, активно избавляясь от «советского наследства» в сфере права, уверенно переходит с платформы социалистического права на платформу континентального права с его весьма либеральными позициями относительно институтов собственности, сделок и договоров, обязательств и деликтов и т.д., хотя и с известными оговорками и сохранением некоторых социалистических пережитков. Поэтому здесь можно смело сказать, что принятие Гражданского кодекса есть юридическое признание наличия в стране рыночной экономики, пусть и с китайской спецификой.

В-третьих, столь позднее принятие Гражданского кодекса позволило китайскому законодателю изучить позитивный и негативный опыт нормативного регулирования в других странах, заимствовавших континентальную нормативную базу для интеграции в собственное национальное правовое пространство. Помимо этого, были созданы необходимые условия для правоприменительной системы, требующей серьезной подготовки к переходу на унифицированные правовые рельсы и наработку судебной и административной практики.

В-четвертых, очевидно, был учтен опыт предыдущей кодификации 1929–1931 гг., когда на фоне прочих заимствований нормативной базы у стран романо-германской правовой семьи, при слепом копировании юридических конструкций без учета национальной специфики, цивилизационных особенностей и обычаев, складывавшихся веками, был получен обратный от ожидаемого эффект и вместо правопорядка в законодательной и правоприменительной гражданской сфере страна погрузилась в еще больший хаос и неразбериху. Поэтому, очевидно, в русле сохранения прежних устоев, новый Гражданский кодекс следует сложившейся еще в имперской правовой традиции практике отсутствия наименования статей [Zhang Xinbao, 2018b], со всеми вытекающими из этого трудностями.

В-пятых, исходя из предыдущего тезиса, поскольку механический перенос чужих, пусть и весьма эффективных, правовых норм оказался в ряде случаев ошибочным, а в ряде случаев – губительным для отдельных отраслей экономики (свобода рынка в гоминьдановский период, как мы помним, не привела к формированию среднего класса, а лишь сделала богатых еще более богатыми, а бедных – еще более бедными), практическая применимость норм нового Гражданского кодекса в русле проводимых крупномасштабных социальных и экономических реформ также была одной из задач, стоявших перед законодателем.

В-шестых, принятие ГК КНР можно смело обозначить как результат и собственного «метода проб и ошибок» социалистического периода развития китайской государственности и права. В этом ракурсе мы не стали бы вести речь о бесполезности предыдущих попыток кодификации, поскольку

ку, как полагаем, в ходе этих процессов имели место быть не только политическая борьба и противостояние тех или иных сил в руководстве страны, на что обращают внимание отдельные ученые (в 1950–1960-е и 1980-е гг.) [Гражданский кодекс..., 2020, с. 16]. На наш взгляд, шла «борьба умов и идей», противостояние старой и новой научных элит, победу в которой, как и в конце 1980-х годов в борьбе за социально-экономическую стратегию развития страны, одержало прогрессивное крыло юристов – ученых и практиков, несущих своих идеалы в образовательную среду. Поэтому в ближайшее время можно ожидать существенных сдвигов в правосознании китайской молодежи в сторону либерализации взглядов, по крайней мере, той ее части, которая получает юридическое образование.

В-седьмых, следует отдать должное смелости китайского законодателя, который не только оказался способен к правовым новациям, но и к частичному выводу отдельных общественных сфер из прямого государственного влияния, чему примером может служить введение медиативных инструментов урегулирования семейных разногласий, реализованное в статье 1079 ГК КНР. Сущность этой новации европейскому ученому не кажется уникальной, но напрасно: семейное право в традиционном китайском обществе всегда было частью квазиотрасли фискального права под бдительным и суровым надзором государства.

Принятие ГК КНР отражается и на экономической сфере, менее дифференцированной по своим направлениям и результатам и менее разнообразной, но не менее важной. Так, можно смело утверждать о законодательном закреплении пусть и остающихся в значительной мере под контролем государства, но все же рыночных отно-

шений «с китайской спецификой». При этом нельзя не согласиться с утверждением Десси Тилахуном Аялевым из пекинского Университета международного бизнеса и экономики о том, что включением в новый ГК КНР отдельных позиций о регулировании ряда экономических отношений с использованием современных средств передачи и обработки информации (например, статья 512 о принципах электронной торговли) Китай обозначил его как «Кодекс эры высоких технологий» [Ayalew, 2020, p. 11], а себя – как державу высоких технологий. Здесь же ученый оговаривается о регулировании медицинских исследований и их ограничениях в ракурсе защиты жизни и обеспечения достоинства личности, а также о концепции «нулевой конфиденциальности» [Ayalew, 2020, p. 15–16] в ракурсе концентрации значительной части личных данных граждан КНР в виртуальном пространстве, что требовало особого регулирования и особой правовой защиты (пример тому – статья 1019 о защите персональных данных от посягательств с помощью информационных технологий).

Заслуживает внимания «зеленый» [Zwierzchowski, 2021], или «экологический», принцип осуществления гражданско-правовых действий, закрепленный в статье 9 ГК КНР. И если на поверхности он кажется попыткой законодателя таким способом лишний раз обратить внимание как политических элит, так и физических и юридических лиц различной формы собственности на проблему экологии, остро стоящую перед Китаем и его руководством уже не один десяток лет, то при более глубоком анализе потенциальных последствий его закрепления на столь высоком уровне вырисовывается более обстоятельная картина. При рациональном управлении природными ресурса-

ми национальная экономика получает практически неограниченный потенциал в своем развитии. С одной стороны, это касается импорта и экспорта природных ресурсов и их более рационального использования [Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang, 2019, p. 6]. С другой стороны, при истощаемости невозобновляемых энергетических ресурсов Китай уже сейчас переводит значительную часть энергоемких объектов на обеспечение возобновляемыми источниками там, где до недавнего времени это казалось невозможным (например, автор статьи при научной экспедиции в Тибет в 2019 г. мог наблюдать обширные горные пространства, приспособляемые под ветряные мельницы). Подобная политика ведет к разработке и внедрению новых технологий в тех местах, которые считались экономически менее перспективными, что, в свою очередь, может обеспечить существенное развитие науки и образования в заданных сферах.

Законодательное закрепление «зеленого» принципа вкупе с упоминаемым в статье 110 правом на здоровье создает условия для усиления государственных мер по поддержанию здоровья своих граждан, что, в свою очередь, также положительно влияет на экономический потенциал страны. А поскольку обеспечение и исполнение всего вышеперечисленного требует значительных государственных усилий, это ведет к совершенствованию работы государственного аппарата с профессионализацией уполномоченных государственных органов [Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang, 2019, p. 7], включая суды, разбирающие гражданско-правовые споры в области экологических отношений. Подобный уникальный опыт у Китая был в начале 2000-х годов, когда в провинциях Цзянсу, Юньнань и Гуйчжоу были созданы экологические суды для разбира-

тельства экологических вопросов, несмотря на отсутствие законодательной базы [Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang, 2019, p. 10]. Учитывая традиционно высокую роль так называемого подзаконного нормотворчества в Китае, следует ожидать совершенствования подзаконной административной базы и судебной практики, что также оказывает положительное влияние на социально-экономическую сферу. А при успешной реализации обозначенных выше возможностей Китай, очевидно, не упустит шанса заявить о себе как страна высокого уровня экологической ответственности. Тем более что еще в 2015 г. ЦК КПК и Государственный совет последовательно приняли ряд документов «об ускорении формирования экологической цивилизации».

И здесь мы можем перейти к обозначенному во вводной части нашей статьи вопросу относительно категории регионального правопорядка вообще и в преломлении этой дефиниции на Восточно-Азиатский регион и место в нем КНР.

Контуры регионального правопорядка в Восточной Азии: исторический опыт и современные перспективы

Прежде всего, попробуем разобраться с тем, как и почему в новой и новейшей истории традиционный правопорядок в Восточной Азии и ее крупнейших империях, складывающийся веками, с одной стороны, претерпел грандиозную трансформацию и был преобразован под привычные современному западному обществу правовые институты, а с другой стороны, каким образом государства региона, в частности Китай, сумели сохранить традиционность своих устоев и историческую

преемственность социальной, политической и правовой организации.

Сразу подчеркнем, что профессор М.Н. Лазарев не был одиноким в своей трактовке регионального правопорядка: советская, а позднее российская, равно как и западная юридическая наука в целом, выработала универсальную дефиницию, дополняемую различными авторами в зависимости от обстоятельств, исходя из чего нам следует выделить два наиболее эффективных, на наш взгляд, способа установления и обеспечения регионального правопорядка.

Первый – централизованный (или формально-юридический) – предполагает целенаправленную политику государств в пределах того или иного географического или экономического пространства, при которой посредством заключения международного соглашения формируется сообщество государств, устанавливающих систему норм наднационального права, соблюдение которых обеспечивается едиными юрисдикционными органами и гарантируется равноправием членов этого сообщества. Такой подход нашел отражение в работе крупных специалистов в области международного права из ГДР Моники Хиршлер и Болеслава Циммермана, где речь шла о так называемом автономном правопорядке, «который не носит ни международно-правового, ни обычного государственного или федеративного характера» [Хиршлер, Циммерман, 1987, с. 78–79]. В связи с этим важным является довод главного научного сотрудника Института государства и права РАН Ю.М. Юмашева: «Суд Сообществ констатировал, что ЕЭС по своей природе не что иное, как новый правопорядок, который действует как в отношении государств-членов, так и их граждан, наделяя их непосредственно пра-

вами и обязанностями» [Юмашев, 1989, с. 13]. Отказываясь назвать ЕЭС наднациональной организацией, он подчеркивал, что именно Римский договор 1957 г. создал для членов ЕЭС «собственный правопорядок, интегрированный в правовые системы государств-членов с момента его вступления в силу и признанный их юрисдикциями» [Юмашев, 1989, с. 233], что отличало его от уже утвердившихся в правовой доктрине того времени международного и национального правопорядков. В аналогичной парадигме формировался и устанавливался правопорядок в рамках Совета Европы. Таким образом, уместно вести речь о многообразии европейских правопорядков, которые профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Е.А. Суханов обозначает как «континентально-европейские правопорядки» [Суханов, 2019, с. 544].

Второй, децентрализованный, способ целесообразно определить как институциональный, поскольку в его основе – не формальная организация и коллективное решение по установлению правовых норм и, как следствие, правопорядка, а процесс так называемого экспорта права, при котором одно государство транслирует в адрес другого выработанную им систему правовых институтов, представленную как ценность, знаковое достижение своей цивилизации. При этом важным для понимания сути данного состояния является не сам правопорядок как таковой, а способность с его помощью достигать стабильности в определенных сферах общественных отношений и решать те проблемы, которые возникают перед государством как во внутренней политике, так и на международной арене. Таким образом, порядок обеспечивается отсутствием беспорядка.

Эта способность называется институциональной эффективностью. С. Хан-

тингтон под эффективностью понимал способность обеспечивать порядок, то есть создавать такие институты, которые способны управлять [Хантингтон, 2004, с. 28]. Выдающийся американский юрист, крупнейший исследователь традиционного японского права Д.Г. Вигмор пишет о том, что британцам удалось совместить привнесенные ими правовые процессуальные институты с нормами обычного права и религиозными правовыми догматами в области землевладения, наследования, торговых и семейных отношений и т.п. [Wigmore, 1928, p. 272]. За два века до этого, развивая свою мысль ученый, выдающиеся британские юристы (такие как судья Уильям Мюррей, лорд Мансфилд) в связи с развитием предпринимательства и освоением новых колоний сначала придали торговому праву своей страны космополитический характер, а затем за дело взялись интеллектуалы и протееже Мансфилда (профессор Уильям Блэкстоун в 1753 г. впервые выпустил курс лекций по английскому праву, распространив его по всему земному шару) [Wigmore, 1928, p. 1094]. К началу XX в. британское право и британский правовой порядок функционировали на всех континентах, включая Азию, а в ней – Гонконг и британские концессии, селтльменты и арендные территории на восточном побережье империи Цин. Британская система, утвердившись в США, через американское право в начале XX в. оказала влияние на модификацию права и трансформацию правового порядка на Филиппинах, которые были в 1898–1946 гг. американским владением, а после окончания Второй мировой войны – на правовую систему и правовой порядок Японии и Южной Кореи.

Наша страна оказала не менее масштабное влияние: с формированием советской государственности в теорию вошла категория совет-

ского [Ребане, 1966] или социалистического [Кузнецов, 1980] правового порядка, утвердившегося на практике в 1940–1960-е годы в странах Восточной Европы, Азии, Африки, Южной и Латинской Америки, включая и КНР. Профессор ВШЭ И.А. Емелькина, ведя речь об отдельных институтах «континентальных правовых порядков», отмечает ведущую роль Германского гражданского уложения, которое выступило «в качестве образца для многих европейских правовых порядков» на рубеже XIX–XX вв., а затем упоминает о законодательстве стран Восточной Европы на фоне распада СССР, «отказавшихся от социалистических правовых порядков (Хорватии, Македонии, Сербии, Словении), а также ряда бывших советских республик (Эстонии, Латвии, Грузии, Украины, Туркменистана, Молдовы)» [Емелькина, 2010, с. 27–28] на рубеже 80–90-х годов уже в XX столетии. Справедливости ради стоит упомянуть о том, что именно в этот период руководство КНР начинает масштабную модернизацию как экономики, так и правовой системы.

Небезынтересным является взгляд на Восточную Азию и Китай в ракурсе концепции экономического регионализма, в русле которой профессор МГИМО Д.К. Лабин ведет речь о современном региональном экономическом правовом порядке, называя региональные сообщества «отдельными группировками государств», конструируя правовые модели экономического регионализма, где среди прочих упоминается и китайская [Лабин, 2005, с. 32–33], а также выделяя пять центров экономической силы, в числе которых – «3) Япония с регионом Юго-Восточной Азии; 4) самостоятельная зона Китая» [Лабин, 2005, с. 12]. Именно на модернизации права этих двух стран на рубеже XIX–XX вв. нам и следует остановить-

ся более подробно, поскольку именно Китай и Япония являют собой опыт конструирования регионального порядка с традиционной спецификой, которую им удалось сохранить в своих правовых системах и поныне, несмотря на заимствования.

Напомним, что Франция и Германия, хоть и обеспечивали свое присутствие в Китае в виде немногочисленных концессий и арендных территорий, не имели такого масштаба и влияния, как Великобритания и США. Но французское и немецкое наследие оказалось куда более живучим. На наш взгляд, этому во многом способствовали и гибкость правовых конструкций, и гибкость политических элит Японии, Кореи и империи Цин, которые на рубеже XIX–XX вв., осознавая необходимость модернизации, внедряли в свой правовой порядок европейские институты. Сразу отметим, что ни Япония, ни Корея, ни императорский Китай не подвергались европейской колонизации, в связи с чем имели относительную свободу в выборе механизмов обновления своего правового порядка, что и осуществили, модернизировав право, правоприменительную и в целом государственную систему, правда, с разной степенью успешности и долговечности.

Достижения и той, и другой модели в области гражданского права, с различными подходами к различным общественным отношениям, но с признаваемой эффективностью в их упорядочении создали то, что можно назвать конкуренцией правовых порядков: юристы и государственные деятели сначала Японии, а затем и империи Цин последовательно изучали, модернизировали и внедряли те или иные французско-немецкие правовые конструкции вплоть до середины XX в.

Что касается китайского права и имперского правового порядка, то на про-

тяжении всей своей истории они демонстрировали институциональную эффективность и оказывали определяющее влияние на соседние государства в их политической организации и правовом развитии. Документальное подтверждение этому можно засвидетельствовать на примере кодификации династии Тан (627–907 гг.) «Тан люй шу и» [Уголовные..., 1999], ставшей в начале VIII в. основной для аналогичного процесса в Японии, по результатам чего на свет появился «Кодекс Тайхо» со схожими правовыми конструкциями [Свод..., 1985, с. 3–4].

Конфуцианские принципы и китайское имперское законодательство оказали существенное влияние и на корейское право, включая схожие подходы к системе наказаний и судебной медицине [Karlsson, 2013, р. 15, 31], аналогично с китайской выстраивалась и система правосудия [Покотилов, 1895, с. 29].

Танский и Минский кодексы оказали влияние и на право Дайвьета в XV в., когда при императоре Ли Тхань Тонге в 1474–1483 гг. была проведена объемная систематизация, закончившаяся принятием законодательного свода в составе 722 статей, разделенных на 6 книг (разделов) и 16 глав, из которых около 200 статутах были заимствованы непосредственно из «Тан люй шу и», около 20 – из «Да Мин люй», а остальные явились модифицированным традиционным вьетнамским правом. Примером влияния Цинской империи на Аннам (Вьетнам) является рецепция «Дай Цин люй ли» южным вассалом, что в полной мере обрисовал и прокомментировал известный французский исследователь П.Л.Ф. Филастр [Philastre, 1909].

О влиянии китайского права и правового порядка на монгольскую государственность в составе империи Цин ин-

тереснейшую работу написал выдающийся представитель русской юридической эмиграции в Харбине Г.К. Гинс [Гинс, 1932, с. 29–33], отмечая большую суровость цинского права по отношению к монгольскому при отсутствии стремления к преобразованию правовой культуры Монголии.

Очередное взаимопроникновение правовых институтов происходит в начале XX в., когда после восстания ихэтуаней цинское правительство приступило к поступательной реформе всего государственного аппарата и права. Так же, как и Японией, цинским правительством в Европу и США были направлены делегации для изучения ситуации, по возвращении которых обладали французско-немецкие предпочтения в модернизации имперского правового порядка, однако с заметным японским влиянием. Так, для реформирования уголовно-правовой сферы был приглашен выдающийся японский юрист Асатаро Окада, получивший образование во Франции и Германии. Именно благодаря ему был разработан первый китайский Уголовный кодекс, который так и не увидел свет в имперский период. Удивительно, но, несмотря на то что в Китае колоссальной работой по пересмотру законодательства воспользоваться в полной мере так и не получилось из-за Синьхайской революции 1911–1912 гг., многие идеи и положения были учтены японскими законодателями в последующие периоды развития права и правового порядка своей страны. В самом же Китае после доработки Уголовного кодекса в 1912 г. был утвержден республиканскими властями и действовал до 1928 г., а в 1921 г. это случилось в отношении Гражданско-процессуального кодекса и других важных законов. Систематизация частноправовых норм затянулась и проводилась уже без японского участия, что

сказалось и на структуре Гражданского кодекса 1929–1931 гг., и на его содержании [Дудин, 2020]. К сожалению, в полной мере обновить правовой порядок в республиканском Китае помешали внутренние смуты и военные действия с Японией.

В послевоенной Восточной Азии проигравшая войну Япония и оправлявшийся после ее агрессии и гражданской войны Китай формировать региональный правовой порядок были не в состоянии. Наоборот, эти государства стали объектом воздействия со стороны США и СССР на несколько десятилетий вперед. Но сегодня у Китая вновь есть шанс возобновить влияние на ситуацию не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Однако что сегодня из себя представляет регион с точки зрения права и правового порядка?

Не вдаваясь в детали, подчеркнем, что вряд ли у кого-то вызывает сомнения факт несостоятельности формально-юридической модели построения правового порядка в Восточной Азии, поскольку подписание международных соглашений и учреждение Азиатского суда по правам человека и иных наднациональных органов с участием КНР на сегодняшний день невозможны.

Поэтому на повестке дня – институционализация посредством «экспорта права», которая тоже внушает серьезные сомнения. Так, еще полтора десятилетия назад эксперты сходились во мнении, что руководство Вьетнама, осознавая существенную зависимость от экономики Китая, предпримет необходимые шаги для нивелирования этой ситуации, а в отношении правового порядка «вьетнамские лидеры обращаются к другим моделям, чтобы избежать повторения ошибок Китая» [Gillespie, Chen, 2011]. Несмотря на то, что отдельные авторы настроены позитивно в отношении роли права в модернизации

Китай как примера для Вьетнама [Вуй, 2017], вопрос ставшей традиционной зависимости этой страны от северного соседа в современную эпоху дает мало надежд на готовность к интеграции на диктуемых КНР условиях в новый региональный правовой порядок.

В аналогичной ситуации на протяжении всей своей истории находились государства Корейского полуострова. Попытка модернизации страны и ее правового порядка была прервана включением страны в состав Японской империи, а после окончания Второй мировой войны разделение полуострова на два государства предопределило и структуру правового порядка. Сегодня правовая система Республики Корея представляет собой сочетание европейской системы частного и англо-американской системы публичного права, развиваясь эффективно и не предполагая какого-либо заимствования из правовых систем своих соседей.

Монголия, чья экономика в социалистический период на 80% зависела от экономики СССР, а сегодня – в таком же объеме от экономики КНР, активно использует концепцию «третьего соседа» [Лузянин, 2021] для минимизации этой зависимости и вряд ли готова заимствовать нормы, институты или механизмы китайского права в свою правовую систему. Не станет этого делать и Россия. Японско-китайские противоречия, камнем преткновения в которых выступает наследие двух войн 1930–1940-х годов, вряд ли в обозримой перспективе позволят вести речь об эффективном правовом взаимодействии, а только лишь с КНДР конструировать региональный правовой порядок невозможно.

Поэтому одним из вариантов «экспорта китайского права» становится африканский континент, где КНР уверенно занимает место бывшего Со-

ветского Союза и с идеологической, и с экономической позиций. Однако, несмотря на гипотетическую возможность подобных сценариев для отдельных стран [Ayalew, 2020, р. 24–30], основной массив государств уже давно сформировал свои правовые системы и национальный правовой порядок с опорой на модели своих бывших колонизаторов и вряд ли готов к кардинальному их пересмотру.

Выводы

Принятие Гражданского кодекса КНР стало без преувеличения важным событием не только для этой страны, но и для международного научного сообщества, а также тех, кто в своей деятельности так или иначе вступает в гражданские правоотношения, регламентируемые китайским законодательством. И обширные научные исследования в англоязычном сегменте являются тому ярким свидетельством.

Вместе с тем необходимо отметить, что многие работы относительно кодификации гражданского права в современном Китае носят описательный характер и не изобилуют прогнозами и оценками. С одной стороны, это объясняется академической осторожностью и небольшим промежуток времени, прошедшим с момента принятия ГК КНР и вступления его в силу. Но даже в этих условиях при нашем беглом анализе англоязычных работ прогнозы немногочисленных смельчаков оказались весьма точными. Исключение составили, как справедливо отмечает А.П. Алексеенко, лишь право интеллектуальной собственности и международное частное право, однако в этом отчасти проявляется китайская ментальность. Высока вероятность того, что намеренно

или случайно оставленные законодательные лакуны в ближайшее время всё же будут заполнены.

Внутри китайского научного и околонаучного сообщества также нет единого мнения относительно будущего ГК КНР и гражданских правоотношений при его регулировании: слишком они разнообразны, слишком специфичны. Специфичность эта уже проявлялась в истории XX в., когда первый Гражданский кодекс этой страны 1929–1931 гг. так и не сумел в полной мере реализовать свой потенциал, однако это получилось сделать в пределах Тайваня после провозглашения КНР и преємства Тайбэем как политического, так и правового наследия Китайской Республики. Однако судить об эффективности Гражданского кодекса Китайской Республики на Тайване, где этот акт действует по сей день, пусть и со значительными дополнениями и изменениями (последние в январе 2021 г. коснулись обязательств, семейных и некоторых других правоотношений), можно очень аккуратно, причем лишь ознакомившись с правоприменительной практикой Тайваня [*Chang Yun-Chien*, 2016] и теми условиями, в которых развивается тайваньская государственность.

С другой стороны, еще полтора десятилетия лет назад многие эксперты не верили в скорейшее приятие этого нормативного правового акта, поскольку, помимо изменения внутривнутриполитической конфигурации, данный шаг признавал на законодательном уровне наличие в Китае рыночной экономики.

При подобном раскладе страна существенно теряет в остатках идеологического влияния на своего соседа – КНДР, руководство которой периодически дает понять, что остается все меньше социалистических принципов, разделяемых этими двумя государствами. Что касается возможности Китая влиять на региональные государства посредством

тех или иных правовых институтов, то вероятность этого также совсем невелика: Япония, Южная Корея и отчасти Монголия с Вьетнамом уверенно взяли курс на выстраивание собственных правовых порядков, в некоторой степени – с заимствованием правовых конструкций из семьи континентального, частично – из семьи общего права. Правовые системы этих стран, законодательство, судебная система и другие составляющие развиваются стабильно и не испытывают потребности в новациях, тем более в частно-правовой сфере, как, в общем, и страны Центральной и Северной Африки, с которыми у КНР наиболее тесные экономические связи.

Исходя из всего этого, приходится констатировать, что если в конце XIX – первой половине XX в. странам Восточной Азии посредством модернизации своих государственных и правовых систем, восприятия европейских моделей и, в ряде случаев, механизмов и нормативного материала своих соседей удалось сформировать децентрализованный региональный правовой порядок, то современные условия к этому не располагают. В то же время для Китая только экономический и военный потенциал, без подкрепления эффективными правовыми институтами, не может служить уверенной гарантией успеха и залогом влияния на региональные и мировые процессы, поэтому нам и остается вести речь лишь о контурах регионального правового порядка, а удастся ли их соединить в единое целое как в формате идеи, так и в практическом преломлении, покажет время.

Список литературы

Алексеев А.П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 12. – С. 199–211.

Василенко В.А. Основы теории международного права. – Киев : Головное издательство издательского объединения «Вища школа», 1988. – 288 с.

Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии // Харбин : Оттиск из «Вестника Китайского Права». – 1932. – № 3. – 53 с.

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / Под ред. А.Р. Зайнигабдинова, П.В. Трошинского. – Москва : Синосфера, 2020. – 448 с.

Гудошников Л.М., Пащенко Е.Г. Первая систематизация гражданского права КНР // Советское государство и право. – 1988. – № 2. – С. 89–94.

Дудин П.Н. Первая кодификация китайского гражданского законодательства (к 100-летию со дня основания русского Юридического факультета г. Харбина) // *Eurasia: Statum et Legem*. – 2020. – № 13. – С. 6–12.

Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельные участки / Автореферат диссертации ... докт. юрид. наук – Москва : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2010. – 60 с.

Ербахаев Е.А. Новые Основные положения гражданского права Китайской Народной Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 390–403. – DOI: 10.21638/spbu14.2019.213.

Ербахаев Е.А. Вступительное слово к Гражданскому кодексу Китайской Народной Республики // *Eurasia: Statum et Legem* (Евразия: Государство и право). – 2020. – № 13. – С. 35–37.

Китайская Народная Республика: Законодательные акты. 1984–1988 / Под ред. В.А. Туманова, К.А. Егорова, Л.М. Гудошниковой. – Москва : Прогресс, 1989. – 504 с.

КНР. Конституция и законодательные акты : Пер. с кит. – Москва : Прогресс, 1984. – 470 с.

Кузнецов В.Г. Социалистический правопорядок и правовая основа государственной и общественной жизни развитого социализма / Государство, право и правопорядок развитого социализма: межвузовский научный сборник. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1980. – С. 88–94.

Лабин Д.К. Международно-правовое обеспечение мирового экономического порядка / Автореферат диссертации ... докт. юрид. наук. – Москва : Институт государства и права Российской академии наук, 2005. – 36 с.

Лазарев М.И. Теоретические вопросы современного международного морского права. – Москва : Издательство «Наука», 1983. – 302 с.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2021. – Выпуск 5. – С. 141–152. – DOI: 10.31857/S086919080016633-3.

Лю Цзюнь Пин. Кодификация гражданского законодательства в Китайской Народной Республике / Диссертация ... канд. юрид. наук. – Москва : Рос. ун-т дружбы народов, 2011. – 148 с.

Пащенко Е.Г. Гражданско-правовое регулирование экономических отношений и хозяйственный арбитраж в КНР периода реформы экономической системы / Диссертация ... докт. юрид. наук. – Москва, 1994. – 360 с.

Пащенко Е.Г. Экономическая реформа в КНР и гражданское право. Москва : Спарк, 1997. – 188 с.

Покотилов Д.Д. Корея и японо-китайское столкновение. С картой Кореи. – Санкт-Петербург : Лештуковская паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895. – VIII, 68 с.

Ребане И.А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательством на советский правопорядок // Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 182. Труды по

правоведению V. – Тарту : Издательство Тартуского государственного университета, 1966. – 316 с.

Свод законов «Тайхорё», 702–718 гг. : в 2-х томах (I–XV и XVI–XXX законы). – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 369 с. (т. 1), 267 с. (т. 2).

Суханов Е.А. О системе гражданского (частного) права / Арбитраж и регулирование международного коммерческого оборота: российские, иностранные и трансграничные подходы: Liber Amicorum в честь 70-летия А.С. Комарова. – Москва : Статут, 2019. – С. 537–545.

Трофимов Я.В. Понятие вины и ее значение как одного из условий гражданско-правовой ответственности в законодательстве России и Китайской Народной Республики (сравнительный анализ) / Диссертация ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Волгоград, 2006. – 170 с.

Трощинский П.В. Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021а. – Т. 17, № 2. – С. 56–68. – DOI: 10.12737/jflcl.2021.017.

Трощинский П.В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики // Проблемы Дальнего Востока. – 2021b. – № 3. – С. 101–113. – DOI: 10.31857/S013128120015298-8.

Трощинский П.В. Первый Гражданский кодекс нового Китая: вопросы теории и практики // Проблемы Дальнего Востока. – 2021с. – № 4. – С. 123–133. – DOI: 10.31857/S013128120016099-9.

Трощинский П.В. Право Китая в трудах российской науки (с перечнем действующих законов КНР). – Москва : Издательский дом ВКН, 2020. – 96 с.

Трощинский П.В. Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих

законов КНР). – Москва : Издательский дом ВКН, 2018. – 184 с.

Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюяни 1–8 : Пер. с кит. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. – 384 с.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – Москва : Издательство Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

Хиршлер М., Циммерман Б. Западно-европейские интеграционные объединения: право. – Москва : Прогресс, 1987. – 366, [2] с.

Цзоуяньшу (Сборник судебных запросов): палеографические документы древнего Китая. – Москва : Восточная литература, 2013. – 215 с.

Юмашев Ю.М. Международно-правовые формы внешнеэкономических связей ЕЭС. – Москва : Наука, 1989. – 256 с.

Alford W.P. East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions by Cheng Yuan // The International Lawyer. – 1992. – Vol. 26, N 4. – P. 1136–1138.

Ayalew D.T. The Recent Codification of the Chinese Civil Code (CCC) as 'A Generation of High-Tech Era' Civil Code: History, Innovations, and Key Lessons for Ethiopian 'Old Generation' Civil Code // SSRN Electronic Journal. – 2020. – August 25. – P. 1–30. – DOI: 10.2139/ssrn.3714889.

Basic Principles of Civil Law in China / Ed. by W.C. Jones. – Armonk (NY) : M. E. Sharpe Publ., 1989. – 378 p.

Brügge-meier G. Modernising Civil Liability Law in Europe, China, Brazil and Russia. – Cambridge : Cambridge University Press Publ., 2011. – 298 p.

Bui Son Ngoc. The Law of China and Vietnam in Comparative Law // Fordham International Law Journal. – 2017. – Vol. 41, N 1. – P. 134–206. – DOI: 10.2139/ssrn.3079385.

Chang Yun-Chien. The Evolution of Property Law in Taiwan. An Unconventional Interest Group Story // *Private Law in China and Taiwan Legal and Economic Analyses* / Ed. by Yun-Chien Chang, Wei Shen, Wen-Yeu Wang. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 212–244. – DOI: 10.1017/9781316658925.009.

Cheng Yuan. East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions. – Dobbs Ferry (NY) : Oceana Publications, Inc., 1991. – Xxvi, 357 p.

Chinese Civil Law / Ed. by Yuanshi Bu. – S. l. : C.H. Beck – Hart – Nomos Publ., 2013. – 301 p.

Chinese Contract Law: Civil and Common Law Perspectives / Ed. by DiMatteo L., Lei Chen. – Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2017. – 540 p. – DOI: 10.1017/9781316816912.

Codification in East Asia Selected Papers from the 2nd IACL Thematic Conference / Ed. by Wang Wen-Yeu. – London : Springer Publ., 2014. – 262 p.

Conk G.W. People's Republic of China Civil Code: Tort Liability Law // *Private Law Review*. – 2005. – Vol. 5, N 2. – P. 77–111.

Gillespie J., Chen A.H.Y. Comparing legal development in China and Vietnam: an introduction // *Legal Reforms in China and Vietnam. A Comparison of Asian Communist Regimes* / Ed. by J. Gillespie, A.H.Y. Chen. – London : Routledge, 2011. – P. 1–26.

Heuser R. Foreign Trade Contracts Between West German Companies and the People's Republic of China: A Case-Study // *Occasional Papers / Reprints Series in Contemporary Asian Studies* Publ. – 1977. – N 7. – 22 p.

Jin Jigang, Li Xiang. Concise Chinese Tort Laws. – Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag Berlin and Heidelberg GmbH & Co. Kg Publ., 2014. – 237 p.

Jones W.C. A Translation of the Fourth Draft Civil Code (June 1982) of the People's

Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1984a. – Vol. 10, N. 1. – P. 193–193. – DOI: 10.1163/187529884X00206.

Jones W.C. Fourth Draft Civil Code (June 1982) of the People's Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1984b. – Vol. 10, N 1. – P. 195–258. – DOI: 10.1163/187529884X00224.

Jones W.C. Collection of Civil Law Cases From the People's Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1984c. – Vol. 10, N 1. – P. 169–192. – DOI: 10.1163/187529884X00189.

Jones W.C. A Translation of the General Provisions of Civil Law of the People's Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1987a. – Vol. 13, N 1. – P. 357–360. – DOI: 10.1163/187529887X00212.

Jones W.C. General Provisions of Civil Law of the People's Republic of China // *Review of Socialist Law*. – 1987b. – Vol. 13, N 1. – P. 362–386. – DOI: 10.1163/187529887X00221.

Jones W.C. Jerome A. Cohen, R. Randle Edwards, Fu-mei Chang Chen, eds., *Essays on China's Legal Tradition*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. vi, 440 pp. \$30.00 // *The American Journal of Legal History*. – 1982. – Vol. 26, N 4. – P. 398–399.

Jones W.C. East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions. by Cheng Yuan; *The Economic Contract Law of China: Legitimation and Contract Autonomy in the PRC*. by Pitman B. Potter // *The Australian Journal of Chinese Affairs*. – 1993. – N 30. – P. 189–191.

Karlsson A. Law and the Body in Joseon Korea: Statecraft and the Negotiation of Ideology // *The Review of Korean Studies*. – 2013. – Vol. 16, N 1. – P. 7–45.

Kelsen H. *Principles of International Law*. – New York : Rinehart & Co Publ., 1952. – Xvii, 461 p.

Law and economics with Chinese characteristics: institutions for promoting

development in the twenty-first century / Ed. by D. Kennedy, J.E. Stiglitz. – Oxford : Oxford University Press Publ., 2013. – 652 p.

Lei Chen, Rhee C.H. van. Towards a Chinese civil code: comparative and historical perspectives. – Leiden ; Boston: Martinus Nijhoff Publ., 2012. – Xiii, 562 p.

Lei Chen. The New Chinese Property Code: A Giant Step Forward? // *Electronic Journal of Comparative Law*. – 2007. – Vol. 11, N 2. – P. 1–24.

Lei Chen. The historical development of the Civil Law tradition in China: a private law perspective, *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit // The Legal History Review*. – 2010a. – Vol. 78, N 1-2. – P. 159–181. – DOI: 10.1163/157181910X487350.

Lei Chen. Private Property with Chinese Characteristics: A Critical Analysis of the Chinese Law on Property of 2007 // *European Review of Private Law*. – 2010b. – Vol. 18, No. 5. – P. 983–1004.

Liang Huixing. Some opinions and suggestions on the draft of real property law // *Front. Law China*. – 2007. – Vol. 2, N 2. – P. 198–223. – DOI: 10.1007/s11463-007-0010-4.

Lobingier Ch.S. The Civil Code of the Republic of China. Book I – General Principles. Translated in to English by Ching-Lia Hsia and James L.E. Chow. 1929. pp. iv, 57 // *The American Journal of International Law*. – 1930. – Vol. 24, N 4. – P. 826–828.

Miao Chungang. Family Dispute Resolution from the Perspective of Comparative Law // *Asian Social Science*. – 2018. – Vol. 14, N 8. – P. 153–157.

Mo Zhang. Chinese Contract Law: theory and practice. – Leiden : Brill Academic Publ., 2006. – 372 p.

Philastre P.L.F. Code annamite: nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois ; de nom-

breuses annotations extraites des commentaires du Code chinois : en 2 vol. – Paris: Leroux Publ., 1909. – 792 (vol. 1), 778 p. (vol. 2).

Potter P.B. The Economic Contract Law of China: Legitimation and Contract Autonomy in the PRC. – Seattle ; London : University of Washington Press Publ., 1992. – 246 p.

Scelle G. Cours de droit international public. – Paris : Domat-Montchrestien Publ., 1948. – 413 p.

Szpotakowski I. The New Chinese Civil Code and Its Contribution to Sustainable Development // *Transformacje Prawa Prywatnego*. – 2020. – N 3. – P. 233–246.

The Civil Code of the Republic of China / Hsia Ching-Lin, Chou J.L.E., Yukon Chang, Ping-sheung Foo. – Shanghai : Kelly & Walsh Publ., 1930. – Xxviii, 293 p.

Tu Guangjian. Private international law in China. – Singapore : Springer Publ., 2016. – Xi, 192 p.

Wang Kui-Hua, Mendelson D. An overview of liability and compensation for personal injury in China under the general principles of civil law // *Torts law journal*. – 1996. – Vol. 4, N 2. – P. 1–36.

Wigmore J.H. A Panorama of the World's Legal Systems. – Saint Paul : West Publishing Company, 1928. – 1206 p. (vol. I–III).

Yi Jiming. A Historical Perspective on the Unification of Private Law and the Future of the Civil Code // *Social Sciences in China*. – 2015. – Vol. 36, N 3. – P. 73–88. – DOI: 10.1080/02529203.2015.1029669.

Yu Danling. Chinese Business Law. – Singapore : Springer-Verlag Publ., 2019. – Xii, 282 p.

Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang. The Contribution of China's Civil Law to Sustainable Development: Progress and Prospects // *Sustainability*. – 2019. – Vol. 11, N 1. – P. 1–19. – DOI: 10.3390/su11010294.

Zhang Lihong. The latest developments in the codification of Chinese Civil Law // *Revista Chilena de Derecho*. – 2009. – Vol. 36, N 3. – P. 467–503. – DOI: 10.4067/S0718-34372009000300002.

Zhang Xiaoyang. Chinese civil law for business. – Hong Kong : Open University of Hong Kong Press Publ., 2013. – 333 p.

Zhang Xinbao. Legislation of Tort Liability Law in China. – Singapore : Springer Nature Singapore Pte Ltd. Publ., 2018a. – Xxvi, 538 p. – DOI: 10.1007/978-981-10-6961-1.

Zhang Xinbao. On Several Technical Problems Concerning Enactment of Civil Code / Legislation of Tort Liability Law in China. – Singapore : Springer Publ.,

2018b. – P. 149–157. – DOI: 10.1007/978-981-10-6961-1_4.

Zhu Wang. On the Constitutionality of Compiling a Civil Code of China. A Process Map for Legislation Born out of Pragmatism. – Singapore : Springer Publ., 2020. – Xxv, 340 p. – DOI: 10.1007/978-981-13-7900-0.

Zwierzchowski J. Normatywny wyraz tzw. zielonej zasady w Kodeksie cywilnym Chińskiej Republiki Ludowej z 2020 r. i jej znaczenie dla prawa prywatnego (Normative expression of Green Principle under People's Republic of China 2020 Civil Code and its significance for private law) / *Praca magisterska*. – Katowice : Wydział Prawa i Administracji w Katowicach, Uniwersytet Śląski, 2020. – 48 s.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.14

Codification of Civil Law in China: Contours of the Regional Legal Order

Pavel N. DUDIN

DSc in Historical, Associate Professor, Director of the Center for the Study of State and Law of East Asian Countries

East Siberian State University of Technology and Management,

Postal address: 670013, Klyuchevskaya str., 40B, building 1,

Russian Federation, Republic of Buryatia, Ulan-Ude

E-mail: dudin2pavel@gmail.com

ORCHID: 0000-0002-9407-8436

CITATION: Dudin P.N. (2022). Codification of Civil Law in China: Contours of the Regional Legal Order. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 253–281 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.14

Received: 25.12.2021.

Revised: 15.02.2022.

ABSTRACT. *In the article, the author made an attempt to look at the Civil Code of the PRC from the standpoint of an interdisciplinary approach. For this purpose, the work is divided into three parts, the first of which provides an overview of the English-language scientific literature, reflecting both the general state of the civil law of the PRC, the course of its latest codification and the legislative result. The second part is devoted to the substantive pitting of the Civil Code and focuses on the most significant legislative innovations. So, first of all, the author focuses on the fact that this is the second systematization of civil law in this country, making an excursion into the history of the adoption and study by Western scientists of the Civil Code of the Republic of China in 1929–1931, which is now in force in Taiwan. Further, the desire of the modern legislator to get rid of the so-called "Soviet legacy" and, by borrowing the best normative practices of the countries of the*

continental law family, not to lose its own specifics and make the new normative legal act as practical, modern and effective as possible is noted. A forecast of the impact on the economic sphere, as well as the development of science in the public spheres regulated by the Code, is given. The importance of strengthening the so-called "green principle" and China's claim to the status of a country with a high level of environmental responsibility is emphasized. The third part examines the historical experience of constructing a regional legal order in East Asia at the turn of the 19th–20th centuries, when first Japan, and then the Qing Empire, began to introduce the European, mainly French and German, normative material against the background of the modernization of their state system. In conclusion, emphasizing the importance and significance of the Civil Code for the country and its enforcement, the author expresses doubts about the ability of the PRC

in modern conditions to form an updated regional legal order, without which the influence of this country on many international and global processes will be incomplete.

KEYWORDS: *civil code, civil law, civil legal relations, codification, China, regional legal order, legal system, legal institutions, “export of law”, legal novations.*

References

- Alekseenko A.P. (2021). Characteristic features of the Civil Code of the PRC. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, vol. 16, no. 12, pp. 199–211. (in Russian).
- Alford W.P. (1992). East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions by Cheng Yuan. *The International Lawyer*, vol. 26, no. 4, pp. 1136–1138.
- Ayalew D.T. (2020). *The Recent Codification of the Chinese Civil Code (CCC) as ‘A Generation of High-Tech Era’ Civil Code: History, Innovations, and Key Lessons for Ethiopian ‘Old Generation’ Civil Code*. SSRN Electronic Journal, August 25, pp. 1–30. DOI: 10.2139/ssrn.3714889.
- Basic Principles of Civil Law in China* (1989). W.C. Jones (ed.), Armonk (NY): M. E. Sharpe Publ., 378 pp.
- Brüggemeier G. (2011). *Modernising Civil Liability Law in Europe, China, Brazil and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 298 pp.
- Bui Son Ngoc. (2017). The Law of China and Vietnam in Comparative Law. *Fordham International Law Journal*, vol. 41, no. 1, pp. 134–206. DOI: 10.2139/ssrn.3079385.
- Chang Yun-Chien. (2016). The Evolution of Property Law in Taiwan. An Unconventional Interest Group Story. In: *Private Law in China and Taiwan Legal and Economic Analyses*. Yun-Chien Chang, Wei Shen, Wen-Yeu Wang (eds.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 212–244. DOI: 10.1017/9781316658925.009.
- Cheng Yuan. (1991). *East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions*. Dobbs Ferry (NY): Oceana Publications, Inc., xxvi + 357 pp.
- Chinese Civil Law* (2013) Yuanshi Bu (ed.). S. I.: C.H. Beck – Hart – Nomos Publ., 301 pp.
- Chinese Contract Law: Civil and Common Law Perspectives* (2017). DiMatteo L., Lei Chen (eds.). Cambridge: Cambridge University Press Publ., 540 pp., DOI: 10.1017/9781316816912.
- Codification in East Asia Selected Papers from the 2nd IACL Thematic Conference* (2014). Wang Wen-Yeu (ed.). London: Springer Publ., 262 pp.
- Conk G.W. (2005). People's Republic of China Civil Code: Tort Liability Law. *Private Law Review*, vol. 5, no. 2, pp. 77–111.
- Dudin P.N. (2020). The first codification of Chinese civil law (on the occasion of the 100th anniversary of the founding of the Russian Faculty of Law in Harbin). *Eurasia: Statum et Legem*, no. 13, pp. 6–12. (in Russian).
- Emel'kina I.A. (2010). *The system of limited real rights to land plots: abstract of the diss... of Doctor of Law*, Moscow: Moscow State University, 60 pp. (in Russian).
- Erbakhaev E.A. (2019). New Basic Provisions of Civil Law of the People's Republic of China. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 10, no. 2, pp. 390–403. DOI: 10.21638/spbu14.2019.213. (in Russian).
- Gillespie J., Chen A.H.Y. (2011). Comparing legal development in China and Vietnam: an introduction. In: *Legal Reforms in China and Vietnam. A Comparison of Asian Communist Regimes*, J. Gillespie, A.H.Y. Chen (eds.). London: Routledge, pp. 1–26.
- Gins G.K. (1932). Mongolian statehood and law in their historical development. Harbin: Reprint from the “*Vestnik Kitaiskogo Prava*”, no. 3, 53 pp. (in Russian).

Grazhdanskii kodeks... (2020). *Civil Code of the People's Republic of China* / Zaynigabdinov A.R., Troshchinskiy P.V. (eds.). Moscow: Sinosfera, 448 pp. (in Russian).

Gudoshnikov L.M., Pashchenko E.G. (1988). The first systematization of the civil law of the PRC. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 89–94. (in Russian).

Heuser R. (1997). *Foreign Trade Contracts Between West German Companies and the People's Republic of China: A Case-Study*. Occasional Papers / Reprints Series in Contemporary Asian Studies Publ, no. 7, 22 pp.

Huntington S. (2004). *Political order in changing societies*. Moscow: Izdatel'stvo Progress-Traditsiya, 480 pp. (in Russian).

Jin Jigang, Li Xiang. (2014). *Concise Chinese Tort Laws*. Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag Berlin and Heidelberg GmbH & Co. Kg Publ., 237 pp.

Jones W.C. (1982). Jerome A. Cohen, R. Randle Edwards, Fu-mei Chang Chen, eds. *Essays on China's Legal Tradition*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980. vi, 440 pp. \$30.00. *The American Journal of Legal History*, vol. 26, no. 4, pp. 398–399.

Jones W.C. (1984a). A Translation of the Fourth Draft Civil Code (June 1982) of the People's Republic of China. *Review of Socialist Law*, vol. 10, no. 1, pp. 193–193. DOI: 10.1163/187529884X00206.

Jones W.C. (1984b). Fourth Draft Civil Code (June 1982) of the People's Republic of China. *Review of Socialist Law*, vol. 10, no. 1, pp. 195–258. DOI: 10.1163/187529884X00224.

Jones W.C. (1984c). Collection of Civil Law Cases From the People's Republic of China. *Review of Socialist Law*, vol. 10, no. 1, pp. 169–192. DOI: 10.1163/187529884X00189.

Jones W.C. (1987a). A Translation of the General Provisions of Civil Law of the People's Republic of China. *Review of*

Socialist Law, vol. 13, no. 1, pp. 357–360. DOI: 10.1163/187529887X00212.

Jones W.C. (1987b). General Provisions of Civil Law of the People's Republic of China. *Review of Socialist Law*, vol. 13, no. 1, pp. 362–386. DOI: 10.1163/187529887X00221.

Jones W.C. (1993). *East-West Trade: Changing Patterns in Chinese Foreign Trade Law and Institutions*. by Cheng Yuan; *The Economic Contract Law of China: Legitimation and Contract Autonomy in the PRC*. by Pitman B. Potter. *The Australian Journal of Chinese Affairs*, no. 30, pp. 189–191.

Karlsson A. (2013). Law and the Body in Joseon Korea: Statecraft and the Negotiation of Ideology. *The Review of Korean Studies*, vol. 16, no. 1, pp. 7–45.

Kelsen H. (1952). *Principles of International Law*. New York: Rinehart & Co Publ., 1952, xvii + 461 pp.

Khirschler M., Tsimmerman B. (1987). *Western European integration associations: law*. Moscow: Progress, 366 + [2] pp. (in Russian).

Kitaiskaya Narodnaya Respublika... (1989). *People's Republic of China: Legislative Acts. 1984–1988. Translation from Chinese*, Tumanov V.A., Egorov K.A., Gudoshnikov L.M. (eds.). Moscow: Progress, 504 pp. (in Russian).

KNR... (1984). *PRC. Constitution and statutes*. (translation from Chinese), Moscow: Progress, 470 pp. (in Russian).

Kuznetsov V.G. (1980). *Socialist law and order and the legal basis of the state and social life of developed socialism. State, law and order of developed socialism: interuniversity scientific collection*, Saratov: Saratov University Press, pp. 88–94. (in Russian).

Labin D.K. (2005). *International legal support of the world economic order: abstract of the diss... of Doctor of Law*, Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 36 pp. (in Russian).

Law and economics with Chinese characteristics: institutions for promoting development in the twenty-first century (2013). D. Kennedy, J.E. Stiglitz (eds.). Oxford: Oxford University Press Publ., 652 pp.

Lazarev M.I. (1983). *Theoretical issues of modern international maritime law*, Moscow: "Nauka", 302 pp. (in Russian).

Lei Chen, Rhee C.H. van. (2012). *Towards a Chinese civil code: comparative and historical perspective*. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publ., xiii + 562 pp.

Lei Chen. (2007). The New Chinese Property Code: A Giant Step Forward? *Electronic Journal of Comparative Law*, vol. 11, no. 2, pp. 1–24.

Lei Chen. (2010a). The historical development of the Civil Law tradition in China: a private law perspective, *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit. The Legal History Review*, vol. 78, no. 1-2, pp. 159–181. DOI: 10.1163/157181910X487350.

Lei Chen. (2010b). Private Property with Chinese Characteristics: A Critical Analysis of the Chinese Law on Property of 2007. *European Review of Private Law*, vol. 18, no. 5, pp. 983–1004.

Liang Huixing. (2007). Some opinions and suggestions on the draft of real property law. *Front. Law China*, vol. 2, no. 2, pp. 198–223. DOI: 10.1007/s11463-007-0010-4.

Lobingier Ch.S. (1930). The Civil Code of the Republic of China. Book I – General Principles. Translated in to English by Ching-Lia Hsia and James L.E. Chow. 1929. pp. iv + 57. *The American Journal of International Law*, vol. 24, no. 4, pp. 826–828.

Luzyanin S.G. (2021). Russia – Mongolia – China: historical and modern transformations. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremenost'*, vol. 5, pp. 141–152. DOI: 10.31857/S086919080016633-3. (in Russian).

Lyu Tszyun' Pin. (2011). *Codification of civil legislation in the People's Republic of China*. Diss... Candidate in law: 12.00.03, Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 148 pp. (in Russian).

Miao Chungang. (2018). Family Dispute Resolution from the Perspective of Comparative Law. *Asian Social Science*, vol. 14, no. 8, pp. 153–157.

Mo Zhang. Chinese Contract Law: theory and practice, Leiden: Brill Academic Publ., 2006, 372 pp.

Pashchenko E.G. (1994). *Civil law regulation of economic relations and economic arbitration in the PRC during the period of economic system reform*. Diss. ... Doctor in law: 12.00.03, Moscow, 360 pp. (in Russian).

Pashchenko E.G. (1997). *Economic reform in the PRC and Civil Law*. Moscow: Spark, 188 pp. (in Russian).

Philastre P.L.F. (1909). *Code annamite: nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois; de nombreuses annotations extraites des commentaires du Code chinois: en 2 vol.* Paris: Leroux Publ., 792 (vol. 1) + 778 (vol. 2) pp.

Pokotilov D.D. (1895). *Korea and the Sino-Japanese Clash. With a map of Korea*. St. Petersburg: Leshtukovskaya parovaya skoropechatnya P.O. Yablonskogo, viii + 68 pp. (in Russian).

Potter P.B. (1992). *The Economic Contract Law of China: Legitimation and Contract Autonomy in the PRC*. Seattle; London: University of Washington Press Publ., 246 pp.

Rebane I.A. (1966). *Add To Selected Persuasion and coercion in the fight against encroachment on the Soviet legal order*. Scientific Notes of Tartu State University, vol. 182, Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta Publ, 316 pp. (in Russian).

Scelle G. (1948). *Cours de droit international public*. Paris: Domat-Montchrestien Publ., 413 pp.

Sukhanov E.A. (2019). *About the system of civil (private) law. Arbitration and regulation of international commercial turnover: Russian, foreign and cross-border approaches: Liber Amicorum in honor of the 70th anniversary of A.S. Komarov*. Moscow: Statut, pp. 537-545. (in Russian).

Svod... (1985). "Taikhoryo" Code of Laws 702-718, Laws I-XV and XVI-XXX. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka" Publ, 369 (vol. 1) + 267 (vol. 2) pp. (in Russian).

Szpotakowski I. (2020). The New Chinese Civil Code and Its Contribution to Sustainable Development. *Transformacje Prawa Prywatnego*, no. 3, pp. 233-246.

The Civil Code of the Republic of China (1930). Shanghai: Kelly & Walsh Publ., xxviii + 293 pp.

Trofimov Ya.V. (2006). *The concept of guilt and its meaning as one of the conditions of civil liability in the legislation of Russia and the People's Republic of China (comparative analysis)*. Diss. ... Candidate in Law: 12.00.03, Volgograd, 170 pp. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2018). *Evolution of the legal system of the People's Republic of China (1949-2018): historical and legal aspect (with a list of the current laws of the PRC)*. Moscow: Izdatel'skiy dom VKN, 184 pp. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2020). *The law of China in the works of Russian science (with a list of the current laws of the PRC)*. Moscow: Izdatel'skiy dom VKN, 96 pp. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2021a). Codification of Chinese Civil Law. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, vol. 17, no. 2, pp. 56-68. DOI: 10.12737/jflcl.2021.017. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2021b). The First Civil Code of New China: Questions of Theory and Practice. *Problemy Dal'nego*

Vostoka, no. 3, pp. 101-113. DOI: 10.31857/S013128120015298-8. (in Russian).

Troshchinskiy P.V. (2021c). The First Civil Code of New China: Questions of Theory and Practice. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4, pp. 123-133. DOI: 10.31857/S013128120016099-9. (in Russian).

Tszouyan'shu... (2013). *Zouyanshu (Collection of judicial requests): paleographic documents of ancient China*. Moscow: Vostochnaya literature, 215 pp. (in Russian).

Tu Guangjian. (2016). *Private international law in China*. Singapore: Springer Publ., xi + 192 pp.

Ugolovnye... (1999). *Tang penal regulations with clarifications ("Tang lu shu yi")*. Juan 1-8 (translation from Chinese). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 384 pp. (in Russian).

Vasilenko V.A. (1988). *Fundamentals of the theory of international law*. Kiev: Golovnoe izdatel'stvo izdatel'skogo ob'edineniya «Vishcha shkola», 288 pp. (in Russian).

Wang Kui-Hua, Mendelson D. (1996). An overview of liability and compensation for personal injury in China under the general principles of civil law. *Torts law journal*, vol. 4, no. 2, pp. 1-36.

Wigmore J.H. (1928). *A Panorama of the World's Legal Systems*. Saint Paul: West Publishing Company, 1206 p. (vol. I-III).

Yi Jiming. (2015). A Historical Perspective on the Unification of Private Law and the Future of the Civil Code. *Social Sciences in China*, vol. 36, no. 3, pp. 73-88. DOI: 10.1080/02529203.2015.1029669.

Yu Danling. (2019). *Chinese Business Law*. Singapore: Springer-Verlag Publ., xii + 282 pp.

Yumashev Yu.M. (1989). *International legal forms of foreign economic relations of the EEC*. Moscow: Nauka, 256 pp. (in Russian).

Zhai Tiantian, Chang Yen-Chiang. (2019). The Contribution of China's Civil Law to Sustainable Development: Progress and Prospects. *Sustainability*, vol. 11, no. 1, pp. 1–19. DOI: 10.3390/su11010294.

Zhang Lihong. (2009). The latest developments in the codification of Chinese Civil Law. *Revista Chilena de Derecho*, vol. 36, no. 3, pp. 467–503. DOI: 10.4067/S0718-34372009000300002.

Zhang Xiaoyang. (2013). *Chinese civil law for business*. Hong Kong: Open University of Hong Kong Press Publ., 333 pp.

Zhang Xinbao. (2018a). *Legislation of Tort Liability Law in China*. Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd. Publ., xxvi + 538 pp. DOI: 10.1007/978-981-10-6961-1.

Zhang Xinbao. (2018b). *On Several Technical Problems Concerning Enactment of Civil Code*. Legislation of Tort Liability

Law in China. Singapore: Springer Publ., pp. 149–157. DOI: 10.1007/978-981-10-6961-1_4.

Zhu Wang. (2020). *On the Constitutionality of Compiling a Civil Code of China. A Process Map for Legislation Born out of Pragmatism*. Singapore: Springer Publ., xxv + 340 pp. DOI: 10.1007/978-981-13-7900-0.

Zwierzchowski J. (2020). *Normatywny wyraz tzw. zielonej zasady w Kodeksie cywilnym Chińskiej Republiki Ludowej z 2020 r. i jej znaczenie dla prawa prywatnego* (Normative expression of Green Principle under People's Republic of China 2020 Civil Code and its significance for private law). Praca magisterska, Katowice: Wydział Prawa i Administracji w Katowicach, Uniwersytet Śląski, 48 s.

Yerbakhaev E.A. (2020). Introductory remarks to the Civil Code of the People's Republic of China. *Eurasia: Statum et Legem*, no. 13, pp. 35–37. (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.15

Океания во внешней политике Китая

Илья Сергеевич ВИНОГРАДОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация
E-mail: vinbel19@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5572-3471

ЦИТИРОВАНИЕ: Виноградов И.С. (2022). Океания во внешней политике Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 15. № 2. С. 282–296.
DOI: 10.31249/kgt/2022.02.15

Статья поступила в редакцию 21.01.2022.
Исправленный текст представлен 02.04.2022.

АННОТАЦИЯ. В контексте усиливающегося американо-китайского глобального соперничества, в частности в Индо-Тихоокеанском регионе, исследование экономической и политической активности КНР в Океании (среди развивающихся государств Тихоокеанского региона) представляется весьма актуальной задачей. Активно развивая торгово-экономические связи, предоставляя льготные кредиты, вовлекая в свою глобальную инициативу «Пояс и путь», Китай приобретает рычаги для укрепления политического влияния. Так, постепенно всё больше стран Океании разрывают официальные отношения с Тайванем в угоду КНР и поддерживают ее по актуальным международным вопросам. Страны Океании нуждаются в финансовой помощи для модернизации экономики, развития инфраструктуры, реализации социальных программ. В отличие от стран Запада финансовая помощь КНР более доступна и не сопряжена со сложными процедурами одобрения и отчетностью, что делает Китай привлекательным источником денежных поступлений. С этим также

связан и рост долга ряда государств Тихоокеанского региона перед КНР, который в некоторых случаях носит весьма критический характер. Китайская экспансия достаточно очевидна и уже вызывает опасения и критику со стороны традиционных патронов Океании: Австралии, США, Франции. Для сохранения политического контроля над регионом последние вынуждены отвечать на вызов со стороны Китая посредством реализации новых совместных экономических и гуманитарных программ, военной поддержки, критики китайских инициатив в регионе, на которые рассчитывают местные элиты. Борьба за влияние в Океании приобретает для КНР стратегическое значение, и у Пекина есть шансы стать главным игроком в этом регионе, в том числе конвертировать экономическое влияние в военное присутствие.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Океания, Индо-Тихоокеанский регион, финансовая помощь, кредиты, стратегическое соперничество.

Океания – географический регион, который представляет собой большое скопление островов в Центральной и Юго-Западной части Тихого океана. Территориально Океания делится на Полинезию (Самоа, острова Кука, Ниуэ, Тонга, Тувалу, Французская Полинезия, Кирибати и др.), Микронезию (Маршалловы Острова, Кирибати, Палау, Науру, Гуам) и Меланезию (Папуа – Новая Гвинея, Соломоновы Острова, Новая Каледония, Вануату, Фиджи).

С политической точки зрения к Океании относятся 12 независимых государств и еще более десятка зависимых от других государств территорий. Страны Океании достаточно малочисленны (все государства имеют население менее 1 млн чел.; исключение составляет Папуа – Новая Гвинея с населением 7,4 млн чел.¹), и расположены на островах, часто очень разбросанных и удаленных друг от друга, как, например, Кирибати, которое находится сразу в двух парах полушарий Земли (Северном и Южном, Западном и Восточном), что обуславливает развитие инфраструктуры и транспортной связи как главных приоритетов. По классификации ООН, страны Океании относятся к Малым островным развивающимся государствам (МОРАГ), основной специализацией которых является экспорт сырья и туризм. У семи из 12 независимых государств Океании ВВП (ППС) на душу населения – менее 5,5 тыс. долл., самое обеспеченное государство – Палау с ВВП (ППС) на человека 16 тыс. долл.² Развитие инфраструктуры, туризма, экспорта сырья

в странах Океании сильно зависят от внешней экономической помощи. Океания – довольно молодой регион, многие государства получили независимость во второй половине XX в.: Соломоновы Острова, Фиджи, Кирибати, Вануату, Тувалу, Тонга – от Великобритании; Вануату – также от Франции; Палау, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы Острова – от США; Папуа-Новая Гвинея, Науру – от Австралии; Самоа – от Новой Зеландии. Однако бывшие французские колонии – Французская Полинезия, Уоллис и Футуна, Новая Каледония – по-прежнему сохраняют зависимое положение от бывшей метрополии и являются заморскими территориями Франции с расширенными правами (в отличие от департаментов) и не являются частью ЕС.

В последние два десятилетия по мере колоссального экономического роста и возрастания геополитических амбиций наблюдается заметное усиление влияния КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. Океания при этом остается одним из последних очагов дипломатической борьбы между Пекином и Тайбэем. Тайвань придает большое значение отношениям с государствами Тихого океана для легитимации международного признания, КНР же нуждается в лояльных себе странах развивающегося мира для поддержки на международной арене, например, при голосовании в ООН. До недавнего времени подковёрная игра Пекина и Тайбэя с руководствами стран Океании сопровождалась различными скандалами. Так,

1 Papua New Guinea // CIA-The World Factbook. – 2022. – January 6. – URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/papua-new-guinea/> (дата обращения: 19.01.2022).

2 Report for Selected Countries and Subjects: October 2021 // International Monetary Fund. – 2021. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/weo-report?c=513,514,516,522,924,819,534,536,826,544,548,556,867,868,948,518,836,558,565,853,566,862,813,524,578,537,866,869,846,582,&s=PPPPC,&sy=2021&ey=2021&ssm=0&scs=1&ssc=0&ssd=1&ssc=0&sort=country&ds=.&br=1> (дата обращения: 19.01.2022).

например, в 2004 г. президент Вануату покинул свой пост после скандала с взятками Тайбэя. А после регионального саммита в Палау в 2006 г. с участием Тайваня и 6 государствами Океании, его признающими, на Соломоновых Островах произошли беспорядки, протайваньский премьер ушел в отставку и Хониара взяла курс на сближение с Пекином. В сентябре 2019 г. Пекин одержал крупную победу на дипломатическом фронте, установив отношения с Кирибати и Соломоновыми Островами, после чего они получили крупный пакет экономической помощи от КНР. В настоящее время официальные отношения с Тайванем имеют 4 государства Океании: Палау, Науру, Тувалу и Маршалловы Острова, – что, однако, последним не мешает активно развивать торгово-экономические отношения с КНР. Официальные отношения с Пекином в настоящее время имеют 8 независимых государств Океании: Вануату, Папуа – Новая Гвинея, Соломоновы Острова, Фиджи, Кирибати, Самоа, Тонга, Федеративные Штаты Микронезии. Кроме того, острова Кука и Ниуэ, которые находятся в полунезависимом положении от Новой Зеландии, также имеют дипломатические отношения с КНР.

Китай активно развивает торгово-экономические отношения с Океанией. Если в 2010 г. товарооборот КНР с государствами Океании составлял 4,1 млрд долл.³, то в 2020 г. – уже 8,9 млрд долл.⁴ Главными торговыми партнерами КНР в регионе являются Маршалловы

Острова (товарооборот 3,3 млрд долл.) и Папуа – Новая Гвинея (3,2 млрд долл.), на которые приходится почти три четверти всей торговли Китая с регионом. Кроме того, в торговле Китая с государствами Океании имеет место некоторый дисбаланс: экспорт Китая составляет 5,1 млрд долл., импорт – 3,8 млрд долл. Китай поставляет в регион продукцию машиностроения, суда, очищенную нефть, продукцию металлургии, продовольствие. Страны Океании экспортируют в Китай древесину, полезные ископаемые, рыбу. Например, основными статьями экспорта Папуа – Новой Гвинеи в Китай являются газ, древесина, никель, медь. Новая Каледония поставляет в Китай ферросплавы и никель, Соломоновы Острова – древесину и алюминий.

Китай уже является главным торговым партнером Соломоновых Островов, Вануату, Новой Каледонии, вторым торговым партнером Папуа – Новой Гвинеи (после Австралии), Маршалловых Островов, Кирибати⁵.

Даже государства, имеющие официальные отношения с Тайванем, заинтересованы в развитии экономических связей с КНР. Так, например, для Палау Китай – главный партнер по туризму. Только с 2014 по 2015 г. был отмечен двукратный рост количества китайских туристов, посетивших Палау [Гулевич, 2018]. Маршалловы Острова в большом количестве закупают у КНР катера, которые затем также реэкспортируют другим странам региона.

3 China Statistical Yearbook 2011 // National Bureau of Statistics of China. – 2011. – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2011/indexeh.htm> (дата обращения: 19.01.2022).

4 Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2020 // General Administration of Customs of People's Republic of China. – 2021. – January 18. – URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/81bd4a20-01a8-45be-bcbc-f0627fd206da.html> (дата обращения: 19.01.2022).

5 China Exports, Imports and trade partners // Observatory of Economic Complexity. – 2021. – URL: <https://oec.world/en/profile/country/chn> (дата обращения: 19.01.2022).

Китай имеет большой опыт работы с развивающимися странами по всему миру и использует привычный набор инструментов для экономической экспансии. Океания здесь не является исключением.

Помимо двухсторонних контактов, взаимодействие между развивающимися странами Тихоокеанского региона и Китаем происходит также и в рамках международных региональных площадок. Еще в 1990 г. Китай стал партнером по диалогу при Форуме тихоокеанских островов. А в 2006 г. состоялся первый Форум по экономическому развитию и сотрудничеству между Китаем и тихоокеанскими островными государствами, организованный при поддержке министерств иностранных дел и торговли КНР и Фиджи⁷. Подобные удобные для Пекина площадки по диалогу с развивающимися странами Китай создает и в других регионах (например, форумы со странами Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна, Восточной Европы). Пекин при этом подчеркивает историческую общность с развивающимся миром, декларирует концепцию о «единой судьбе» с различными регионами мира и традиционную идею сотрудничества по оси Юг – Юг.

Пекин в отличие от стран Запада ведет прагматичную политику в отношении развивающихся стран и закрывает глаза на нарушение прав человека, ставя в приоритет экономические и политические интересы. Например, после военного переворота на Фиджи, который осудили США, Австралия, Новая Зеландия, назвав его прямой угрозой демократии и региональной стабиль-

ности и наложив санкции на членов хунты, Китай лишь активизировал отношения с этим государством, а премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао посетил Фиджи. В период с 2006 по 2016 г. Китай выделил Фиджи 360 млн долл. [Szadziewski, 2021, p. 294].

Китай является крупным кредитором и источником финансовой помощи для стран Океании. Еще мировой финансовый кризис 2008 г. вследствие снижения потока спонсорских дотаций заставил государства региона самих обратиться к финансовой помощи Китая, который успешно преодолел кризис в отличие от других региональных игроков.

США и ряд подконтрольных им международных организаций даже в части предоставления экономической помощи предъявляют требования развивающимся странам по либерализации экономики, демократизации политических институтов, что не всегда соотносится с политикой местных властей. Австралия выделяет государствам Океании помощь в виде грантов с отчетом об исполнении финансируемых проектов. Кроме того, в начале 2000-х годов многие страны региона были внесены Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег ОЭСР в список государств, «отказывающихся идти на сотрудничество» в связи с распространением незаконных финансовых практик» [Степанов, 2020, с. 66].

Китай, в свою очередь, предоставляет льготные кредиты с низкой ставкой (2–3%) и периодом погашения в течение 15–20 лет. Такая кредитная политика Китая весьма привлекатель-

7 Форум сотрудничества в области экономического развития между Китаем и островными странами Тихоокеанского региона состоится в ближайшее время = 中国—太平洋岛国经济发展合作论坛”即将召开// Сайт правительства КНР = 中央政府门户网站. – 2006. – 27 марта. – URL: http://www.gov.cn/jrzq/2006-03/27/content_237643.htm (дата обращения: 19.01.2022).

на для местных правительств, чем от- лично пользуется Китай, например, та- кие получатели китайской финансовой помощи как Папуа – Новая Гвинея и Вануату оказывают дипломатическую поддержку КНР по щепетильному для Китая вопросу территориальных спо- ров в Южно-Китайском море. Одна- ко у этого есть и другая сторона. По- лучая крупные кредиты под различ- ные инфраструктурные и социальные проекты, развивающиеся страны зача- стую попадают в ловушку зависимости от Китая, что дает ему дополнительные рычаги влияния. В данном случае не кажутся обосновательными опасения традиционных патронов региона – Ав- стралии и США – относительно оказа- ния давления со стороны Китая на ти- хоокеанские страны, чтобы конверти- ровать кредиты в акционерный капи- тал в инфраструктуре (в том числе для военного предназначения). Так, напри- мер, в 2018 г. на китайский кредит в Ва- нуату был построен причал стоимо- стью 90 млн долл.⁸, денег от эксплуата- ции которого не хватает, чтобы распла- титься по долгу; таким образом, Вануа- ту оказалось должно Китаю. Опасаясь неуклонно растущего экономическо- го влияния в регионе и его возможной конвертации в военно-политическое доминирование, страны Запада усили- вают информационное давление на Ки- тай. Так, в связи с неуплаченным дол- гом Вануату западные СМИ стали го- ворить о превращении причала для гражданских судов в военную пристань и о переговорах Китая с Вануату по раз-

мещению военно-морской базы. Одна- ко руководство Вануату и КНР пока отрицают подобные планы⁹. Приве- дем еще один пример информационно- го давления на Китай. В декабре 2021 г. посол США на Соломоновых Остро- вах предостерег тихоокеанские страны от китайской помощи, которая прино- сит пользу только КНР. А после появле- нии информации об отправке Пекином на Соломоновы Острова полицейских консультантов и партии оборудования для обучения и помощи местной по- лиции, *Wall Street Journal* опубликовал статью, в которой утверждалось, что, поскольку Пекин стремится вытеснить США с поста доминирующей державы в Тихом океане, он «устанавливает не- большое полицейское присутствие на Соломоновых Островах, которое мо- жет легко наращиваться»¹⁰. При этом стоит отметить, что после разрыва ди- пломатических отношений с Тайбэем и установления Хониарой официаль- ных отношений с Пекином в 2019 г. на Соломоновых Островах имели место крупные антиправительственные вы- ступления и беспорядки. Пекин пари- рует подобные информационные ата- ки: так, китайский посол Ли Мин опро- верг нападки со стороны западных стран, подчеркнув, что помощь Китая основана на равенстве и уважении, и все проекты помощи Китая на Соло- моновых Островах реализуются после всесторонних консультаций с местным правительством. Посол также указал на социально-экономическую пользу от сотрудничества стран Тихоокеанско-

8 Baseless rumours: why talk of a Chinese military installation in Vanuatu misses the point // The Guardian. – 2018. – April 11. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/11/baseless-rumours-why-talk-of-a-chinese-military-installation-in-vanuatu-misses-the-point> (дата обращения: 19.01.2022).

9 Премьер Вануату опроверг сообщения о планах создания Китаем военной базы на своих островах // ТАСС. – 2018. – 19 апреля. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5139915> (дата обращения: 19.01.2022).

10 Chinese Ambassador refutes West attacks on China's aid to Solomon Islands with five guiding principles // Global Times. – 2022. – January 4. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202201/1245104.shtml> (дата обращения: 19.01.2022).

го региона с Пекином. Он отметил, что Китай помог реализовать более 100 инфраструктурных проектов в регионе, включая международные конференц-центры, порты, дороги, школы и больницы. Среди них – скоростная автомагистраль до аэропорта и шестиполосный бульвар Независимости в Папуа – Новой Гвинее, спортивный стадион в Вануату, центр сельскохозяйственных технологий в Самоа и технологии *Jupcao* (разновидность гриба) на Фиджи. Посол Ли также отметил, что Китай спонсировал более 1 300 молодых студентов, предоставил 4 000 вакантных мест для профессионально-технического обучения для граждан развивающихся государств Тихого океана¹¹.

На втором Форуме по экономическому развитию и сотрудничеству между Китаем и тихоокеанскими островными государствами в 2013 г. КНР обязалась выделить 2 млрд долл. США на коммерческие и льготные кредиты (Министерство торговли Китайской Народной Республики, 2013). [Szadziwski, 2021, р. 294]. Предоставляя кредиты, Китай вовлекает страны Океании в свой проект «Пояс и путь», отдача которого пока не достаточна очевидна; кроме того, Океания находится в отдалении от маршрута Морского Шёлкового пути, тем не менее многие страны региона уже подписали с Китаем меморандумы по взаимодействию в рамках инициативы «Пояс и путь» и стали членами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Согласно исследованиям международного исследовательского центра *AidData* при колледже *William and Mary*

(США), реализация китайской инициативы «Один пояс – один путь» увеличила суверенный, или же «скрытый» (если заемщики не являлись напрямую правительственными институтами, т.е. это могли быть государственные компании, государственные банки, совместные предприятия или частный сектор), долг многих развивающихся стран перед Пекином, и страны Океании здесь не исключение. Так, согласно этому исследованию государственный долг Самоа перед Пекином составляет 30% от ВВП страны, Вануату – 23%, Тонга – 15%. А скрытый долг того же королевства Тонга – 21% от ВВП страны, Папуа – Новой Гвинее – 11%¹². Стоит отметить, что скрытые долги не менее опасны для бедных развивающихся государств, так как китайские банки требуют государственных гарантий в случае предоставления кредитов исполнителям проектов или частным компаниям, и если проект не окупается или заемщик становится банкротом, заем становится государственным.

Наибольший интерес для Пекина представляет самое крупное и богатое полезными ископаемыми государство региона Папуа – Новая Гвинея. Страна является главным получателем китайской финансовой помощи в регионе: только в период 2006–2016 гг. эта она получила 632 млн долл. от Китая [Szadziwski, 2021, р. 294]. Китайские компании еще в 2005 г. получили право на разведку и добычу золота, меди, хромитов, магния и других полезных ископаемых в этой стране [Wesley-Smith, 2013, р. 363]. В 2009 г. *Sinopec* подписала 20-летний контракт

11 Ibid.

12 Desai D. China owed US\$385B in loans from 165 countries, including 'hidden debt' from poor nations: report // National Post. – 2021. – September 30. – URL: <https://nationalpost.com/news/world/china-owed-385b-in-loans-from-165-countries-including-hidden-debt-from-poor-nations-report> (дата обращения: 19.01.2022).

на приобретение ежегодно 2 млн тонн сжиженного газа из Папуа – Новой Гвинеи с месторождения, которое разрабатывает *ExxonMobile*¹³. Также трехлетний контракт на закупку СПГ в 2018 г. подписала *PetroChina*¹⁴. *Metallurgical Corp. of China Ltd.* и еще несколько китайских металлургических компаний владеют заводом в Маданге по производству никеля и кобальта, на котором уже имелись инциденты по сливу отходов и загрязнению окружающей среды, что дало очередной повод для информационных атак со стороны западных СМИ¹⁵.

Во время пандемии COVID-19 Китай активизировал «вакцинную дипломатию» в регионе. В частности, в феврале 2021 г. министр иностранных дел КНР Ван И декларировал: «Китай и Папуа – Новая Гвинея всегда поддерживали друг друга в вопросах, касающихся фундаментальных интересов. Китай принял решение предоставить Папуа – Новой Гвинее партию вакцин, чтобы помочь стране полностью преодолеть пандемию COVID-19»¹⁶. Однако Австралия также осуществляет свою программу по противодействию пандемии в регионе и поставляет в Папуа – Новую Гвинею вакцину *AstraZeneca*. Дело даже дошло до того, что китайские государ-

ственные СМИ стали обвинять австралийских консультантов в Папуа – Новой Гвинее в препятствовании по развертыванию вакцин от COVID-19, доставленных из Китая. Ранее Китай уже отправлял на Соломоновы Острова 50 тыс. доз вакцины *Sinopharm*¹⁷. Папуа – Новая Гвинея находится в непосредственной близости от Австралии, их отделяет лишь Торресов пролив, поэтому Австралия довольно болезненно воспринимает любые экономические инициативы Китая в этой стране, которая входит в сферу ее влияния и безопасности. Так, руководство Австралии с озабоченностью восприняло многомиллиардный проект китайской компании по строительству нового города на острове Дару в Папуа – Новой Гвинее, который находится на морской границе с Австралией. Согласно плану город будет включать в себя промышленную зону, морской порт, деловую и коммерческую зону, а также курортную и жилую зону на площади более 100 кв. км¹⁸. В целом Австралия (при том что Китай по-прежнему остается для нее главным торговым партнером), преследуя свои геостратегические интересы, старается перехватить инициативу по экономической опеке над регионом у Китая.

13 Sinopec подписала контракт с ExxonMobile на поставки газа // Коммерсантъ. – 2009. – 4 декабря. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1723647> (дата обращения: 19.01.2022).

14 PetroChina будет покупать по 0,5 млн тонн СПГ в год в Папуа-Новой Гвинее // Нефть и капитал. – 2018. – 25 июля. – URL: <https://oilcapital.ru/news/abroad/25-07-2018/petrochina-budet-pokupat-po-0-5-mln-tonn-spg-v-god-v-papua-novoy-gvinee> (дата обращения: 19.01.2022).

15 Decena K. Report: Metallurgical Corp. of China's Ramu nickel plant spills waste // S&P Market Intelligence. – 2019. – August 28. – URL: https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/trending/G_zOLOWuZP7yfcH8P-RKsA2 (дата обращения: 19.01.2022).

16 La Chine va fournir à la Papouasie-Nouvelle-Guinée un lot de vaccins (MAE) // XinhuaNet. – 2021. – Février 5. – URL: http://french.xinhuanet.com/2021-02/05/c_139724202.htm (дата обращения: 19.01.2022).

17 Mercer P. China Accuses Australia of Meddling in Papua New Guinea Vaccination Efforts // Voice of America. – 2021. – July 8. – URL: https://www.voanews.com/a/covid-19-pandemic_china-accuses-australia-meddling-papua-new-guinea-vaccination-efforts/6207979.html (дата обращения: 19.01.2022).

18 Chinese company's multi-billion-dollar plan to build a city on Papua New Guinean island near Australian border // ABC News (Australian Broadcasting Corporation). – 2021. – February 4. – URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-02-05/chinese-company-plans-to-build-city-on-png-island-near-australia/13123698> (дата обращения: 19.01.2022).

Усиление влияния Китая и, как следствие, постепенные перемены в геополитическом ландшафте вынуждают Австралию, а также Новую Зеландию предпринимать усилия и создавать новые механизмы для сохранения экономического влияния в регионе. Так, в 2016 г. Австралия запустила программу *Step-up*, в основе которой лежит рекордная помощь развитию Тихоокеанского региона в размере 1,4 млрд долл. в 2019–2020 гг., сопровождаемая механизмом финансирования инфраструктуры стран Океании в размере 2 млрд долл., схема по улучшению мобильности рабочей силы Тихоокеанского региона, развитие кабельной системы Кораллового моря (при этом *Huawei* из данного проекта вытеснена), которая обеспечит высокую инфраструктуру скоростной связи с Папуа – Новой Гвинеей и Соломоновыми Островами¹⁹. Аналогичную программу *Pacific Reset* в 2018 г. запустила Новая Зеландия, предполагающую укрепление механизмов дипломатических контактов со странами региона, партнерства с новозеландскими неправительственными организациями, расширение программы сезонного найма иностранных рабочих, а также крупные инвестиции и финансовую помощь²⁰. В свете последних событий Австралия также активно помогает странам Океании в борьбе с пандемией COVID-19: так, например, Канберра выделила 152 млн долл. на закупку вакцин для помощи государствам Тихоокеанского

региона²¹. Стоит отметить, что Австралия является главным донором финансовой помощи для Океании за период 2010–2020 гг.: по данным института Лоуи, она оценивалась в 8,77 млрд долл., новозеландская – в 1,79 млрд долл., помощь КНР – в 1,76 млрд долл. [Гарин, 2020]. Хотя Китай отстает от Австралии, он находится в числе основных поставщиков капитала в регион.

Кроме того, Австралия и Новая Зеландия как ключевые союзники США играют важную роль в сохранении Вашингтонского экономического контроля над регионом. Еще со времен Второй мировой войны США сохраняют политическое и военное лидерство в Тихом океане.

Для США Тихоокеанский регион важен с военно-стратегической точки зрения – для обеспечения свободного прохождения военных судов и пролета самолетов. После Второй мировой войны США оставались одним из главных патронов Океании и в целом контролировали политическую ситуацию. США располагают на острове Гуам в Микронезии военными базами ВВС и ВМФ. Гуам, как и Американское Самоа, является территорией Соединенных Штатов, Вашингтон имеет также соглашения о свободной ассоциации с Федеративными Штатами Микронезии, Маршалловыми Островами и Палау [Степанов, 2020, с. 64]. Для обеспечения благоприятной обстановки США необходимо поддерживать дипломатические отношения со всеми странами

19 Wall J. The importance of Australia's Pacific step-up in the post-virus environment // The Strategist. – 2020. – April 24. – URL: <https://www.aspistrategist.org.au/the-importance-of-australia-pacific-step-up-in-the-post-virus-environment/> (дата обращения: 19.01.2022).

20 Case Study: The Pacific Reset – A Year On // New Zealand Foreign Affairs and Trade. – 2018. – URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/about-us/mfat-annual-reports/mfat-annual-report-2018-19/case-study-the-pacific-reset-a-year-on/> (дата обращения: 19.01.2022).

21 How Australia will help its neighbours to vaccinate people against coronavirus // SBS News. – 2021. – February 16. – URL: <https://www.sbs.com.au/news/how-australia-will-help-its-neighbours-to-vaccinate-people-against-coronavirus/b701a095-c6fc-4702-9408-f8e3037d7805> (дата обращения: 19.01.2022).

региона и оказывать материальную и военно-техническую поддержку государствам Океании. Отчасти Вашингтон это делает своими силами: например, страны южной части Океании (Папуа – Новая Гвинея, Фиджи, Тонга и Самоа) получают ежегодно от США 750 тыс. долл. на проведение военных учений и подготовку личного состава вооруженных сил и полиции; также Вашингтон со странами Океании проводит совместные учения в рамках программы «Инициатива по обеспечению безопасности на море в Океании». Однако в последнее время США отводят региону второстепенное значение. Это можно наблюдать на примере Маршалловых Островов, где США явно не торопятся откликаться на требования по компенсации от ядерных испытаний, тем самым теряя кредит доверия этого небогатого государства. Министерство иностранных дел КНР в связи с этим заявляло, что США должны полностью исполнить свои обязательства по восстановлению урона окружающей среде в этом регионе. Как подчеркивали китайские дипломаты, Пекин стремится сотрудничать с Маршалловыми Островами и другими государствами на основе взаимного уважения и принципа «одного Китая»²².

В целом стоит отметить, что Индо-Тихоокеанский макрорегион становится ключевой точкой экономического и военно-стратегического соперничества Китая и США. Китай в последние десятилетия серьезно наращивает экономическую экспансию в развивающемся мире в целом и, в особенности, в Азии. Так, например, в 2020 г. АСЕАН уже стала главным торговым парт-

нером КНР, опережая ЕС и США. Соединенные Штаты Америки постепенно утрачивают роль доминирующей экономической державы в регионе, однако по-прежнему сохраняют лидирующие военно-стратегические позиции, располагая целой цепочкой крупных военных объектов в Индийском и Тихом океанах. Вызовом для Китая является построение США аналога «Азиатского НАТО» посредством создания оборонного альянса *AUKUS* с Великобританией и Австралией и реанимации четырехстороннего диалога по безопасности *Quad* с Японией, Австралией и Индией. В контексте образования *AUKUS* и тенденций к милитаризации региона весьма противоречива реакция самих стран южной части Тихого океана. Полную поддержку *AUKUS* выразили лишь Федеративные Штаты Микронезии; президент Пануэло отметил, что новая организация сделает весь Индо-Тихоокеанский регион лишь безопаснее. Куда более сдержанную позицию выразил премьер-министр Папуа – Новой Гвинеи Джеймс Марапе, отметив, что Океания – очень мирная часть планеты и организация подобных военных альянсов вносит лишь дисгармонию и проблемы для региона. Премьер-министр Фиджи Фрэнк Байнимарама, не комментируя прямо создание *AUKUS* на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, заметил, что если тратятся огромные деньги на милитаризацию, то таким же образом можно тратить их и на борьбу с изменением климата. Премьер-министр Соломоновых Островов Манессэ Согава-ре аналогичным образом заявил: «Мы

22 AP: в США опасаются потери своего влияния в Микронезии и усиления там Китая // ТАСС. – 2021. – 26 ноября. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13035859> (дата обращения: 19.01.2022).

не поддерживаем никакие формы милитаризации в нашем регионе, которые могут угрожать региональному и международному миру и стабильности». Лидер оппозиции Вануату Ральф Регенвану также выразил разочарование и опасения за будущее Тихого океана²³. Таким образом, можно судить, что среди государств Океании в целом нет поддержки инициативы *AUKUS*, что косвенно свидетельствует о нежелании становиться в лагерь стран по сдерживанию Китая, и если к Австралии многие страны региона испытывают доверие, то к США и Британии (которые играют главную роль в *AUKUS*) отношение куда более настороженное. Кроме того, государства южной части Тихого океана часто подчеркивают, что главной угрозой на современном этапе для них является изменение климата, а милитаризация региона совсем не принесет им пользы, особенно учитывая то, что в недавнем прошлом жители Кирибати, Маршалловых Островов, Французской Полинезии испытывали на себе последствия ядерных испытаний.

Япония как неотъемлемая часть Индо-Тихоокеанского региона также играет важную роль в экономике и региональных процессах, при этом она (наряду с Австралией) является ключевым союзником США на Тихом океане и вписана в их Индо-Тихоокеанскую стратегию, о чем свидетельствует участие Японии в «четверке» *Quad*. Япония проводит достаточно активную дипломатию, укрепляя авторитет в региональных организациях, оказывая финансовую поддержку государствам Океании, тем самым снижая имевшие

место после Второй мировой войны антияпонские настроения. Углубляется сотрудничество с регионом в рамках саммита «Япония – страны ЮТФ» (ныне Форум тихоокеанских островов). В 2015 г. на саммите была принята совместная декларация «Создание процветающего будущего вместе» [Пузыня, 2018, с. 44]. Япония осуществляет в регионе инфраструктурные проекты (строительство моста Дружбы в Палау, шоссе в Кирибати, электростанция в Папуа – Новой Гвинее и др.), развивает сотрудничество в области предупреждения климатических рисков, оказывает поддержку в области здравоохранения (строительство больницы Гизо на Соломоновых островах, отправка медицинских судов, помощь в борьбе с пандемией), также стабильно развиваются программы по повышению рабочей квалификации и обучения [Japan's Support..., n/y].

Товарооборот между Японией и государствами южной части Тихого океана в 2021 г. составил более 5 млрд долл.²⁴, по этому показателю Китай заметно опережает Японию. Экономическое присутствие Японии в регионе весьма значительно, но уже меньше, чем присутствие Китая. Это связано с тем, что за последние 20 лет Китай резко нарастил торгово-экономическое и финансовое сотрудничество с Океанией. По оценкам института Лоуи, только в 2011–2018 гг. Китай взял на себя официальные кредитные обязательства на общую сумму 6 млрд долл. (около 21% регионального ВВП). На долю Китая приходилось 37% всех официальных кредитов, выданных региону

23 AUKUS and Australia's relations in the Pacific // East Asia Forum. – 2021. – November 4. – URL: <https://www.eastasiaforum.org/2021/11/04/aukus-and-australias-relations-in-the-pacific/> (дата обращения: 30.03.2022).

24 Japan Indicators // Trading economics. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/japan/indicators> (дата обращения: 30.03.2022).

в 2011–2017 гг., что незначительно уступает только Азиатскому банку развития. На Японию, в свою очередь, приходится 7% кредитов для стран региона за этот же период [Rajah, Dayant, Pryke, 2019]. По данным МИД Японии, к 2019 г. кредитная помощь региону составила более 1 млрд долл. [Japan's Support..., n/y]. Япония входит в четверку главных «доноров» региона, оказывая также значительную техническую и грантовую помощь государствам Океании.

США пока сдерживают Китай посредством так называемой стратегии островных цепей, сохраняя политический и экономический контроль над тремя цепями островов, закрывающих Китаю выход в Тихий океан, ограничивая для него пространство геополитического маневра Восточно-Китайским и Жёлтым морем. Первая цепь – от Кореи и Японии через Тайвань до Индонезии и Филиппин, где у Китая имеются серьезные территориальные споры в Южно-Китайском море; вторая – от Японии до Марианских островов; третья – от Алеутских островов через Гавайи до Океании [Гулевич, 2018]. И именно Океания является тем самым звеном, где Китай реально может экономически и политически переиграть США и включить в орбиту своего влияния часть Тихоокеанского региона, создав своего рода «дальнюю периферию» или, по крайней мере, поделить сферы влияния.

Франция также пытается реагировать на усиления влияния Китая в Океании и его требования о праве местных народов на самоопределение, в особенности во владениях Франции (Французской Полинезии, Новой Каледонии, Уоллисе и Футуне). Впрочем, давление на Францию в Тихоокеанском регионе оказывают и США. В 2013 г. с подачи Китая Генеральная Ассамблея

ООН приняла резолюцию в поддержку неотъемлемого права народа Французской Полинезии на самоопределение, однако сепаратисты, поддерживаемые Китаем, за несколько дней до принятия резолюции проиграли на местных выборах. Кроме того, следует отметить, что во Французской Полинезии проживает весьма крупная китайская община, что является дополнительным рычагом влияния для Пекина через продвижение этнических китайцев в местные органы власти.

Хотя Франция и остается для своих тихоокеанских территорий главным импортером, Французская Полинезия уже перестраивает экспорт жемчуга и продукции сельского хозяйства на КНР, как и Новая Каледония экспорт никеля. Париж всерьез опасается, что после обретения независимости подконтрольные ему тихоокеанские владения с их богатыми ресурсами перейдут целиком в сферу влияния КНР. К тому же часть местной элиты весьма лояльно относится к Китаю. Отдельно стоит отметить настойчивое желание Пекина участвовать в исследованиях Антарктики, и та же Французская Полинезия может быть выбрана как удобный перевалочный пункт [Балмасов, 2015].

Весьма настороженно французские власти относятся к амбициозным проектам из Поднебесной, сулящей выгоду и рабочие места для местного населения. Так, например, уже 10 лет китайская компания *Tahiti Nui Ocean Foods* осуществляет работу по созданию крупнейшей в регионе аквафермы на атолле Хао (архипелаг Туамоту), однако работы по разным причинам затягиваются, французские власти уже ставят под сомнение надежность инвестора и экологическую безопасность проекта для местной лагуны. Хотя местные власти поддерживают

данный проект и всячески заинтересованы в китайских инвестициях, президент Пятой республики Макрон уже назвал его «плохой идеей»²³.

Франция, несмотря ни на что, пока твердо удерживает свои тихоокеанские территории, что, в частности, ясно показали три референдума по вопросу независимости Новой Каледонии (в 2018, 2020 и 2021 гг.), где сторонники отделения от Франции потерпели поражение²⁴.

Выводы

Анализ активной дипломатии КНР и усиления ее экономического влияния в регионе показывает, что основной целью политики Китая в регионе является обеспечение собственной безопасности в Тихом океане, создание «пояса добрососедства» на дальних рубежах. Китай это реализует посредством кредитной политики, инвестиций, гуманитарных программ, безвозмездной помощи. Кроме того, Пекин в последнее время уделяет внимание и сотрудничеству в области безопасности (как это видно на примере Соломоновых Островов) и поддержанию лояльных себе режимов, немаловажную роль играет и подключение фактора местной китайской диаспоры. Насколько далеко пойдет Пекин в «завоевании» Океании, пока сложно сказать, но очевидно, что он уже формирует лагерь дружественных государств в южной части Тихого

океана. Китайская экспансия в регионе достаточно очевидна и уже вызывает критику и противодействие со стороны традиционных партнеров Океании, главным образом Австралии, США, Франции. Создание США и их союзниками новых военных организаций в Индо-Тихоокеанском макрорегионе и политика сдерживания Китая, очевидно, будут подталкивать КНР к наращиванию военного сотрудничества в регионе.

Кроме того, неотменяемой целью Китая является полное дипломатическое выдавливание Тайваня из региона и обеспечение дополнительной политической лояльности от развивающихся стран, что Пекин пока достаточно успешно реализует. Немаловажную роль в этом играет и концептуальная база китайской внешней политики, опирающаяся на идеи сотрудничества между странами «Юга» и поддержание имиджа защитника интересов развивающегося мира, а подключение к инициативе «Пояс и путь» будет только способствовать взаимовыгодному связыванию экономик ради процветания.

С точки зрения экономических интересов Китай осуществляет цели по завоеванию местных сырьевых рынков, богатых полезными ископаемыми, водными, лесными ресурсами. Очевидно, наталкиваясь на конкуренцию со стороны других региональных игроков, китайский бизнес вынужден решать задачу по закреплению своих активов и расположению к себе местных элит.

23 Grivois D. Emmanuel Macron «flingue» le projet chinois de ferme aquacole à Hao // Actu. – 2021. – Juil 29. – URL: https://actu.fr/polynesie-francaise/hao_98720/emmanuel-macron-flingue-le-projet-chinois-de-ferme-aquacole-a-hao_43814556.html (дата обращения: 19.01.2022).

24 Référendum d'indépendance en Nouvelle-Calédonie: le «non» l'emporte largement // Le Figaro. – 2021. – Décembre 12. – URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/referendum-d-independance-en-nouvelle-caledonie-le-non-l-emporte-largement-20211212> (дата обращения: 19.01.2022).

Список литературы

Балмасов С. Битва за Океанию // Российский совет по международным делам. – 2015. – 18 июня. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-za-okeaniyu/> (дата обращения: 19.01.2022).

Гарин А. Отголоски брекзита в южной части Тихого океана // Международная жизнь. – 2020. – 27 декабря. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28591> (дата обращения: 19.01.2022).

Гулевич В. Китай инвестирует в Океанию // Международная жизнь. – 2018. – 10 февраля. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19307> (дата обращения: 19.01.2022).

Пузыня Н.Н. Полвека японской дипломатии в Океании // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2018. – Т. 23. – С. 39–46. – DOI: 10.26516/2073-3380.2018.23.39.

Степанов А.С. Океания, Австралия и Новая Зеландия в контексте америка-

но-китайского соперничества // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – Т. 50. – № 12. – С. 62–71. – DOI: 10.31857/S268667300012648-2.

Japan's Support for the Pacific Islands Countries // Ministry of foreign affairs of Japan Tokyo. – n/y. – URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100214244.pdf> (дата обращения 30.03.2022).

Rajah R., Dayant A., Pryke J. Ocean of debt? Belt and Road and debt diplomacy in the Pacific // Lowy Institute. – 2019. – October 21. – URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/ocean-debt-belt-and-road-and-debt-diplomacy-pacific> (дата обращения: 30.03.2022).

Szadziewski H. A Search for Coherence: The Belt and Road Initiative in the Pacific Islands // The China Alternative: Changing Regional Order in the Pacific Islands / Ed. by G. Smith, T. Wesley-Smith. – Canberra : ANU Press, 2021. – P. 283–318. – DOI: 10.2307/j.ctv1h45mkn.13.

Wesley-Smith T. China's Rise in Oceania: Issues and Perspectives // Pacific Affairs. – 2013. – Vol. 86, N 2. – P. 351–372. – DOI: 10.5509/2013862351.

DOI: 10.31249/kgt/2022.02.15

Oceania in the Foreign Policy of China

Ilia S. VINOGRADOV

PhD in History, Senior Researcher

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

117218, Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation

E-mail: vinbel19@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5572-3471

CITATION: Vinogradov I.S. (2022). Oceania in the Foreign Policy of China. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 282–296 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.02.15

Received: 21.01.2022.

Revised: 02.04.2022.

ABSTRACT. To study the economic and political activity of PRC in Oceania (among the developing states of the Pacific region) seems to be a very urgent task in connection with the growing global rivalry between the US and China and, in particular, in the Indo-Pacific. By actively developing trade and economic ties, providing preferential loans, and engaging in its global Belt and Road Initiative, China is gaining leverage to strengthen its political influence. Thus, gradually more and more countries in Oceania break off official relations with Taiwan in favor of China and support it on painful international issues. The countries of Oceania need financial assistance to modernize their economies, develop infrastructure, and implement social programs. Unlike Western countries, China's financial assistance is more accessible and does not involve complicated approval procedures and financial reporting, and it makes China an attractive source of cash receipts. This is also associated with the growth of the debt of a number of Pacific states to the PRC, which in some cases is of a very critical nature. Chinese expansion is quite obvious and is already causing concern and criticism from the traditional patrons of Oceania - Australia, the USA, and France. For keeping the political control over the region, the latter are forced to respond to the challenge from China through the implementation of new joint economic and humanitarian programs, military support, and criticism of Chinese initiatives in the region, expected by the local political elites. The battle for influence in Oceania is becoming increasingly important in China's strategy and Beijing has a chance to become a major player in this region, including conversion of economic influence into military presence.

KEYWORDS: China, Oceania, Indo-Pacific, financial assistance, loans, strategic rivalry.

References

Balmasov S. (2015). *Battle for Oceania*. Russian International Affairs Council, June 15, available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bitva-za-okeaniyu/>, accessed 19.01.2022 (in Russian).

Garin A. (2020). *Echoes of Brexit in the South Pacific*. The International

Affairs, December 27, available at: <https://interaffairs.ru/news/show/28591>, accessed 19.01.2022 (in Russian).

Gulevich V. (2018). *China invests in Oceania*. The International Affairs, February 10, available at: <https://interaffairs.ru/news/show/19307>, accessed 19.01.2022 (in Russian).

Japan's Support for the Pacific Islands Countries (n/y). Ministry of foreign affairs of Japan Tokyo, available at: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100214244.pdf>, accessed 30.03.2022.

Puzynya N.N. (2018). Half a century of Japanese diplomacy in Oceania. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, vol. 23, pp. 39–46. DOI: 10.26516/2073-3380.2018.23.39 (in Russian).

Rajah R., Dayant A., Pryke J. (2019). *Ocean of debt? Belt and Road and debt diplomacy in the Pacific*. Lowy Institute, Oc-

tober 21, available at: <https://www.lowyinstitute.org/publications/ocean-debt-belt-and-road-and-debt-diplomacy-pacific>, accessed 30.03.2022.

Stepanov A.S. (2020). Oceania, Australia and New Zealand in the context of the U.S.-China rivalry. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 50, no. 12, pp. 62–71. DOI: 10.31857/S268667300012648-2 (in Russian).

Szadziewski H. (2021). A Search for Coherence: The Belt and Road Initiative in the Pacific Islands. In: Smith G., Wesley-Smith T. (eds.). *The China Alternative: Changing Regional Order in the Pacific Islands*. Canberra: ANU Press, pp. 283–318. DOI: 10.2307/j.ctv1h45mkn.13.

Wesley-Smith T. (2013). China's Rise in Oceania: Issues and Perspectives. *Pacific Affairs*, vol. 86, no. 2, pp. 351–372. DOI: 10.5509/2013862351.

В связи с изменением состава учредителей журнала «Контурсы глобальных трансформаций» изменен префикс DOI. Верными номерами для статей №1 за 2022 г. являются следующие номера:

ЛИБМАН А.М. К методологии исследования мирового развития в долгосрочной перспективе: тень прошлого или роль личности? - 10.31249/kgt/2022.01.01

ГУБИН А.В. Военно-политические аспекты баланса сил в Восточной Азии: роль Японии, Республики Корея и стран АСЕАН - 10.31249/kgt/2022.01.02

СВЕТЛИЧИЧ М. COVID-19: От краткосрочной национальной устойчивости к среднесрочной многосторонней новой норме - 10.31249/kgt/2022.01.03

ЯКОВЛЕВ П.П. Тренды, меняющие экономику стран Латинской Америки - 10.31249/kgt/2022.01.04

МАСЛЕННИКОВ А.О. Аккумуляторные системы хранения энергии как game changer в перестройке мировой электроэнергетики - 10.31249/kgt/2022.01.05

НАУМОВ А.С., ПОТАПОВА А.А., ТОПНИКОВ М.А. Изменение занятости в сельском хозяйстве в странах и регионах мира в конце XX – начале XXI в. - 10.31249/kgt/2022.01.06

ХЕЙФЕЦ Б.А., ЧЕРНОВА В.Ю. Новые подходы развитых стран в обеспечении продовольственной безопасности - 10.31249/kgt/2022.01.07

КОДАНЕВА С.И. Энергетический переход: мировые тренды и их последствия для России - 10.31249/kgt/2022.01.08

ЗИМАКОВ А.В. Демонтаж АЭС в Евросоюзе: проблемы финансирования - 10.31249/kgt/2022.01.09

ЖУКОВ С.В., КОПЫТИН И.А., ПОПАДЬКО А.М. Пределы интеграции новых возобновляемых источников энергии в электроэнергетике стран Евросоюза: экономические аспекты - 10.31249/kgt/2022.01.10

АНУРЕЕВ С.В. Недопущение кризиса государственного долга в США и Еврозоне за счет креативного изменения основных бюджетных показателей и инфляции - 10.31249/kgt/2022.01.11

ДОЛЖЕНКО Р.А. Нормативное регулирование использования блокчейн в системе трудовых отношений - 10.31249/kgt/2022.01.12

КОВАЛЬ А.Г., БЕЛЕНЕЦ Н.Ю. Соглашение ВТО об упрощении процедур торговли: современные вызовы для России - 10.31249/kgt/2022.01.13

КОРГУНЮК Ю.Г., МОРОЗОВА О.С. Организация выборов и уровень демократии: кросс-национальный аспект - 10.31249/kgt/2022.01.14

БОРДОВСКИХ А.Н. Экспроприация XXI в. – новый вызов для исследований политического риска - 10.31249/kgt/2022.01.15

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 15, № 2 – 2022**

Дата регистрации 05.10.2016 г.

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС77-67382

Верстка А.М. Первова

Корректор Л.Н. Марданова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 30.06.2022 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,6 Уч.-изд. л. 21

Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>, https://instagram.com/books_inion

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН

ООО «Амирит»

410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У